

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

1101—1000000

Зал
национальных
антертур

ANATOMICAL
POSSIBILITIES
IN THE BACON

BY
J. H. B. BACON
OF THE
FACULTY OF MEDICINE
OF THE UNIVERSITY OF TORONTO

THE UNIVERSITY OF TORONTO
PRESS
TORONTO, CANADA

УНЧФ

AZƏRBAJÇAN POEZIJASƏ ANTOLOGIJASƏ

✧
V. A. LUGOVSKOJ

СЭМƏD VUROJUNUN
redaksiyasə altında

"BƏDII ƏDƏBİJJAT"
DƏVLƏT NƏŞRİJJATƏ
M O S K V A
1939

С
А-72

АНТОЛОГИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

61/2
440
1948.4.8
40

ПРОВЕРКА

1948

по редакции

В. А. ЛУГОВСКОГО
САМЕД ВУРГУНА

Чтальный
зал

ПРОВЕРКА

1948

Районная библиотека
имени НЕКРАСОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

ПРОВЕРКА
1948
г.

84(5A30)
A 12

АНТОЛОГИЯ
ПОЭМЫ
ПОЭМЫ

015910 ✓

12016

МУК «Централизованная
система муниципальных
библиотек г. Омска»

190520

Зал
национальных
литератур

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Антология азербайджанской поэзии — крупнейший вклад в поэтическую сокровищницу народов Советского Союза. Являясь результатом многолетней и упорной работы ряда азербайджанских и русских поэтов и критиков, Антология свидетельствует о той большой дружбе, которая связывает народы Советского Союза, рука об руку созидаящие великое здание социалистической культуры.

Антология охватывает весь путь развития поэтического искусства в Азербайджане, начиная с первых памятников старины — „Китаб Дедэ-Коркуд“ (XI век) и кончая современной советской поэзией. Впервые переведены на русский язык стихи таких поэтических гениев азербайджанского народа, как Хагани, Физули, Вагиф, Видади, впервые переведены бессмертные эпосы-дастаны „Кёр-Оглы“, „Ашуг Гариб“ и др.

Объединенные горячим желанием познакомить советского читателя с замечательными образцами азербайджанской поэзии, поэты А. Адалис, М. Алигер, П. Антокольский, Н. Асеев, В. Дегжавин, Е. Долматовский,

Л. Кацнельсон, Я. Кейхауз, В. Лебедев, В. Луговской, П. Панченко, П. Симонов стремились отобразить в своих переводах все философское и образное богатство поэзии Азербайджана.

В большой и сложной работе, которую проводили редакторы-составители Антологии В. Луговской и Самед Вургун, принимали самое близкое участие азербайджанские поэты и критики. Вступительная статья, комментарии и биографические справки к Антологии написаны Г. Араслы, М. Арифом и М. Рафили.

В подготовке материалов приняли активное участие: С. Беглярбекова, Али Велиев, Мир Джалал, Мирза Ибрагимов, Михаил Камский, Г. Либерман, Иосиф Оратовский, Мамед Рагим, Расул Рза, Сулейман Рустам, Осман Саривелли, Абдулла Шаик, Азиз Шариф, Ситара Ашурбейли.

Издательство и редакторы-составители приносят этим товарищам горячую благодарность.

1446.
1447
1448

ПОЭЗИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДА

Поэзия азербайджанского народа имеет свою богатую тысячелетнюю историю. На протяжении многих веков в условиях тяжелого феодального и религиозного гнета азербайджанский народ творил свою замечательную поэзию, занимающую определенное и заслуженное место в истории мировой литературы. Поэтическое наследие таких великих мастеров, как Низами, Хагани, Физули и Вагиф, является ярким показателем одаренности азербайджанского народа.

На вопрос о том, существовала ли в Азербайджане литература в первые века нашей эры, ответить довольно трудно. Поэтических памятников, относящихся к этим временам, не сохранилось.

Мы не имеем также почти никаких сведений о языке народа, населявшего Азербайджан в первое тысячелетие нашей эры. Академик В. В. Бартольд говорит о существовании в южном Азербайджане местного наречия „азери“, вероятно, происходившего от мидийского языка. „Азери“, повидимому, был языком литературным и отличался от других языков в Азербайджане. Было высказано мнение, что на этом языке был написан древнейший комментарий к „Авесте“¹.

В Аране, древней Албании (территория нынешней Азербайджанской ССР), в X веке еще говорили на аранском, то есть албанском

¹ В. В. Бартольд, „Мусульманский мир“, Петербург, 1922, стр. 41.

языке, на который было в свое время переведено христианское „священное писание“, но который тем не менее исчез почти бесследно.

Вытеснение албанского языка ново-азербайджанским относится, примерно, к XI веку. Полагают, что к этому же времени относится появление древнейшего памятника азербайджанской литературы — знаменитого цикла героических сказаний „Китаб Дедэ-Коркуд“, являющегося итогом развития азербайджанской устной народной поэзии (запись сказаний относится к началу XVI века).

Крупнейший русский ученый-востоковед, академик В. В. Бартольд утверждает, что едва ли этот эпический цикл „мог сложиться вне обстановки Кавказа“. Отраженные в этих сказаниях исторические события — сохранение ряда циклов и поговорок „Дедэ-Коркуд“ и в современном Азербайджане, богатый, яркий и образный язык с характерными особенностями средневекового языка азербайджанцев — все это опять-таки подтверждает, что „Дедэ-Коркуд“ мог появиться только в местностях, населенных азербайджанскими племенами. Для создания и сохранения этих эпических сказаний „ни в Малой Азии, ни на Балканском полуострове не было благоприятных условий“¹. Характерно и то, что враги огузов (древнее азербайджанское племя), о которых повествует „Китаб Дедэ-Коркуд“, называют их татарами, как до Октябрьской социалистической революции нередко называли азербайджанцев.

Знаменитый путешественник Адам Олеарий в начале XVII века слышал рассказ об Имаме Коркуде, эпическом певце и ашуге, могилу которого показывали путешественнику вблизи Дербента. Имам Коркуд, по словам Олеария, играл на лютне, пел песни царю Кассану и побуждал его к войне с лезгинами, в то время язычниками. Он пал от руки лезгин, которым он проповедовал ислам².

¹ В. В. Бартольд, Турецкий эпос на Кавказе. „Язык и литература“, Ранион, Ленинград, 1930 г., V.

² Существует специальная литература на русском языке, разрабатывающая историю возникновения этого замечательного эпоса и знакомящая нас с его богатым содержанием и личностью легендарного старца Коркуда: В. В. Бартольд, переводы отдельных рассказов под заглавием „Китаб Коркуд“; „Записки Восточного отделения Русского археологического общества“, т. VIII, IX и XII; А. Туманский, „По поводу „Китаби Коркуд“, там же, т. IX; В. В. Бартольд, „Коркуд“, там же; А. Диваев, „Несколько слов о могиле святого Хорхуд-ата“, там же, т. X; его же, „Еще о могиле святого Хорхуд-ата“, там же, т. XIII; В. Бартольд, „Еще известия о Коркуде“, там же, т. XIX; Иностранцев, „Коркуд в истории и легенде“, там же, т. XX; В. Бартольд, „Султан Санджар и Гузы“, там же и т. д.

Выясняется, что „Китаб Дедэ-Коркуд“ до XVII столетия был распространен в Закавказье; следы этих сказаний можно обнаружить и в современной азербайджанской деревне, в частности среди айрумов.

Основные сказания „Китаб Дедэ-Коркуд“ относятся к одной и той же эпохе и, повидимому, сложены несколькими озаами-певцами. Фантастические, мифические мотивы о жизни племени огузов тесно и красочно переплелись с картинами реальной исторической действительности. Герои „Китаб Дедэ-Коркуд“ — отважные богатыри, доблестные воины, суровые витязи, любовно воспетые народными певцами.

В этих сказаниях отражена героика народа, его мудрость, надежды и чаяния. Суровость военных нравов сочетается с благородством и честностью самоотверженных рыцарей. С большим подъемом воспеты в сказаниях военные доблести. Герои „Дедэ-Коркуд“ живут в горных шатрах, на лугах пасутся табуны коней. Великолепны описания полукочевой жизни: летние кочевки, сады, виноградники, патриархальный быт, суровая жизнь воина и земледельца. Все это дано в ярких, реалистических образах, все дышит народностью, простотой, человечностью.

В сказаниях описаны смелые и благородные женщины. Невесты богатырей, идущих в поход, в день своей свадьбы обещают женихам верность навеки. „Пусть зовут меня невестой с несчастной судьбой, но бесстыдной пусть не зовут“. Характерно, что в быту героев „Китаб Дедэ-Коркуд“ нет многоженства: каждый богатырь имеет только одну жену, которая его, „открыв глаза, увидела, отдал сердце, полюбила“.

Сказания повествуют, главным образом, о Баян-дыр-хане и могучем богатыре Казан-беке, или Салор-Казане. Кавказский хребет называется Кызылык. Упоминаются Ганджа, Барда, Дербент, крепости Байбурд, Ахалцых, Алунджах (около Нахичевани). Богатыри гордятся своими аравийскими или кавказскими конями.

В одном из сказаний повествуется о том, как у Дерсе-хана рождается сын, богатырь Бугач.

Сорок нечестных вассалов Дерсе-хана замышляют коварную измену: убить юного богатыря, разлучить отца с сыном. Они прибегают к грязной клевете, обвинив Бугача в надругательстве над „белобородым стариком“ и над старухой. Сорок изменников уговаривают Дерсе-хана убить преступного сына на охоте. Лстывыми речами завлекают изменники Бугача к отцу: „Отец приказал пригнать степных оленей на охоту, — говорят ему. — Он хочет любоваться сыном, смотреть, как на коне он скачет, как мечом владеет, как метко стрелы пускает, — любоваться на радость и гордость свою“.

Но Дерсе-хан встретил сына коварной стрелой, которая вонзилась в грудь юного богатыря. Полилась кровь, свесились руки, обнял гриву своего коня раненый Бугач и упал на сырую землю.

Тогда сорок изменников решили вероломно расправиться с самим Дерсе-ханом, связали ему руки, бросили в темницу. Но Бугач не умер. Напрягая последние силы, он отогнал кровожадных воронов и коршунов. Явился к нему на буром коне пророк Хизр. Три раза провел он рукой по ране Бугача и молвил: „Не бойся, сын мой! Нет смерти для тебя; горный цветок и молоко матери твоей — твой бальзам“.

Долго искала мать Бугача сына. И вот, наконец, нашла его, раненого, без памяти в пустыне. От песни матери проснулся Бугач: „Не рыдай, мать, — молвил богатырь, — нет смерти мне от раны этой. Мой бальзам — горный цветок и молоко твое“.

Собрали горные цветы. Стала давить свою грудь несчастная мать и не выжала молока. Еще раз сдавила мать свою грудь — все напрасно. И только когда в третий раз, с усилием, с болью сдавила она иссохшую грудь, потекло молоко, смешанное с кровью.

Горный цветок и молоко матери исцелили рану богатыря, и он, забыв гнев и обиды, пошел спасать отца от коварных изменников, помчался на коне, ринулся отважно в бой. Одних рубил плеча, других в плен забирал. Так спас Бугач отца своего.

Вот краткий сюжет одного из сказаний „Китаб Дедэ-Коркуд“. Храбростью, великодушием, отвагой и удачью наделены эти сказочные богатыри. Честные, мужественные рыцари борются с коварными, лицемерными, продажными изменниками. Любовь народа, создавшего эту чудную легенду, всецело на стороне Бугача, выразителя народного героизма, отваги, мужества, благородства и простоты.

О всех этих разнообразных романтических и героических событиях повествует Дедэ-Коркуд — мудрый наставник народа, по выражению академика Бартольда. Старец Коркуд — воплощение народной мудрости. Он наставник народа и богатырей. Он благославляет мечи сказочных героев, указывает верный путь своему народу, мудрыми советами разрешает затруднения. К нему обращаются в тяжелые минуты и князья и народ. Он не озан, воспевающий доблести богатырей и развлекающий за плату сильных мира сего. Это подлинный народный советчик, вдохновитель богатырей, наставник и учитель, хранитель заветов старины, создатель многочисленных народных поговорок.

Перлы народной мудрости рассыпаны по всем сказаниям „Китаб Дедэ-Коркуд“. В них нашли яркое воплощение думы и

чаяния народа. Устами своей героини Дедэ-Коркуд советует Дерсехану: „Если увидишь голодных — накорми, если голых увидишь — одень, а если увидишь людей в нужде — избавь их от нужды“.

Поэтическое отражение исторических событий и мифологии, образное выражение дум азербайджанского народа в эпоху феодального средневековья, народная героика и мудрость, повествовательное мастерство, эмоциональная напряженность, глубокий драматизм и красочность описываемых событий, богатство чувств и мыслей, подлинный дух народной поэзии — таков „Китаб Дедэ-Коркуд“, художественный памятник древнейшего народного героического эпоса Азербайджана. Несмотря на отдельные исторически ограниченные моменты, „Китаб Дедэ-Коркуд“ — показатель огромной одаренности народа, воплотившего в необычайно ярких образах, в частности в лице старца Дедэ-Коркуда, свою подлинную героiku и мудрость.

По форме „Китаб Дедэ-Коркуд“ типичен для былинного и сказочного эпоса азербайджанского народа. „Кёр-оглы“, „Шах-Исмаил“, „Ашуг Гариб“ и другие создания народного эпоса также написаны в форме повествования, с песнями и поэтическими обращениями. Подобно другим азербайджанским былинам, „Дедэ-Коркуд“ начинается с обращения озана-певца.

В „Китаб Дедэ-Коркуд“ отражена не только историческая действительность средневекового Кавказа и Азербайджана. Здесь можно найти и отзвуки европейского и малоазиатского мира (Византия, Ближний Восток), что значительно расширяет рамки этих сказаний.

По своему художественному и историческому значению „Китаб Дедэ-Коркуд“ может быть поставлен рядом со „Словом о полку Игореве“, „Песней о Роланде“, „Песней о Нибелунгах“ и др.

ПОЭЗИЯ XI — XII ВЕКОВ

Первые известные памятники письменной поэзии Азербайджана относятся к XI — XII веку.

XII век — эпоха блестящего расцвета поэзии Азербайджана.

В XII веке выдвинулась поэтесса Мехсети-ханум Ганджеви. Мехсети-ханум происходила из селения Такаб (около Ганджи) и была в большом почете при дворе сельджукского султана Санджара.

Она оставила потомству „Рубайят“, в котором показала себя талантливой поэтессой. В рубайи Мехсети выражено ее реалистическое отношение к действительности, стремление к свободному мышлению, к освобождению от закрепощения женщины религией:

Приковать нас к старику нельзя.
В келье, как в гробу, закрыть нельзя.
Если кудри девы вьются цепью,
Цепью приковать ее нельзя.

Поэтесса Мехсети-ханум занимала видное место на тогдашнем поэтическом Парнасе.

При дворе Ширван-шахов, владетелей Азербайджана, образовалась группа поэтов, писавших стихи на официальном, фарсидском языке. В эпоху Ширван-шаха Манучахра (XII в.) особенно выдвинулись Абуль-Ула Ганджеви, Фелеки и Ибрагим ибн-Али Наджар Хагани.

Устад Шуара (учитель поэтов), Абуль-Ула Ганджеви был главой тогдашних поэтов. Хагани и Фелеки учились у него поэтическому мастерству.

Хагани впоследствии сделался крупным поэтом и пользовался большой известностью при дворе Ширван-шаха.

Эфзеледдин Ибрагим ибн-Али Наджар Хагани Ширвани (1120—1194)—родом из деревни Мельгемлю, недалеко от города Шемахи. По другой версии, он родился в городе Гандже, родине его великого современника Низами.

Хагани вошел в азербайджанскую поэзию как крупнейший мастер поэтического слова. Поэт-мыслитель, он был одним из образованнейших людей своего времени. Остроумный и смелый поэт, Хагани славился своей ученостью, много путешествовал и написал целый ряд поэтических произведений, не потерявших своего значения и в настоящее время.

Эфзеледдин Хагани родился в семье плотника („наджар“ — плотник). Дядя поэта, Мирза-Кафи, был ширванским ученым, врачом и астрономом. Мирза-Кафи воспитывал поэта и обучал его наукам. Хагани прекрасно владел восточными языками, основательно усвоил астрономию, алхимию и метафизику. Мировоззрение юного поэта под влиянием метафизики Мирза-Кафи и, отчасти, отца было несколько окрашено мистицизмом.

Поэзия увлекала Эфзеледдина Хагани еще с молодых лет. Начитанный и образованный, обладавший большими знаниями по литературе и истории (о чем можно судить по содержанию его многочисленных „касидэ“¹), Хагани в первых своих поэтических опытах пытался подражать популярному иранскому поэту — суфию Санаи (1048/9 — 1141).

Санаи — яркий представитель иранской суфийской поэзии конца

¹ О да.

XI и начала XII века. Он один из первых применял и развивал форму „масневи“¹, на основе которой создали свои лучшие произведения поэты-пантеисты Аттар и Джалаледдин Руми.

Панегирические стихи Санаи, песни его знаменитого „Сада истины“ („Хадикек-оль-Хакаи“), мысли о единстве бога, мистической любви, о тщетности всего земного оказали большое влияние на молодого поэта. Молодой Хагани под влиянием идей суфизма принял первый литературный псевдоним („тахаллус“), „хакаи“, означавший „искатель истины“, „друг истины“.

Приближенный к двору Ширван-шахов, Хагани стал учиться поэтическому искусству у поэта Абуль-Ула, „царя поэтов“ при дворе Ширван-шаха Манучахра. Хаган Манучахр ввел его в среду придворных поэтов и предложил ему называться „Хагани“ (царственный), по титулу Ширван-шаха. По другой версии, прозвище „Хагани“ было предложено поэту Абуль-Улой. Хагани стало псевдонимом великого азербайджанского поэта, и его творения вошли в историю литературы под этим именем.

При Хагани во дворце Ширван-шахов пышно процветала панегирическая поэзия. Манучахр II содержал огромный штат поэтов-панегиристов, прославлявших деяния своего высокого покровителя. Хагани также отдал дань своему времени, создав ряд панегирических произведений, восхвалявших мецената Манучахра.

Смерть Манучахра не помешала процветанию панегирической поэзии. Вслед за элегией, посвященной смерти Манучахра, Хагани вместе с другими придворными поэтами стал воспевать нового ширванского властелина — Ахситана I.

Царствование Ахситана I совпадает с эпохой грузинского царя Георгия (1156 — 1184) и царицы Тамары (1184 — 1213). Ахситан I так же, как и Манучахр II, поддерживал тесные политические и культурные связи с соседней Грузией. Мать Ахситана, Тамара, была грузинской царевной. После смерти своего мужа Манучахра она вернулась на родину, постриглась в монахини и основала Тигский монастырь. Очевидно, ее пребывание в Грузии также немало содействовало добрососедским отношениям двух закавказских государств.

Дружественные отношения Ширвана с Грузией, военная помощь, оказываемая грузинскими царями, не раз выручала Ахситана I от вторжения в Ширван соседних племен. Резиденция Ширван-шаха была перенесена в Баку, повидимому, из-за частых нападений на Шемаху, столицу ширванских царей.

Хагани воспевал походы и войны Ахситана, писал хвалебные

¹ Стихотворение, построенное на двусилиях.

оды-касидэ в честь Ширван-шаха, в честь „великой дарицы Саффетдин, жены шаха Ахситана“ и т. д.

Наряду с одами-касидэ и любовно-лирическими газеллами, кыт'э (строфы) и четверостишиями-рубай, Хагани уже в зрелом возрасте, как полагают „после пятидесяти лет жизни“, написал месневийскую поэму „Тухфатуль-Иракейн“ („Подарок двум Иракам“), посвященную описанию его путешествия в Мекку и Медину, через два Ирака (Ирак собственно и Ирак иранский). Прославленного азербайджанского поэта во время путешествия всюду встречали с большим почетом и любовью.

Вернувшись из паломничества, Хагани стал вести себя настолько независимо и гордо, что стало неизбежным его столкновение, а затем и разрыв с Ширван-шахом. Опасаясь гнева Ахситана, Хагани решил отказаться от придворных привилегий, но Ширван-шах не согласился на это. Тогда Хагани тайно бежал в Белякан, но был пойман и по приказу разъяренного шаха заключен в крепость Шабирван.

В тюрьме Ширван-шаха великий поэт написал одну из своих замечательных элегий „Хабсие“ (Тюремное), посвященную византийскому принцу Андронику Комнену, находившемуся в то время в Закавказье. Заключение поэта в тюрьму относится приблизительно ко времени нападения хазар на Ширван. Хагани обращался к принцу за помощью. Заступничество византийца, повидимому, увенчалось успехом; Хагани был освобожден, но пребывание в тюрьме заметно отразилось на нем. Уже не было у него прежней энергии, неприязненные отношения с Ахситаном не сгладились, борьба с соперниками, придворными панегиристами, истощила силы поэта. Он хотел удалиться от светской жизни и, воспользовавшись смертью Ахситана, окончательно покинул свою родину.

Возможно, что некоторое время он блуждал по Грузии и Армении. Существует предание, что Хагани во время своих блужданий попал в плен к одному христианскому племени и ему было предложено принять христианство. Хагани отказался от насильственного принятия другой религии и был заключен в монастырь.

Более достоверно то, что Хагани после ухода из Ширвана, поселился в Тавризе, где и прожил последние годы своей жизни. В Тавризе поэт потерял своих детей и жену. В элегиях, написанных им в Тавризе, отразилась глубокая печаль поэта, потерявшего надежду и смысл в жизни, грустное сознание бренности мира. Одиноким, оторванный от своей родины, лишенный родных и близких друзей, Хагани умер в Тавризе около 1194 года. Он уже тогда пользовался большой популярностью в Азербайджане и Иране. Он похоронен в „Макбаратуль Шуара“, на „кладбище поэтов“, находящемся в предместьи Сурхаб.

Хагани — автор большого поэтического дивана, известной книги „Тухфатуль-Иракейн“, „Хафт и Иклим“ и ряда других произведений.

Хагани высоко ставил призвание поэта, он высказывал смело и мужественно свои мысли о тогдашних властелинах, выступал с проповедью истины и справедливости.

Не боюсь я княжеских речей.
В мире нет подобных мне людей.
Я великих истин вдохновитель
И пророк певцов земли моей.

Поэт высокой культуры, Хагани в своих стихах создал ряд широких обобщающих художественных образов: события истории и современности были содержанием его поэзии. Его касидэ, богатые лексикой, насыщены большим поэтическим чувством и мыслями. Образный язык, метафоры, аллегории, высокое мастерство стиха — все это характерно для творчества Хагани. Одно из лучших его произведений — „Хабсие“ (тюремная касидэ) написана в тюрьме. Будучи передовым человеком своего времени, Хагани в „Хабсие“ смело и резко протестовал против феодального гнета и феодальных цепей, сковывающих человека.

Блуждая по развалинам Медаин, резиденции великого Нуширевана, Хагани сочинил известные элегические стихи, в которых выражал свое философское отношение к жизни, к судьбам народов и государств:

Так обратись к развалинам — и ты услышишь,
Как плачет из глубин невнятный голосок.
Вглядись, как медленно крошатся эги зубья:
Все временно. Всё — тлен. Всему назначен срок.
Топчи нас, человек. Мы, как и ты, истление.
Мы, как и ты, ковер для всех идущих ног.
Как поет голова от воя сов полночных,
Хотя бы слез твоих нас освежил глоток!
Здесь истина жила. Ее не пощадили,
Поплатится ли тот, кто с нами был жесток?
Изменчива ль судьба, или ее ломает
Тот, кто обуглил наш возвышенный чертог?

... Земля пьяна, но пьет из черепа Ормузда;
Ей льет Нуширеван багряной крови ток.
Ты спросишь — где же те былые венценосцы?
Беременна земля от них на долгий срок.
Где Кесры анельсии и где айва Первиза?

Все золото — ничто. Сам Сассанид — песок.
Вино из этих лоз когда-то было кровью,
Кувшин землею был, где прах Первиза лег.

Хагани оказал определенное влияние на дальнейшее развитие азербайджанской и иранской поэзии.

Фелеки Ширвани, современник Хагани, был одним из лучших поэтов и образованных людей своего времени. Поэт, астроном, ученый, он выбрал себе псевдоним „Фелеки“, что означает „небесный“. Фелеки — один из многочисленных панегиристов Ширван-шаха Манучахра.

Из современников Хагани и Фелеки необходимо отметить также Иззэддин Ширвани и Мюджирредин Белякани.

Фарсидский язык был литературным и государственным языком Азербайджана того времени. На этом языке вынуждены были писать лучшие поэты Азербайджана, давшие мировой поэзии замечательные образцы поэтического искусства. Творчество их составляет первый, крупнейший этап в истории развития азербайджанской поэзии. Это был „золотой век“ литературы азербайджанского народа.

НИЗАМИ ГАНДЖЕВИ

Среди азербайджанских поэтов XII века возвышается величественный образ Низами, одного из корифеев мировой поэзии, имя которого обычно упоминается вслед за именем гения иранского народа — Абуль Касима Фирдовси.

Низами Ганджеви Ильяс ибн-Юсиф (1141—1203), величайший азербайджанский поэт-романтик, родился, жил и умер в городе Гандже (ныне Кировабад), откуда и происходит его прозвище Ганджеви. Поэт вел замкнутый образ жизни, занимался поэзией и наукой. Он был близок ко двору азербайджанских атабеков, которые не раз посещали жилище поэта, славившегося в народе своей мудростью и скромным образом жизни.

Низами прославился созданием большого цикла романтических поэм, пользовавшихся широким распространением в Азербайджане и Иране. Поэтическое наследие Низами состоит из пяти больших произведений „Хамсе“ („Пятерица“), составляющих около тридцати тысяч бейтов (двустийший).

Материалом к этим поэмам-романам послужили события мировой истории и романтическая тематика из жизни различных народов. Он воспеваает деяния Искандера (Александра Македонского), арабские романтические образы Лейли и Меджнуна, индийских,

хазарских, славянских, турецких, мавританских, греческих красавиц („Семь портретов красавиц“). Низами охотно пользовался „интернациональной“ тематикой, чувствуя себя не подданным той или иной царствующей династии, а гражданином всего Востока, но в то же время почти во всех своих произведениях с особой любовью подчеркивает свое азербайджанское происхождение.

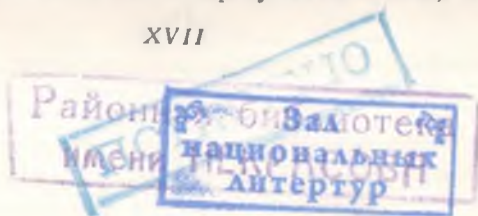
Особенно интересно, что Низами, несмотря на господство фарсидского языка в культуре Азербайджана XII века, все же не отказывался от своего национального народного языка, и очень возможно, что ряд произведений Низами, к сожалению, исчезнувших, был написан на азербайджанском языке. Лютфали-бек-Азер в „Атешгаде“ передает старинное предание об утерянных произведениях великого азербайджанского поэта: „Говорят, — читаем мы в „Атешгаде“, — что у Низами, кроме его „Хамсе“ („Пятиерицы“), было до двадцати тысяч бейтов, касидэ, газелл, кыт‘э и рубай, которые были утеряны“. Ряд других авторов, в том числе и Шамседдин Сами, также указывает на эти утерянные двадцать тысяч бейтов.

Чрезвычайно любопытно, что одну из лучших своих поэм „Лейли и Меджнун“ Низами намеревался писать не на фарсидском, а на родном, азербайджанском языке. На это имеются ясные намеки в начале поэмы, где Низами объясняет причины создания им „Лейли и Меджнун“. Низами рассказывает здесь о том, как его желанию помешало появление посланца шаха с письмом, в котором он требовал от поэта создания новой поэмы, поставив условием — писать ее только на фарсидском языке.

„О, мой верный раб, — писал шах в своем послании поэту, — о, Низами, волшебник мира слов. Дуновением утреннего ветерка покажи свои чары, свое волшебство слов. Выяви все, что можешь, в чудесном искусстве речи. Я хотел бы, чтобы ты воспел в словах, как жемчуг, любовь Меджнуна. Если можешь, и ты скажи несколько девственных слов, чистых, как невинность Лейли, чтобы я прочел и подтвердил их сладость и, кивая головой, указал бы на них как на корону... Укрась ты невесту юную фарсидскими и арабскими украшениями.

Ты знаешь, я смыслю в речи, я различаю новые от старых бейтов, но знай, что, если жемчуг, нанизанный тобой на нить с кольца дум, будет носить образы турецкие, это для нас не годится, ибо тюркообразность недостойна нас. Для лиц, стоящих высоко, достойна высокая речь“.

Ширван-шах глубоко огорчил великого поэта. Все думы, все надежды его рушились. „Волнение охватило мое сердце и мое сознание. У меня не было сил отвергнуть это слово, и не было

у меня также глаз, чтобы найти путь к сокровищнице. Огорчение охватило меня. Не было у меня друга, чтобы поведать о тайне своей, рассказать эту повесть¹.

Эти слова с исключительной силой передают трагедию поэта-азербайджанца, вынужденного по шахскому приказу отказаться от своего родного языка и создавать лучшие свои произведения на фарсидском языке.

Но язык творений Низами вовсе не говорит об оторванности поэта от народа, от жизни, от своей среды. Никогда его идеалом не было слепое служение властелинам мира, никогда он не отворачивался от родного Азербайджана.

Низами писал на официальном государственном фарсидском языке. Но богатое содержание его творчества, его идеалы, его образы и чувства были тесно связаны с Азербайджаном. О ком бы ни писал Низами — об Александре Македонском, о семи красавицах мира, о великих царях Ирана — всюду мы слышим отзвуки его родины, воспевание событий, природы и людей своей страны, своих соплеменников. В „Искандер-намэ“ поэт связывает имя великого завоевателя со своей родиной, создает величественное полотно, где сверкающими красками изображены исторические события в средневековом Азербайджане. Поэт воспевает легендарную царицу амазонок Нушабе, владычицу города Барды, древнейшей азербайджанской столицы.

В произведениях Низами раскрываются живые страницы истории. Фантастика, сказочные вымыслы переплетаются у него с подлинными картинками жизни и быта азербайджанского народа. Нападение руссов на Барду, сказочная повесть о русской царевне, красавица Ширин и царица Шамира, амазонки, битвы, описанные в различных поэмах Низами — все это исторически и географически связано с азербайджанским и кавказским средневековым миром.

Нужно ли после этого доказывать право азербайджанского народа считать своим творчеством Низами! Несостоятельность и реакционность традиционного причисления Низами буржуазными востоковедами к иранской литературе очевидна. Искусственное, насильственное извращение буржуазным востоковедением истории мировой поэзии, непонимание роли фарсидского языка и иранской традиции в истории азербайджанской культуры, отрицание многовековой истории, высокой и богатой культуры и литературы азербайджанского народа — все это приводит к отрицанию большой

¹ Мы даем дословный прозаический перевод данного отрывка; стихотворный перевод см. на стр. 23.

исторической правды, могучих творческих сил народа. Даже под тяжелым гнетом иранских и всяких других царей азербайджанский народ создавал шедевры искусства и культуры.

Лучший советский иранист, прекрасный знаток творчества Низами и Хагани, Ю. Н. Марр, со всей решительностью и определенностью связывает имя Низами с Кавказом и, в первую очередь, с Азербайджаном:

...„Низами является своим для Кавказа, в частности для той этнической группировки, которая до последнего времени сохраняла персидскую традицию в своей литературе, то есть для Азербайджана, где гянджинский поэт, все-таки, более в почете, чем в Персии“¹.

Ю. Н. Марр в целом, безусловно, дал правильную оценку Низами, считая, что он является „своим“, родным поэтом для азербайджанского народа.

Таким же образом одно из авторитетнейших востоковедческих научных учреждений Советского Союза — Институт востоковедения Академии Наук СССР в своем специальном решении о юбилее Низами твердо и решительно признал в Низами великого азербайджанского поэта, которым вправе гордиться наша советская страна.

„Хамсе“ Низами начинается циклом небольших нравоучительных рассказов „Махзануль-эсрар“ („Сокровищница тайн“). Это произведение было написано приблизительно на тридцать седьмом году жизни поэта, то есть в 1178 году. Вторая часть „Хамсе“ — большая романтическая поэма „Хосров и Ширин“ была написана в 1180 году. В 1188 году Низами написал свою замечательную поэму о любви Лейли и Меджнуна. „Искандер-намэ“, ставшая впоследствии очень популярной на Востоке, была написана в 1193—1197 году. Поэма „Хэфт пейкар“ создана в 1197 году.

В эпоху Низами в Иране возникло социально-религиозное движение, нашедшее свое философское выражение в суфизме, оказавшем большое влияние на дальнейшее развитие как иранской, так и азербайджанской литературы. Творчество Низами также не было свободно от этих влияний.

Насильственно водворяемый в Азербайджане, как и в ряде других стран, ислам встретил большое противодействие, и ему пришлось выдержать борьбу с древними религиозными верованиями азербайджанцев. Восстание Бабека в IX веке, нанесшее большой удар арабскому халифату, достаточно красноречиво говорит о том, как

¹ Ю. Н. Марр, „Отрывок из Низами, касающийся Кавказа“ (доклад), Бюллетень кавк. историко-археол. инст-та в Тифлисе, № 5, 1929, стр. 21.

трудно приходилось арабским завоевателям в Азербайджане. Недовольство широких народных масс господством арабов, несоответствие догматов ислама прежним верованиям азербайджанцев, гнет и насилия арабских наместников — все это способствовало появлению новых сектантских учений, различных пониманий и толкований корана.

Фридрих Энгельс говорит, что христианство было „наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя“¹. Эти слова Энгельса могут быть применены и к исламу. В мусульманских государствах вся власть была основана на законах ислама, который определял и оправдывал весь существующий государственный строй. Поэтому выступление против феодального господства всегда трактовалось, как выступление против ислама вообще. Фактически так оно и было. Все оппозиционные движения, направленные против господства арабов и их наместников в эпоху средневековья, носили религиозный характер. Отсюда возникло широкое сектантское движение, распространившееся в Иране и в Азербайджане.

Большое влияние когда-то имело метафизическое учение, известное под названием „Тасаввуф“; оно было очень популярно в мусульманских феодальных государствах. В большинстве случаев суфии принадлежали к угнетенным слоям народа, объединившимся против господствующей религии и власти на почве критики догматов ислама.

„Добросовестное изучение духа суфийских произведений, — пишет А. Е. Крымский, — привело меня к убеждению, что все причины распространения доктрины сводятся к социально-экономическим. В этой мысли убеждал меня и тот исторический факт, что эпохи главного процветания суфизма всегда совпадают с эпохами страшных народных невзгод. Вначале суфиями называли различные группы людей, объединившихся под знаменем аскетизма, или мистичизма, или же пантеизма.

Каковы же были причины, заставлявшие людей пойти на это?

Во-первых, аскетизм в халифате вызывался к жизни теми же условиями, какими он вызывался и в Византии в эпоху ее разложения и в Западной Европе в средние века: безотрадными социальными и экономическими обстоятельствами. Беспомощные, разоренные бедняки — это самые многочисленные приверженцы суфизма.

Хорасан (персидская провинция), сыгравший такую важную роль в истории суфизма, был в экономическом отношении несчаст-

¹ Соч. М. и Энг., т. VIII, стр. 128.

нее других областей. Главную причину силы мистицизма надо видеть в недостатках ислама. Во-первых, теократия ислама, то есть соединение власти духовной и светской в одних руках: мусульманское духовенство является в то же время классом чиновно-бюрократическим. Чиновничья власть халифа очень больно отражалась на бедных классах.

В арабской и особенно персидской литературе очень рано встречаются жалобы, что чиновники — духовные — подкупны, судят лицемерно, берут взятки, словом, как говорил Хейям, „кровь сосут из людей“.

Злоупотребления клерикалов невольно влекли страдающих бедняков к мистицизму, к той мысли, что в сношениях между богом и человеком не требуется никаких посредников. Далее, для массы мусульман, для неученого народа, коран, написанный на непонятном арабском языке, оставался пустым звуком, а мистическая проповедь суфизма была всем понятна¹.

В поэзии суфизм проявлялся своеобразно. Очень часто суфийские поэты выступали в эпоху средневековья с вольными идеями, воплощенными в религиозную оболочку, с антиклерикальными и антиаскетическими стихами.

Эротические и вакхические мотивы занимали значительное место в суфийской поэзии. Поэты-суфии вместе с тем уделяли большое внимание личности человека, положению мусульманской женщины; они выступали против существующих порядков, реформируя на Востоке религиозные верования.

Слово „суфий“ также прилагалось к правоверным мусульманским аскетам-мистикам. Суфиями на Востоке называли себя и философы-пантеисты, отождествлявшие личность с богом, природу с божеством.

Распространение суфийских идей в поэзии народов Ближнего Востока сказалось в аллегориях, в вакхических образах, в воспеании вина, любви, человеческой страсти.

Основа суфийской поэзии, несмотря на свои оппозиционные мотивы, была идеалистической. Некоторые поэты-суфии, более близкие к пантеистическому мышлению, отвергали мусульманского аллаха и расплачивались за это жизнью (например, азербайджанский поэт-хуруфит XIV века Насими Имадэддин).

Влияние суфизма на Низами не носило глубокого характера. Его пессимизм и фантастика в значительной мере были характерны и для некоторых других поэтов, современников Низами. Тем не менее эти своеобразные суфийские мотивы были больше связаны с

¹ А. Е. Крымский. Очерк развития суфизма до конца III века. 1895.

романтическим эпосом, вновь, после Фирдовси, возрожденным азербайджанцем Низами. В центре внимания Низами — человеческая личность, судьба и переживания героев.

Ярче всего романтизм Низами выражен в поэме „Лейли и Меджнун“. Мотив неудовлетворенной любви, судьба двух любящих людей, разлученных племенной враждой, разработан великим поэтом с глубоким пониманием человеческой души.

В лирических излияниях героев „Лейли и Меджнун“ звучит печаль, неопределенная и возвышенная тоска, разочарование. Поэт правдиво и ярко показал в поэме неравенство женщины и мужчины, печальную женскую долю в условиях феодально-мусульманского быта. Он первый среди азербайджанских поэтов воспел девушку, стремящуюся вырваться из душного гарема к солнцу, к свободе, к личному счастью.

Но героиня поэмы Низами, Лейли, еще слабая, одинокая женщина, у которой нехватает смелости и отваги разорвать узы рабства, цепи религиозного и феодального гнета. Она не может жить с нелюбимым человеком, покорно подчиниться насилию, но в то же время она не может бороться за свою свободу. Лейли — это слабый беззащитный цветок, скорбный образ рабыни. В разлуке с любимым она „душу и тело разлучила и в страсти сгорела“.

Песня о свободной любви, созданная Низами Ганджеви, через несколько столетий вдохновила другого великого азербайджанца — поэта Физули. Мотив неудовлетворенной любви зазвучал в произведениях поэта XVI века с новой силой. Романтический герой, страдающий от безнадежной любви, превратился у Физули в борца за свое счастье, за свою судьбу. Он противопоставил себя обществу, традициям и религии.

Поэзия Низами всегда имела большое распространение на Востоке. Низами сознавал величие своей поэзии. Свою поэму „Лейли и Меджнун“ он закончил словами: „А эта повесть, как караваны, прошла через все, где любят, страны“.

Произведения Низами Ганджеви переведены на ряд европейских языков. Его богатое поэтическое наследие является ценнейшим вкладом азербайджанского народа в сокровищницу мировой поэзии.

Могила великого поэта Низами, современника, гения грузинского народа, Шота Руставели, находится недалеко от Кировабада (Ганджи).

В бессмертных творениях Низами Ганджева отражены думы и чувства азербайджанского народа, его богатая история и быт. Вот почему азербайджанский народ на протяжении восьмисот лет

так высоко чтит память своего великого сына. Много столетий его могила служила местом поклонения. В настоящее время Советский Азербайджан усиленно готовится к всенародному празднованию восьмисотлетнего юбилея своего великого родного поэта.

Низами, далеко опередивший свою эпоху, имел большое влияние на развитие азербайджанской поэзии.

НАСИМИ ИМАДЭДДИН

Одним из первых крупных поэтов, писавших на азербайджанском языке, был Иззэддин Гасан-оглы (XIII век). На азербайджанском языке писал и другой даровитый поэт — Гази Бурханэддин. В XIV веке жил и творил поэт Насими Имадэддин.

Насими — крупнейший азербайджанский поэт конца XIV века. Жизнь и творчество поэта совпали с нашествием орд Тамерлана (1336 — 1405).

Полчища Хромого Тимура не раз проходили по равнинам Азербайджана, не раз в степях Карабаха воздвигались шатры этого завоевателя.

Тяжелые годы владычества тимуридов, принявших мусульманскую религию, нашли свое отражение и в творчестве Насими.

Тимур был мусульманином и принял шиизм. Мусульманское духовенство и феодалы раболепствовали перед ним, восхваляли его кровавые походы. Они были равнодушны к жертвам, которые приносил азербайджанский народ алчному и мстительному властелину.

Но против владычества тимуридов и ислама подымалась затаянная ненависть народа. Идейным выражением протеста масс явилось широкое распространение сектантского движения в Иране и Азербайджане. Во главе созданного этим движением ордена „Хуруфи“ стал один из лучших людей своего времени — Фазлулла Насими Астрабадский.

Фридрих Энгельс указывает, что „всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви“¹.

Члены ордена „Хуруфи“, возглавляемого Фазлуллой Астрабадским, смело и настойчиво разоблачали догматы ислама и собирали вокруг себя тысячи мюридов, находивших здесь некоторое убежище от гнева и насилия Тимура.

¹ Соч. М. и Энг. т. XVI, ч. II, стр. 296

Хуруфиты считали, что коран Магомета — это чудесный образ аллаха, явленного пророку. Человек, „познавший буквы“, становится выше самого себя. Подобный человек может стать и богом.

Исходя из учения хуруфи, Фазлулла признавал тождество человека с божеством. Его знаменитая формула „аллах — это я!“ имела огромное распространение по всему Ближнему Востоку и Азербайджану. Путешествуя по многим странам, Фазлулла пропагандировал свое учение, в целом направленное против ислама и владычества тимуридов. Долгое время он жил в Азербайджане, в частности в Баку. В 1303 году Фазлулла был зверски убит третьим сыном Тимура, Мира-н-шахом.

Насими был одним из горячих приверженцев хуруфитов. Вся его жизнь и творчество были посвящены пропаганде идей хуруфи, борьбе с тимуридами и религией.

Насими родился в Ширване. Долгое время он жил в Азербайджане и написал диван на азербайджанском языке. Кроме родного азербайджанского языка, Насими прекрасно владел также фарсидским и арабским языками. Он был одним из крупных ученых своего времени, прекрасно разбирался в схоластической премудрости мусульманского Востока, свободно писал стихи на философские темы на трех языках и пользовался большой известностью среди своих современников.

Смерть своего учителя, Фазлуллы Астрабадского, Насими воспел в чудесных стихах, завоевавших широкую популярность. В элегии, посвященной образу казненного учителя, поэт призывает его вернуться к жизни:

О душа, от разлуки с тобой, от горя мое сердце
кровью полно, вернись!

Слезami моих очей полон мир, и буря в мире,
вернись!

Вырвал из рук моих твои черные кудри, ветер.
Мое сердце горем и смятением полно, вернись!

После долгого пребывания в Азербайджане Насими отправился в путешествие по Ближнему Востоку. Он попал в Алеппо, где и поплатился жизнью за свое антиисламистское учение о хуруфах, о боге и красоте. В Алеппо у него нашлось много друзей, распевавших на улицах и базарах города его чудесные стихи о земной радости и человекобоге. Изуверы, услышав эти богохульные песни, как повествуется предание, схватили одного из друзей Насими, смелого цветца, и повели его на казнь.

Когда Насими услышал об аресте друга, он прибежал к месту казни и остановил палачей, уже собиравшихся накинуть петлю на свою жертву. „Отпустите этого человека, — сказал поэт, — стихи принадлежат мне, наказание заслужил не он, а я!“

Изучеры Алеппо хорошо знали об этом и без признания автора. Они воспользовались случаем, и толпа фанатиков потащила поэта на виселицу. Правитель Алеппо отдал приказ о его казни.

Насими умер мученической смертью. С живого поэта содрали кожу. Долго мучили его безжалостные палачи, но, уже обессиленный и умирающий, он все твердил слова своего учителя, основу учения хуруфитов: „Аллах — это я!“ Тогда муллы, издевавшиеся над мучеником, обратились к нему с вопросом: „Если ты аллах, так почему же бледнеет твое лицо?“ Насими, как повествует народное предание, собрал последние силы и ответил палачам: „Я — солнце, взошедшее над горизонтом великой любви. Когда солнце совершает последний путь на запад, оно бледнеет“.

Так умер великий азербайджанский поэт XIV века, Насими Имадэддин.

Насими оставил богатое поэтическое наследие на азербайджанском, фарсидском и арабском языках. Он создал прекрасные лирические стихи, в которых на понятном народу языке воспевал свое философское учение. Он разделял народную ненависть к господствующей знати. В литературе средневекового Азербайджана Насими был самым близким народу поэтом.

Большое место в творчестве Насими занимают лирические стихотворения. В них поэт противопоставляет себя небесам, возвеличивает человека:

Я иногда хочу молить, чтоб появилась ты.
Хочу сгореть в твоём огне — я эту смерть приму.

Внемлите слову Насими, я мудро говорю.
Отнялся у небес язык — он небу ни к чему.

Жизнь в понимании Насими — это эволюция. Мир был создан в результате развития материи. На формирование философских взглядов Насими оказали несомненное влияние греческие философы-материалисты.

Насими отвергает учение корана. Он призывает мусульман отказаться от служения аллаху и религии. Образ человека — центр, вокруг которого развивается вселенная.

Взгляды Насими были прогрессивными для XIV века. Его литературное наследие — один из интереснейших этапов развития

общественной мысли феодального Азербайджана. Устами поэта говорила оппозиция против ислама и тимуридов.

Блестящая лирическая поэзия Насими и его идеи имели большое влияние на последующее развитие азербайджанской литературы (Хабиби, Хатаи). Именем Насими кончается средневековая история поэзии Азербайджана и начинается новый этап азербайджанской культуры, венцом которого явился великий поэт XVI века — Мухаммед Физули.

МУХАММЕД ФИЗУЛИ

Одним из крупных предшественников Физули был поэт Хабиби.

Хабиби родился в Геокчае, в селении Баргушад, в бедной семье. Он был пастухом. Благодаря своему огромному таланту, он выдвинулся в первые ряды поэтов XVI века. Поэт, лирик и ученый, Хабиби жил некоторое время во дворце крупного азербайджанского поэта и мецената Шах-Исмаила Хатаи.

Азербайджанский язык занимал в XV веке преобладающее место при Узун Гасане — главе государства Аг-Коюнлу (белые бараны), а также при дворе сефевидских шахов, что подтверждает целый ряд европейских путешественников (Пьетро делла Валле, позднее Олеарий и Шарден). Сам Шах-Исмаил Хатаи, азербайджанский поэт, написал большой диван лирических стихов на азербайджанском языке. Ему же посвятил молодой Физули свою первую азербайджанскую поэму „Бенгу баде“ (Гапиш и вино).

Появление двух крупнейших поэтов-современников, Физули и Хатаи, и написанные ими на азербайджанском языке поэтические произведения, несомненно, говорят о большом культурном самостоятельном значении азербайджанского языка в XVI веке. Этот неоспоримый исторический факт полностью опровергает буржуазно-националистический пантюркистский миф о „едином потоке“ развития азербайджанского и турецкого языков.

Творчество Хатаи, Хабиби и Физули является ярким подтверждением того, что еще в XVI веке азербайджанская литература достигла большого расцвета. Не случайно Физули, один из первых азербайджанских поэтов, сделал серьезную попытку освободиться из-под влияния арабского и фарсидского языков и стал писать на родном языке, используя чисто азербайджанские народные выражения.

Все это необходимо учесть, чтобы лучше понять и оценить значение Физули и его место в истории азербайджанской литературы.

Шейх Мухаммед Физули родился в начале XVI столетия в Кербала. Почти всю жизнь он провел в Багдаде, одном из культурнейших и богатых городов того времени. Там жил и вырос великий азербайджанский поэт, „один из истинных поэтов, каких производил Восток“ (Гибб).

Физули посвятил всю свою жизнь поэзии. Он изучил многие восточные науки, был одним из крупных ученых своего времени.

Он был хорошо знаком с древнегреческой философией, с трудами Гераклита, Аристотеля, Пифагора и Платона. Великий поэт и ученый, он усвоил и синтезировал культуру мусульманского и христианского мира, став одним из передовых людей XVI века.

Поэт прожил суровую жизнь бедняка, не пользовавшегося вниманием феодалов и султанов. Он никогда не выезжал за пределы Багдадской области, но всегда был поэтом своего родного азербайджанского народа, оставив будущим поколениям ряд крупных художественных произведений и научных трудов на азербайджанском, арабском и фарсидском языках.

Гениальные произведения Физули блестяще выдержали испытание четырех столетий. Великий азербайджанский поэт и ученый, выразивший в своем творчестве лучшие, прогрессивные идеи своего времени, Физули был и остается гордостью и славой азербайджанского народа, одним из крупнейших представителей мировой поэзии.

Творчество Физули оказало огромное влияние на дальнейшее развитие азербайджанской и всей восточной литературы. Здесь также сказалось самостоятельное значение и развитие азербайджанской культуры, влиявшей в течение долгих столетий на культуру других народов.

В то время как азербайджанская поэзия XVI века находилась в расцвете, великая литература Ирана клонилась к упадку. Еще при жизни одного из величайших поэтов Ирана, Хафиза, эта страна была разгромлена Тимуром. Тимур перенес центр культурной жизни в Бухару, переселив туда ряд иранских ученых и историков.

Владычество тимуридов задержало блестящее развитие иранской поэзии, и весь XV век дал единственного поэтического гения — Джамии, именем которого справедливо называют все столетие. Джамии явился последним классическим поэтом Ирана. Новому подъему иранской поэзии не помогло и объединение Ирана под властью сефевидских шахов в XVI веке.

С упадком иранской поэзии в XVI веке начинает пышно расцветать азербайджанская поэзия, все больше и больше освобождаясь от арзбо-иранского влияния. Еще в период царствования Узун Гасана и его наследников, Тавриз являлся крупным литера-

турным центром, куда стекались поэты Азербайджана и Ирана. Двор династии Аг-Коюнлу по обычаю привлекал к себе ученых и поэтов. Азербайджанский язык имел большое распространение. Значение этого языка еще более повысилось при Шах-Исмаиле Хатаи. Все это создавало условия для большого расцвета азербайджанской поэзии:

Пусть будут все твою газеллу знать,
Чтоб с легкостью прочесть ее и записать.

Физули создавал свои произведения на „грубом“ и простом языке азербайджанского народа, которого чуждались многие поэты, считая, что поэзию можно творить только на фарсидском языке. Физули громко и талантливо воспел свой родной язык, доказав всем своим творчеством право азербайджанского языка на самостоятельное существование и развитие.

Вершиной творчества Физули является, как известно, его романтическая поэма „Лейли и Меджнун“. В этой поэме Физули повествует о злосчастной судьбе двух любящих людей, тщетно пытающихся добиться личного счастья. Лейли и Меджнун — это восточные Ромео и Джульетта; они борются за новые отношения между людьми в условиях феодального мира и религиозного гнета. Романтические герои Физули, полюбив друг друга, рвут вековые традиции, отстаивают право на свободу личности. В поэме воспета новая мораль, чуждая исламскому миру, новые человеческие отношения. Здесь сказалось влияние европейского Возрождения.

Физули был близок европейскому миру. Он был одним из первых азербайджанских поэтов, придававших большое значение науке. Физули справедливо считал, что без высокой культуры, без науки нет поэзии.

Влияло ли европейское Возрождение, которое Фридрих Энгельс называл „величайшим прогрессивным переворотом“, на мировоззрение и творчество Физули? В своем философском мышлении Физули переключается с материалистическими учениями древнегреческих мыслителей. В то время с греческого языка на арабский переводилось большое количество трудов по математике, астрономии, философии и логике. Как правильно утверждает академик В. В. Бартольд, „основу арабской науки и искусства составляли, конечно, достижения греческой культуры, усвоенной через посредство христиан и персов“.

Физули знал греческих философов. Не случайно приходится связывать имя Физули с греческой культурой и европейским Возрождением. По своему поэтическому облику и мировоззрению

Физули напоминает людей эпохи Возрождения, хотя очень возможно, что он и не ощутил непосредственного влияния Запада.

Физули признавал примат науки, воспевал в поэтических образах человеческую личность, стремящуюся к свободе, к освобождению от оков средневековья, религиозного мрака и феодальной темницы. Интерес Физули к античному миру, его широкий энциклопедизм и универсализм, разносторонность его интересов и деятельности, многообразие его творчества, критическое отношение к религиозным догматам ислама, светлое, бодрое мироощущение, — все это приближает Физули к тем людям, которых Энгельс называл „титанами по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености“¹.

Физули вошел в историю азербайджанской литературы как крупнейший лирик, поэт больших чувств и идей. Его многочисленные газеллы отличаются большой эмоциональностью, искренностью и теплотой. В своих газеллах Физули воспел свою Беатриче, свою идеальную любовь.

Материалист-метафизик по своему мировоззрению, Физули критически и трезво относится к окружающему миру, к господствующим классам, к религии и духовенству. Он свободно воспевает любовь, вино, радость, веселье в противовес мусульманскому аскетизму. Даже в мечеть заходит он „по ошибке, свернув с пути в минуту опьянения“. Гневным стихом громит он аскетизм, обрушивается на феодалов, раскрывает обман кудесников и астрологов, призывает современников к правде и справедливости, к отказу от религиозных обрядов, к свободным мыслям и идеям:

Падишах золотой земли подкупает людей серебром.
Он готовит полки для захвата другой страны,
Сотней козней и хитростей он побеждает ее,
Но и в этой стране нету радостей и тишины.

И в тот гибельный час, когда рок совершил поворот,
Гибнет сам падишах, и страна, и миллионы людей.
Посмотри: это я властелин, дервиш, сильный войсками слов,
Громоносное слово — источник победы моей.

Видишь, каждое слово мое — великан, что из истины силу берет.

Если слово захочет, будут море и суша покорны ему,
И куда б я его ни послал, слову чужды почет и казна;
Слово, взявши страну, никого не заточит в тюрьму.

¹ Фр. Энгельс, Диалектика природы. 1934. стр. 87.

Все стихии вселенной слово мое не сотрут,
Не раздавит его колесо вероломной судьбы.
Пусть властители мира мне не даруют благ:
На моей голове есть корона — скромной моей резьбы.

Я свободен во всем! Кто б ты ни был, слушатель мой,
Ты не должен за корку хлеба преходящему быть слугой.

Великолепный художник слова, мастер метафор и афоризмов, Физули презирал славу шахов и ханов, завоеванную кровью и насилием, — верил в силу своей поэзии и признательность грядущих поколений.

Газеллы Физули очень музыкальны. Они пользовались и пользуются огромной популярностью и любовью среди широких народных масс Азербайджана. Многие из газелл его известны в народе в устной форме и до сих пор с большим успехом исполняются народными певцами.

Мастерски сочетал Физули свои лирические чувства с большой философской мыслью и думой о судьбе человека:

Я жизнью жертвовал не раз, но счастья не нашел.
Молил лошады, но в тебе участия не нашел.

Утратил все, чем обладал, стал нищим, — но и тут
Бальзама нежности твоей в напасти не нашел.

О, если бы я рассказал, как мучился тогда:
Несчастный раб вошел в чертог, но власти не нашел.

Я, как ничтожный муравей, карабкался и полз,
Но Соломона-мудреца в несчастьи не нашел.

.....
Я, Физули, прстей бедняк. Красавица, прощай!
Я в бурю гибнувший челнок, я снасти не нашел.

Творчество великого поэта вызвало большое количество подражаний в последующие столетия. Даже такой крупный поэт семидесятых—восемидесятых годов XIX века, как Сеид-Азим Ширвани, не избежал влияния Физули.

Творчество Физули открыло собой совершенно новую эру азербайджанской литературы, которая уже сама начинала влиять на литературу ближневосточных стран. Физули в значительной мере определил и дальнейшее развитие азербайджанской поэзии.

НАРОДНО-ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС XVII ВЕКА

Развитие азербайджанской поэзии после Физули шло по пути освобождения от влияния фарсидского языка и все большего приобщения к народному языку и народной поэзии.

В XVII и XVIII столетиях усилилось политическое и культурное значение отдельных азербайджанских феодальных ханств. Азербайджан был раздроблен на феодальные владения, управляемые на основе тяжелых и хищных законов вечно враждовавшими ханами, султанами, беками, агаларами и меликами. Крепостной труд и рабство в XVII столетии были широко распространенным явлением. Голландский путешественник Ян Стройс подтверждает факты торговли рабами в ряде городов азербайджанских ханств. В Шемахе был большой караван-сарай, где шла бойкая торговля „людьми, мужчинами, женщинами и детьми, краденными друг у друга“¹.

Царская Россия еще в XVIII веке выступила соперницей Ирана и Турции, с которыми азербайджанцы в течение долгого времени вели борьбу за свою независимость. Петр I в 1722 году объявил войну Ирану. Десантные русские войска заняли западные и южные берега Каспийского моря. Азербайджанцы, боровшиеся с насилием иранских шахов, не оказали русским войскам серьезного сопротивления. Дербент, Баку и Гялян перешли к России. Но вскоре царской России пришлось уступить их обратно. Тем не менее неудача похода не остановила царских завоевателей. Борьба за овладение Азербайджаном и Закавказьем разгоралась с новой силой.

Феодальная тюрьма истощала силы крестьянства; оно страдало, нищенствовало, не раз делало попытки свергнуть иго деспотических правителей, уходило в леса и горы, боролось с угнетателями. Измученный, задавленный ханской властью, народ изливал свою скорбь в песнях ашугов, воспевал свой неугасимый героизм в образе легендарного народного героя Кёр-оглы (сын слепого). „Кёр-оглы“ — крупнейшее произведение азербайджанского народного эпоса, создание которого относится, вероятно, к концу XVI и началу XVII столетия.

Во второй половине XVI века Азербайджан подвергся нашествию турецких пашей. Султан Мурад III, воспользовавшись смертью шаха Тахмаса, захватил ряд азербайджанских городов. Но господство турок продолжалось недолго. В начале XVII столетия Шах-

¹ Я. Я. Стройс, „Три путешествия“, 1935, стр. 245.

Аббас постепенно отнял у турок захваченные ими города. Азербайджанцы вели упорную борьбу с турецкими пашами и иранскими сатрапами. Народ создал чудесные сказания об этой борьбе, создал песни, полные гнева и ненависти к врагам.

„Кёр-оглы“ — занимает особое место среди многочисленных народно-эпических и лирико-романтических поэм азербайджанского народа. Кёр-оглы — певец и воин, восставший против беков и пашей. Он борется за свободу народа. С глубоким лиризмом и драматизмом повествует народ о своем герое-богатыре, храбром воине, вдохновенном певце-ашуге. Вот одна из мужественных песен Кёр-оглы:

...Кёр-оглы обезглавил немало врагов.
Хоть и сладко живет, но и к смерти готов!
Ханам, шахам, визирям — всем выпустим кровь!
Продадим по дешевой цене! Привести!

Сказания о Кёр-оглы и по сей день поются ашугами Азербайджана. Этот старинный азербайджанский эпос оказал большое влияние и на поэтическое творчество других народов: есть целый ряд армянских, узбекских и грузинских вариантов о знаменитом азербайджанском наезднике, певце Кёр-оглы. В Закавказье сохранились башни, крепости, связанные с именем Кёр-оглы.

Романтические поэмы „Ашуг Гариб“, „Шах-Исмаил“, „Асли и Керем“ также были созданы в Азербайджане (XVI—XVII век) и являются лучшими образцами поэтического народного творчества азербайджанцев.

В XIX веке, в период колониального владычества царской России, борьба азербайджанского народа против феодалов и царизма нашла свое поэтическое выражение в народной героической поэме „Качах-Нэби“ и ряде других произведений.

ПОЭЗИЯ XVII — XVIII ВЕКОВ

Расцвет богатой устной поэзии Азербайджана не мог не повлиять и на развитие письменной художественной литературы, на поэтический язык XVII—XVIII веков (Масихи, Саиб Тебризи, Ковси, Масих Ширвани, Нишат и др.).

В плеяде поэтов XVII века особенно замечателен поэт Ковси, продолжатель лучших традиций великого Физули. Высокая культура стиха, умелое использование богатой сокровищницы народной поэзии выделяют Ковси в ряду поэтов XVII века.

Кроме Ковси, в азербайджанской поэзии XVII века заслуживает внимания даровитый поэт Масихи, автор романтической поэмы

„Варка-и-Гюльша“, написанной под влиянием классической азербайджанской поэзии. Одна из старинных рукописей этого замечательного произведения, относящаяся к 1640 году, находится в Британском музее.

Крупнейшие азербайджанские поэты XVIII века Видади и Ваги ф выросли и воспитались в значительной степени на лучших образцах поэзии ашугов, и это значительно способствовало тому, что их творчество стало достоянием широких народных масс. Видади родился в селении Шихлы, Казахского района, жил и творил во второй половине XVIII века и умер в 1809 году. Видади прошел длинный путь от простолюдина до дипломата и придворного. Он служил у владетеля небольшого ханства „Гюлистан“, ширванского хана, во дворце Ираклия II. Дипломатическая карьера поэта была неудачна.

Пребывание Видади во дворцах азербайджанских и грузинских феодалов было сравнительно кратковременным. Свою долгую жизнь, полную неудач, жизненных потрясений, возвышений и падений, поэт закончил отрешением от мирских благ, разуверившись в возможности счастливой, свободной жизни в условиях феодального строя. По неизвестным причинам Видади вынужден был скитаться долгое время вдали от родины и друзей, искать приюта и защиты в Грузии. Поэт испытывал глубокую тоску по родине. Он томился в одиночестве и бездействии. Он пел о бессмысленности и пустоте современного ему строя:

Умрет властелин вселенной, — что выживет он — не верь.
И царство его погибнет. Во власть и закон не верь.
Все в мире непостоянно. Что мудр Соломон — не верь.
Вращению мироздания, если умен, — не верь.
Мне чашу подай, виночерпий — всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

.....

Если подумать о жизни — горем она полна.
Ведь одному бриллианту — тысяча душ цена!
Как в зеркале, в каждой грани подлость отражена.
Клянчить себе подачек наша земля должна.
Мне чашу подай, виночерпий — всему наступит конец,
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Видади ясно видел и ощущал реальную обстановку эпохи, необузданный произвол, деспотизм, разбойничий характер феодальной знати. В одном из лучших своих произведений „Журавли“ Видади в замечательных поэтических образах выразил горькое раздумье над окружающей его действительностью.

Я скажу, и в словах моих правда живет.
Вас крылатый злодей на дороге ждет,
Злобный сокол разметчет ваш перелет.
Алой кровью окрасите грудь, журавли?

.....
Вы спросите, друзья, обо мне больном.
Я письмо напишу дрожащим пером.
О больном Видади в свой багдадский дом
Принесите письмо как-нибудь, журавли.

Видади ценит жизнь лишь постольку, поскольку она представляется ему достойной. Он готов пойти на самопожертвование. В послании Вагифу Видади писал:

Я на арене бед обращу голову в круглый, кровавый мяч,
Пустит ее по чужим рукам, в свальную яму бросит палач.
Смерть за достойного — славная смерть, великой жизни она равна.
Жизнь отдать за душу ту, тысяча душ которой цена.

Нужно, однако, заметить, что Видади, несмотря на пессимистические мотивы, не приходит к фатализму, не теряет веры в лучшее будущее. Он убежден в том, что наступит конец произволу и насилию феодального мира.

Видади — один из замечательных лириков азербайджанской поэзии. Вместе со своим другом и современником — Вагифом, Видади значительно обогатил лирическую поэзию Азербайджана, мастерски используя высокие образцы народной поэзии.

Велико обаяние поэзии Молла-Панах Вагифа, основоположника новой азербайджанской поэзии, освободившейся от влияния поэзии Ирана.

Поэт, ученый, визирь Карабахского ханства, Вагиф был выдающимся человеком своего времени.

Он родился в начале XVIII века в Казахском районе Азербайджана. О детских и юношеских годах поэта мы почти ничего не знаем. Вагиф учился в медресе и получил солидное образование. Еще в молодости он поражал своих соотечественников недюжинным поэтическим талантом и ученостью. Позднее о нем сложилась известная азербайджанская поговорка: „Не всякий, кто учится, делается Молла-Панахом“.

В начале второй половины XVIII века население ряда деревень Казахского магала переселилось в Карабах. Вместе с переселенцами обосновался в Карабахе и Вагиф. В поисках счастья молодой поэт вскоре переехал в Шушу, в резиденцию Карабахского хана. В Шуше он основал азербайджанский мектеб, усердно занимаясь

воспитанием и обучением детей. Первое время он жил в бедности и нужде, терпел лишения, занимался преподавательской работой. В известном стихотворении Вагифа „Байрам“ отражен этот период его жизни:

Наступает байрам — да не знаю, как быть?
Заглянул бы в мешок, но мешка не найти.
Рис и масло давно не водились у нас.
Съел бы мяса кусок, но куска не найти!

Бог о нас позабыл — милосердный, благой.
Скажешь слово одно — и в село ни ногой!
У соседей — по горло еды дорогой,
А у нас и зубца чеснока не найти!

Нет! Достатком Вагиф не прославится, нет!
В доме даже супруги-красавицы нет.
Нет ума и не скоро прибавится, нет!
Да и разума тоже пока не найти!

Вагиф иронически говорит о своей жизни, рассказывает о бедности, о нужде, которые ему пришлось перенести в Шуше. Однако вскоре он своими стихами приобрел в Карабахе большую известность. Слава о нем дошла и до владетеля Карабаха Ибрагим-хана, который приблизил Вагифа к себе и в 1769 году назначил его на должность „Эшик-агаси“ (церемониймейстер). Так началась государственная деятельность будущего главного визиря Карабахского ханства.

После смерти Надир-шаха (в 1747 году) Азербайджан навсегда отошел от Ирана. Между отдельными ханствами шла ожесточенная борьба. Междоусобицы и феодальные распри ложились тяжелым бременем на народ. Ираклий, грузинский вали, вошел в союз с отдельными ханами для борьбы с Ширваном. Карабахское ханство заняло тогда одно из важнейших мест среди азербайджанских феодальных княжеств.

Вагиф проявил большой административный и дипломатический талант, помогая своими советами Ибрагим-хану управлять Карабахом. Он достиг должности главного визиря и вел все дипломатические переговоры Карабахского ханства с соседями. Он приезжал в Тбилиси для переговоров с Ираклием II, заключал союзы, усиливал государственную мощь Карабаха. Благодаря укреплению Карабаха, Ширван находился в феодальной зависимости от Ибрагим-хана. Одно время Карабаху подчинялся почти весь южный Азербайджан. Вагиф, опасаясь нападений со стороны Ирана, начал

переговоры с царской Россией об оказании помощи против Ага-Мамед-шаха. Особое Карабахское посольство отправилось в Россию к Екатерине. Выразителем русской ориентации Карабахского ханства был поэт Вагиф.

Ага-Мамед-шах, узнав о переговорах Карабаха с русскими, в 1795 году перешел со своей армией Аракс и осадил город Шушу. Город держался около месяца и не сдавался. Самонадеянный феодал отправил Ибрагим-хану послание, в котором с насмешкой отзывался об осажденной крепости.

Безумец! Град камней летит с небес,
А ты в стеклянных стенах ждешь чудес¹.

На это послание ответил главный визирь Карабаха, поэт Молла-Панах Вагиф:

Меня стеклом созлатель окружил,
Но в крепкий камень он стекло вложил.

Ага-Мамед-хану не удалось взять Шуши, он вторгся в Грузию, разорил Тбилиси и возвратился зимовать на Мугань. В следующем году он предпринял новый поход против непокорного Карабаха. Ибрагим-хан Карабахский бежал в Белокан, оставив в Шуше своего главного визиря. Ага-Мамед-хан вошел в Шушу, не встретив особого сопротивления. Началась кровавая расправа, грабежи, казни. Вагиф был схвачен и посажен в темницу. Ночь перед казнью он не спал, не теряя надежды на близкое освобождение. Рано утром по всему городу разнеслась весть об убийстве хана.

Вагиф был выпущен на свободу. Потрясенный изменчивостью судьбы, Вагиф послал своему другу Видади поэтическое послание:

Видади! Как судьба поступила со мной — взгляни!
На дела и плоды этой жизни земной — взгляни!

Вмиг тиран ненавистный судьбой повергнут в прах.
На творца, воздающего верной ценой — взгляни!

Не вчера ль у народа Киблю была свеча,
На победу зари над зарницей ночной — взгляни!

Под ногами — корона и царская голова,
Ты на них, разделенных народной волной — взгляни!

После убийства Мамед-хана, Мамед-бек, племянник Ибрагим-хана, воспользовался отсутствием дяди и захватил власть в Шуше.

¹ Ш у ш а — по-фарсидски — стекло. Игра слов.

Желая избавиться от сторонников и близких людей Ибрагим-хана Мамед-бек устроил резню. В числе убитых оказался и поэт Молла-Панах Вагиф.

Карабах долго оплакивал гибель любимого поэта.

Прошли годы, его могила, находящаяся в Шуше, стала священным местом: каждый год толпы народа шли туда на поклонение.

Стихи Вагифа, широко распространенные в народе, впервые были собраны Мирза-Юсуфом Карабаги Нероезовым и изданы в 1856 году в Темир-хан-Шуре (Буйнакске). Вслед за ним Мирза-Фатали Ахундов составил сборник произведений Вагифа. Этот сборник был издан ориенталистом Адольфом Берже в Лейпциге в 1867 году, с предисловием на немецком языке.

Светлое и радостное восприятие мира — основа реалистической поэзии Вагифа, и это значительно отличает его оптимистическое творчество от творчества Видади. Любовь, человеческая красота, картины природы — основные мотивы его творчества.

Сохранился замечательный поэтический диалог между Вагифом и Видади, в котором последний упрекает Вагифа в излишествах жизни. Вагиф — жизнерадостный человек, бодро и трезво воспринимавший жизнь, силой разума стремившийся стать выше печальной действительности. Подобно тому, как Белинский в свой „шеллингианский“ период улавливал дыхание „вечной идеи“ даже в землетрясениях и слезах ребенка, так и Вагиф искал философский смысл в скорби и муках земли. „Зачем ты так весел и счастлив, Вагиф?“ — спрашивает Видади своего друга:

... Ты — мальчик с пресыщенным сердцем. Оно
Желаний и жадных томлений полно...

* * * * *
...Ты — юноша с детскою негой в глазах,
Ты в первых еще пребываешь мечтах...

Таким был Вагиф в поэзии. Поэт охвачен радостной, не знающей сомнений любовью. Простыми правдивыми словами он воспекает красавиц Грузии, свою возлюбленную, радости жизни. Нежными, пленительными стихами говорит Вагиф о любимой женщине, сравнивая ее с благоухающей, свежей розой, с луной, с солнцем, с небом.

Простота, искренность, мелодичность стиха Вагифа сделали его лирику народной. Много поколений азербайджанских ашугов учились у Вагифа поэтическому мастерству.

Но пессимистическое настроение Видади затронуло также и его друга Вагифа. Жизненные невзгоды, феодальные неурядицы,

изменчивость поэтической судьбы нередко склоняли умную голову главного визиря Карабаха. Жестокая феодальная действительность разрушала романтические грезы поэта:

Я правды искал, но правды снова и снова нет:
Все подло, лживо и криво — на свете прямого нет.
Друзья говорят, в их речи правдивого слова нет.
Ни верного, ни родного, ни дорогого нет.
Брось на людей надежду — решенья иного нет.

Все вместе и каждый порознь, нищий, царь и лакей —
Каждый из них несчастлив в земной юдоли своей.
Их всех сожрала повседневность, оторванность от людей.
И сколько бы я ни слушал бесчисленных их речей —
Кроме лжи и неправды, в их жизни другого нет.

Неприятности и тяготы, вызванные борьбой с политическими противниками, отравляли поэту жизнь. Оптимизм и радостное мироощущение сменяются язвительной иронией. Вагиф проникается ненавистью к окружающему миру, презрением к системе насилия, обмана, зла и притворства и создает поэтические произведения потрясающей силы.

Всякий чего-то ищет, погонею поглощен.
Ищут себе престолов, диадем и корон.
Шах округляет земли — за ними в погоне он.
Влюбленный бежит за тою, в которую он влюблен.
Ни радости нет на свете, ни прочного крова нет.

Ты на людей, как солнце, свет излучаешь весь.
Помни: что слов признанья в радостной вести нет.
Стерты с лица земного стыд, благородство, честь.
Послышалось вам, что в мире искренность где-то есть.
Я долго искал и знаю, — что чувства такого нет.

... Я мир такой презираю вдоль и поперек.
Он злу и добру достойного места не приберег.
В нем благородство тщетно: потворствует подлым рок.
Щедрости нет у богатых — у щедрых пуст кошельки,
И ничего в нем, кроме насилия злого, нет.

Еще много поколений будут с любовью читать стихи и песни Вагифа. Творчество Вагифа оставило глубокий след в азербайджанской и во всей восточной литературе. Десятки крупных поэтов испытали на себе его влияние.

Только в наши дни поэзия Вагифа получает свою настоящую оценку.

Творчество Вагифа заканчивает и как бы подытоживает собой путь, пройденный азербайджанской поэзией в XVII и XVIII веке.

После Вагифа начинается новый этап литературы, связанный прежде всего с именами Закира и Мирза-Фатали Ахундова.

ХІХ ВЕК. МИРЗА-ФАТАЛИ АХУНДОВ

В течение пяти лет (1805—1810) значительная часть Азербайджана была присоединена к Российской империи. Путем подкупа и насилия, огнем и мечом, ценою десятков тысяч жизней был покорен Азербайджан Цициановым, Ермоловым и Котляревским.

В эти тяжелые годы, когда царизм подчинял себе героический азербайджанский народ, боровшийся в течение веков с турецкими султанами и иранскими шахами за независимость, родился великий сын Азербайджана — Мирза-Фатали Ахундов, вдохновленный борец за счастливую жизнь народа, за освобождение от уз деспотизма, феодализма и религии.

Мирза-Фатали Ахундов — знаменитый азербайджанский писатель, основатель азербайджанской драматургии и театра, поэт и мыслитель, был крупнейшим общественным деятелем. Он впервые выдвинул идею нового алфавита, поднял свой голос против фанатизма, религии, духовенства, суеверия, деспотического строя восточных стран, затворничества женщин.

Мирза-Фатали родился в 1812 году в городе Нухе. Гаджи-Алескер, приемный отец Фатали, считался в Нухе образованным ахундом. Свои познания в восточных науках он постарался передать любознательному мальчику.

В начале тридцатых годов Гаджи-Алескер предпринял путешествие в Мекку. На время своего отсутствия он отвез Мирза-Фатали в Ганджу, оставив его у ученого ахунда, муллы Гусейна, который стал преподавать юноше, уже знавшему ряд восточных языков, арабскую логику и другие науки.

Встреча с поэтом Мирза-Шафи раскрыла глаза будущему писателю, и он, отказавшись от священнического сана, решил посвятить себя изучению русского языка и русской литературы.

В 1834 году Мирза-Фатали приехал в Тбилиси, где поступил в канцелярию барона Розена на должность помощника переводчика с восточных языков. В Тбилиси начинается напряженная работа великого азербайджанского просветителя. Мирза-Фатали попадает в совершенно чуждую, незнакомую ему обстановку. Он быстро ориентируется в ней и все свободное время тратит на изучение русского языка, на чтение Ломоносова, Державина, Пушкина и

других русских классиков. Обогащенный новыми знаниями, Мирза-Фатали начинает смотреть на окружающее иными глазами. Он чувствует отсталость своего народа и решает отдать все свои силы борьбе за свободную, светлую и культурную жизнь своей родины.

Видя в арабском алфавите, навязанном азербайджанцам исламом, главное препятствие к распространению просвещения и образования среди народа, Мирза-Фатали активно и настойчиво борется за реформу алфавита, пишет публицистические статьи и брошюры.

Одновременно он создает первые драматические произведения на азербайджанском языке. В комедии „Ботаник мосье Жоржан“ Ахундов обличает суеверие масс, шарлатанство и лживость служителей религиозного культа; наряду с этим он ищет новых путей развития феодального Азербайджана. Изображая в комедии „Алхимик молла-Ибрагим Халил“ отрицательные стороны различных социальных слоев, высмеивая авторитеты феодального мира, Ахундов противопоставляет им ясный и философски-разумный образ поэта Гаджи-Нури. В „Визире Сарабского ханства“ Ахундов, нападая на верхушку феодальной знати, показывает недовольство деспотическим строем отдельных групп общества, требующих разумного и честного правления, основанного на справедливых законах.

„Гаджи-Кара“ — лучшее драматическое произведение Мирза-Фатали Ахундова. Это блестящая сатира на государственные порядки сороковых годов, показывающая в завуалированной форме гнет самодержавия и страх масс перед колониальным судопроизводством. Мирза-Фатали предвещает надвигающуюся гибель дворянских гнезд, он рисует отрицательные стороны жизни торговых людей. Вместе с тем впервые в азербайджанской литературе появляются положительные образы крестьян.

В повести „Обманутые звезды“ Ахундов дал сатирическую критику самодержавия и деспотизма, разоблачая гнусность феодального правления, самодурство правителей, их лицемерие и невежество.

В шестидесятых годах Мирза-Фатали Ахундов увлекается философскими и экономическими науками. Он изучает книги Джона Стюарта Милля, „Персидские письма“ Монтескье, „Историю философии“ Бауэра, „Историю цивилизации в Англии“ Бокля, знакомится с философией Вольтера, Дидро и Гольбаха и других материалистов XVIII века, читает произведения великих русских просветителей — Белинского и Чернышевского. Результатом этой интенсивной работы явилось крупное философское и политическое произведение Ахундова „Письма индийского принца Комал-уд-Довле

и иранского принца Джелал-уд-Довле“ и ряд других критических и публицистических статей.

„Письма“ — яркий памфлет на религию и деспотизм. Как в этом трактате, так и в целом ряде статей и писем, Ахундов дает блестящую критику основ исламизма, всяческих религиозных учений, феодального государства, правящей аристократической верхушки, рисует ужасающие картины восточного деспотизма, обман и продажность мулл, нищету, бесправие, невежество и рабство угнетенных народных масс. Открыто нападая на поповщину и фанатизм мулл, Ахундов звал народные массы к отрезвлению от религиозного дурмана, к просвещению, культуре, к всеобщему освобождению от позорного рабства, к буржуазной революции.

Развивая свои материалистические взгляды, М.-Ф. Ахундов выступил с критикой пантеизма Джалаледдина Руми, субъективистской и идеалистической философии Юма. Философское наследие М.-Ф. Ахундова — ценный вклад в историю материализма.

Ахундов был воодушевлен горячей верой в прогресс. Всю свою жизнь он боролся за европеизацию азербайджанской действительности. Он верил, что осуществление проповедуемых им идей принесет за собой всеобщую свободу и счастье, уничтожение варварства, голода и нищеты.

Поэзия Мирза-Фатали Ахундова занимает крупное место в его огромном литературном наследии. Большая часть его поэтических произведений написана в форме посланий друзьям.

Его знаменитая поэма „На смерть Пушкина“ имеет большое историческое и художественное значение. В поэме выражена глубокая скорбь Ахундова по поводу смерти гениального русского поэта. С замечательной прозорливостью увидел молодой Ахундов мощную силу „песнопений“ и „светлый ум“ Пушкина. Возмущением и негодованием горят его строки:

Он мишенью стал для злодейских пуль —
Жизнь горячую пресекли.
Черной власти раб, черной тьмы гонец
Подстрелил певца издали.
И задул свечу налетевший вихрь.
В тесной келье кости легли.
.....
Вся Россия днесь мертвецу вопит...
.....
Милосердный аллах! Он спит.

Поэма „На смерть Пушкина“ — искренняя, волнующая высокохудожественная элегия, которую можно сравнить с лермонтовским

стихотворением „На смерть поэта“. Стихи Лермонтова и поэм Ахундова дополняют друг друга и являются могучими поэтическими откликами на смерть великого русского поэта. Поэма Ахундова говорит также об огромном влиянии, которое оказал Пушкин на лучших представителей интеллигенции угнетенных народов старой России.

ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА

Деятельность Мирза-Фатали Ахундова была отчасти подготовлена старшим его современником Аббас-Кули-Ага Кудси Бакихановым (1794—1847).

Крупный просветитель, поэт и ученый, Кудси Бакиханов был близко знаком с А. С. Грибоедовым, А. С. Пушкиным и А. А. Бестужевым. Поэтическое творчество Кудси развивалось под влиянием азербайджанских классиков. Его поэтическое наследие включает ряд талантливых лирических и сатирических произведений. Немецкий поэт Боденштедт, лично знавший Кудси во время своего пребывания в Тбилиси, намеревался издать переводы „Дивана“ Кудси на немецком языке, но ему удалось перевести только девять его стихотворений.

С именем Фридриха Боденштедта связано также имя другого азербайджанского поэта Мирза-Шафи Вазеха (ум. в 1852 г.). Мирза-Шафи — одна из ярчайших фигур азербайджанской поэзии первой половины XIX столетия. Воспоминания и исследования современников дают нам прекрасный материал для характеристики Мирза-Шафи как поэта-мыслителя и человека.

Мирза-Шафи был сыном Кербалай Садыха, известного зодчего ганджинского хана Джавад-хана Зияд-оглы. Еще в детстве юный Шафи обучался арабскому и фарсидскому языкам. Отец будущего поэта Кербалай Садых, набожный и благочестивый человек, готовил своего сына к духовному званию. Но его предположения не сбылись. Шафи еще находился в медресе, когда его отец внезапно скончался.

К этому времени из Тавриза вернулся на родину известный Гаджи-Абдулла, человек замечательного ума и высокой нравственности, как пишет о нем ориенталист Адольф Берже. Это был интересный и яркий человек, с передовыми взглядами на жизнь. Впоследствии он оказал большое влияние на интеллектуальное развитие сына ханского зодчего.

Гаджи-Абдулла вел открытую борьбу с предрассудками и суевием, разоблачая многие религиозные догматы. Муллы и ахунды были ожесточены против него и его проповедей. Мирза-

Шафи увлекался учением Гаджи - Абдуллы и открыто примкнул к немногочисленным сторонникам ганджинского вольнодумца.

В тридцатых годах Мирза - Шафи выдвинулся как крупный азербайджанский поэт и ученый. К этому времени относится его знаменитая встреча с юным Мирза - Фатали Ахундовым, сыгравшая значительную роль в жизни последнего. Уже тогда Мирза - Шафи славился своими антиклерикальными стихами. Он выступает с критикой духовенства, разоблачает предрассудки и фанатизм, бичует мулл, сановников, изуверов. Поэт долгое время подвергался тяжелым гонениям и преследованиям со стороны духовенства.

В сороковых годах Мирза - Шафи был учителем азербайджанского языка в одном из тбилисских учебных заведений, руководимым известным армянским писателем Хачатуром Абовяном. В Тбилиси Мирза - Шафи познакомился с Фридрихом Боденштедтом, вел с ним частые беседы на литературные и философские темы. Боденштедт, увлеченный замечательной личностью и поэзией Мирза - Шафи, записал под его диктовку многочисленные песни поэта.

После отъезда из Тбилиси Боденштедт опубликовал свои впечатления о пребывании на Кавказе в книге „1001 день на Востоке“ (1850), где он дал яркое описание своих встреч с поэтом Мирза - Шафи, „ганджинским мудрецом“, и привел ряд его стихотворений, переведенных на немецкий язык. В 1851 году Боденштедт издал сборник переводов произведений Мирза - Шафи на немецком языке под названием „Песни Мирзы-Шафи“. Книга имела огромный успех. В одной только Германии она вышла в 179 изданиях. Впоследствии Боденштедт, воспользовавшись успехом произведений Мирза-Шафи, пошел на открытый плагиат и цинично объявил их своими. Советское литературоведение, на основе целого ряда исследований, разоблачило этот плагиат немецкого путешественника, не имеющий прецедентов в истории мировой поэзии. Песни Мирза - Шафи, переведены на языки почти всех европейских народов.

Один из популярнейших современников Мирза - Шафи был поэт Набати.

Поэзия Набати очень противоречива. Разрабатывая темы суфизма, уже потерявшего свою прежнюю социальную остроту, поэт в то же время пишет о жизни простого народа, о жизни кочевников. Очень интересны его лирические стихотворения, своеобразно выражающие настроения поэта:

Ты снова влюблен! Не рыдай, соловей!
Весна через день непременно придет.
Собой дорожи, постоянству не верь,
Конец твоей розе мгновенно придет.

.
К прелестной любовь Набати велика.
Слова ее — нежная сладость цветка.
Молчи обо всем, что ты знаешь, пока —
И время для тайн драгоценных придет.

Не менее значительно лирическое творчество поэтессы Натан. В середине XIX столетия она организовала в Шуше литературный кружок, на меджлисы которого съезжались лучшие поэты тогдашнего времени. Ее свободолюбие, независимый образ жизни, участие в поэтических состязаниях, близкое знакомство со многими поэтами сделало эти меджлисы одной из блестящих страниц в истории литературной жизни и быта Азербайджана XIX века.

Как и у многих других современников поэтессы, в ее поэзии преобладают мотивы любви:

Как небеса, ты расцвела, фиалка,
Ты все поля себе взяла, фиалка.

Зачем ты роскошь цветников отвергла,
Зачем поля ты предпочла, фиалка?

Ты шелестишь, как будто боль и старость
Ты в юности перенесла, фиалка.

В тебе весна влюбленность пробудила —
Любовь всегда грустна была, фиалка.

Мне кажется, что локонов любимых
Ты нежный запах донесла, фиалка.

В эту же эпоху появляется крупнейший сатирический поэт Азербайджана Касум-бек Закир, замечательный лирик и стилист.

Закир родился в конце XVIII столетия в дворянской семье. Он получил образование в Шушинском мектебе. Жил он в собственном имении Хынзырыстане и занимался хозяйством. В сороковых годах прошлого столетия Касум-бек Закир был уже известным поэтом. Закир знаменит своими сатирическими стихами, направленными против мулл, помещиков и царских чиновников. Его блестящие острые сатиры вызывали недовольство местных властей. Незадолго до смерти престарелый поэт был обвинен в укрывательстве своего племянника Качах Бехбуда, бежавшего от царских властей. Закир вместе с сыном Наджаф Кули-беком и племянником Искандер-

беком были арестованы. Семья поэта была заключена в тюрьму, имущество его конфисковано, и в этапном порядке Закир был отправлен в бакинскую тюрьму. Только благодаря вмешательству влиятельных знакомых М.-Ф. Ахундова Закир был освобожден и вернулся в Карабах. Умер он в 1857 году в глубокой старости.

Закир — один из крупнейших представителей азербайджанской сатирической поэзии. Его блестящий талант сатирика, резкая критика существующих порядков, смелость, самоуверенность создали ему немало врагов среди фанатиков и имущих слоев.

Я не боюсь ни шахов, ни царей,
Родившись львом от матери своей,—

так говорил о себе Закир. Он беспощадно клеймил продажность царских чиновников, лицемерие мулл, насилие и жестокость помещиков, скупость и жадность купцов. В своих поэтических посланиях он с большой смелостью говорит о беззакониях, творимых царскими чиновниками в Карабахе.

Очень ярко выражено настроение поэта в его знаменитом стихотворении „Журавли“, в котором разработана эта традиционная тема ряда азербайджанских поэтов (Виади, Вагиф и др.). Закир реально ощущал противоречия действительности, бичевал феодальное общество, едко и зло осмеивал деспотизм. Он чувствовал себя чужим на родине.

Здесь под вами чернеет разрушенный кров!
Пролетайте над ним, как тень облаков!
Вы летите над гнездами ястребов,
Сберегите в пути себя, журавли!

Я, живя на чужбине, надежду таю;
День и ночь я о родине слезы лью.
Я, как вы, чужестранец в родном краю.
Вдаль я вас провожаю, скорбя, журавли!

Закир был главой нового сатирического направления в поэзии XIX века. Он явился продолжателем реалистического стиля, созданного еще Вагифом. Стихотворному мастерству он учился у ашугов, писал простым, понятным языком, всеми силами стремясь стать близким своему народу. Для творчества Закира характерны пафос обличения и в то же время глубокий лиризм.

Главное место занимают в творчестве Закира лирика, басни и сказки.

В шестидесятых годах прошлого столетия в городах Азербайд-

жана стали возникать литературные кружки, создавались поэтические группировки. Появился ряд новых крупных поэтов, в творчестве которых сохранились лучшие традиции старой азербайджанской литературы. В произведениях этих поэтов борьба с религией, духовенством и фанатизмом мулл принимала более определенный характер. Лучшим, талантливейшим поэтом второй половины XIX столетия был поэт Сеид-Азим Ширвани.

Вся его жизнь и творчество были посвящены борьбе с фанатизмом, религией, духовенством, пропаганде просветительных идей и культуры. В условиях патриархально-феодалного Азербайджана его творчество бесспорно сыграло прогрессивную роль, содействуя росту культуры и самосознания трудящихся масс.

Сеид-Азим родился в 1835 году в Шемахе. Детство и юность поэта были посвящены изучению восточных наук и языков. Большое влияние на развитие поэтического таланта и расширение идейного кругозора Ширвани оказало путешествие по Ближнему Востоку. Еще молодым человеком он был в Египте, Дамаске, Багдаде и Медине, встречался со многими интересными людьми, продолжая усердно учиться.

Поэт открыто разоблачал обман и шарлатанство мулл, разоблачал фанатические бредни о сотворении мира, о чудесах и т. д. Смелые речи его вызвали тревогу у мулл и изуверов. Они объявили поэта „еретиком“.

В 1875 году в Баку стала выходить первая азербайджанская прогрессивная газета „Экинчи“, издававшаяся видным публицистом и просветителем Гасан-бек Зардаби Меликовым (исторически это третья газета на азербайджанском языке). Сеид-Азим Ширвани стал активным сотрудником газеты, печатал стихи и сатиры, направленные против фанатизма, пропагандировал идеи просветительства. В это же время поэт открыл в Шемахе русско-азербайджанскую школу, также сыгравшую большую роль в борьбе за культуру.

Поэт умер в 1888 году. Как передают, он был задавлен фанатической толпой при выходе из мечети.

В своих замечательных газеллах Сеид-Азим Ширвани следует по стопам великого Физули. Его лирические стихи оказали большое влияние на всю последующую азербайджанскую поэзию.

Основное в творчестве Сеид-Азима Ширвани — бичующая, просветительная сатира.

С большим уважением относился он к русской культуре, призывая своих современников изучать русский язык и литературу, что в условиях тогдашней патриархальной и фанатической Шемахи было смелым поступком.

Одно из своих произведений Сеид-Азим Ширвани посвятил памяти великого русского поэта А. С. Пушкина в день открытия ему памятника в Москве в 1880 году.

Творчеством Сеид-Азима Ширвани завершается поэзия XIX века.

Приближалась русская революция. 1905 год дал азербайджанской поэзии великого народного поэта Алекпера Сабира.

ПОЭЗИЯ XX ВЕКА

В конце XIX и начале XX века бурно растет и закаляется в борьбе с царизмом славный многонациональный бакинский пролетариат.

Еще на заре революционного движения рабочего класса товарищ Сталин создавал бакинскую большевистскую организацию, закаляя ее в борьбе против капитализма и всех врагов трудящихся.

„Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию“ (Ленин, т. XVI, стр. 384).

Азербайджанский народ, разбуженный великим пролетарским движением 1905 года, борясь с эксплуататорами — помещиками и капиталистами, активно участвует в общественно-политической жизни, выдвигает своих певцов.

В азербайджанской поэзии появляются новые мотивы, новые идеи, новые имена. Творчество Алекпера Сабира было ярким выражением революционного настроения широких народных масс Азербайджана.

Буржуазно-помещичьи писатели объединились вокруг реакционного журнала „Фиюзат“ (издавался на средства бакинского миллионера Г. З. А. Тагиева в 1906 году), проповедывавшего панисламистские, пантюркистские контрреволюционные идеи. Буржуазная литература и реакционная журналистика не имели никакого успеха среди широких народных масс. Язык этой литературы был засорен турецкими, арабскими и фарсидскими словами и был непонятен народным массам.

Прогрессивный, демократический журнал „Молла-Насреддин“ (начал выходить в 1906 году), издававшийся известным писателем Джалилом Мамед-Кули-заде, боролся с реакционными течениями в литературе. „Молла-Насреддин“, выступивший с революционно-демократическими идеями, вел ожесточенную борьбу с религией,

царизмом, помещичьим гнетом и невежеством. Поэт Алекпер Сабир был одним из знаменосцев этого сатирического журнала.

Еще в начале своего творческого пути Сабир проявлял большой интерес к общественной жизни, к судьбе народа. Он жил в Шемахе. Перед глазами юноши развевалась жизнь отсталого патриархального городка.

Революция 1905 года еще больше углубила интерес Сабир к социальной тематике. Она оказала большое влияние на развитие его творчества. Он интересовался политическими событиями, следил за печатью.

В 1905 году в газете „Хаят“ появилось стихотворение Сабир „Интернационал“ (обращение к мусульманам и армянам). Это произведение носило уже характер социально-политической поэзии.

Сабир звал азербайджанских и армянских трудящихся, обманутых националистической буржуазией, к братству, единению, интернационализму. Великий поэт смело называл политику царизма коварной, дьявольской, братоубийственной. Он обвинял царизм в разыгравшихся тогда событиях кровавой национальной резни, в натравливании друг на друга двух братских народов.

Как поэт-гражданин, Сабир ясно видел причины братоубийственной розни и в своих сатирах обрушивался на национализм и царскую политику национальной травли.

Сабир — поэт угнетенных и эксплуатируемых масс, видевший в социальном неравенстве причину народных бедствий. В стихах „Новруз“ и „Курбан байрам“ Сабир дал яркие картины гнета, бесправия и неравенства:

Ты богачам веселый зов, Новруз!
Ты закадычный друг купцов, Новруз!
О праздник нации моей, зачем
Ты стал страданьем бедняков, Новруз!

Сабир со всей резкостью разоблачал эксплуататоров, вел беспощадную борьбу с социальной несправедливостью, с угнетателями трудящегося народа.

Всей силой своей революционной сатиры поэт бичевал социальный строй, построенный на эксплуатации трудящихся масс. Он был борцом за свободу, за народное счастье.

А если уйду — ты, что пела в крови,
Свобода, разлейся, как пламя зари!
Свобода великая, вечно гори!
Свобода-красавица, вечно живи!

В его сатирических произведениях нашли свое художественное выражение гнев и ненависть народа к поработителям. Сатира Сабир беспощадна к врагу, к социальным верхушкам. Это по-настоящему революционная сатира. Она зовет к борьбе с помещиками и капиталистами, клеймит дряблый и половинчатый либерализм.

Беспощадно разоблачал Сабир духовенство и религию, невежество и фанатизм. В его творчестве большое место занимает изображение старого быта, рабства и неравенства женщин, лицемерия мулл. Сабир смело называл мулл бандитами и грабителями:

Тебе религия нужна, чтоб грабить связанный народ,
Как блеск бандитского ножа, она страшна, святой отец!
Ты светлый мир не очернишь по образцу своей души,
Не перекрашивайся, нет, она черна, святой отец!

Сабир был поэтом революционной эпохи, эпохи широких народных движений. Он отчетливо сознавал свою историческую задачу. Весь свой талант он отдал революционному движению. С гордостью называл он себя зеркалом народа. Своей деятельностью он помогал осуществлению исторических задач рабочего класса в Азербайджане. Он считал своим долгом говорить только правду и показывать врагов народа так, как они есть. С едкой насмешкой он рисует картины старой жизни, ее позорные и грязные стороны, и заставляет читателя проникаться ненавистью к этому страшному миру.

Сатира Сабир имела большое агитационное значение. Он был поэтом-агитатором, художником-реалистом. Язык его поэзии прост, ясен, живописен.

Сабир — новатор, ушедший от старых форм газелл и касидэ. Он смело нарушал устаревшие литературные каноны, внося в азербайджанскую поэзию новое идейно-политическое содержание, новые мысли, новый словарь. Он поэт широких народных масс.

Сборник его стихотворений „Хоп-хоп-намэ“ является любимой книгой рабочих и колхозников Азербайджана. Отдельные стихи и афоризмы Сабир вошли в азербайджанский разговорный язык как поговорки. Как революционный народный поэт Сабир известен далеко за пределами Азербайджана. Тот факт, что во время иранской революции (1908) революционные стихи Сабир читались иранскими муджахидами в траншеях, показывает революционно-народный дух его творчества. Литературное влияние Сабир распространилось на весь Ближний Восток. В Иране и в Турции Сабир имел своих подражателей и последователей.

Агитационные стихи Сабира, разоблачающие индифферентность интеллигенции, религиозный обман, фанатизм, патриархальные нравы и самодурство, не потеряли своего значения и в наши дни.

Сабир неуклонно и непримиримо боролся за свои идеи. Его уничтожающий сарказм вызвал ответную вражду к нему со стороны господствующих классов. Несмотря на жестокую травлю со стороны духовенства, обрекавшего тем самым поэта на нищенское существование, Сабир был непоколебим и твердо стоял на своих позициях.

Даже в годы наибольшего разгула реакции Сабир не впал в уныние и пессимизм. Он знал, что „эксплуататоры желать не могут народного счастья“, он страстно верил, что придет день, когда народ восстанет и сбросит насильников и тунеядцев.

Гуманизм великого народного поэта заключался в его ярком лозунге:

Тот, кто любит человека, становится влюбленным в свободу,
Известно, где свобода, там и человечность.

Он верил, что народ будет свободен, что просвещение проникнет в массы, люди станут жить как братья, дружно и счастливо. Правда, Сабир не совсем ясно представлял себе, какими путями дойдет до этого человек, но, как передовой человек своего времени, он художественной пропагандой содействовал борьбе за пролетарскую революцию.

Алекпер Сабир умер в 1911 году. Имя этого великого поэта навсегда вошло в историю поэзии азербайджанского народа.

Другой крупный поэт XX века Аббас Сихат (1874 — 1918) был современником и другом поэта Сабира. Несмотря на то, что оба поэта вышли из одной и той же литературной среды, они различны по мировоззрению и по характеру своего творчества.

В 1906 году Аббас Сихат примкнул к „Фиюзату“, но впоследствии отошел от панисламистских и пантюристских идей и лозунгов. Аббас Сихат боролся за просвещение, за культуру против продажности и лицемерия духовенства, против либерализма буржуазной интеллигенции.

Однако борьба Аббас Сихата не носила революционного характера. Пламенный протест против купцов-эксплуататоров, „пустоголовых“ интеллигентов, „человеков в футляре“, обывателей и др. нередко сменяется у поэта жалобой на жестокость века, на свое личное бессилие.

Несмотря на все эти противоречия в творчестве Аббас Сихата, он является одним из лучших азербайджанских поэтов XX века. Сихат все же верил в будущее, верил, что когда-нибудь трудящиеся массы завоюют счастье.

Романтические и сентиментальные элементы сочетаются в поэ-

зии Сихата с реальными картинами жизни. В произведениях Сихата, посвященных изображению деревенской жизни, чувствуется стремление к реализму. У него есть яркие картины природы („Летний вечер“, „Зима“ и др.).

Сихат хорошо владел фарсидским, русским и французским языками, был близко знаком с русской и европейской литературой. Огромное влияние оказала на поэта поэзия великого русского народа. Сихат учился у таких гениальных сынов русского народа, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов. Под влиянием стихотворения „Поэт и гражданин“ Некрасова Сихат написал одно из лучших своих произведений „Поэт и муза“.

Большой заслугой Сихата является его работа по ознакомлению азербайджанского народа с образцами поэтического творчества русского и европейских народов. Аббас Сихат перевел ряд басен Крылова; стихотворения „Кавказ“, „Пророк“ и „Утопленник“ Пушкина; „Мцыри“, „Хаджи-Абрек“, „Черкесы“, Три пальмы“ и другие произведения Лермонтова; „Майскую ночь“ Мюссе; „Лесного царя“ Гёте и т. п. Сихат переводил простым, понятным и выразительным языком. Многие его переводы и сейчас не потеряли своего художественного значения.

В период господства презренных врагов азербайджанского народа—муссаватистов, банда капиталистических наймитов и буржуазных националистов всячески стремилась держать народ в рабстве, разжигая межнациональную вражду. Положение широких народных масс было плачевным. Муссаватская литература как с идейной, так и с художественной стороны была крайне убога, чужда и враждебна широкому народному массам. За все время существования муссаватского правительства не было создано ни одного крупного художественного произведения.

В поэзии культивировались шовинистические стишки поэтов-националистов, будивших межнациональную вражду, призывавших народ итти под иго иностранного капитала, смириться с гнетом помещиков и капиталистов. Стихи эти, повторяя зады турецких поэтов-пантюкистов, начинались восхвалением аллаха, а кончались прославлением турецких пашей.

Выражая бессилие загнивающего класса, муссаватская литература выявила свою полную несостоятельность в создании оригинальных художественных произведений.

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

28 апреля 1920 года рабочие и крестьянские массы Азербайджана, при помощи героического русского пролетариата, под руководством великой партии Ленина — Сталина, свергли господство контрреволюционных муссаватистов, беков и капиталистов.

Партия и лично великий Сталин послали в помощь азербайджанскому народу своих лучших и неустрашимых бойцов за социализм — т.т. Кирова, Орджоникидзе и Микояна, которые помогли трудящимся массам Азербайджана окончательно освободиться от позорного муссаватского господства и капиталистического ига.

Угнетенный в прошлом царизмом, беками и капиталистами, свободный народ советского Азербайджана, под руководством партии Ленина — Сталина, при братской помощи великого русского народа, превратил свою страну в цветущую социалистическую республику с высоко развитой промышленностью и крупным социалистическим сельским хозяйством.

Азербайджанский народ начал развивать свою новую культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию.

Лучшие представители старой азербайджанской интеллигенции перешли на сторону советской власти. Такие крупные писатели, как Джалил Мамед-Кули-заде, Ахвердов, поэт-драматург Джабарлы, Абдулла Шаик и другие, отдали все свои творческие силы народу, строящему социалистическое общество.

Крупнейший азербайджанский поэт-драматург Джафар Джабарлы (1899 — 1934), осознав всю фальшь и лицемерие муссаватистов, беспощадно разоблачал в своих произведениях наймитов капитала.

Развиваясь на лучших традициях азербайджанской классической литературы, усваивая богатую культуру русского народа, Джафар Джабарлы, в условиях советского Азербайджана, стал одним из крупнейших советских писателей. Джафар обогатил азербайджанскую литературу новыми реалистическими произведениями („Невеста огня“, „Севиль“, „ В 1905 году“, „Алмас“ и „Яшар“), написанными на революционные темы, создал ряд образов героев, борющихся за новый мир, за социалистический строй. Джафар Джабарлы был не только талантливым драматургом. Джабарлы — поэт и новеллист. Еще в 1915 году Джабарлы выступил в литературе как автор интересных сатирических фельетонов.

У Джабарлы свой стиль, своя художественная манера. Поэма „Девичья башня“, занимающая заметное место в его поэтическом

творчестве, была написана в 1922 году, на основе старой азербайджанской легенды. В ней сказались богатая фантазия и яркий поэтический талант Джабарлы. В легендарных образах Кантемира и Дурны Джабарлы воссоздал образы народного сказания, широко известного в Азербайджане.

Среди писателей, вышедших из рядов старой интеллигенции, необходимо особо отметить писателя-большевика, первого пролетарского поэта Азербайджана, Мамед Саида Ордубады. Примкнув в свое время к революционно-демократическому течению журнала „Молла-Насреддин“, Ордубады своими едкими сатирами бичевал фанатизм, косность и отсталость. После революции главное острие его сатиры было направлено против религиозного дурмана и мещанства. Его газетные политические фельетоны сыграли большую агитационную роль в первые годы социалистической революции.

Начиная с 1930 года Ордубады пишет ряд исторических романов. В „Тавризе туманном“ автор описывает иранскую революцию 1917 — 18 годов. В романах „Подпольный Баку“, „Борющийся город“, „Мир меняется“ Ордубады отобразил революционную борьбу закавказского пролетариата за свою свободу.

Поэтом-орденоносцем переведены на азербайджанский язык „Борис Годунов“ и „Бахчисарайский фонтан“ А. С. Пушкина.

Наряду с писателями и поэтами старшего поколения, в советском Азербайджане работают молодые писатели. Под знаменем побед социалистической культуры в литературе появились вышедшие из народных масс молодые советские поэты и писатели.

Советская поэзия Азербайджана выросла в борьбе с националистической и муссаватской идеологией. Вооруженная великими идеями Ленина — Сталина молодая советская поэзия в области литературы одержала окончательную идейную и творческую победу над муссаватскими бандитами, — этими презренными предателями азербайджанского народа, фашистскими гадами и шпионами.

Проникнутая революционным подъемом и верой в силы и победу рабочего класса, азербайджанская советская поэзия, в борьбе с буржуазными националистами, пропагандирующими чуждые народным массам идеи пантюркизма, панисламизма и буржуазного декаданса и пишущими на чуждом народу языке, создала ряд произведений в духе социалистического реализма, полных силы, художественной выразительности и революционного оптимизма.

Революционная лирика стала основным жанром поэзии советского Азербайджана.

Поэт Сулейман Рустам, много сделавший для развития пролетарской поэзии в Азербайджане, упорно боровшийся против бур-

жуазно-националистических влияний в литературе, в своих произведениях рисует образы комсомольцев, образы героев гражданской войны, изображает победы социалистического строительства. Лучшими его произведениями являются стихи о Сталине, „Чапаев“, „Романтика ночи“. Сулейман Рустам отражает новые идеи, чувства и отношения людей нашей эпохи.

В „Романтике ночи“ поэт воспевае строителей социализма:

Вот сидит за поэмой, склонясь над столом,
Мой товарищ-поэт за высоким окном.
Говорит он: „О сердце! Найди мне слова,
Одаренные силою дивной слова!“
И за ленинской книгой не спит в эту ночь
Комсомолка, страны черноглазая дочь.
И не спит инженер, беспокойством томим,
Диаграммы и карты лежат перед ним:
Скоро вышки подымутся в бухте, как флот,
И струя нефтяная фонтаном забьет.
Сотни огненных глаз вонзились во тьму.
В лад поющему сердцу, стиху моему,
Ты звучишь, неустанное сердце страны!
О, какие мне яркие дали видны
В эту лунную, силой дарящую ночь,
На светящихся крыльях парящую ночь!

Сулейман Рустам пишет революционные песни, в которых воспевае безграничную любовь азербайджанского народа к гениальному вождю трудящихся Сталину („Салам Сталину“).

Сулейман Рустам принял участие в переводе на азербайджанский язык поэмы Шота Руставели.

Самед Вургун — талантливый поэт, большого и оригинального дарования, выросший в советскую эпоху. Он занимает одно из первых мест в современной азербайджанской литературе. Его творческий путь идет от своеобразного идиллического воспевания деревни к широкому поэтическому охвату социалистической действительности. Характерные особенности его творчества — глубокий лиризм, народность, простота и доходчивость. Его лирические произведения проникнуты страстной преданностью к родине, тонким чувством природы, чувством любви к жизни, к новому человеку.

Вот какими словами поэт выражает свою беспредельную любовь к родине, к любимому вождю:

Можно ль гордость у мира украсть? — Никогда!
Здесь дыхание мое, здесь мой хлеб и вода!
Предо мною распахнуты все города...
Сталин-джан. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан! Азербайджан!

Лучшие его произведения — „Свободное вдохновение“, „Привет вождю“, „Песня о счастье“, „Поэма о комсомоле“, „26 коммунаров“, „Басти“ и др. В последнее время Вургун написал драму в стихах о жизни поэта Вагифа.

Ценны его переводы лучших произведений мировой поэзии — „Евгений Онегин“ А. С. Пушкина, „Витязь в тигровой шкуре“ Шота Руставели и др.

В 1936 году поэт Самед Вургун награжден орденом Ленина, а в 1939 году орденом Знак Почета.

Мамед Рагим в последние годы выявил себя как один из зрелых мастеров азербайджанской поэзии. Им создан ряд значительных произведений, например, поэма „Бессмертный герой“, посвященная памяти любимого вождя бакинского пролетариата С. М. Кирова. Эта поэма написана с большим лирическим подъемом,

Ты столько великих дел свершил на своем веку,
Что имени твоему пылать, клекотать, звенеть;
Высокое солнце взошло, когда ты входил в Баку.
Проснулись сердца людей, проснулась подземная нефть.

И подняла травы земля, торжественно-горяча.
И пламенный город ветров ожил и пышно расцвел.
И первый декрет Москвы и первый привет Ильича
С твоих вдохновенных уст дошел до далеких сел.

И с той поры холодов не знали цветы садов,
И тот, кто счастья не знал, узнал, что такое смех.
Вставай, Мируныч, вставай, послушай рост городов,
Послушай, как песни поет каждый завод и цех.

М. Р. Гусейнов — талантливый переводчик. Им переведен на азербайджанский язык ряд произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Он принимал участие в переводе на азербайджанский язык поэмы „Витязь в тигровой шкуре“ великого грузинского поэта Шота Руставели, изданной в 1937 году в Азербайджане.

Расул Рза — один из талантливых молодых поэтов Азербайджана. В своей лирике он воспекает революционное движение на Востоке („Чапей“) и актуальные темы социалистического строительства („Большевистская весна“). Романтическую приподнятость Расул Рза умело сочетает с реалистическим и правдивым показом действительности, пользуясь образами и мотивами народной поэзии. В поэме „Германия“ Расул Рза разоблачает фальшь и мерзость фашизма. Беспощадно бичуя гнусных и продажных

наймитов фашизма, поэт показывает революционную солидарность борцов за свободу.

В одном из лучших своих стихотворений „Песнь гордости“ поэт воспевает свою советскую родину, столицу советской нефти — Баку, он говорит о большевистской воле, изменяющей мир, и восторженно воспекает великих вождей всего человечества Ленина и Сталина:

Баку — это наша гордость. Тобою сердца полны!
Баку — это нефть, что брызжет фонтаном из глубины,
Баку — это орден славы, украсивший грудь страны,
Баку — чей гранит и воздух нам дорог, любовь моя!
Баку — это солнце жизни, наш город, любовь моя!
.....
Бессмертное имя ЛЕНИН горит на парче знамен,
Корабль наш великий СТАЛИН ведет через гул времён.
Каждый из нас, как птица, свободой окрылен.
Раскаты победы нашей ты слышишь, любовь моя?
О, как легко и привольно ты дышишь, любовь моя!

Богато также песенное творчество Расула Рзы. Многие его песни положены на музыку и поются в Азербайджане.

Расул Рза успешно работает над переводом стихотворений В. Маяковского. В 1938 году. Расул Рза награжден орденом Знак Почета.

Поэт Осман Саривелли — автор лирических стихотворений, отличающихся простотой и искренностью. Широко известно его стихотворение „Фантазия“, посвященное будущему Баку. В большой поэме „Родина“ поэт изображает героическую, самоотверженную борьбу советских пограничников, зорко охраняющих границы нашей социалистической родины.

В ряде лирических произведений Саривелли воспроизводит эпизоды из эпохи гражданской войны в Азербайджане, воспекает на родных героев, павших от руки палачей свободы. Известны его стихотворения о Ленине, о М. Горьком.

Прекрасными стихами на оборонные темы выдвинулся поэт Абдулла Фаруг Эффендиев. Боевое стихотворение „Снайпер“ является одним из любимых произведений азербайджанского читателя. В стихотворении „Партизаны“, в поэме „Хаспалад“ он показывает героическую борьбу азербайджанского народа со своими врагами и роль Красной Армии в перевоспитании людей. Абдулла Фаруг — автор ряда красноармейских песен-маршей.

Абдулла Фаруг хорошо перевел на азербайджанский язык избранные стихотворения Некрасова.

Особо следует сказать об азербайджанских советских поэтессах. Женщина, еще недавно рабыня в феодально-помещичьем Азербайджане, стала благодаря ленинско-сталинской национальной политике равноправной гражданкой Советского Союза, активной силой в социалистическом строительстве. Она получила возможность выявить свои силы и способности во всех областях хозяйственно-политической и культурно-общественной жизни нашей страны.

История Азербайджана знает много поэтесс. Имена Мехсети, Натаван, ашуга Пери и других широко известны азербайджанскому народу. В их поэзии глубоко отразилось бесправное положение женщины-рабыни тогдашнего времени.

Свободная женщина советского Азербайджана поет полным голосом о счастье, о свободной и радостной жизни.

Поэтесса Рафибейли Нигяр выпустила ряд сборников своих стихов. Лирика Нигяр характерна возвышенностью чувств. Поэтесса любит природу, простор и безбрежность морей и степей нашей радостной солнечной страны. В стихотворении „Сона“ Нигяр пишет о свободных женщинах Азербайджана:

Ты долго небом шла. Твой путь лежал далек.
Ты Млечный путь прошла наискосок
И в Кремль вошла. И поднесла венок
Вождю. В нем были сплетены
Бесчисленные радости страны.
Возьми из песен лучшую, Сона!
Пусть прошлое тебя не мучает, Сона!
Лишь улыбнешься ты — страна смеется вся!
Твое имущество — и горы и леса,
Твои ковры — поля и небеса!
И о тебе поет, восхищена,
Сааза изумленная струна.
Цвети же радостью невиданной, Сона!
Такой, как ты, не выдумать, Сона!

Другая талантливая поэтесса Мирвари Дильбази в своих стихах воспевает счастливую советскую страну, свободную советскую женщину. Дильбази посвящает лучшие стихи организатору и вдохновителю социалистических побед, мудрому вождю мирового пролетариата, Сталину.

О Сталин великий! Тебе из Баку
От солнечных улиц несу я привет.
Велели бакинцы тебе передать,
Что город твоею заботой согрет.

Она пишет о Москве:

Как степи, что жаждут воды дождевой,
Чтоб, влагу вобрав, зеленеть, зацветать,
Так я, о Москва, всей душою своей
Любовь твою жадно стараюсь впитать!

Ряд своих произведений Дильбази посвятила героической советской молодежи, самоотверженно защищающей границы социалистической родины. В 1939 году Мирвари Дильбази награждена орденом Знак Почета.

За последние годы выросли новые кадры, новые таланты, обогатившие своими произведениями советскую поэзию. Среди молодежи особенно выделяются Джафар Хандан, Гаджиев, Г. Али-заде, Сона Мамедова, Бекюк-Ага-Касум-заде, Талят, Алекпер Джафаров и др.

Советская поэзия Азербайджана отражает успехи социалистического строительства, героическое прошлое своего народа, братство советских народов и глубокую любовь их к великому вождю мирового пролетариата, ведущему нас от победы к победе, товарищу Сталину.

Азербайджанская советская поэзия является боевым отрядом азербайджанской литературы, которая идет и развивается по пути социалистического реализма, народности и правдивости.

Богато расцвело народное творчество Азербайджана.

Собирается и изучается народный эпос, народные сказки, песни, баяти, народные поговорки и т. д. С каждым годом все больше растет и обогащается ашугская поэзия.

В народной поэзии старого Азербайджана, как в зеркале, отражены история борьбы народа, его чаяния и надежды, его жизнь и быт. В народных поговорках сверкает житейская мудрость.

Большая часть произведений народной поэзии создавалась в эпоху феодализма, в эпоху помещичьего гнета. Поэтому в ней выражены не только героика, не только радостное мирозерцание, но и горести и страдания народа.

В азербайджанских народных песнях отражена рабская бесправная жизнь женщины в прошлом.

Никто согласия не спросил,
Муллу обряд свой совершил.
Чтоб траур этот миг покрыл!
Мне старый дьявол дан в мужья,
За волка замуж вышла я.

Основной поэтической формой азербайджанской народной песни являются баяти, то есть отдельные самостоятельные четверостишия, смысл которых раскрывается в эффектной концовке. Содержание

этих четверостиший различно. Есть не мало баяти любовных, философских, сатирических и социальных. Баяти являются произведениями большого мастерства. В них мы находим чеканные образы и метафоры народной поэзии, ее лучшие образцы.

В прошлом в баяти часто изображалась тоска и печаль народа. Ашуги в этих баяти пели о бедности, нищете, несправедливости и т. д., например:

Я влюблен. Красу аллея
Обоьщает соловей.
Сколько горя на земле,
Сколько плачущих на ней.

Великая Октябрьская социалистическая революция в корне изменила содержание народного творчества. В новых баяти, созданных советскими ашугами, воспевается наша радостная зажиточная жизнь, свобода и счастье советского народа:

Реки, горы есть у нас,
И садов не счесть у нас,
Веселимся мы и пляшем—
Тучным нивам цвести у нас.

Строим город новый мы,
План кладем в основу мы,
За родную власть Советов
Жизнь отдать готовы мы.

Народная поэзия создавалась и создается поэтами-ашугами. Еще в феодальном Азербайджане были известны ашуги Диварганлы Аббас, ашуг Абдулла, Сары-ашуг и др. Ашуги всегда были любимцами народных масс. Наиболее крупные ашуги Азербайджана—их жизнь и творчество—стали предметом легенд и народных сказаний.

Самым крупным ашугом XIX и XX века был ашуг Алескер. В своих песнях Алескер использовал поэтическое наследие прошлого, он высоко поднял ашугскую поэзию, дав ей яркое эмоциональное содержание. Богатая фантазия, поэтическое мастерство сделали имя Алескера популярным среди народных масс Азербайджана.

Большинство современных азербайджанских ашугов—ашуг Наджаф, ашуг Асад—ученики Алескера. Известный современный советский ашуг Бозалганлы Гусейн в свое время выступал в поэтических состязаниях с ашугом Алескером.

После социалистической революции ряды азербайджанских ашугов значительно выросли.

В Азербайджане нет ни одного района, где бы не было любимого народного ашуга. Многие из них широко известны всему Азербайджану (ашуг Асад, ашуг Авак, ашуг Мирза, ашуг Наджаф, ашуг Гусейн и др.).

Ашуги советского Азербайджана становятся знатными людьми страны. Их поэзия становится поэзией политической. Ашуг советской страны—это поэт-агитатор, пропагандист и советский патриот. В песнях азербайджанских ашугов выражены гнев и ненависть народа к врагам и изменникам родины.

Ашуги в советском Азербайджане окружены вниманием и заботой партии и правительства. Участники декады азербайджанского искусства в Москве, ашуги Асад Рзаев и Авак Азарян награждены орденом Знак Почета.

Ашуги поют в своих песнях о радостной, счастливой, зажиточной жизни в советской стране, о наших победах. Проведенный недавно в Баку II съезд ашугов Азербайджана явился ярким выражением мощного подъема народной поэзии и всего искусства советского Азербайджана.

Азербайджанские ашуги воспевают великих гениев человечества Ленина и Сталина, их соратников—Кирова, Орджоникидзе, поют о двадцати шести бакинских комиссарах.

Азербайджанская поэзия растет и развивается, как и вся культура азербайджанского народа, под знаменем Ленина—Сталина, благодаря правильной национальной политике партии большевиков и Сталинской дружбе народов Советского Союза. Азербайджанские поэты усваивают культуру великого русского народа. Лучшие произведения Пушкина переведены на азербайджанский язык.

Руставели, Шекспир, Гейне, Лермонтов, Некрасов, Толстой, Чехов, Маяковский, великий художник пролетариата Алексей Максимович Горький—любимые поэты и писатели советского Азербайджана. Русская литература всегда оказывала и оказывает большое и благотворное влияние на развитие азербайджанской литературы.

Замечательным достижением азербайджанского народа в области искусства явилась проведенная в Москве в апреле 1938 года декада азербайджанского искусства, получившая высокую оценку со стороны партии, правительства и лично товарища Сталина. Этими историческими достижениями азербайджанский народ обязан великому русскому народу и мудрому учителю—великому Сталину.

Азербайджанский народ, под руководством партии Ленина—Сталина, под гениальным руководством любимого вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина, беспощадно борясь с врагами народа, уверенно развивает свою культуру—национальную по форме, социалистическую по содержанию.

I
ОТДЕЛ

**КЛАССИЧЕСКАЯ
ПОЭЗИЯ**

„Китаб Дедэ-Коркуд“—древнейший памятник азербайджанской литературы—состоит из двенадцати сказаний. Создание их относится к XI веку. Они были собраны и записаны в XV веке. В сказаниях нашел яркое, живое отражение мир средневекового Азербайджана и Кавказа. Сказочная фантастика проходит на фоне народного реального быта. Как во многих народных эпических произведениях („Слово о полку Игореве“, „Нибелунги“ и т. д.), одушевленная природа принимает участие в человеческой жизни и деятельности. Форма „Китаб Дедэ-Коркуд“—обычна для азербайджанского эпоса: на фоне прозаического, отчасти ритмизованного повествования звучат стихи и песни. В такой форме и в наши дни импровизируют ашуги. Многие изречения и выражения старца Дедэ-Коркуда живут и сейчас в азербайджанском народе как поговорки.

„Китаб Дедэ-Коркуд“ оказал большое влияние на все дальнейшее развитие народного эпоса. Ряд мотивов его повторяется в таких известных произведениях, как „Ашуг-Гариб“, в сказках и т. д. Здесь приведено второе сказание Дедэ-Коркуда.

О РАЗГРАБЛЕНИИ ДОМА САЛОР-КАЗАНА

Однажды, сын Улаша, детеныш птицы Тулу, надежда бедняков, лев племени и рода, тигр сборища ночного, хозяин пегого коня, отец Уруза, зять Баяндер-хана, мощь остальных огузов, опора всех джигитов, Салор-Казан встал с места, велел поставить наземь девьиносто шатров златоверхих, велел разложить в девяти местах пестрые шелковые ковры. В восьмидесяти местах были поставлены кувшины, золотые чаши и бутылки; девять чернооких красавиц, дочерей гяуров, с прекрасными лицами, с волосами, ниспадавшими на спину, с красными сосцами груди, с руками, окрашенными хной от запястья до ногтей, подавали чаши бекам остальных огузов.

Все пили. Долго тянулся пир. Ударило в голову сыну Улаша, Салор-Казану, крепкое вино; пополз он на коленях и говорит:

— Слушайте, беки! Долго мы лежали—заболели наши бока; долго стояли—иссох наш стан. Идем, беки, поохотиться за дичью, вспугнем птиц, постреляем ланей и диких коз, вернемся—заляжем в шатрах, будем есть, пить и веселиться.

Говорит сын Киян-Сельджука, удалой Дундаз:

— Правильно, Казан, хорошо придумал!

Говорит сын Кара-Гуне, Кара-Будаг:

— Хорошее дело, отец мой Казан.

Услыхал такие слова Уруз-Коджа, опустился на оба колена и говорит:

— Отец мой Казан! У прохода в Грузию сидят люди поганой веры; кого ты поставишь во главе орды?

Казан сказал:

— Пускай сын мой Уруз с тремястами джигитов встанет ео лаве.

Велел он привести своего пегого коня и сел на него; на саврасого жеребца, с пятном на лбу, сел Дундаз; сивого бедуинского коня велел держать и сел на него брат Казан-бека, Кара-Гуне; белого бедуинского коня велел привести и сел на него Шемо-ад-дин, победитель врага Баяндер-хана. Со славой покинувший Байбурд, крепость Пара-Сара, Бейрек сел на серого жеребца; бек Иекенк—на гнедого коня. Станешь перечислять их—до конца не дойдешь; беки остальных огузов сели на коней; на пеструю гору поднялось для охоты пестрое полчище.

Проведал о том разведчик гяуров, донес об охоте злейшему из гяуров, царю Шукли. Семь тысяч черноволосых гяуров, поганой веры, в кафтанах, разорванных сзади до половины, сели на коней, совершили набег; подошли в полночь к орде Казан-бека, разрубили златоверхие шатры; его дочь-невесту, чистую лебедь, заставили горько плакать; на быстрых коней сели, красных верблюдов угнали; богатую казну разграбили; старшую жену Бурлахатун и сорок стройных дев увели в плен; старуху-мать Казан-бека тоже увели, привязав к шее черного верблюда; сына хана Казан-бека Уруз-бека и триста джигитов увели, руки им связав и шею. Сын Илик-Коджи Сары Калмаш пал в бою за дом Казан-бека.

А Казан ничего о том не знал. Гяур говорит:

— Беки! На быстрых коней Казана мы сели, его золото и серебро разграбили, сына его Уруза и триста джигитов взяли в плен; верблюдов угнали; жену Казана и сорок стройных девушек захватили; вот сколько обид причинили мы Казану.

И говорит один из гяуров:

— Причиним Казан-беку еще одну обиду!

Царь Шукли спрашивает:

— Скажи, азнаур, какую же это обиду?

— У Казана в загоне десять тысяч баранов,—говорит гяур,—уведем этих баранов—большой убыток будет Казану.

Царь Шукли говорит:

— Что ж! Ступайте, гяуры, тащите баранов!

Сели на коней шестьсот гяуров, поскакали за баранами.

И увидел черный пастух зловещий сон; проснулся и быстро встает, зовет к себе братьев Кабан-Кучи и Демур-Кучи, запирает ворот аула, заваливает их камнями, хватает пращу с пестрой рукояткой. Вдруг обступают пастуха шестьсот гяуров. И говорят гяуры:

— Едва наступит вечер, выходишь ты, пастух!

И под дождем, и в стужу все бродишь ты, пастух!

И сыр, и молоко нам находишь ты, пастух!

Сокрушили мы златоверхие шатры Казана; быстрых его коней оседлали; красных верблюдов его угнали; его старуху-мать увели; богатую казну разграбили, его дочь-невесту, чистую лебедь, взяли в плен; сына Казана и сорок джигитов увели; жену Казана и сорок стройных дев увели. Слушай, пастух! Подойди поближе, иль хоть издалека, опусти голову, приложи руку к груди, поклонись нам, гяурам; тогда тебя не убьем, поведем тебя к царю Шукли—беком будешь!

Пастух говорит:

Пустых речей не трать, гяур-собака;

Собачье пойло в миске будешь скоро жрать, гяур-собака!

Ты хвалишься своим конем, гяур—

Моя коза-пеструха для меня дороже.

Ты хвалишься, что крепок твой шелом, гяур—

Моя баранья шапка для меня дороже.

Ты хвалишься своим копьем, гяур—

Моя дубинка для меня дороже.

Ты хвалишься зазубренным мечом, гяур—

А для меня простая палица дороже.

Что ж, подходи. валяй, начнем, гяур!

Твоя стрела джигиту нипочем, гяур!

И тотчас гяуры ударили коней, выпустили стрелы. Черный пастух сунул камень в пращу. Одним камнем он поражал двоих или троих, двумя камнями—троих или четверых. Замутилось от страха в глазах у гяуров: черный пастух уложил триста гяуров. Оба брата его пали, пораженные стрелами; у самого пастуха не оставалось больше камней; и начал он класть в пращу баранов и коз, ими поражал и убивал гяуров. Замутилось от страха в глазах гяуров. Мир перед ними покрылся мраком.

— Проклятый пастух, пожалуй, перебьет нас всех,— сказали они, не выдержали и убежали.

Пастух отдал последний долг павшим братьям. Из трупов гяуров насыпал большой холм, ударил по огниву, зажег огонь. Из своей шерстяной одежды сделал повязку и приложил к ране. На крутой дороге сел пастух, стал плакать и томиться. Вот что он сказал:

— Салор-Казан, бек Казан! умер ли ты, жив ли ты? Неужели до тебя не дошла весть об этих делах?

Между тем в ту ночь опора всех огузов, зять Баяндер-хана, сын Улаша, Салор-Казан видел черный зловещий сон. Проснулся и быстро встал. Вот что он сказал:

— Знаешь ли ты, брат мой Кара-Гуне, что видел я во сне? Будто схватывают качающегося на моей руке сокола; будто мелкий дождь и черный туман проливаются над моей ордой; будто бешеные волки направляются к моему жилищу; будто черный верблюд останавливает моего быка; будто черные вороньи волосы распустились и лезут на глаза; будто десять пальцев моих обгарены кровью. И вот не могу я собраться с мыслями и притти в чувство. Брат мой хан! Истолкуй этот сон.

Кара-Гуне говорит:

— Черная туча — это твое могущество; снег и дождь — твое войско, волосы — забота, кровь — беда; остального не могу истолковать: пускай бог истолкует!

Услыхал такие слова Казан, говорит:

— Не растривай охоты, не рассеивай моего войска. Настегаю плетью пегого коня, пролечу трехдневный путь в один день; до полудня достигну своего жилища. Найду его невредимым — к вечеру вернусь обратно; не найду невредимым — заботьтесь о себе сами. Меня с вами не будет.

Пришпорил он коня, пустился в путь. Доехал до своего жилища и видит: ворона над ним летает, быстро кружится, на сук не садится, каркает. Тут Казан-бек стал расспрашивать свое жилище — посмотрим, как он расспрашивал. Казан говорит:

Ты стоишь одинок, зарылся в песок, родимый очаг.

Ты от ланей и диких коз недалек, родимый очаг.

С тобою был враг свиреп и жесток, родимый очаг.

Где стоял мой шатер — ни кола, ни двора.

Где мать-старуха сидела — дыра.

Где ржали кони — земля гола.

Где огонь горел — сухая зола.

Почернели веки Казана, заплакал он кровавыми слезами. Кровь его закипела. Черное сердце задрожало. Ударил он шпорами пегого коня и пустился по дороге, по которой ушли гяуры. Смотрит — река перед ним; Казан говорит: „Вода видит лицо бога, дай, я спрошу речную воду“. Посмотрим, хан мой, как он расспрашивал:

Ты с высоких скал шумя течешь, вода.

На крутой волне челнок несешь, вода.

Ты фонтанами в садах поешь, вода.

Ледяной глоток коням моим даешь, вода.

Вброд верблюдов красных ты ведешь, вода.

О Хусейне и Хасане слезы льешь, вода.

Скажи, слыхала ль, где моя орда?

Я головой тебе пожертвую, вода.

Как могла вода ответить? Казан переправился через реку, и вот встречает он волка. „Лицо волка благословенно. Дай, расспрошу волка“. Посмотрим, хан мой, как он расспрашивал:

И в снег и в дождь ты попируешь всласть.
Едва стемнеет, из лесу ты — шась!
На богатырских коней разеваешь пасть.
Верблюдов красных наземь заставляешь пасть.
Крадешься к нам — баранов наших красть
И громко чавкаешь над жирною жратвой.
Трясутся псы, когда услышат волчий вой.
Пастух бежит, от ужаса едва живой.
Скажи мне, волк, где стан мой боевой?
Пожертвую тебе за это головой.

Как мог волк ответить? Казан проехал мимо волка. Вдруг видит: бежит черная собака черного пастуха. Стал он расспрашивать черную собаку — посмотрим, хан мой, как он расспрашивал:

Когда наступит вечер, ты громко лаешь, пес.
Когда айран прольется, ты всласть лакаешь, пес.
Когда приходят вору, ты их пугаешь, пес.
Их к дому не пускаешь, трястись их заставляешь.
Не нюхал ты следы моей большой орды?
Покажешь путь, избавишь от горя и беды.

Как могла собака ответить? С лаем бросилась под ноги коня Казана, стала скакать вокруг него; Казан ударил собаку плетью, собака побежала назад той же дорогой, что пришла. Казан за ней — вдруг перед ним черный пастух. Казан стал его расспрашивать — посмотрим, хан мой, как он расспрашивал:

Едва наступит вечер, выходишь ты, пастух.
И под дождем, и в стужу все бродишь ты, пастух.
Услышь, о чем прошу я,
Что на сердце ношу я.
Орду мою большую встречал ли ты, пастух?
Я голову за это отдам тебе, пастух.

Пастух закричал:

— Мертв ли ты, жив ли, Казан? Где ты проходил, что делал? Увы, Казан, не вчера, третьего дня здесь проволокли твой шатер; твоя старуха-мать прошла, привязанная к шее черного верблюда, старшая жена твоя Бурла-хатун и сорок стройных дев с плачем прошли здесь; сын твой Уруз и сорок джигитов с непокрытыми головами, босые уведены в плен гяурами. Твоих быстрых коней

оседлали гяуры; твоих красных верблюдов угнали гяуры; золото и серебро твоей казны взяли гяуры.

Услыхал слова пастуха Казан, вздохнул тяжко. В голове у него помутилось, мир перед его глазами покрылся мраком; застонал он:

— Да засохнут твои уста, пастух! Да сгниют они, пастух! Пускай аллах пошлет тебе гибель, пастух!

Услыхал это пастух, отвечает:

— За что меня ты оскорбил, отец Казан?

Или аллаха позабыл, отец Казан?

Ко мне пришли шестьсот гяуров; оба мои брата пали; триста гяуров я убил, дрался за правую веру; ни одного барана, ни одного ягненка из твоего загона не дал поганым гяурам. Трижды был ранен, черная моя голова опустилась, остался я один. Чем же я провинился перед тобой? — И еще сказал он:

Дай мне пегого коня.

Дай копье длиною в шестьдесят тугамов.

Дай мне пестрый щит и острый меч.

Дай колчан и восемьдесят стрел,

Крепкий лук осиновый мне дай.

Я пойду на гяуров и к жизни воскресну, убью их, кровь оботру я с лица рукавом. Если умру, то умру за тебя; если аллах сохранит от гибели, я защищу твой очаг и шатер.

Услыхал это Казан, разгневался, двинулся в путь. Пастух также пошел вслед за Казаном. Казан обернулся, смотрит:

— Сын мой, пастух, куда ты идешь?

Пастух отвечает:

— Отец мой Казан! ты идеешь за своим добром, я хочу отомстить за кровь братьев.

Казан говорит:

— Сын мой, пастух, нет ли у тебя чего-нибудь поесть?

Пастух отвечает:

— Есть. Прошлую ночь сварил я ягненка, сойдем с коней и поедем под этим деревом.

Они сошли с коней. Вынул пастух мешок, подкрепились путники. Казану пришла такая мысль: „Приду я вместе с пастухом, а беки остальных огузов начнут издеваться надо мной, скажут: без пастуха Казан не одолел бы гяуров“.

Крепко привязал он пастуха к дереву, повернулся и ушел, и сказал пастуху на прощанье:

— Слушай, пастух! Пока ты не проголодался, пока глаза твои не затмились, вырви это дерево, иначе тебя здесь съедят волки и птицы.

Черный пастух напряг плечи, вырвал крепкое дерево из земли с корнем, взвалил его на спину и догнал Казана. Казан оглянулся, видит, что за ним плетется пастух с деревом на спине. Удивился Казан и спрашивает:

— Скажи, пастух, что это за дерево?

Пастух говорит:

— Отец мой Казан! вот какое это дерево: разобьешь ты гяуров, проголодаешься; наколю я дров, наломаю сучьев, разведу огонь и сварю для тебя пищу.

Понравился Казану ответ пастуха, сошел он с коня, развязал пастуху руки, поцеловал его в лоб и говорит:

— Если аллах избавит мой дом от беды, я сделаю тебя главным конюшим.

И отправились в путь оба вместе.

Между тем царь Шукли весело пирует с гяурами, едят и пьют, веселятся. Шукли говорит своим:

— Знаете ли вы, беки, какую обиду надо нанести Казану? Пускай приведут сюда старшую жену его Бурла-хатун, пускай она подает нам чаши.

Услыхала это Бурла-хатун; сердце ее зажглось огнем. Вошла она в круг сорока стройных дев и говорит:

— К кому бы из вас ни обратились с вопросом: кто из вас жена Казана? — пускай каждая отзовется.

Пришел человек от царя Шукли, спросил:

— Кто из вас жена Казан-бека?

Сорок девушек отвечают: я жена. Так и не узнали правды. Доносят гяуру:

— Одну спросили, сорок отозвались, так и не знаем, кто жена.

Гяур говорит:

— Идите, приведите сына Казана Уруза; повесьте его на крюк, рвите кусок за куском его белое тело, приготовьте черное жаркое, подайте сорока дочерям беков; кто из них станет есть — не та, кто не станет есть, это — та самая. Ее приведите, пусть она подает чаши.

Бурла-хатун подошла к сыну. Громким голосом говорит ему — посмотрим, хан мой, что она говорит:

Сын мой, сынок!

Слышал, что час беды недалек?

Поговорим подшумок.

Знаешь ли ты, как гяур жесток?

Жаворонок, шатра моего голубок,

Дочери, чистой невесты, цветок,

Сын мой, сынок!
Сон твой во мне девять лун был глубок.
А на десятой луне ты схватил мой сосок.
Сын мой, сынок,
Знаю тебя с колыбели, с пеленок, сынок!

Злое дело замыслили гяуры. „Выведите Казана Уруза из тюрьмы, повесьте его арканом за шею, проколите крюком оба его плеча, рвите кусок за куском его белое тело, приготовьте черное жаркое, подайте сорока дочерям беков; кто станет есть, это — не та, кто не станет есть, это — жена Казана. Ее приведите, пускай разделит с нами ложе и подает нам чаши“, — сказали они. Сын мой, сынок! Есть ли мне твое мясо, разделить ли ложе с поганим гяуром, навлечь позор на твоего отца Казана? Что мне делать, сын?

Уруз говорит:

— Да засохнут твои уста, мать! Да сгниет твой язык, мать! Право матери — право бога; не то я встану с места, схвачу тебя за ворот и за горло, брошу тебя под пяту, придавлю твое белое лицо к черной земле, пускай твоя кровь течет изо рта и ноздрей, — покажу тебе сладость жизни! Что за слова ты сказала? Берегись, государыня-матушка, не подходи ко мне, не плачь надо мной. Оставь меня, государыня-матушка; пускай вешают на крюк, пускай рвут на куски мое тело, пускай жарят его на вертеле, пускай подадут сорока дочерям беков! Пока они съедят один кусок, ты съешь два — лишь бы гяуры тебя не узнали. Берегись, не дели ложа с поганим гяуром, не подавай ему чаши, не навлекай позора на моего отца Казана.

От таких слов юноши у матери полились из глаз слезы, стройная Бурла-хатун схватилась за шею, пала наземь, разодрала ногтями алые щеки, подобные осеннему яблоку, стала рвать свои черные вороньи волосы; завопила она: „Сын мой, сынок!“ заплакала горько. Уруз говорит:

Государыня-матушка! О чем ты рыдаешь?
Зачем ты плачешь? Почему страдаешь?
Сердце мое напрасно терзаешь.
Прошлые детские дни напоминаешь?
Слушай, мать! Где кобыла молода,
Родится еще жеребенок.
Слушай, мать! Где верблюдица молода,
Новый родится верблюжонок.
Где белых ярочек бродят стада,
Не раз еще родится ягненок.

Лишь бы была ты здорова, матушка,
Лишь бы отец был жив и здоров —
Родится у вас хороший сынок!

Услыхав такие слова, не выдержала мать, убежала к сорока стройным девушкам. Гяуры привели Уруза к подножью чинары, и говорит Уруз:

— Пощадите, гяуры. Один у нас бог, один аллах! Дайте мне поговорить с этим деревом.

Громко закричал он дереву — посмотрим, хан мой, что он кричал:

Не стыдись, что речь моя проста, чинара!
От тебя Медины и Мекки врата, чинара!
И посох Моисея от твоего куста, чинара!
От тебя поперек рек мосты легли, чинара!
От тебя на черных морях корабли, чинара!
Рукоятку меча Зульфикару, Дульдую седло,
Колыбель царю Хасану твое дерево дало.
Смотришь вверх — не видать твоих ветвей, чинара!
Смотришь вниз — не видать твоих корней, чинара!
Меня вешают на тебя — не стерпи, чинара!
Всей листвою зашуми, закипи, чинара!
А стерпишь — заплатит и ствол, и листва, чинара!
Была твоя речь для народа жива, чинара!
Приказал бы я черным своим индийским рабам —
Разрубили бы тебя на дрова, чинара!

И еще он сказал:

Табунов тонконогих коней мне жаль!
Товарищей-братьев еще сильнее мне жаль!
Сокола, что бился на золотой цепи, мне жаль!
Быстрых ног, что неслись по степи, мне жаль!
Себе самого, что беком не стал, мне жаль!
Что едва погулял, едва подрастал, мне жаль! —

так сказал он и горько заплакал, стал ногтями терзать горячее сердце.

Вот тут-то, султан мой, и прискакали Салор-Казан и черный пастух. У пастуха была праща, с ямкой из кожи трехгодовалого теленка, с боками из шерсти трех коз, с ремнем из кожи одной козы; только ударит — летит камень в двенадцать батманов, летит и не близко упадает на землю. А где падет, там опять подымется, как пыль, завертится, как дзыга; а где коснется земли, там трава не растет, а если и останутся там жирные бараны и тощие ягнята,

то и волк не станет их есть. Был полдень, султан мой, но только черный пастух щелкнул пращой, мир перед глазами гяуров покрылся мраком. Казан говорит:

— Черный пастух! Попрошу у гяуров свою мать, чтобы ее не раздавили копытами коней.

Нога коня хрома, язык певца проворен. Казан громко закричал гяурам — посмотрим, хан мой, что он кричал:

Царь Шукли! Ты содрал мои шатры.
Ну, что ж! Пускай дают тебе прохладу.
Ты взял мою казну и серебро —
Все отдаю, расходуй, если надо.
Пускай Бурла-хатун и сорок стройных дев
Твои рабыни и твоя услада.
Пускай джигиты и мой сын Уруз
Твои рабы — военная награда.
Пусть табуны моих коней лихих
Стреножены для твоего отряда.
Пускай мои верблюды с вьюками легли —
Не позову ни жожака, ни стада.
Но ты увел мою старуху-мать! Отдай!
Отдай ее, и я уйду без битвы!
Чтоб нам мечей напрасно не ломать,
Отдай мне мать, гяур! Отдай мне мать.

Гяур на это ответил:

Слушай, Казан! Я шатры твои взял — наши они!
Девушкам вашим плясать приказал — наши они!
Сорок джигитов и сына связал — наши они!
Быстрых коней и верблюдов угнал — наши они!
Нашей добычи назад не отдам,
Матери старой твоей не отдам,
Выдам ее за поповича нашего —
Слышишь ты? Сына она понесет —
Будешь ты с братом единоутробным знаком.
Вырастет он твоим должником.

От таких слов черный пастух пришел в ярость. Сжал он губы и крикнул:

Гяур без чувства, без ума!
Смотри вокруг — состарилась гора сама.
Там не растет трава, царит чума.
И реки старые в крови обагрены —

Ты не напьешься током их волны.
Кобылы старые твоей страны
Не понесут горячих жеребят.
Верблюдицы, бесплодем сражены,
От них ты не дождешься верблюжат.
И слышишь ты, гяур? — Казана мать
Стара на то, чтоб сыновей рожать.

— Царь Шукли! есть у тебя черноокая дочь — приведи ее, отдай Казану, пускай от твоей дочери, гяур, родится сын, вот он и будет должником Казана.

Тут пришли беки остальных огузов. Посмотрим, хан мой, кто пришел.

Прискакал поражающий мужей брат Казан-бека, Кара-Гуне, чья колыбель в черном ущелье была покрыта кожей черного бычка; в ярости превращал он черный камень в глину; преследуя ланей, наносил им семь ран.

— Ударь мечом своим, брат Казан, я пришел, — сказал он.

Вслед за тем, посмотрим, кто пришел. Прискакал удалой Дундаз, сын Кыян-Сельджука, сокрушивший железные ворота в Дербентском ущелье; бывало, кричали мужи от ударов его пестрого копья длиной в шестьдесят тутамов.

— Ударь своим мечом, отец мой Казан, я пришел, — сказал он.

Вслед за ним, хан мой, посмотрим, кто пришел. Прискакал одетый в шаровары, с красными шпорами, на коне, украшенном волосами морского чудища, Кара-Будаг, сын Кара-Гуне, сокрушивший крепости Хамид и Мардин; от его ударов, бывало, рыгал кровью вооруженный железным луком царь Кипчак, мужественно овладевший дочерью Казана; белобородые старцы огузов, завидя этого джигита, славили его.

— Ударь своим мечом, отец мой Казан, я пришел, — сказал он.

Вслед за ним посмотрим, хан мой, кто пришел. Прискакал Шемоддин, сын Гафлет-Коджи, без разрешения одолевший врага — Баяндер-хана; от его ударов, бывало, рыгали кровью шестьдесят тысяч гяуров; не дал он растаять снегу на гриве серого коня.

— Ударь своим мечом, отец мой Казан, я пришел, — сказал он.

Вслед за ним посмотрим, хан мой, кто пришел. Прискакал на сером жеребце Бейрек, со славой покинувший Байбурд, крепость Пара-Сара, — Бейрек, краса брачного ложа, надежда семи дев, глашатай остальных огузов, помощник Казан-бека.

— Ударь своим мечом, отец мой Казан, я пришел, — сказал он.

Вслед за ним, хан мой, посмотрим, кто пришел. Прискакал бек Иекенк, сын Казылык-Коджи, храбрец великий, подобный

орлу, рвущему коршуна, с золотой серьгой в ухе; в борьбе с ним один за другим падали с коней беки остальных огузов.

— Ударь своим мечом, отец мой Казан, я пришел, — сказал он.

Вслед за ним посмотрим, хан мой, кто пришел. Прискакал воспитавший Казан-бека Уруз-Коджа, толстогубый как конь, длиннорукий, тонконогий и тощий; шуба из кожи шестидесяти козлов не покрыла бы его ног, шапка из кожи шести козлов не покрыла бы его ушей.

— Ударь своим мечом, бек мой Казан, я пришел, — сказал он.

Вслед за ним, посмотрим, кто пришел. Прискакал с красными от крови усами Аман из племени Богадур; в далеких землях видел он лицо пророка; вернувшись на родину, стал его сподвижником среди огузов; когда им овладевал гнев, из его усов сочилась кровь.

— Ударь своим мечом, отец мой Казан, я пришел, — сказал он.

Вслед за ним посмотрим, кто пришел. Прискакал Алп-Эрен, сын Илик-Коджи, с презрением бросивший вслед гяурам собаку; покинул он когда-то родину, на коне переплыл через реку Айгыр-Козлу, овладел ключами пятидесяти семи крепостей, женился на Чешме, дочери белого царя; от его ударов, бывало, рыгал кровью царь Сун-Сандала; надевал он сорок кафтанов, захватил в плен красавиц дочерей беков тридцати семи крепостей, обнимал их одну за другой, целовал в лицо и губы.

— Ударь своим мечом, отец мой Казан, я пришел, — сказал он.

Станешь перечислять беков огузов, — до конца не дойдешь. Все пришли.

Совершили они омовение чистой водой, приложились к земле белым челом, совершили намаз, дважды склонившись, воздали хвалу Мухаммеду, чье имя славно, и тотчас погнали коней на гяуров, ударили мечами; раздался клекот барабанов, завизжали медные трубы с золотым винтом. Показали в тот день героиджигиты великую доблесть, а трусы искали куда укрыться. Тот день был днем страшной битвы, поле было покрыто головами. Как мячи, скакали быстрые кони, а копыта их стирала земля. Потрясали воины копытами, вонзали в тела кривые мечи, посылали на врагов тучи березовых стрел с тремя перьями. Тот день был подобен дню страшного суда. Бек был отделен от нукера, нукер — от бека. С правого крыла ударил удалой Дундаз с беками, с левого крыла ударил с молодцами-джигитами удалой Будаг, сын Кара-Гуне. Казан со своей дружиной ударил в середину. Встретил он царя Шукли, одним ударом сбросил его с коня; не дал ему очнуться, отрубил ему черную голову, разрубил его тело

пополам, пролил наземь его красную кровь. С правого крыла удалой Дундаз, сын Кыян-Сельджука, встретил царя Кара-Тукена, отрубил ему мечом правый бок, сбросил его наземь. С левого крыла удалой Будаг, сын Кара-Гуне, встретил царя Богачика, нанес ему палицей с шестью перьями сильный удар по голове; мир перед глазами гяура покрылся мраком, он обнял шею коня, пал наземь. Брат Казан-бека разрубил мечом знамя гяуров вместе с древком, швырнул его наземь. В долинах и на холмах настигала гяуров гибель, к их трупам слетались вороны. Двенадцать тысяч гяуров погибли от меча; пятьсот огузских джигитов пали в бою за веру. Бежавших Казан-бек не преследовал, тех, кто просил о пощаде, не убивал.

Беки остальных огузов разделили добычу; Казан-бек взял только свою орду, своего сына, своего ребенка, свою казну. Вернулся он домой, водрузил свой шатер, как бывало, над золотым престолом, поставил черного пастуха главным конюшим. Семь дней, семь ночей они ели и пили; сорока рабам и рабыням Казан дал свободу ради сына Уруза; молодцам-богатырям джигитам роздал много даров, дал им шаровары, кафтаны и сукно.

Пришел Дедэ-Коркуд, сложил песнь, сказал слово; эту вот былинку он сложил и кончил ее так:

— Где воспетые мною беки-герои, считавшие весь мир своим? Их похитила смерть, скрыла земля. За кем остался тленный мир? Земная жизнь приходит и уходит, для всего настает неизбежный конец.

А теперь я скажу прорицание, хан мой! Да не сокрушатся твои снежные, черные горы; да не будет срублено твое тенистое крепкое дерево; да не иссякнет твоя вечно текущая, прекрасная река; да не заставит тебя всемогущий бог прибегнуть за помощью к злодеям! Пускай твой серый конь не устанет скакать, пускай твой черный булатный меч не иступится от ударов, пускай твое острое копьё не сломится в битвах! Пусть жилищем твоего белобородого отца будет рай; пусть жилищем твоей седокудрой матери будет горняя обитель! Да не расстанутся они до конца с чистой верой, да услышат говорящие аминь! Ради твоего белого лика произносим ныне молитву из пяти слов, да будет она услышана! Да не обманет аллах твоей надежды! Да соединится сущее в одно, да стоит сущее твердо! Да будут прощены твои грехи ради лика Мухаммеда избранного, чье имя славно!

Эфзедеддин Ибрагим ибн-Али Наджар Хагани родился около 1120-21 г. в Ширване. Первоначальное образование получил у своего дяди астронома, затем вместе с поэтом Фелеки учился у известного при дворе Ширван-шахов поэта Абуль-Ула Ганджеви. Вскоре Хагани женится на дочери Абуль-Ула. В молодости Хагани писал стихи под влиянием иранского поэта Сэнани и подписывал их псевдонимом Хагаиги. После приглашения ко двору он принял псевдоним Хагани. Его лирические газеллы, рубаи и особенно касиды пользовались большой известностью. В 1156 году он путешествовал по Ближнему Востоку и написал свое произведение „Тохфатуль-Иракейн“. После возвращения в Ширван он порвал с двором. По приказу Ахситана, Хагани был заключен в темницу, там он написал свое известное произведение «Хабсие». По освобождении из тюрьмы Хагани переселился в Тавриз, где и умер.

РАЗВАЛИНЫ ГОРОДА МЕДАИН

Внимательно смотри, вот для тебя урок.
 Стал прахом город Медаин, — о жалкий рок!
 Идем же, сердце, в путь. Нам Деджла путь укажет.
 Но глубже, чем река, горючих слез поток.
 И Деджла плакала, как сто ручьев кровавых,
 Чей полноводный бег печален и широк.
 И устье Деджлы пьет с ненасытимой жаждой —
 Пузырится в жару — и бред ее глубок.
 Смотри, она горит от ужаса и горя.

Слышал ли ты когда, чтоб воду пламень жег?
Плати же, как она зекят слезами платит —
Здесь у морской губы — соленый свой налог.
О, если бы река все рассказать могла нам,
Как бил озноб ее всю с головы до ног!
Она сама в цепях и вьется длинной цепью,
Ее пожар загнал и ужас уволок.
Так обратись к развалинам — и ты услышишь,
Как плачет из глубин невнятный голосок.
Вглядишь, как медленно крошатся эти зубья:
Все временно. Всё — тлен. Всему назначен срок.
Топчи нас, человек. Мы, как и ты, истленье.
Мы, как и ты, ковер для всех идущих ног.
Как ноет голова от воя сов полночных,
Хотя бы слез твоих нас освежил глоток!
Здесь истина жила. Ее не пощадили.
Поплатится ли тот, кто с нами был жесток?
Изменчива ль судьба, или ее ломает
Тот, кто обуглил наш возвышенный чертог.
Не смейся над моим рыданьем — помни, путник:
Кто слез не проливал, тот низок и убог.
Когда-то Медаин был не беднее Куфы —
Плачь, путник, и пойми, как мой позор глубок.
Ведь камня этих стен так много рук касалось,
Что оттиски легли на каждый уголок.
Привратником здесь был властитель Вавилона,
О, слушай, Туркестан, — трубит военный рог...
Балконы рухнули, отпыхали балки.
Здесь был когда-то пол, здесь — круглый потолок.
Не удивляйся! Там, где соловьи гремели,
Одна сова кричит плачевный свой упрек.
Сойди с коня! Коснись лицом земли бесплодной.
Нам дали мат слоны на злейшей из досок.
Земля пьяна, но пьет из черепа Ормузда;
Ей льет Нуширеван багряной крови ток.
Ты спросишь — где же те бывшие венценосцы?
Беременна земля от них на долгий срок.
Где Кесры апельсин и где айва Первиза?
Все золото — ничто. Сам Сассанид — песок.
Вино из этих лоз когда-то было кровью,
Кувшин — землею был, где прах Первиза лег.
Земля от стольких тел тучнела и разбухла,
Но жаждет новых жертв, хотя бы малый клоч.
И кровью детскою, как пурпурною краской,

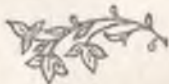
Старуха красит рот, а женщина — сосок.
Бывало, странники везут домой подарки.
Я привезу друзьям рыданье этих строк.
О Хагани! Учись молчанью этой почвы
И подари друзьям ее сухой кусок.

РУБАЙИ

(Четверостишия)

- ¹ Служить я страсти больше не хочу.
Я сердце делу горечи учу.
Как смеет мотылек влюбляться в солнце,
Когда не в силах победить свечу!
- ² Прошла, умчалась юность Хагани,
Печальны были все года и дни.
Прошло все время в чтении эпитафий
На горестных похоронах родни.
- ³ Хотел меня великий одарить —
Что, Хагани, желаешь получить?
Ответил я: что ты способен делать,
Когда не можешь юность возвратить.
- ⁴ Не наливай вина мне. Все равно
Разбито сердце и в глазах темно.
И сколько б ты ни налил — все без пользы:
Не может грусти вылечить вино.
- ⁵ Когда письмо твое пришло ко мне,
Был черен мир. Он стал черней вдвойне.
Но мысль твоя издалека блеснула —
Сквозь мрак двойной я снова был в огне.
- ⁶ Что буду делать с кубком золотым?
Дай глиняный! Он станет мне родным.
Пока я сам не превратился в глину,
Пусть будет кубок глиняный моим.
- ⁷ Опять от волн любви качаюсь я,
От слез кружится голова моя.
От ветра твоего я, как вода, взволнуюсь
И полечу по волнам, как ладья.

- ⁸ Я засыпаю — ты в моих глазах.
Я просыпаюсь без тебя в слезах.
И если взять ты душу с сердцем хочешь,
Я их отдам, ни слова не сказав.
- ⁹ Я лилия, ты солнце. И, скорбя,
Давно в слезах я утопил себя.
Я ночью умираю от печали,
Я утром оживаю для тебя.
- ¹⁰ Меня несчастным смело назови:
Я сломан, скручен путами любви.
В тот миг, когда с друзьями ты пируешь,
Сижу, потоплен в собственной крови.
- ¹¹ Где яд, чтоб другом я его назвал,
Где меч, чтоб счастьем я его считал,
Где смерть, которую, как избавленье,
Потусторонний мир мне даровал?
- ¹² Тобою стая львов побеждена,—
Но ты сама, газель моя, грустна.
Клянусь аллахом и твоей душою,
Что и моя душа сейчас смутна.
- ¹³ Я тьмы такой не видел никогда.
Я в печь вселенной ввергнут навсегда.
Я банному котлу подобен сердцем!
Внутри огонь, кругом меня вода.
- ¹⁴ Ты все суровей; в пламени тоски
Терпенье разрываю на куски.
Всегда меня терзала ты коварством,
Ступай, с тобой мы больше не близки.

Ильяс ибн-Юсиф Низами Ганджеви, гениальный азербайджанский поэт, родился в 1141 году в Азербайджане, в городе Гандже (ныне Кировабаде). Произведения Низами известны под названием „Хамсе“ (Пятерица), куда входят пять крупных творений поэта. „Махзануль-эсрар“ („Сокровищница тайн“) — самое раннее произведение Низами (написано около 1178 г.) Вслед за „Махзануль-эсрар“ Низами создал свою романтическую поэму „Хосров и Ширин“ (1180). Большой популярностью пользуется его поэма „Лейли и Меджнун“ (1188). „Хэфт-пейкар“ („Семь портретов красавиц“) была написана в 1187 году. „Искандер-намэ“ — последнее крупное произведение Низами (написано в 1193—1197 гг.). „Хамсе“ состоит из 30 000 бейтов (двустихий). Кроме того, ряд исследователей и историков утверждают, что до нас не дошло еще 20 000 бейтов Низами. Низами умер в 1203 году. Могила его находится недалеко от Кировабада.

„ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН“ Вступление к поэме

Я был в тот день столь счастлив и богат,
Что позавидовал бы Кейкубад;
Не хмурил я изогнутых бровей,
Читая строки повести своей.
Казалась верным зеркалом судьба.
И, волосы откинув мне со лба,
Дышало утро благовоньем роз,
Приветствуя, что счастье мне далось.
Как мотылек в огне золотой свечи,
Как соловей в садах Барды в ночи,
На башне слов я знамя водрузил,

Свое перо в чернила погрузил,
Его расщеп алмазами точка.
Язык мой был занятней турача.
Себе сказал я: час пришел, восстань!
Тебе судьба приносит счастья дань.
Где твоему безделию предел?
Не отстраняйся от великих дел,
Настрой свой лад на благородный саз.
Кто спорит с жизнью, тем она далась.
Кто с поднятой проходит головой,
Тот человек бывалый, боевой.
Как зеркало, верна душа его,
Не отражает криво ничего.
А тот, кто чужд народу своему,
Как бы закутал лживый лоб в чалму.
Девлет могучий! Требуешь ли ты,
Чтоб были руки делом заняты?..

Так я мечтал. Гляжу: звезда летит.
Вот он, мой жребий! Что он возвестит?
Найду ль почет за столько дней труда,
И дастся ль мне сокровище тогда?
Так я гадал... И вижу, наконец,
Послание шаха мне принес гонец.
Как он писал, чудесный каллиграф,
Витиеватым почерком убрав
Страниц пятнадцать! Что ни буква — сад.
Как шеб-чираг, слова его горят:

„О друг и брат, ближайший меж людьми!
Словесных дел волшебник, Низами!
Проснись, восстань от сладостного сна.
Яви нам чудо. Мошь тебе дана,
Чтоб на арене слова своего
Нам доказать благое мастерство.
Хотим, чтоб в честь меджнуновой любви
Гранил, как жемчуг, ты слова свои.
Чтобы Лейли невинность обретя,
Ты был в реченьях свежим, как дитя.
Чтоб прочитав, сказали мы: Ей-ей!
Клянемся днесь короною своей,
Что сладость книги стоит сотен книг.
Твой прежний труд украшенным возник,
Как некий шах в чертоге слов твоих.

Так не желей рассыпать щедро их,
Арабской ли, фарсидской ли фатой
Украшишь прелесть новобрачной той.
Знай, что с твоим твореньем, Низами,
Знакомились мы прежде. Но пойми,
Для чьей отрады, для чьего лица
Ты нанизал свой жемчуг из ларца?
Нам не приличен тюркский твой язык,
Наш двор к простецким нравам не привык.
Раз мы знатны и саном высоки,
Высокие да слышим языки!"

Прочел я... Кровь мне бросилась в лицо.
Так значит, в ухе рабское кольцо!
И не поднять из мрака мне чела,
И на глазах как пелена легла,
И не найти сокровищ золотых...
И замер я, и ослабел, затих,
И голову запрятал от стыда.
Где близкий, кто бы понял, в чем беда?
Вновь дополнять творенье смысла нет.
И рядом сын любимый Мухаммед,
Что дорог моей жизни, как душа,
В руках ту книгу тюркскую держа,
Как тень моя скользящая, был тих.
Он подошел и сел у ног моих
И говорит: „Не раз ты мяч бросал,
„Хосров-Ширин“ недаром написал.
Сердца людей еще повесели
И напиши „Меджнуна и Лейли“,
Чтоб две поэмы были двойники,
Он — Ширван-шах. Вы оба высоки.
Твое владенье — не Ширван, а мир.
Но он знаток, он знатен, он кумир.
Он требует наряднее прикрас,
Садись, пиши, как ты писал не раз“.

Я отвечал: „Уместна эта речь!
Ты чист, как зеркало, остер, как меч,
Но как мне быть. Душа раздвоена.
Мысль широка. Дорога к ней тесна.
И узок вход рассказу моему,
Хиреет речь, зажатая в тюрьму.
Мне площадь, как ристалище, нужна

Для вольной джигитовки скакуна.
Такая радость, ведомая всем,
Мне не дана. Вот отчего я нем.
Изящество и легкость — вот узда,
Чтоб речь была подтянуто тверда.
А от печали рабской и цепей
Она звучит тяжеле и слабей.
И раз на волю нету мне пути,
Откуда слово ценное найти?
Где музыка, где вина, где меджлис,
Где сад, чтоб мысли светлые зажглись?
Сухой песок, пустыня, темя гор...
Иной народу нужен разговор:
Чтоб слово было сердцем рождено,
Чтобы звенело радостью оно!
Рожденное без радости — мертво.
Но шах велит, чтоб, именем его
Закованный в наряд чужих прикрас,
Я все же точно выполнил приказ.
Чтобы его величество, сочтя
Мой жемчуг, забавлялся как дитя!
Чтобы влюбился будущий мой чтец
В творенье, кто бы ни был, хоть мертвец!

„СЕМЬ ПОРТРЕТОВ КРАСАВИЦ“
КАК БАХРАМ ВО ВТОРНИК ПОСЕТИЛ КРАСНЫЙ ШАТЕР

Был прекрасен следующий день,
Солнце с неба вытеснило тень,

И, светилу красному сродни,
Шах прекрасным был в такие дни.

Он с утра покинул свой покой,
Красный день украсивши собой.

Огнеока, матово-бела,
Там его красавица ждала.

Словно с солнцем нежная луна,
Рядом с шахом высилась она,

И сверканье солнечных лучей
Отгоняло ночь с ее очей.

Не сводя с нее сверкавших глаз,
Шах просил ее начать рассказ.

И она желание поняла
И рассказ покорно начала:

„О Великий! дом твой в облаках,
Солнце и луна в твоих руках.

Верю я — ты можешь оценить
Слов моих блистающую нить.

Не сравнится пусть никто с тобой,
Пусть ослепнет недруг твой любой...”

Так была молитва воздана,
И рассказ продолжила она:

„Далеко в славянской стороне
Был веселый город в вышине.

Падишаха там стоял дворец,
Во дворце взлелеял дочь отец.

Как колдунья, дочь была умна,
Как зеленый кипарис, стройна,

Слаще меда свежие уста,
И ясней чем месяц красота.

Разом, меркнул яркий свет свечей
Перед пламенем ее очей.

Узок рот, как горло кувшина,
Гибок стан, как тонкая струна,

Шелковая прядь ее волос
Пахнет слаще мускуса и роз.

Цвет ланит блестящ, как зеркала,
Вся она свежей весны была.

Взгляд ее — нарцисса чуткий сон,
Грацией цветка наполнен он.

Видно, те, кто пестовал ее,
В розах время провели свое.

Девушка красавицей была,
С нею няня мудрая жила.

Все науки смолоду узнав,
По листу о каждой написав,

Изучая хитрые слова
Заклинаний, магий, колдовства,

Недоступная в своей судьбе,
Мужа не хотела взять себе.

Если мудрость женщине дана,
Может ли быть замужем она?

Стала дева гордостью земли —
Месяц с солнцем чадо родили.

К вспоенной небесным молоком,
Каждый к ней любовью был влеком.

Каждый у нее любви просил,
Золотом и силою грозил.

Деве не легко от жадных рук
Оградить сокровище вокруг,

Но она согласья не дала
И в большом сомнении была,

Как ей, чтобы клад не потерять,
С сотнею противников играть?

Видя, что их руки так длинны,
Что им сила с золотом даны,

Для себя нашла она утес,
Что вершину до неба вознес.

Стены на вершине возвела,
Словно на скале еще скала.

И отца сумела убедить
В путь ее скорее снарядить.

Хоть болело сердце у отца,
Но покорны разуму сердца:

Он решил девицу в этот год
Удалить из дома словно мед,

Чтоб пчелиный рой не прилетал,
Чтобы ульем дом его не стал.

Кто богатство оградил стеной,
Может сладко спать во тьме ночной.

Все с собой в дорогу собрала,
В дальний путь красавица пошла.

Стала жить за каменной стеной
В крепости над страшной крутизной.

Дева в новой крепости живет,
Мир Хеса-ханум ее зовет.

Все вору бессильны были здесь —
Из железа сделан замок весь.

И девица в грозной вышине
Никого не видела во сне.

Путникам закрыты все пути,
Никому до замка не дойти.

Дева мудростью напоена,
Вмиг решала все дела она:

Был ей ведом нрав планет и звезд,
Для нее любой вопрос был прост,

Знала, в чем характер всех людей,
Знала, где начало всех страстей,

Почему вода порой кипит,
Почему огонь порою спит,

Где в мужчине мужества зерно,
И кому быть мудрым суждено.

Внешность женщины ей отроду дана,
Но мужчина по уму она.

И, поняв начало всех причин,
Отвратила сердце от мужчин.

Колдовство железа и камней
Встало на путях, ведущих к ней.

Всех, кто здесь сокровища искал,
Грозный меч на части рассекал.

Тот, кто здесь тропинки проторял,
Голову бесстрашную терял.

Колдовской, незримый глазом, меч
Голову срубал с могучих плеч.

Та гора, где девушка жила,
В облака верхушкою ушла.

Если б путник год бежал вперед,
Не достиг бы крепостных ворот.

Обучась в Китае мастерству,
Дева пишет мир, как наяву.

Лишь к листу приблизится перо,
Перевьются линии хитро,

И горит огнем и серебром
Тень природы под ее пером.

Между звезд сиявшую луну,
Встретил шах-отец ее одну.

В панцире к нему она вошла,
Свой портрет ему преподнесла.

Он прочел, к портрету наклонясь,
Надписи узорчатую вязь:

„Тот, кто хочет получить меня,
Мотылек, возжаждавший огня,

Издалека речь пусть не ведет,
Пусть он как мужчина подойдет;

Лишь мужчина знает путь сюда,
Слабый не добрался б никогда.

Кто желает мною овладеть,
Должен жизнью жертвовать уметь,

Должен он на тягостном пути
Несколько условий соблюсти!

Первое условие — за мной
Должен он притти как за женой,

Во-вторых, обязан он снести
Все преграды на своем пути,

В-третьих, должен, чар нарушив гнет,
Отыскать ведущий в крепость вход

И, со мной соединившись там,
Город привести к моим стопам.

Несколько вопросов, наконец,
Я задам, лишь вступим во дворец.

Если даст он правильный ответ,
То в любви ему отказа нет.

Он супругом станет дорогим,
Будет он, как должно, мной любим.

Если ж он не выполнит всего,
Кровь падет на голову его.

Счастьем сможет тот лишь овладеть,
Кто сумеет все преодолеть“.

Вихрь у шаха выхватил листок,
За собою под гору повлек.

Юноше, больному от любви,
Он сказал: „Скорей листок лови!

Сам на стену города вступи
И портрет на башне укрепи“.

И тогда коснулася листка
Юного поклонника рука.

Образ той, чей лик его манил,
Он к воротам быстро прикрепил,

Чтобы все узревшие ее
Сами сердце вырвали свое.

Весть об этом облетела свет —
Вот уже числа влюбленным нет.

Торопясь, со всех концов земли
К ней потоком люди потекли.

Каждый страстью пламенной пылал,
Каждый жизнь по ветру развевал,

Каждый, встав на путь, ведущий к ней,
Погибал от вражеских мечей.

Тайных чар никто не одолел
И проникнуть в крепость не сумел.

Даже тем, кто был хитер в пути,
Далеко не удалось уйти.

Прочь бежали многие из них,
Не исполнив замыслов своих!

Ярче маков всюду расцвели
Головы, лежащие в пыли.

Каждая катилась, точно шар,
К городу по воле темных чар.

Был разубран город до зубцов
Черепами сотен молодцов.

Днем и ночью от ее затей
С плеч слетали головы людей.

Жил в то время некий властелин,
Рос при нем прекрасный юный сын.

Был он славой рода своего —
Львы дрожали, повстречав его.

И, подобен молодой весне,
Он однажды мчался на коне.

На портрет едва он бросил взгляд —
В грудь его проник любовный яд.

И терпенья вмиг лишился он,
Красотой чудесной покорен.

И воскликнул: „Не найти похвал
Для того, кто так нарисовал,

Чье перо явило вдруг для нас
Украшение, сладкое для глаз“.

Он сказал: „От этой красоты
Не уйти мне: средства все пусты.

Если я возьму портрет с собой,
То мгновенно дух ослабнет мой.

Если ж в сердце не утихнет страсть,
С плеч придется голове упасть...

Этот облик, что к себе манит,
Жало смертоносное таит.

Сколько смерти предала она,
Мне ль иная участь суждена!

Если ж мне другой судьбы не ждать —
Пользы мало с прахом прах смешать.

Но нельзя мне делу изменить —
С ним меня связала мысли нить.

Нет исхода! Все же трудно мне
Примириться с гибелью вполне.

Чтоб ее нарушить торжество,
Применить я должен колдовство.

Без него я не свяжу уста
Той, чья бесподобна красота.

Чтоб отбит у льва ягненок был,
Нужно знание чародейских сил.

Кто неловок в деле, у того
Рушатся все замыслы его;

Чтоб в большую не попасть беду,
С целым миром ты живи в ладу,

Недостойных целей избегай,
Время выждав, метко поражай!

Но рассудок изменяет мне,
Гибнет сердце, — легкие в огне.

Вновь смогу ли радостным я стать,
В мире все, как прежде, понимать?!"

Так сказал он: „Я, быть может, тот,
Кто невольно кровь чужую пьет“.

Лик его от грусти помрачнел,
Вздых прохладный с уст его слетел.

И, слезами увлажняя взор,
Он предвидел плаху и топор.

Все, что думал, про себя таил,
Никому о том не говорил.

По утрам к воротам городским
Приходил он, муками томим.

Каждый раз все новой красотой
Озарялся образ девы той,

Видел в нем его печальный взгляд
Ту могилу, где лежит Фархад.

Он вздыхал, но цели не достиг,
Неудач причины не постиг.

Видел лишь он сотни сотен тех,
Что погибли, не вкусив утех.

По стране напрасно он скакал
И совета мудрого искал.

Ни один помочь ему не мог
Размотать таинственный клубок.

Но, назад решив не отступать,
Вышел он на поиски опять

И узнал случайно, наконец,
Что на свете есть один мудрец.

Он умел обуздывать коней,
Был владыкой духов и теней,

Все науки он преодолел
И природы тайнами владел.

Словно к солнцу, что рассеет тьму,
Юный витязь полетел к нему

Через горы, с быстротой орла:
Жажда знания в путь его влекла.

Он предстал, как роза, перед ним
И назвал учителем своим.

Но сначала, чтоб набраться сил,
Он помочь пророка попросил.

И затем, хвалу воздав ему,
Обратился к горю своему.

О жестокой деве рассказал,
О страданиях, что народ познал,

О загадках, выдуманных ей
На погибель множества людей.

Это все он старцу изложил,
В мыслях ничего не утаил.

И, рассказ прослушав, наконец,
Все, что знал, открыл ему мудрец.

Не помедлив, возвратился он,
Мудростью совета ободрен.

Веселее и спокойней стал,
Образ действий в мыслях начертал.

Быстро он приобрести сумел
Нужное для совершенья дел.

Стало все понятным и простым,
Разлетелись трудности, как дым.

Чтобы злые чары истребить,
Он решил сперва их изучить,

Для чего призвал к себе скорей
Умудренных опытом людей.

В знак суровых для страны времен
Был он в пурпур яркий облачен,

Лишь пред морем крови он предстал —
Блеск очей кровавым сразу стал.

Чтоб сомнений не было ни в ком,
О любви он думал лишь тайком.

Он сказал: „За тысячу смертей
Я возмездье приготовил ей.

Или сам погибну я сейчас,
Иль жестокой отомщу за вас“.

Кровью он одежду окропил
И шатер за городом разбил.

Каждый знавший, что явился он
Выполнить возмездия закон,

Был готов помочь по мере сил,
Чтобы колдовство сн победил,

И народа твердой волей он
Был, как прочной сталью, защищен.

Извинясь пред шахом той порой,
Разрешенья попросил герой,

По дороге в крепость поспешил
И отважно дело довершил.

К талисману он лишь подошел,
Вырыл ров, заклятие прочел,—

Колдовство сразил его удар,
Развязался узел тайных чар.

Все, ему мешавшее в пути,
Он на дно колодца опустил.

Талисманы он убрал с горы
И мечи вонзил там до поры.

К крепости он двинулся вперед,
В барабан забил он у ворот,

С грохотом ворота он сорвал,
Завалил землей глубины рва.

Показался перл из-под земли.
Получив об этом весть вдали,

К храбрецу отправила гонца
Та, чей облик поражал сердца,

И сказала: „Ров ты завалил,
К счастью и богатству путь пробил

И, разрушив чары этих скал,
Дверь сокровищницы отыскал.

Но, стремясь на город, как река,
Если можешь, подожди пока,

Чтоб к отцу явилась в город я
И затем проверила тебя.

Дам загадки, знай, четыре их.
Если мне ответишь ты на них,

Буду я близка с тобой одним
И супругом станешь ты моим.

Колдовские чары — лишь предлог,
Чтобы трус желать меня не мог“.

От нее, успехом окрылен,
Повернув, умчался в город он.

Укрепленный на стене портрет
Он сорвал, чтоб уничтожить вред.

И тогда зловещих чар беда,
Как туман, исчезла без следа.

„Слава, храбрый!“ — с башенных зубцов
Головы вскричали мертвецов,

Чтоб они в земле истлеть могли,
Их с телами вместе погребли.

С торжеством домой вернулся он,
Пир устроил, славой озарен,

В дар ему сокровища несли,
Дом и двор, как райский сад, цвели.

Горожане, все до одного,
Поклялись в присутствии его:

„Если шах отклонит этот брак,
Уничтожен будет он, как враг.

Старый шах не мог упрочить мир.
Юноша — желанный нам эмир.

Проявил себя он храбрецом,
И невеста с радостным лицом,

Улыбаясь, вслед за ним идет...“
Ночь сомкнула черный звездный свод.

Над дворцом луна, и в тишине
Девушка была наедине.

Со своими мыслями одна,
К городу направилась она.

Ликовали тысячи сердец;
Встретясь с ней, расцвел ее отец.

Из того, что было, ничего
Дочь не утаила от него.

Рассказала шаху, как с коней
Всадники валились перед ней,

Как срывался в яму тот, кто рыл,
Как пред нею львы лишались сил!

К ней, недосыгаемой звезде,
Наконец, явился шах-заде,

И отдал он сердце ей навек.
Сдвинул горы этот человек.

Не смутился чарами ничуть —
К крепости нашел заветный путь,

Выполнил, застав ее врасплох,
Три условия из четырех.

Остается выполнить одно.
Шах спросил: „В чем состоит оно?“

Дочь сказала: „Если он умен,
На вопросы мне ответит он.

Нужно мне четыре их задать,
Если победит меня опять,

Станет шахом, если ж путь тяжел
И начнет хромать его осел,

То ему до бездны только шаг!..“
Тут решили, что поутру шах

Вновь воссядет на высокий трон.
Шах сказал: „Да будет счастлив он

Нам с тобой важны дела его“.
И не молвил больше ничего.

Шах ушел до света на покой,
А когда небесный свод крутой

Сыпал пыль рубиновую вниз,
Шах собрал великий свой меджлис.

Он друзей вовек не забывал,
Честных, знатных, мудрых он созвал —

Всех, кого и чтит и любит мир.
Сына пригласил на пышный пир.

Гости шли, толпились на ковре;
По блестящей, золотой суфре

Потянулись яства чередой,
Не было на ткани золотой

Лишь того, что невозможно есть;
Кушанья, поставленные здесь,

Каждый брал, за пиршество засев,
А когда насытились, поев,

И глаза пирующих зажглись,
Шах велел, чтоб испытал меджлис

Лучшего из молодых людей,
И в соседний зал повел гостей,

Но не мог он дочери помочь,
Усадив пред юношею дочь.

Грации учившая девиц
Дочь метнула взор из-под ресниц,

Занавес рукою подняла
И два лапа с шеи сорвала,

Приказав прислужнице своей:
„Дай их гостю нашему живей.

Пусть ответ придумает теперь“...
Человек, чей ум блистал как перл,

К первым двум три лапа приложил
И послу для девушки вручил.

Понесла служанка их опять.
Увидав, что лапов стало пять,

Дочь взяла их из чужой руки
И разбила камни на куски,

Измельчила в пудру, а потом,
Размешав их с сахарным песком,

Отдала служанке, чтоб отнесть
Дорогому гостю эту смесь.

Гость постиг свершенное тайком,
Попросил он чашу с молоком,

Бросил смесь туда, потупя взгляд,
И вернул с прислужницей назад.

Госпожа ту чашу приняла,
Перстень с пальца тонкого сняла.

Вновь пошла прислужница сквозь зал,
Шах-заде степенно перстень взял

И, надев его, остался рад,
А служанка, возвратясь назад,

Госпоже вручила перл большой,
Дочь к нему прибавила второй.

Но жених немедля распознал
Свой, похожий на невестин, лал

В этой паре лалов-близнецов.
Попросил запястье у рабов,

Приложил к двум лалам и опять
Попросил служанку передать

Несравненной царственной звезде.
Увидав посылку шах-заде,

Рассмеялась девушка в ответ,
Натянула на руку браслет,

Молвя шаху: „Встань и дело сладь,
Не хочу томить его опять.

Я себе в мужа его беру,
Выиграла я свою игру.

Славный будет у меня супруг,
Не сравнится с ним никто вокруг,

Мудры мы, умны у нас друзья.
Знает он, чего не знаю я“.

Благосклонно выслушал отец
Речь ее и молвил, наконец:

„Объяснить, красавица, пора,
Какова была твоя игра,

Ты должна, с загадок сняв печать,
Мне о каждой тайне рассказать“.

Девушка ответила ему:
„Я покровы с тайн приподыму,

Знай, с себя два лала я сняла
И с прислужницей передала.

Думая, пускай поймет меня —
В нашей жизни два прекрасных дня,

А когда в жемчужный порошок
Всыпала я сахарный песок,

Намекнула я, что жизнь и страсть
Смешаны, как лал и эта сладость.

Разделить дано их чьей руке?
Но песок растаял в молоке,

И загадку он раскрыл легко,
Выделило перлы молоко.

Перед ним, отпив глоток шутя,
Стала я как малое дитя,

А когда послала перстень свой,
Согласившись быть его женой,

Передав мне перл, он заявил,
Что меня высоко оценил.

Я, прибавив к перлу новый лал,
Знак дала, что мне он мужем стал.

Радуюсь от всей души, в ответ
Шах-заде мне передал браслет,

Чтоб меня дурной не тронул глаз,
Навсегда я мужу отдалась,

И печать его любви на мне,
И хозяин он в моей казне“.

Замер звук последних слов в ушах,
И постиг ее секреты шах.

Видел он, что стал покорным конь,
Обуздал в ней юноша огонь.

Согласился шах на этот брак,
Полюбил он юношу, и так

Нравился ему такой жених.
Шах связал судьбою молодых.

Полилось веселье через край,
Амброю дышал дворец, как рай,

Сел напротив розы кипарис,
Пировал на свадьбе их меджлис.

Шах друг другу поручил детей,
Дав супруга дочери своей.

Ищущий нашел чудесный клад,
Жизнь даря, достиг ее усад.

Он кусал гранаты губ и щек
И лобзал супругу, как цветок.

Не давал он пери отдохнуть,
Куропатке сокол сел на грудь.

У нее увидел свой браслет
И в глазах ее — томленья след.

Поступил он с нею как хотел,
Лик ее стыдливо заалел.

Пурпурною стала белизна,
И женою сделалась она.

Красный блеск одежд проник сквозь мрак,
Увенчало счастье этот брак.

В красном платье шел жених в поход,
Красным и прозвал его народ.

Подобало прозвище ему —
Не имел он равных по уму.

Стал он всех могучей и умней,
Стал он красным, полюбив людей.

Только тот свою красу хранит,
У кого прекрасен цвет ланит.

Роза — красный падишах садов,
Повелительница всех цветов“.

Кончился рассказ. Пришла заря,
Розы с неба сыпала, горя,

И лицо Бахрама занялось,
Как огонь, от этих ярких роз.

И к цветку он руку протянул,
Стан его обнял и так заснул.

ИСКАНДЕР-НАМЭ

ОПИСАНИЕ ГОРОДА БАРДЫ И СООБЩЕНИЕ ИСКАНДЕРУ О КРАСОТЕ НУШАБЕ

- ¹ Приди, виночерпий, вина мне налей,
С ним жажда не мучит, с ним жить веселей.
- ² Тоску прогони, освежи мой язык,
Налей, виночерпий, к вину я привык.
- ³ Благословенье Бардинской стране!
Зима в ней подобна прекрасной весне.
- ⁴ Зима растворяется в майских ветрах,
В июне цветы расцветают в горах.
- ⁵ Священной рекою омыта она
И райскими рощами окружена.
- ⁶ Сады белоснежны, как райский цветник,
Веселые ивы качаются в них;
- ⁷ Фазаны ютятся в прохладной тени,
Все ветви деревьев покрыли они.
- ⁸ С тех пор как спокойствия жаждет страна,
Тревога в нее не зашла ни одна.
- ⁹ Довольство и счастье повсюду видны,
Душистые травы кругом зелены.
- ¹⁰ Слетаются птицы за кормом сюда,
Здесь сытые львы отдыхают всегда.

- ¹¹ Водой золотой вспоена тут земля,
Как будто шафран покрывает поля.
- ¹² У всех, кто проходит по этой земле,
Веселье и радость цветут на челе.
- ¹³ Теперь этот край измелчили века,
И ветер развеял атлас и шелка.
- ¹⁴ Повисли цветы на увядших стеблях,
Красавцы-нарциссы рассыпались в прах.
- ¹⁵ Лишь сотни канав да деревьев сухих
Сегодня увидишь с тропинок глухих.
- ¹⁶ Все то, что росло здесь, не просто росло:
Оно от заботы и блага возшло.
- ¹⁷ И если цветами заняться опять,
Все может созреть и подняться опять.
- ¹⁸ И если бы шах только время нашел,
Он снова бы этот украсил престол.
- ¹⁹ Харамом страну называли отцы,
Бардой ее нынче зовут мудрецы.
- ²⁰ В блаженной и женственной этой стране
Таились богатства, как жемчуг—на дне.
- ²¹ Кто знал цветники веселее, чем здесь,
Кто знал казначея щедрее, чем здесь.
- ²² Поэт говорит про былые дела:
„Владелицей этих сокровищ была
- ²³ Мудрейшая женщина Нушабе,
Создавшая праздник из жизни себе.
- ²⁴ Подобна павлиньей ее красота,
И лани невинней — ее чистота.
- ²⁵ Светло ее сердце, нежна ее речь,
А разум могучий и острый, как меч.

- ²⁶ И девушек, девственных словно луна,
Служить при себе заставляла она.
- ²⁷ И кроме рабынь быстроногих, дворцы
Железным кольцом окружали бойцы.
- ²⁸ Но как бы к мужчинам близка ни была,
Войти она в дверь никому не дала.
- ²⁹ Ей женщины всюду служили одни,
Мужчин не желала она и они.
- ³⁰ И женщин мудрейших сбирая кругом,
Она без старейшин владела дворцом.
- ³¹ За городом собраны были рабы,
Они покорились велению судьбы.
- ³² Закон ее был не по-женски суров —
Был город царицы закрыт для рабов.
- ³³ Царица велела! И каждый приказ
Любим из рабов исполнялся тотчас...“
- ³⁴ Повел Искандер боевые войска.
Палатка его, как гора, высока.
- ³⁵ Волшебной землею прекраснейших жен,
Весельем, простором он был поражен.
- ³⁶ Спросил он: „Какой знаменитый герой
Владеет божественной этой землей?“
- ³⁷ Ему отвечали, что эта страна
Прекраснейшей женщине в мире дана.
- ³⁸ Что женщина эта достойней мужчин
И чище сокровищ подводных пучин.
- ³⁹ Разумна, упорна, сильна и горда,
Заботится о подчиненных всегда.
- ⁴⁰ Она свой исполненный гордости род
Издревле от кьянского шаха ведет.

- 41 Ее никогда не видали войска.
Не воин она, но, как воин, крепка.
- 42 Рабы ее — храбры — один к одному,
Но видеть ее не дано никому.
- 43 Серебряноноги, жасминов нежней,
Дела все решают советницы с ней.
- 44 Их груди — гранаты, они высоки,
И сладостней сахара эти соски.
- 45 Увидев нагие тела их хоть раз,
Трепещут нежнейшие шелк и атлас.
- 46 Когда бы увидели гурии их,
Спустились бы с высей небесных своих.
- 47 Как солнце дневное, как месяц в ночи,
Здесь девы в садах распускают лучи.
- 48 Так светится кожа их розовых тел,
Что каждый зажмурится, кто поглядел.
- 49 Кто голос их слышал, тот может отдать
Всю жизнь, чтоб хоть слово услышать опять.
- 50 Есть жемчуг у женщин и красный рубин,
Их зубы — как жемчуг, их губы — рубин.
- 51 Не знаю, каким неземным волшебством
Избавлен от страсти сияющий дом.
- 52 И кроме вина, кроме песен, у них
Под небом друзей не найдется иных.
- 53 Здесь чистая кровь и всеильная власть
На ключ запирают безумную страсть.
- 54 В дворце есть немало веселых палат,
Красавицы ночью в их двери спешат.
- 55 Царица, хоть скрыта от жаждущих глаз,
Находит всегда для правления час.

- ⁵⁶ Высок и роскошен царицы дворец,
Как будто камней драгоценных ларец.
- ⁵⁷ Стоит там хрустальный сверкающий трон,
И щедро усыпан алмазами он.
- ⁵⁸ Горит этот трон по ночам, как луна,
Как будто вселенная подожжена.
- ⁵⁹ И каждое утро в покоях дворца
В молитве она вспоминает творца.
- ⁶⁰ Сидят ее чистые девы вокруг,
И девы другие стоят для услуг.
- ⁶¹ Здесь слышится музыка, льется вино,
И все в созерцание погружено.
- ⁶² И после молений аллаху они
Едят свои яства и дремлют в тени.
- ⁶³ Имея сокровищ несметную мощь,
Зачем она молится каждую ночь?
- ⁶⁴ Не спит никогда в своем доме она,
Настолько служеньем аллаху полна.
- ⁶⁵ Из камня другой ей построили дом,
И, словно луна, она прячется в нем.
- ⁶⁶ И молится долгие ночи одна,
Пока не спадает с небес пелена.
- ⁶⁷ А если она и заснет, то заснет
Не дольше, чем под воду утка нырнет.
- ⁶⁸ И с юными девами снова она
За музыкой нежной, за чашей вина.
- ⁶⁹ Моление ночью, веселие днем.
И день во дворце пролетает за днем.
- ⁷⁰ Все ночи молитвам она отдала,
Чтоб жизнь остальная веселой была.

- 71 Рассказу внимал Искандер. Самому
На все посмотреть захотелось ему.
- 72 Он шел среди гор и ущелий и вдруг
Увидел водой орошаемый луг.
- 73 Немедля вблизи он палатку разбил,
И радостен отдых воителя был.
- 74 Когда Нушабе рассказали, что шах
Случайно в ее пребывает краях,
- 75 Она приготовилась встретить его,
Могучему гостю воздать торжество.
- 76 Ковры дорогие постлала ему,
Достойные яства послала ему.
- 77 Огромное стадо животных пришло —
Баранов для кухни, коней под седло.
- 78 И прибыло много прекрасных вещей,
Приятных богатой окраской своей,
- 79 И всяких приправ, чтоб в еду положить,
И мускус, чтоб руки могучие мыть,
- 80 И тысяча сочных тяжелых плодов,
Взращенных в прохладном сияньи садов,
- 81 И бочки вина и корзины сластей
Возили в течение нескольких дней.
- 82 И конюхам даже для праздника шла
Отборная, жирная снедь со стола.
- 83 Чем больше готовились к встрече гостей,
Тем больше молва разносила вестей.

Иззэддин Гасан-оглы жил в конце XIII и начале XIV века. Гасан-оглы—один из первых азербайджанских поэтов писавший свои произведения на родном языке. В своих записках Довлэт-шах Самирканди с большой похвалой говорит, что в XV веке диваны Гасан-оглы на азербайджанском и фарсидском языках пользовались большой славой. До нас дошли только две газеллы Гасан-оглы. Одна из них на азербайджанском, другая на фарсидском языке. Произведения, написанные на фарсидском языке, подписывал он псевдонимом Пур-Гасан.

Ты душу выпила мою, животворящая луна!
Луна?—Краса земных невест! Красавица, вот кто она!

Мой идол! Если я умру, пускай не пенится графин.
Какая пена в нем?—Огонь. Он слаще красного вина.

От чаши, выпитой с тобой, шумит у друга в голове,
Какая чаша?—Страсть моя. Любовь—вот чем она пьяна.

Царица! Сладкой речью ты Египту бедами грозишь;
Все обесценится, падет на сахарный тростник цена.

Покуда амбра не сгорит, ее не слышен аромат.
Какая амбра?—Горсть золы. Какой?—Что в жертву предана.

С младенчества в душе моей начертан смысл и образ твой.
Чей смысл?—Всей жизни прожитой. Чей образ?—Снившегося сна.

Гасан-оглы тебе служил с той верностью, с какой умел.
Чья верность?—Бедного раба. Вот почему любовь верна.

Имадэддин Насими родился в конце XIV века в Ширване. Сведения о его жизни весьма скудны. Поэт основательно изучил схоластические науки Востока, а также владел всеми тонкостями арабского, фарсидского и азербайджанского языков. Эпоха Насими совпадает с эпохой завоевателя Тимура. В своих произведениях он пропагандирует идеи хуруфизма. После убийства основоположника этой секты Фазлулла Астрабады сыном Тимура, Насими с целью распространения учения предпринимает путешествие по Ближнему Востоку. Во время путешествия Насими был задержан в городе Алеппо. По подстрекательству духовенства с него живьем содрали кожу. Диваны и стихотворения Насими написаны на азербайджанском и фарсидском языках. Некоторые свои произведения он подписывал псевдонимом Хусейни.

БАХАРИЯ

(Песня весне)

Наступила весна, и с лица Гюлизар приподнялась завеса теней. Время терний минуло, в бутонах кусты, и сады с каждым днем зеленей.

И, весенним огнем озарен, Гюлистан, как священный Синай, запылал. Приходи, Мойсей, приходи и взгляни на огонь и сиянье ветвей.

Как уста, улыбнулись бутоны вокруг, и неслышно раскрылись цветы. И в прекрасную розу с приходом весны снова бедный влюблен соловей.

Сколько разных цветов, столько ярких цветов, но под утренним
солнцем они,
Потеряв пестроту, все горят золотым отраженьем небесных лучей.

Напой меня, кравчий, весенним вином, я сребристую деву ищу,
Торжествует цветенье, но нет еще роз на ланитах любимой моей.

Ты послушай: в саду гиацинт и нарцисс шепчут нежно друг
другу слова.

Гиацинт и нарцисс знают тайну одну, никому не расскажут о ней.

Если хочешь ты скрытые тайны узнать, если хочешь проникнуть
в ничто,

Ароматы цветов пусть расскажут тебе о начале миров и вещей.

Если хочешь, о внемяющий, чтобы сейчас все на свете
открылось тебе,

Ты, мелодию взяв, отыщи в глубине все законы движения в ней.

Если ты не немой, гиацинт, приходи, будем рады послушать тебя,
Ты откуда, великое слово, взялось, Расскажи, Расскажи нам скорей.

Обратился наш мир в расцветающий рай, ходят райские гурии
в нем,

Приоделись сады, и раскрылись вчера на деревьях десятки очей.

Ты доволен, что розы покрыли цветник, что жасмины вокруг
разрослись?

Оцени этот миг, ибо все пропадет через пять торопящихся дней.

Пусть подобны дыханью Иисуса слова, что изрек пред тобой Насими.
Все равно для тебя безразличны они — нету силы у веры твоей.

* * *

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь.
Я суть, я не имею места, и в бытие я не вмещусь.

Все то, что было, есть и будет, все воплощается во мне,
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объяснения не вмещусь.

Вселенная — мой предвозвестник, мое начало — жизнь твоя,
Узнай меня по этим знакам, но я и в знаки не вмещусь.

Предположеньем и сомненьем до истин не дошел никто;
Кто истину узнал, тот знает — в предположенья не вмещусь.

Поглубже загляни в мой образ и постарайся смысл понять,
Являясь телом и душою, я в душу с телом не вмещусь.

Я жемчуг, в раковине скрытый. Я мост, ведущий в ад и в рай.
Так знайте, что с таким богатством я в лавки мира не вмещусь.

Я самый тайный клад всех кладов, я очевидность всех миров,
Я, драгоценностей источник, в моря и недра не вмещусь.

Хоть я велик и необъятен, но я Адам, я человек,
Я сотворение вселенной, но в сотворенье не вмещусь.

Все времена и все века — я. Душа и мир — все это я,
Но разве никому не странно, что в них я тоже не вмещусь?

Я небосклон, я все планеты и Ангел Откровенья я.
Держи язык свой за зубами, и в твой язык я не вмещусь.

Я атом всех вещей, я солнце, я шесть сторон твоей земли,
Скорей смотри на ясный лик мой: я в эту ясность не вмещусь.

Я сразу сущность и характер, я сахар с розой пополам,
Я сам решение с оправданьем, в молчащий рот я не вмещусь.

Я дерево в огне, я камень, взобравшийся на небеса.
Ты пламенем моим любуйся, я в это пламя не вмещусь.

Я сладкий сон, луна и солнце. Дыханье, душу я даю,
Но даже в душу и дыханье весь целиком я не вмещусь.

Старик — я в то же время молод, я лук с тугою тетивой,
Я власть, я вечное богатство, но сам в века я не вмещусь.

Хотя сегодня Насими я, я хашимит и корейшит,
Я меньше, чем моя же слава, но я и в славу не вмещусь.

* * *

Шербет разлуки горькой мне, как сахар, душу подсластит.
Я против горестей держусь, упорен, как военный щит.

О светлоликая, прошу — не жги разлукою меня.
Как чистопробный золотой, моя любовь к тебе блестит.

Ты не позволишь натянуть убийственную тетиву.
Разлуки горькая стрела, как ядом, сердце мне пронзит.

Моя луна, дабы узнать, что солнце, запоздав, возшло,
Скинь поскорей вуаль с лица, пусть мир на лунный лик глядит.

Кто, словно ангелу, тебе не поклонился, идол мой,
Тот будет зваться сатаной, безбожьем душу умертвит.

Моисея дерево звало на поклонение огню.
Ты проповедуешь любовь, колени каждый преклонит.

Предположениям не верь, своим сомнениям не верь,
В экстазе — истина, тебя она с творцом соединит.

Вначале от тебя, луна, возлюбленному весть пришла.
Я жду, желаю, пусть еще одно известье прилетит.

И родинка, и облик твой повергли Насими в огонь,
Благоухая, как мускат, он в этом пламени горит.

* * *

Что за прекрасный образ здесь, никак я не пойму.
Что за прозрачный жемчуг здесь, завидую ему.

Адама дочерью тебя назвать не в силах я.
Такой прообраз красоты не снился никому.

Никто сей тайны до сих пор еще постичь не смог,
Быть может, это все — мечта, ушедшая во тьму.

Свой лунный лик не открывай, чадрою затемни,
Земля не выдержит тебя — тогда конец всему!

Как может нас с тобой судьба на миг разъединить?
Всегда прикованы глаза к виденью твоему.

Я как свеча, я весь в огне, за сердце я боюсь.
Оно, не встретив никого, не верит ничему.

Я иногда хочу молить, чтоб появилась ты.
Хочу сгореть в твоём огне — я эту смерть приму.

Внемлите слову Насими, я мудро говорю.
Отнялся у небес язык — он небу ни к чему.

* * *

Взглянули розы на тебя, и зависть гложет их.
И сахар, покраснев, узнал про сладость губ твоих.

Ресницы бьют меня в упор под тетивой бровей,
И снова жаждет жадный взгляд все новых жертв моих.

Своей жестокостью едва ль меня отвадишь ты —
Дерзки влюбленные, душа враждует с телом в них.

Навылет сердце мне пронзить всегда готов твой взгляд.
Ужели взглядов для меня ты не нашла других?

Тебе не знаю я цены, о дорогая дичь!
Ты мне дороже всей земли, дороже дорогих.

Слезами вновь мои глаза сейчас кровоточат.
Готов я кровь тебе отдать из красных жил своих.

Сними с лица чадру, она затмила нам луну.
Не дай, чтоб Насими сгорел в мучениях глухих.

* * *

Все ярким солнцем твоего лица освещено,
Благоуханием твоих кудрей напоено.

Живую воду губ твоих я устыдился пить,
Как сахар, речь твоя сладка, пьяняща, как вино.

Что для себя могу просить я у небес, когда
Тебе богатство двух миров создателем дано.

Тому, кто б ножку захотел поцеловать твою,
Навек лишиться головы тотчас же суждено.

О том, чтоб мне счастливей стать, не стоит хлопотать.
С начала мира в жизни все аллахом решено.

К нам с колосящихся полей пусть долетит Зефир.
Пусть будет все кругом его дыханием полно.

Тебя увидел Насими, красавица моя,
И божество с тех пор в моих зрачках отражено.

* * *

Мир не стоит, так пусть твои пройдут в движеньи дни.
Мир блеском, мишурой покрыт—обманчивы они.

Не станет время ждать тебя, оно уйдет вперед.
О прозорливый, в этот мир поглубже загляни.

Богатство всей земли—тщета, пойми, о господин!
Все блага мира от себя с презреньем отними!

Но если любишь—за нее, избранницу души,
Хоть палачу отдай себя, хоть сам себя казни.

О сердце, заблудилось ты во тьме ее волос,
Любовь, подумай обо мне, на утро ночь смени.

И если завершился мир твоею красотой,
Как Магомет, опять к луне свой палец протяни.

И если ты, как Моисей, встречаешься с огнем,
То светом чуда озарись и тайну объясни.

Ты в мире только на пять дней, но раз мужчина ты—
Ты корень мира, вырвав прочь, по-своему согни.

Да, Насими узнал теперь, что смерть к тебе пришла.
Скажи, Ширин, что мертв Фархад, потухли глаз огни.

* * *

Свечою лика твоего, как моль, душа опалена.
Волос твоих не увидав, не успокоится она.

Постигли вечность Хизр, Исус, но, кроме них, ее постиг
И тот, кому прохлада губ, прекрасных губ твоих дана.

Стократ блажен, кто зорек был, кто прямо на небо смотрел,
Увидел оба мира он, когда упала пелена.

Того не знает астроном, что ты мой лучший календарь,
Что от начала до конца вся жизнь в тебе отражена.

Простой отшельник не поймет, что ты божественный глагол,
В огне синайского куста ты откровенья купина.

Терплю разлуку я, как пост, без сна, без хлеба, без воды —
Войду ль в Каабу для молитв? Или она затворена?

Соперник думает, что я тобою изгнан был навек,
Невежда бредит наяву, когда ж очнется он от сна?

Перед твоею красотой немеет даже Насими,
Но и язык небес молчит — так красота твоя сильна.

* * *

Где ты, желанная моя, ты душу мне зажгла, где ты?
Ты свет очей, ты в двух мирах богатство мне дала, где ты?

О ты, чья сладость губ вдвойне приятнее вина, приди,
Тебя не видел я, мне кровь все сердце залила, где ты?

О ты, как роза, нежный друг, с глазами как Нарцисс, приди.
Ты мне разлукой, как шипом, все тело порвала, где ты?

О, где спокойствие мое, о, где терпение мое?
Любовь разрушила покой, терпение сожгла, где ты?

Я в щит тобою превращен, от стрел, упреков защищен,
С бровей и глаз ты до сих пор забрала не сняла, где ты?

Я мотылек, но не могу сгореть от лика твоего.
Огонь мой, свет мой, я умру без света и тепла, где ты?

Других друзей не надо мне, когда я от тебя вдали.
О ты, что красотой своей всех в мире превзошла, где ты?

Где ты, земной и неземной, о где ты, храбрый всадник мой?
Разлуки горькая стрела мне прямо в грудь вошла, где ты?

Дал тайну бытия аллах в залог твоим кудрям, скажи,
Мой ростовщик, ты никому залог не отдала, где ты?

Ты мускус для своих волос себе в Татарию нашла,
Благоуханием кудрей меня ты в плен взяла, где ты?

С рассветом посылай ко мне душистый запах кос твоих.
Я в нетерпении жду. Меня ты со свету сжила, где ты?

Похмелье вечное мое, с тобой вдвоем на что нам рай?
Ты мой нектар, ты вручена мне с райского стола, где ты?

Со всеми дивами вражду затеял я из-за тебя.
Ты мне границею была, ты крепостью была, где ты?

Сегодня будет Насими властителем своей любви.
О ты, что счастье и любовь одна мне дать смогла, где ты?

Хабиби родился в конце XV века в Азербайджане в селении Баргюнад. В детстве он был чабаном, но затем, по преданию, был взят ко двору султаном Аг-Коюнлу — Ягубом. Находясь при дворе Шах-Исмаила Хатаи, он получил звание маликишуэра (царь поэтов).

Богиня! Если для тебя не растерзал я грудь,
Мне саваном рубаха будь, мой дом — могилой будь!

И если лунный блеск волос забуду за столетье,
Вползи в мой череп скорпион, — сам покажу я путь.

Роса упала. Выйди в сад, цветами полюбуйся:
Алмазом каждый лепесток старается блеснуть.

Я издевался над людьми, сраженными любовью.
Безумец! Как бы мне за то слез не пришлось смахнуть.

Покая нет для Хабиби, он смотрит на лилею —
И каждый волос дыбом встал, чтобы шипом колынуть.

Утренний зефир мечтает о твоих кудрях.
Я, как пыль, лежу покорно у тебя в ногах.

О красавица, страдаю, стеснена душа
С той поры, как я мечтаю о твоих губах.

С той поры, как я увидел кудри и глаза,
Сердце плачет и вздыхает, в нем печаль и страх.

Кудри, брови и ресницы, родинки твои
Со стихами из корана я сравнил в мечтах.

Стрелы всех твоих насмешек мне вонзились в грудь,
И любовью опозорен буду я в веках.

Страшный суд, землетрясение, — вот какая ты.
Увидав твой стан прекрасный, я живу в слезах.

Хабиби пленен тобою, пусть горька любовь,
Вместо слез, алмазы блещут у него в глазах.

МУСЕДДЕС

(Шестистишия)

Я возлюбленную встретил: радостной была она,
По плечам волос струилась ароматная волна,
Заплетаемая в косы. В них, бессилия полна —
Видел я — была, как узник, чья-то жизнь заключена.
„Кто несчастный узник этот?“ — я спросил. Она в ответ:
„То плененная арканом кос тугих — душа твоя“.

И бровей лукоподобных я увидел гордый взлет.
Шапку сняв, она смеется, амбру на голову льет.
Лик ее, с луною схожий, мимо глаз моих плывет,
И на нем, дразня собою, ярко родинка цветет.
„Это что здесь за примета?“ — я спросил. Она в ответ:
„Это след, от взора скрытых, ран твоих — трска твоя!“

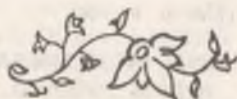
Видел я: рубин бесценный прилипал к ее губам,
Локон в мускусе хутанском страстно лънул к ее щекам,
Жемчуг ластился наджафский к нежно-розовым ушам.
Вдруг услышал я, как что-то падает к ее ногам.
„Сердолик Иемена это?“ — я спросил. Она в ответ:
„То струится кровь из сердца, как родник — то кровь твоя“.

И в саду, сама как роза, дева розовая шла,
И в подол ее деревья осыпали без числа
Яблоки, миндаль, гранаты... все красавица взяла.
Но в саду лица любимой птичка грустная жила.
„Что ж грустит певунья эта?“ — я спросил. Она в ответ:
„Птичка, что поет средь сада черт моих, — душа твоя“.

Взгляд за взглядом, точно к свету, я стремился к ней опять,
От нее и самый мудрый сумасшедшим может стать.
Сто колодцев вавилонских ей легко заколдовать.
„Ямочка на подбородке — это что, позволь узнать?
Не колодец ли без света?“ — я спросил. Она в ответ:
„То, что кажется темницей для других — жилье твое“.

Кипарис мой! К ней, сверкая, лился слез моих ручей.
Был я к родинке прикован всею зоркостью очей,
От ее благоуханья грудь дышала горячей.
Смоль ее кудрей блестящих — томный бред моих ночей.
Я в огне. „Что значит это?“ — я спросил. Она в ответ:
„Вот свершение мечтаний молодых, — судьба твоя“.

На лугу своей постели, как нарцисс, проснулась ты,
В прорези твоей рубашки раскрываются цветы.
Озарился я лучами светозарной красоты.
На цветке увидев точку: „Это уст твоих черты
Иль видение поэта?“ — я спросил. Она в ответ:
„Хабиби, ты прав, и это — только стих, мечта твоя!“

Шах-Исмаил Хатаи родился в 1485 году. Принадлежал к известному роду Шейха-Сефи-аддина. В 1501 году был провозглашен шахом и основал могучее государство сефевидов. Объединив мелких феодалов Ирана и Азербейджана, он создал огромное государство сефевидов, которое вело с Турцией ряд войн. Хатаи—псевдоним Шах-Исмаила. Под этим псевдонимом он создал большой диван лирических стихотворений на азербайджанском языке и ряд других произведений: „Насихат-нимэ“, „Дех-намэ“ и „Менигибуль-эсрар“. Шах-Исмаил Хатаи, кроме поэзии, много занимался и наукой, собирал в своем дворце поэтов и ученых своего времени. Хатаи умер в 1524 году.

БАХАРИЯ

(Песня весны)

Пронеслась зима, весна пришла.
Мак зацвел, и роза расцвела.
Подымают птицы крик любви.
Вновь огонь любви горит в крови.
Мир луга и рощи расцветил
И уста молчания открыл.

Тополь полы уронил в реку,
В нем кукушка вновь поет „Ку-ку!“
На лугу бутоны, смеясь, стоят,
И оскалил зубчики в смехе гранат.
О свойствах разлуки запел соловей,

Дождь апрельский падает в волны морей
И горою жемчужин ложится на дно.
И журавль расправляет крылья весной.
Сокол бьет в облаках журавля на лету,
Тень от яблони белой глядит в высоту,
Издеваясь над облаком и луной.
Плачут тучи апрельские над землей,
И стотысячный хор соловьев гремит.

Гулко птица Гумри в листве говорит.
Опьянела фиалка, вина хлебнув.
Виснет тыква, как аист шею согнув.
Наполняют воздух крики птенцов,
Словно школу пенье учеников.
Плащ земли тысячецветный горит,
И дождем червонцев листва дрожит.
Над водою склонились левкои в цвету.
Ясень вскинул руки свои в высоту,
Чтобы в шумной зеленой рубахе плясать,
Чтобы золото розам горстями бросать.

Сидит под черешней моя луна,
Как луна между звездами, блещет она.
В десять тысяч кафтанов оделись луга,
На жасминах одежды белы, как снега.
И сверкают цветы плодовых ветвей,
Словно руку волшебную вздел Моисей.
А цветы обрызганы теплым дождем,
И нарцисс в полудреме стоит перед сном.
Плещут розы в лиловых отсветах зари,
Как зрачки лиловые птицы Гумри.
И цветок на рассвете закрыл лицо,
Чтобы утренний ветер не бил в лицо.
На лугах многоярусная роса,
А в атласном небе сияет слеза
Золотой звезды—тельца Первин.
И гордится статностью тополь долин,
И розы благоуханьем полны.
Проповедники лугов и весны—
Соловьи с ветвей, как с мембаров, поют.
По лугам во все стороны воды текут.
У нарцисса сон струится в глазах.
Дремлют маки с коронами на головах,
И они не нуждаются в главаре.

Нивы косу колосьев плетут на заре
И дыханье амбры ветру дарят.
За садами ручьи по камням гремят.
Лани с гор сбегают на водопой.
Мак в садах зажигается лампой ночной;
Он влюбленному в сердце вжигает клеймо,
Где качаются тополи в неге немой,
Истомой и нежностью напоены.
И роса в лепестках блестит от луны,
Словно в райском бассейне воды „Зем-Зем“.
Зеленеет, алеет садовая сень.
Горный криж чалму снеговую снял.
Поднял шашку Сусан, а ива — кинжал,
Чтоб вонзить их в того, кто не рад весне.
Свищут жаворонки в голубой вышине.
Им воркуют голуби в унисон,
Ветер утренний амброю напоен,
И под ветром дрожат на ветвях листы.
Перелетные птицы кричат с высоты.
Широко в облаках, раскрывая крыла,
Гуси, лебеди, соколы, перепела,
Аисты, жаворонки, журавли
Вереницами пролетают вдали.
Над горой куропатка взлетает смеясь,
Совы кричат, что бог среди нас.
Раскрываются губы первых цветов.
Птицы свищут в цветах на сотни ладов.
Жеребцы молодые визжат в табунах,
Ястреба жеребцами ржут в облаках.
Овцы идут, как река, в пыли.
Кочевать на эйлаги семьи ушли.
Все кругом стало алым, как кровь врага.
Выбегают серны с гор на луга.
Козы дикие друг за другом бегут,
О козлятах мечтают, приплода ждут.
Тополь встал среди луга, строен, в цвету,
Чтобы даль созерцать и глядеть в высоту.
Стала невестой дочурка цветка,
И фата ее розовая легка.
Оленихи детей уложили спать
И потом убежали тихонько гулять.

Свой послед в полях оставляет лань,
Чтобы мускусом пахла весенняя рань.

Высоко в облаках журавль кричит,
На десятки верст его крик звучит.
Почернело сердечко Багры Гара,
Лишь она услышала полет орла.
Молодые птенцы впервые летят,
Олениха в зарослях кормит телят.

Вылезают драконы погреть бока,
Туры горные сбрасывают рога.
Над каждым цветком жужжание пчел.
Собирать зерно муравей пошел.
Высыхает под солнцем сырость кругом.
Платье шелковой радуги блещет огнем.
Прыгая по росистым ветвям,
Тихо чирикают воробьи по ночам.
Листья тихо дрожат на ветвях вокруг —
Тот похож на стрелу, а другой — на лук.
Попугай начал мудро и сладостно петь,
Заколдовывая птицелова и сеть.
Все птицы вернулись из дальних краев
И на старые гнезда уселись вновь.

* * *

До сотворения мира началом начал был я.
Тем, кто камней драгоценных ярче сверкал, был я.

Алмаз превратил я в воду, она затопила мир.
Аллахом, который небо и землю зачал, был я.

Потом я стал человеком, но тайну свою хранил.
Тем, кто в сады аллаха первый попал, был я.

Я восемнадцать тысяч миров обойти сумел.
Огнем, который под морем очаг согревал, был я.

С тех пор я узнал все тайны аллаха, а он — мой,
Тем, кто истины светоч первым познал, был я.

Я, Хатаи безнадежный, истины свет постиг.
Тем, кто в неверном мире все отрицал, был я.

**ФИЗУЛИ,
МУХАММЕД
СУЛЕЙМАН-ОГЛЫ**

Физули, Мухаммед Сулейман-оглы величайший поэт Азербайджана, родился в начале XVI века в городе Кербала. Отец его переселился в Кербалу из Азербайджана. Физули получил свое образование в Багдаде. Он изучил греческую, арабскую, иранскую философию и прекрасно знал астрономию, логику, математику и медицину. Жизнь его прошла в бедности и нужде. Скончался он в 1563 году. Сохранились шестнадцать крупных произведений Физули: „Диван на азербайджанском языке“, „Диван на арабском языке“, „Диван на фарсидском языке“, поэма „Лейли и Меджнун“, „Шикает-намэ“, („Книга жалоб“), и др.

Падшах золотой земли подкупает людей серебром.
Он готовит полки для захвата другой страны,
Сотней козней и хитростей он побеждает ее,
Но и в этой стране нету радости и тишины.

И в тот гибельный час, когда рок совершил поворот;
Гибнет сам падшах, и страна, и миллионы людей.
Посмотри: это я властелин, дервиш, сильный войсками слов.
Громоносное слово — источник победы моей.

Видишь, каждое слово мое — великан, что из истины силу берет,
Если слово захочет, будут море и суша покорны ему.

И куда б я его ни послал, слову чужды почет и казна;
Слово, взявши страну, никого не заточит в тюрьму.

Все стихии вселенной слово мое не сотрут,
Не раздавит его колесо вероломной судьбы.
Пусть властители мира мне не даруют благ:
У меня в голове есть корона скромной моей резьбы.

Я свободен во всем! Кто б ты ни был, слушатель мой,
Ты не должен за корку хлеба преходящему быть слугой.

* * *

Печалью сердце сожжено — счастливое когда-то сердце.
Свободой гордое вчера, заботами объято сердце.

Его размыл шальной поток, плотины смяв, стремится и бьет.
А ведь стояло, как чертог, во всей красе богатой сердце.

Что в чарке нравится ему, что вечно тянется к вину?
Зачем пирует, не пойму, пылавшее так свято сердце?

Вчера блистало, как хрусталь, сейчас растаяло, как воск.
Вчера негнущая сталь, сейчас капканом сжато сердце.

Любовь — нешуточная вещь, и сердце сделалось рабом.
Его бессонный стук зловещ, погибло без возврата сердце.

Гулял ты в Руми, Физули, блистал гармонией стиха.
Тебя сетями оплели — не вырвешь из Багдада сердце!

* * *

Я жизнью жертвовал не раз, но счастья не нашел,
Молил пощады, но в тебе участия не нашел,

Утратил все, чем обладал, стал нищим, — но и тут
Бальзама нежности твоей в напасти не нашел.

О, если бы я рассказал, как мучился тогда:
Несчастный раб вошел в чертог, но власти не нашел.

Я, как ничтожный муравей, карабкался и полз,
Но Соломона-мудреца, к несчастью, не нашел.

Я одинокий соловей, поющий в купах роз.
Я попугай в саду чудес, но сласти не нашел.

Вертись, фортуны колесо! Все ближе, ближе цель!
А я сапфира для твоих запястий не нашел.

Я, Физули, простой бедняк. Красавица, прощай!
Я в бурю гибнущий челнок, я снасти не нашел.

* * *

Хламиду безумия я одел, мир этот жалкий отчизной своею назвал.
Отшельником стал я, бросив плащ, рубаху с себя сорвал.
Даже если, подобно бутону, плащ и рубаху надену я
И сейчас же не разорву их, идол мой, нежнотелая дева моя,
Пусть и плащ и рубаха саваном станут, черным как смертный сон.

Хоть в мечтах о твоих кудрях изнывают мои года,
Сколько б ни прожил, эту мечту я не предаю никогда,
Не думай, что позабуду ее, даже если меня казнят,
Мечты о кудрях твоих вечно со мной, вечно меня томят,
Даже если в мой череп пустой и слепой, шурша, заползет скорпион.

Ранним утром твой розовый лик опалил меня блеском огня.
И пошел я в сад, чтоб запах роз успокоил опять меня.
Как увидел я розу и вспомнил тебя, накропил я жемчужных слез.
Вот и пала роса, выходи же в сад окропиться росой роз.
Сад весь полон росой, каждый листик дрожит — ведь жемчужину
держит он!

* * *

Бессилен друг, коварно время, страшен рок,
Участья нет ни в ком, лишь круг врагов широк,

Лишь страсть, как солнце, горяча, но безнадежна.
Кто честен, на землю упал, зато подлец высок.

Слабеет разум, совесть упрекает глухо.
Растет любовь, а с ней и горе, — все не впрок!

Я чужд своей стране, без родины, без правды.
Исчерчен этот мир витьем коварных строк.

Любая девушка — источник зла для сердца,
Любая бровь — как серп: смертельный завиток.

Вот мак, колеблемый зефиром, — наше знание.
Вот отражен в воде и искажен цветок.

Желанному предел — но сколько испытаний
И горя на пути, пока найдешь итог!

Любовь, как тары тонкий стон, неуслежима.
Сам виночерпий — легкой пены маленький глоток.

Нет у меня друзей, бегу я от меджлиса.
Кто мне укажет путь? Я всюду одинок.

Морщины Физули от горя стали резче,
Вот почему он желт, вот почему поблек.

* * *

Я скован, я пленен, с тех пор как увидел тебя.
Губ ослепительный цветок так украшал тебя!

Я жизнь на маленькой свече без колебаний сжег.
С душой своею до небес я поднимал тебя.

Я сердце вымою в слезах, я не забыл тот день —
В халате алом ты была, и Рахш промчал тебя.

Всегда безустали меня терзает твой кинжал.
Раскрылось сердце, как дворец! О, как я ждал тебя.

Все сердце стрелами полно, иначе бы оно
От горечи разорвалось! О, как я звал тебя!

Тогда бы я свободен был. Но в яму вновь попал,
Увидев ямочки твои. Я так желал тебя!

О Физули, ты все скрывал, но ворот разодрал,
И, душу увидав твою, аллах узнал тебя.

* * *

Я горем сам горел, но им не опалил тебя.
Зачем, раскрывшийся бутон, я б огорчил тебя.

Пей только чистое вино, любовью мы пьяны.
Горит в огне терзаний тот, кто полюбил тебя.

И если чаша пред тобой и в ней горит вино—
Ищи в вине того, чей взор боготворил тебя.

Окислить красное вино случайности могли.
Как много красок в том цветке, что оживил тебя.

Ты выйди в сад. Ни одного бутона нет в саду,
Что кровью сердца своего не залил бы тебя.

Я думал — стан твой кипарис, но что там кипарис —
Божественною красотой мир наградил тебя.

Я горе камню изолю иль локону волос,
Кому-нибудь, кто б хоть на миг мне заменил тебя.

Пока тобою я пленен, в тоску закован я —
Хочу, чтобы никто другой не получил тебя.

Любовью к чистому вину наполнена душа.
О, неужели слез поток не умолил тебя.

О Физули, твой черный рок к тебе благоволит —
Неутомимую тоской он одарил тебя.

* * *

Велишь мне ненавидеть жизнь,
Так бессердечна и так зла?
Полнеба вздохом я сжигал,
Ты мне светильник не зажгла?

С другими ты, как нежный друг...
Ты исцелишь любой недуг.
А что же мой смятенный дух?
Что ж ты к больному не пришла?

Всю ночь душа моя кипит,
Поет, безумствует, скорбит,
Тревожит стоном всех, кто спит —
Ужели не услышит мгла?

Я вымыл бы твое чело
Слезам, что текут светло.
Любимая! Все расцвело,
Иль ты не чувствуешь тепла?

Хранил я в тайне грусть мою,
От ветреницы не таю.
Услышишь или нет, — пою.
Смеешься? Очи отвела?

Не я увлек тебя, а ты
Страшна мне силой красоты.
Так мне ль бояться клеветы
Пред блеском этого чела?

Но стыд и срам для Физули —
Его посмешищем сочли.
Рассмотрим дело издали,
Любовь-то, кажется, прошла?

МУСЕДДЕС

(Шестистишия)

I

Стройна, словно тень кипариса, она надо мною встает.
Она своей легкой походкой до самого сердца дойдет.
Она говорит, раскрывая рубином сверкающий рот,
И с губ ее капля за каплей стекает божественный мед.
Спросил я: „Твой ротик — ракушка для жемчуга?“ Ты мне в ответ:
„О, нет, это только лекарство от тайных мучений твоих“.

О, как ее брови похожи на месяца первый восход.
Немало влюбленных молений дошло до небесных высот.
На лоб ее пряди упали, как облако на небосвод,
И черным легли полукругом вокруг белоснежных красот.
„Что значит клубок этот черный?“ — спросил я. Она мне в ответ:
„Души твоей черные нити лицо обрамляют мое“.

Когда она лик открывала, мне солнце казалось свечой.
Когда она в сад приходила, то розы теряли покой.
На зренья источник хрустальный она наступила ногой,
Шипы укололи ей кожу на маленькой ножке ногой.
„Откуда шипы появились?“ — спросил я. Она мне в ответ:
„Шипы эти — просто ресницы — в них светятся слезы твои“.

II

Вошла она в сад, созерцая творящееся кругом,
В нем каждая ветка сияла веселым весенним огнем.
Пахучи, как мишк, ее кудри над белым и свежим лицом,
И ножки покрашены нежным и розовым лепестком.
„Левкой окрашены маком“, — сказал я. Она мне в ответ:
„Мои лепестки, о несчастный, окрашены кровью твоей“.

Ее несравненные губы в полон мою душу влекли,
И слез моих горьких потоки в обитель ее потекли.
Красоты ее мое сердце к ней связанным привели,
Как только в саду мирозданья ее мои взоры нашли!
„Как звезды, близки мы друг другу“, — сказал я. Она мне в ответ:
„Страшись, эта близость со мною страданием станет твоим“.

Дремали цветы на рассвете, лежала на них пелена,
Но утренний ветер промчался, лишил их короткого сна.
Любимица солнца, по саду прошла в это утро она,
Роса на цветах загорелась, как жемчуг чиста и нежна.
„Наверно, то жемчуг рассыпан?“ — сказал я. Она мне в ответ:
„Молчи, Физули, это слезы из глаз безутешных твоих“.

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

I. Вступление

В наш век не взыскан почестью поэт.
Поэзия давно сошла на-нет.
Так безнадежно пала до конца,
Что люди презируют речь певца.
Хоть захлебнись я в собственной крови,
Вдохни огонь в речения свои,
Как яхонты, нанизывай на нить
Все, чем возможно слух людской пленить, —
Все тщетно! Им и обернуться лень.

Для них рубин и аметист — кремень.
Заглох Багдад и, погруженный в тьму,
Не внемлет из поэтов никому.
Я не могу назвать такой страны,
Где с песней люди были бы дружны.
Вот Индия, вот Руми, вот Ширван,
Иран, Ирак, и Шам и Хорасан,—
Ни одного поэта на земле.
А был бы, не укрылся он во мгле!
Горел бы он в темнейшей из ночей
Всем ликованием солнечных лучей.
Блистал бы он из всех земных глубин,
Как самоцвет, как дорогой рубин.

Но близок час, благоприятный мне —
Поэзия подымется в цене.
Как мне ужиться с веком, не пойму.
Я страшно одинок. Я чужд всему,
Унижен, обесславлен, заклеямен,
Лишен нарядных прозвищ и имен.
Но возвеличу звание свое!
Пусть песнь больна, я вылечу ее!
И если время разума не читит,
Само об этом завтра загрузит!
Развалины, куда ни погляжу,
Но, иншаллах! — победу одержу.

Друзья времен, немного было их,
Они прошли, поэты дней былых.
Сменив друг друга в пиришествах земли,
Они с поклоном в вечность отошли.
При жизни оцененные вполне,
Они стояли с шахом наравне.
Поэту покровительствовал шах —
И песнь гремела в шаховых ушах.
Иранцам, тюркам и арабам был
От века ведом вдохновенный пыл.
Абу-Неваса щедро одарив,
За то прославлен Аль-Рашид, калиф.
И Ширван-шах любимца Низами
Всегда ласкал, возвысив над людьми.
Был в Хорасане за слова свои
Почтен красноречивый Навои.

Но кто ценил жемчужины певца,
Кто покупал их золотом дворца —
Исчезли те ценители навек.
И беден одаренный человек.
Укрылся он в отребья с головой,
Стараясь скрыть несчастный жребий свой.
Но не заглохнет давний путь его,
Отточенным пребудет мастерство.
Я защищать обычай наш хочу
И правила гармонии учу.
Столь оскорбленный всем, что есть вокруг,
Хочу сейчас, не покладая рук,
Исполнить данный некогда обет.
Таков слуга гармонии — поэт:
Труд — вопреки влечениям среды!
Пускай меня честят на все лады,
Что ни скажу, во всем найдут порок,
То стих мой вял, то искренность не впрок,
Завидуют, мешают мне со зла,
Со всех сторон сползается хула.
Печаль пройдет. Все временно. Все тлен.
Клад этот не навек запечатлен

Когда поэты древности вошли
В зеленый мир, в цветущий сад земли,
О, как сверкал нарядный этот мир,
Как чашечки цветов качал зефир!
Но сорваны цветы! — а я, бедняк,
Нашел терновник в современных днях.
Когда они гуляли ввечеру,
Вино играло в чашах на пиру.
Все выпито из звонких чаш, и мне
Остаток мутный видится на дне.
Но жажда велика. И эту муть
Я выпью, чтобы счастье вернуть.

II. О том, каков был Меджнун собою и как зародилась его любовь

Он строен был, как тополь весь в цвету,
Как кипарис, тянулся в высоту.
Благоуханье уст его — цветник,
Томленье неги, сладостный родник.

Как описать мне этот гибкий ствол,
Что благородным совершенством цвел.
Был темносерый взгляд его темней
От черных крыл изогнутых бровей,
И вокруг ланит, что розами зажглись,
Как гиацинты, локоны вились.
Природа, изваявши этот стан,
Сама разбила собственный чекан.
Но тайна ярко выжжена была
В изгибе губ и в прелести чела.
Как лунный серп, сверкал он для утех.
Прах из-под ног — сурьма для гурий всех.
Пускай, Лейли так жадно полюбя,
Хоть в зеркало взглянул он на себя
И, сжалившись над юностью такой,
Вернуть бы мог ей и себе покой!

Но встретились они! И в тот же час,
Лишь друг у друга верности учась,
К одной припали чаше, — и она
Была восторгом до краев полна.
Один водоворот двоих стремил,
Один удел двоим смертельно мил.
Одна душа у двух согласных тел.
И тот, кто Гейса отыскать хотел,
Искал Лейли. И сам он издали,
Как эхо, откликался за Лейли.

Так упражнялись в чтеньи и в письме,
Одну любовь держа в своем уме.
И если страх ученья и возник,
Лик юноши был лучшею из книг.
Он изощрялся, тонкий каллиграф,
Для росчерка изящного избрав
Ее бровей крыло. Так шел урок.
Все не смолкал их нежный разговор.
И в легких пререканьях вновь и вновь
Взрослела эта детская любовь.

Так время шло безгрешно, не спеша.
Еще ничем не смущена душа.
Еще и тайны не возникло в ней.
Но где любовь, там тайна все ясней:
Родня следит, прищурясь неспроста,

И плачет от обиды красота.
Но это воле их дает закал.
И так огонь таймый засверкал,
Что помутился разум их — едва
Отыскивают нужные слова,
И нехватает никаких речей,
Чтоб все сказать другу другу горячей.
Тогда глаза вступают в тот же бой.
И брови спрашивают: что с тобой?
И отвечает беглый взгляд: молчи!
Тут не страшны укоры им ничьи.
Столь искренние в нежности и столь
Согласные узнать любую боль,
Вдруг увидали оба, что взвился
Над ними занавес, и тайна вся
Обнажена при белом свете дня:
Как дорогое зеркало, звеня,
Разбилось ликованье на куски.
Что делать им? Они полны тоски.

Нет повода, — пускай хоть хитрость есть,
Чтоб краткий миг наедине провести.
Нарочно Гейс, урока не уча,
К ней обратится помощи ища:
„Я знаю, ты прилежнее во всем,
Так помоги, и буду я спасен“.
И у доски молчать он будет рад,
И ошибется много раз подряд,
Чтоб вызвать хоть улыбку с милых губ:
„Сотри. Неверно! Твой рисунок груб“.

Когда же школьники, собравшись в круг,
Игрой веселой оглашают луг,
Тихонько к ней подходит, и на миг
Пред ними мир неведомый возник.
Так и витают в призрачном краю,
Почти не понимая жизнь свою.
Уроки в школе кончены, и вот
Опять на помощь хитрость он зовет,
Нарочно прячет книгу где-нибудь
И, преградив Лейли внезапно путь,
Обиняками, потупляя взор,
В незначущий вступает разговор.
Иль пишет тщательно, едва дыша.

Одну лишь букву выбрала душа.
Одно лишь „Л“ он чертит на листе,
Вложив всю ласку в очертанья те —
Две тонких буквы, два любимых „Л“ —
Венец ученья, мирозданья цель.

III

Они вошли без собственных имен
В сказанье тех неведомых времен.
Я назову Меджнуна и Лейли
Растеньями, что в муках расцвели.
Он — юный месяц, чья печаль верна.
Она — золотая спелая луна.
Он — падишах безумья своего.
Она — царица гурий для него.
К нему немилосерден черный рок.
Она — летучий беглый ветерок.
Его слеза — кристально чистый ключ.
Ее глаза — сулящий радость луч.
Он мастерски свою расставил сеть,
Чтоб ею, певчей птицей, овладеть.
Он — томный вздох унынья и обид.
Она, как жемчуг в раковине, спит.
Гордится он жемчужиной своей.
И чем она дороже, тем скромней.
Влечет его неутомимо к ней.
Она к нему — все ближе, все тесней.
Их стройные, как лилии, тела
Навек немая нега обвила.
Коснулся оселка стальной кинжал.
Огонь по тленной нитке побежал.
Как две струны, натянутых на саз,
Двойная их гармония слилась.
Меджнун увидел нежный лик Лейли,
В нем волны удивленья выросли,
И он плашмя к земле, как тень, приник.
И перед ним ослепшая на миг,
Она почувствовала, не дыша,
Как улетает из нее душа.

Ковси — поэт XVII века. Родился в Тавризе. Путешествовал по Ирану, Индии, Кавказу. Авторы старинных „Тезкире“ с большой похвалой отзываются о произведениях Ковси. Имеется его „Диван“ на азербайджанском языке.

Где друг, чтобы сказать ему слово.
Как флейта — выдох, я приму слово.

Оно звучит, правдивое, живое,
В любви пьянит, влечет к уму слово.

Как трата драгоценных безделушек,
Бывает миг, что ни к чему слово.

Учись быть мудрым и не верь легендам,
Откроешь и во сне тюрьму слова.

От томных глаз ее не отрываюсь,
Меняю суффикс, гну и мну слово.

Есть разговор пустой, слепорожденный:
Как бисер, мечет он во тьму слово.

Но горький рот скорее чует сладость,
Чем сахарный. Так я пойму слово.

Глаза наощупь различают мысли.
У грустного как бы в дыму слово.

Но молчаливость для меня постыдна,
Все тайны я приподыму словом:

Ковси — гранильщик драгоценной капли,
В которой море. Быть по сему слову.

Обидься, хан! Мне Физули свидетель:
„Кто говорит, под рост ему слово“.

* * *

Влюблен я. Денег звон и суета — на что мне?
Все листья, все плоды, весь цвет куста — на что мне?

Гораздо краше есть нетронутый бутон,
Есть в девушке душа, а красота — на что мне?

Куда бы я ни шел, твой облик уношу,
А письма от тебя читать с листа — на что мне?

Когда мы встретимся, ты вспомнишь обо мне,
А ведать, чем сейчас ты занята — на что мне?

Свирель моя, вдохни всем горлом этот стон,
А свежий ветерок, а чистота — на что мне?

Дай мне, аллах, разок с ней свидеться. Я нищ,
Но толстый кошелек и вся тщета — на что мне?

Ковси, я встречусь с ней, разочаруюсь... нет!
Достаточно мечты... а встреча та — на что мне?

* * *

Моя мучительница, сгинь! Кривляться перестанешь ты?
Когда из памяти уйдешь, когда нежнее взглянешь ты?

В прозрачном розовом вине луны блестящей отраженье,
Играешь, пенишься, дрожишь, мне голову дурманишь ты!

В тяжелом небе по ночам воспалены созвездий очи,
Устало небо; что ж, луна, в ночную тьму не канешь ты?

Хоть исцелительницей будь, сама ведь мне сломала крылья.
Поймет, поверит ли аллах, что так меня тиранить ты?

Изнемогает соловей, но славит Гюлистан полночный.
О роза, внемлешь ли ему, от срама не завянешь ты?

Она прошла, задев меня, шумя листвою, как тополь стройный.
Беспечный, это твой конец, здоровым не воспрянешь ты!

Но чем я виноват пред ней, моей негодницею листой?
Повремени еще, Ковси, красавицу достанешь ты!

*Нишат Ширвани родился в конце XVII века в городе Ше-
махе. Оставив родину, переехал на жительство в Сальяны.
Жизнь его прошла в бедности и нужде. Большинство произ-
ведений Нишата написаны в форме газелл и мухаммесов.*

МЮРЕББЕ

(Четверостишия)

Где лекарь, чтобы вылечить недуг? — не вижу.
Где окончанье бед моих и мук? — не вижу.
Где хоть один на свете верный друг? — не вижу.
Где благодарность? вот смотрю вокруг — не вижу.

Напрасно я встречал людей ленивых, злых.
Прошли года, и что я получил от них,
От тех приятелей, от ветрениц пустых?
В чью верность верить мне? Чего достиг? — не вижу.

Но некий вихорь гнал все далее меня.
Но горе, между тем, росло день ото дня.
Последний скрылся друг, и злобствует родня.
Где свет в окне друзей? — увы, огня не вижу!

Увы, судьба ко мне не повернет лица,
И после стольких бед дошел я до конца.

Всех испытал: жену, и брата, и отца,
Но благодарного, увы, лица не вижу.

Я, Ширвани Нишат, разбит, ошеломлен,
Не повернется вспять коловорот времен.
Амир-аль-моминин, кем был убит дракон!
Шах шахов, мой имам! Где твой закон? — не вижу.

* * *

Отшельник, твой ковер циновкой скверной будет.
Пред ликом истины то лицемерно будет.

Отшельник, твой намаз, фальшивый и пустой,
По мнению людей, их правомерно будет.

О сердце! Берегись веселых быстрых глаз!
Смотри! Беда тебе от легкой серны будет!

Но я не веселюсь, узнавши серну ту:
Я знаю, что она немилосердна будет.

Я в зеркале любом увижу лишь себя,
Кто сердцем чист, тому и благо верно будет.

Нишата не терзай, красавица, не то
Он проклинать тебя ежевечерне будет.

Ага-Масих Ширвани жил в XVIII веке. Родился в городе Шемахе. Он создал лирические газеллы, песни, поэмы и ряд крупных произведений. Ага-Масихом написана поэма „Шах-намэ“, посвященная властителю Ширвана Фатали-хану.

МУХАММЕС

(Пятистишия)

Ласкающий твой лик блистает, как заря,
К влюбленным нежен он, отрады им дая,
И ротик твой лукав, шарady говоря,
Нигде подобной нет, хоть проплыви моря.
Аллах свои дары так расточал не зря.

К лицу ль тебе наряды?

Зачем тебе впивать служанки лстивой речь
И в зеркало глядеть, его напрасно жечь?
Столь нежному лицу фата — как острый меч,
Сурьма очей могла б всю Исфагань увлечь,
И мог бы взмах ресниц сто жизней вмиг пресечь!

К лицу ль тебе наряды?

Явись же к нам, в меджлис, подняв нигаб с чела,
Чтоб краска губ твоих красней вина была,
И пена звонких чаш сама с ума сошла,
И виночерпий сам свалился у стола,

И эта ночь, как я, слезами изошла!

К лицу ль тебе наряды?

Когда войдешь ты в сад — как легок каждый шаг!
Пусть розы вдаль бегут, пусть в горы сгинет мак!

Одна лишь хна рукам твоим приятна так.

И белый твой нигаб ланитам ярый враг.

Они — как солнце днем, а ночью — гонят мрак!

К лицу ль тебе наряды?

О прелесть! О краса! О полевой цветок!

Но к прочим женщинам аллах весьма жесток:

Он дважды изваять такой красоты не мог.

Пусть сам изменится весь с головы до ног,

Чтоб повторил тебя его чудес поток.

К лицу ль тебе наряды?

Твой стан — как кипарис, бутоны уст влажны,

И кажется зрачки всегда изумлены,

А кудри вокруг чела — затмение луны,

А брови с месяцем соперничать вольны!

Все говорят „салам“ огню твоей весны.

К лицу ль тебе наряды?

В твоих речах пророк отыщет суть вещей.

Ты — Хизр, что указал исток живых ключей,

И вся ты — благодать!.. Что в мире горячей

Не солнечных — твоих дающих жизнь лучей?

Твой облик с красотой я не сравню ничьей.

К лицу ль тебе наряды?

МУХАММЕС

(Пятистишия)

Не спрашивай, душа, где правды свет? — исчез.

Он в прошлых временах, а нынче нет — исчез.

Где хлебосольство, где благой привет? — исчез.

Где крепкий тот бальзам, что не во вред? — исчез.

Где дух, что не сдался от стольких бед? — исчез.

Заносчивость людей — как парус в дождь и мрак,

Их кормчий, страстью пьян, вертит и так и сяк.

Где берег? — далеко. Здесь гибель, что ни шаг.

Кто, зоркий, разглядел благой в пучине знак?

Где страх перед концом? Кто чист и благ? — исчез.

Аллаху не верны, с кораном не дружны
И шаха, что ни день, менять себе вольны,
Загадочных писем им шифры не даны,
Правдивый человек неведом для страны,
Он сабля на боку, он в час войны исчез.

И ведаёт аллах, что, молод или стар,
Любой продаст страну и веру за динар,
Что женщин чистота и стыд — легки, как пар,
Что для мужчин ничто правдивый, честный жар,
Что человечности редчайший дар — исчез.

Масих! Уйди, отпрянь от мира. Он — исчез.
Молитвы сгнули, честной поклон — исчез.
Где мудрый хан? — пропал. Где наш закон? — исчез.
Где стойкий человек? Он обойден, исчез.
Где верный друг и брат? — и он, как сон, исчез.

Вагиф, Молла-Панах замечательный поэт азербайджанского народа, родился в начале XVIII века в селении Салахлы Казахского района. Вначале он жил в большой бедности и нужде. Впоследствии Вагиф был приглашен ко двору владетеля Карабаха Ибрагим-хана Джеваншира и назначен на должность главного визиря. Будучи приближенным к хану, он неоднократно выступал в защиту бедняков и старался всячески смягчить ханский произвол.

Используя сокровищницу устного народного творчества, Вагиф явился основоположником реализма в азербайджанской поэзии. Стихи его полны оптимизма. Он широко применял народные формы. В 1797 году он был убит по приказанию Мамед-бека Джеваншира в городе Шуше.

ЖУРАВЛИ

Задержите в полете удар крыла:
Слово есть у меня для вас, журавли.
Вереница ваша откуда летит?
Начинайте об этом рассказ, журавли.

Очарован вами высокий Багдад.
Он прилету вашему будет рад.
Вы широкими крыльями бейте в лад,
Не роняйте перо в этот раз, журавли.

Я с возлюбленной милой давно разлучен,
Словно бабочка, я красотой сожжен.
Я ищу кареглазую среди жен.
Не видали ль вы этих глаз, журавли?

Полюбил я сурьму этих карих очей.
Пусть не сглазят их в темноте ночей,
Пусть минует вас сокол, глядите зорчей!
Я хочу, чтоб вас случай спас, журавли!

Ваша дикая песня нежна, нежна,
И душа моя радостью обновлена.
И Вагифа душа высоко взметена,
Чтобы вечно лететь возле вас, журавли!

БАЙРАМ ОЛДУ

Наступает байрам — да не знаю, как быть?
Заглянул бы в мешок, но мешка не найти.
Рис и масло давно не водились у нас.
Съел бы мяса кусок, но куска не найти!

Бог о нас позабыл — милосердный, благой.
Скажешь слово одно — и в село ни ногой!
У соседей — по горло еды дорогой,
А у нас и зубца чеснока не найти!

Нет! Достатком Вагиф не прославится, нет.
В доме даже супруги-красавицы нет.
Нет ума и не скоро прибавится, нет!
Да и разума тоже пока не найти!

Амбра кудрей твоих сводит меня с ума.
О боже! — сердце мое я даром отдал тебе,
Не поднялась рука, но, печаль свою описав,
С утренним ветром привет я переслал тебе.

Ты красиво сидишь, поднимешься — красота.
Ты красиво идешь, выпрямишься — красота.
Твои ласки, твой нрав, все дела твои — красота.
Это бог справедливый все даровал тебе.

Твои губки — рубин Иемена, далекой страны.
Раны в сердце моем снова кровью обагрены,
И на белую шею кудри льются, души и черны.
Диких уток повадку кто передал тебе?

Все богатство мое — лишь о тебе мечты.
Сладость рта моего — все, что промолвишь ты.
Ты одна у меня, без тебя мои дни пусты.
Я молюсь, чтобы бог милосердный радость послал тебе.

В доме скорби своей в самый угол загнан Вагиф,
Тоньше волос твоих стал от тоски Вагиф.
Мука жизни моей, что же сделал тебе Вагиф,
И какая польза, чтоб я умирал при тебе?

* * *

Двух красавиц я славлю — молодость им дана.
Одна словно роза долины, у другой на щеках весна.

У одной хрустальное тело — влажная грудь у нее.
У другой округленные перси, и шея ее стройна.

Одна белее расцвета, но кудри черны как смоль,
Другая смуглее заката, но красотой полна.

Одна похожа на ангела ласковой добротой,
Другая стройней кипариса, как слоновая кость она.

Одна с глазами газели — как птица она летит,
Другую сравню я с соколом — так она сложена.

Одна с языком павлина — так сладко она говорит.
Губы другой из меда — как сахар она вкусна.

Доведен до злого отчаяния вами двумя Вагиф,
Боюсь, что от вас обеих Вагифу смерть суждена.

Скоро наступит время и будет потерян Вагиф,
Искать со свечою начнете — но не найдет ни одна.

* * *

О было б место, где совсем одни
Могли мы говорить с тобой вдвоем
И, за руки друг друга взяв, шутить
И целый день пробыть с тобой вдвоем.

Щекой к щеке, прижавшись, посидим.
Во тьму зрачков друг другу поглядим.
И жадно с грудью грудь соединим,
Чтоб поцелуй пить с тобой вдвоем.

Пусть блещут очи карие твои,
Шумят ресницы, словно стрел рои.
Пусть сгинут псы — соперники мои,
Чтоб я один гулял с тобой вдвоем.

Пылали б негой наши вечера,
Не знала б страха сладкая игра,
Чтобы, всю ночь ласкаясь до утра,
Рассказ любви сплестать с тобой вдвоем.

„Вагиф, — она ответит, как во сне, —
Я здесь, и покрывала нет на мне.
Мы будем каждый день наедине
Гулять и пить вино с тобой вдвоем“.

* * *

Кареглазая, стройней чем кипарис,
Как силен любви дурман — взгляни сюда.
Дни и ночи я тоскую о тебе,
О тебе твержу: аман! Взгляни сюда.

Кто б, как я, снести разлуку так же смог,
Боль страданий, ожиданий и тревог!
Тьма кругом, и я блуждаю, одинок...
Разгони тоски туман, взгляни сюда.

Я живу, терзаем муками любви,
От разлуки вся душа моя в крови...
В сердце стонущем моем — лишь позови —
Стихнет черный ураган — взгляни сюда.

С каждым днем больше сердцу моему,
Но никто не посочувствует ему...
Чтоб недуг исчезнул, другу твоему
Наносящий столько ран — взгляни сюда.

Ты, чьи сладостны уста, чьи щеки — мак,
Возвратись назад, рассея разлуки мрак.
Днем и ночью ждет тебя Вагиф-бедняк...
Кто сказал, что страсть — обман? — Взгляни сюда!..

* * *

За красавицу себя ты не считай,
Слушай, что иметь красавица должна:
Нрав приятный и подобный солнцу лик;
Сладкозвучно петь красавица должна.

Не должны сходиться брови меж собой,
Губы тонкие должны быть, нос прямой.
Взор людей прельщая стройною ногой,
Словно пух, лететь красавица должна.

Чтоб она благоухала, как жасмин,
Грудь вздымалась, как волна морских глубин,
Чтоб душа была прозрачней, чем рубин,
Горемык жалеть красавица должна.

Чтоб чернила каждый день глаза сурьмой,
Руки нежные окрашивала хной,
Восхищая простотой и добротой,
Всех скромней глядеть красавица должна.

Я, Вагиф, коварных женщин не люблю —
От приветливой и верной — все стерплю.
Только с ней любовный жар я утолю,
Мной лишь та владеть красавица должна.

БЕНЕФША

(Фиалка)

Ты роза лицом, цветом мак, влага в косах твоих.
Этой ручкой среди полей сорвана бенефша,
Высоко на груди ты приколешь букет из них,
И нельзя сказать, что тебя свежей бенефша.

Твое тело — мрамор, курчавые волосы — ночь.
Увидавший тебя меджуном уходит прочь.

Если косы распустить — их по полу будешь волочь,
И воткнута в волны лент и кудрей бенефша.

Восемнадцать лет исполняется нынче ей.
Красотою она околдовывает людей.
На прогулку пошла — слышит — милый идет за ней,
И высокие горы откликнутся ей: бенефша!

Так раскрой свою грудь, рукава свои засучи,
Так гуляй, чтоб тебя не раскрыли глаза ничьи:
Не ходи с врагом собирать фиалок в ночи,
Не оценит глупец всей цены твоей, бенефша.

Но когда предо мной ты проходишь, словно проплыв,
Жизнь моя замирает, язык мой окостенев.
И когда прославляет кудри твои Вагиф,
Пусть он прежде напишет в песне своей: бенефша!

* * *

Ты Кааба, Кербала, Мекка, Медина моя!
Ты священна всегда и благодатна для меня.
Я святыней считаю изгибы твоих бровей,
День и ночь я молюсь тебе, голову преклоня.

Что бы я ни сказал — пусть не будет обид у тебя.
Я не знаю, что случилось со мной — опьянел я, любя,
Лишь исчезнет твой стан, и я замираю, скорбя,
Ты уйдешь, и последняя ночь настает для меня.

Веру наших отцов привязал я к твоим кудрям,
Кто же больше меня изумлялся твоим кудрям,
Ухожу, свою жизнь поручая твоим кудрям —
Эту жизнь, как залог, береги, у себя храня.

Ты мой месяц высокий, солнце мое и луна,
Жизнь, богатство, счастье мое и весна!
О тебе лишь единой мечта у меня одна,
Сказкой стали слова твои на устах у меня.

Даже райские птицы боятся твоих кудрей,
Онемели павлины от сладких твоих речей.
Я несчастен, Вагиф, из-за черных твоих очей —
Кто б ни встретился мне на пути — пожалейте меня!

НА БЕРЕГАХ КУРЫ

На берегах Куры немало чудных мест,
Уток лишь зеленоглавых жаль, что нет...
Джикки блещущей на черных волосах
У красавиц величавых жаль, что нет.

Хороши Кирахбасана кишлаки
В пору зимнюю. Их ценят знатоки.
Но досадно: средь прекрасных мест таких —
Ни одной кочевки! Право, жаль, что нет...

Много их — прозрачных, чистых, как хрусталь,
Щечки — маков цвет, и маков цвет — уста,
Но таких, чья не была бы речь пуста,
Кто умом снискали б славу, жаль, что нет.

Есть немало и таких, чей дивный вид
Красоту китайских дев собой затмит,
Стройность тел их восхищает и пленит...
Для красот таких оправы жаль, что нет!

Много пери здесь с небесной красотой,
Только скованы уста их немотой.
Как посмотришь — ни у этой, ни у той
В голове нет мыслей здравых... Жаль, что нет!

Волосы чернее тучи. Вдоль спины
Вьются косы и пушисты, и длинны,
Диадемы на головках их видны,
Им косынки не по нраву... Жаль, что нет!

Кесабе у них в каемках золотых,
Возле губ темнеют родинки у них...
Все как будто у красавиц есть таких,
Только локонов кудрявых жаль, что нет.

Их своя же красота с ума свела,
По часам они глядятся в зеркала,
Очи каждая сурьюмою обвела...
Хны на пальчиках лукавых жаль, что нет.

Изучил я все приемы их вполне,
Я устал, дела такие не по мне...

С каждым днем они кокетливей вдвойне,
На кокетство их управы жаль, что нет.

Кто задумает прожить в таких местах,
Тот чахотку наживет себе — валлах!
Но красавиц повидать в родных краях
Не дано еще мне право... жаль, что нет!

* * *

Словно уточек изумрудный строй,
Собрались в Казах и пришли они,
Глядя в зеркало, острия бровей
До ушей своих провели они.

Ах, у каждой стан — словно тополь, прям;
Вся страна моя будет жертвой вам,
В черных локонах цвести и цвести духам,
Где же плечи такие нашли они?

И клинки ресниц, и озера глаз
Ни за что убьют и потопят нас.
Речь у них сладка — без пустых прикрас,
Через пасеку, видно, прошли они!

Что за грех совершили они, аллах?
Душу, душу Вагифа повергли в прах!
Замолчали вдруг, поднялись и — ах!
Скрылись где-то в тумане, вдали они!

* * *

Мы с возлюбленной чужие много дней.
Без улыбки на устах расстались мы.
Не открыли мы друг другу сладких мук
Даже в нескольких словах — расстались мы.

Незнакомцами как будто стали вдруг,
Как безумцы — мы не протянули рук,
Покружившись, словно бабочки вокруг,
Не сгорев в любви лучах, расстались мы.

Мы и получаса не были вдвоем,
Друг у друга не зажгли сердца огнем,
Душ замерзших не согрел любви теплом,
Так, с обидою в сердцах, расстались мы.

Позабыв, как встречи в дружбе хороши,
Мы упрятали сердца в лесной глуши,
Отпугнули птичку робкую души,
И с немой тоской в очах расстались мы.

Несговорчивую полюбил Вагиф,
Понапрасну муки сердца пережив.
Не приветствуя друг друга, позабыв
Расспросить о прошлых днях — расстались мы.

* * *

Когда Меджнун услышал,
Что умерла Лейли,
Рыдая, в путь он вышел,
Он ищет прах Лейли.

И некий мальчик рядом
С безумцем зашагал.
Он был с померкшим взглядом
И так ему сказал:

„Позор в пути недлинном
Так ошибиться, друг!
Ты назван властелином
Земных любовных мук.

На кладбище ты выйдешь,
У каждого холма
Остановись — увидишь:
Ответит смерть сама.

Там, где дохнет нетленной
Любовью от земли,
Там в перси сокровенной
Покоится Лейли“.

Вагиф! Ты сломлен роком,
Твой мир объят тоской.
Помысли над уроком,
Учись любви такой.

* * *

Видади! Как судьба поступила со мной — взгляни!
На дела и плоды этой жизни земной — взгляни!

Вмиг тиран ненавистный судьбою повергнут в прах,
На творца, воздающего верной ценой — взгляни!

Не вчера ль у народа Киблою была свеча,
На победу зари над зарницей ночной — взгляни!

Под ногами — корона и царская голова,
Ты на них, разделенных народной волной — взгляни!

Из болтов сделал гвозди печальный вчера кузнец,
На него, ободренного мудрой женой — взгляни!

Ты на шахов и ханов вовек не зрирай, бедняк!
На Ага-Мамед-хана — пример недурной — взгляни!

На жену, на невесту, на друга не смей взирать,
Нет, на путь, уводящий от всех стороной — взгляни!

О Вагиф! Не гляди ты на зло и добро совсем,
На творца и пророка в юдоли земной — взгляни!

МУХАММЕС

(Пятистишия)

Я правду искал, но правды снова и снова нет:
Все подло, лживо и криво — на свете прямого нет.
Друзья говорят, в их речи правдивого слова нет,
Ни верного, ни родного, ни дорогого нет.
Брось на людей надежду — решенья иного нет.

Все вместе и каждый порознь, нищий, царь и лакей —
Каждый из них несчастлив в земной юдоли своей.

Их всех сожрала повседневность, оторванность от людей,
И сколько бы я ни слушал бесчисленных их речей —
В них, кроме лжи и неправды, смысла второго нет.

Странный порядок в силу у сильных мира вступил:
Чье бы печальное сердце ты ни развеселил —
Оно тебе злом отплатит, отплатит по мере сил,
Им неприятен всякий, кто доброе совершил.
На целом огромном свете мне друга родного нет.

Ученый и с ним невежда, учитель и ученик —
Снедаемы все страстями, в плену у страстей одних.
Истина всюду пала, грех повсюду проник,
Кто в мулл и шейхов поверит, тот ошибется в них.
Ни в одном человеке чувства святого нет.

Тот, кто дворец Джемшида в развалины превратил —
Тот веселье и счастье безжалостно поглотил.
Нет никого, кто б в горе кровь свою не пролил,
Сам я не раз жестокой судьбою испытан был.
Повсюду царство коварства — и царства другого нет.

Всякий чего-то ищет, погонею поглощен,
Ищут себе престолов, венцов, диадем, корон.
Шах округляет земли — за ними в погоне он.
любленный бежит за тою, в которую он влюблен.
Ни радости нет на свете, ни прочного крова нет.

Ты на людей, как солнце, свой излучаешь свет —
Помни, что слов признанья в радостной вести нет.
Честь, благородство, стыдливость давно уж утратил свет.
Услышали мы, что где-то найден честности след.
Я долго искал и знаю, чувства такого нет.

Алхимиками я сделал множество гончаров.
В золото обращал я прах забытых гробов,
Из щепня я делал яхонт, с камня срывал покров,
В бриллианты мог превращать я бляхи на шеях ослов,
Признанья искал — но мир мне ответил сурово — нет!

Я мир такой отвергаю, он в горле стал поперек,
Он злу и добру достойного места не приберег.
В нем благородство тщетно: потворствует подлым рок,
Щедлости нет у богатых. — у щедрых пуст кошелек.
И ничего в нем, кроме насилия злого, нет.

Я видел конец надежды, мечтаний конец пустой,
Конец богатства и славы с их земной суетой,
Конец увлечения женской, невянущей красотой,
Конец и любви, и дружбы, и преданности святой.
Я знаю, что совершенства и счастья людского нет.

Потухли глаза, старею, жизнь черней и черней.
Сколько красавиц мимо прошло за тысячи дней!
Дурною была подруга, погублено счастье с ней!
Аллах, одари Вагифа милостию своей:
Ведь, кроме тебя, на свете друзей у больного нет.

Видади Молла-Вели родился в начале XVIII века в селении Шихлы Казахского района. Видади был современником и близким другом Вагифа. Он долго жил в Грузии, стигматизировал по Азербайджану. Между двумя поэтами происходила переписка в стихах. Умер Видади в 1809 году в селении Шихлы.

ЖУРАВЛИ

Ряд за рядом, поднявшись к большим облакам,
Вы зачем забрались в небеса, журавли?
Ваша песня тоскливая так грустна,
Вы куда направляете путь, журавли?

Словно бусы, нанизаны ваши ряды,
Высоко в небесах вы летите, горды.
Не случилось бы с вами какой беды,
Добывайте корм как-нибудь, журавли.

Я скажу, и в словах моих правда живет:
Вас крылатый злодей на дороге ждет,
Злобный сокол разметет ваш перелет.
Алой кровью окрасите грудь, журавли?

Ваша родина, ваша отчизна — Багдад,
Ваши перья — забава того, кто богат.

Ваши песни на сердце, как струны, гремят.
Вы зачем мне терзаете грудь, журавли?

Вы спросите, друзья, обо мне, больном.
Я письмо напишу дрожащим пером.
О больном Видади в свой багдадский дом
Принесите письмо как-нибудь, журавли.

ВАГИФУ

Каждое утро веет зефир, ищет любимую на заре.
Порою касается он ветвей, порой мокрых роз в серебре.

Скверная пища вязнет в зубах, в горло не хочет она итти,
Время проносится мимо тех, кто не стоит на его пути.

Напрасно в бархатной тьме горит маленький, нежный огонь свечи,
Может любимой коснуться он и озарить ее стан в ночи.

В беседе с ничтожным тратишь слова, напрасной становится речь твоя.
С мудрым беседуй — хаганских богатств стоят одежды его края.

Я на арене бед обращаю голову в круглый, кровавый мяч,
Пустит ее по чужим рукам, в свальную яму бросит палач.

Смерть за достойного — славная смерть, великой жизни она равна.
Жизнь пожертвую за душу ту, тысяча душ которой цена.

Пусть Видади немощен, стар, дряхл, морщинист и некрасив,
Но все же он стоит сотен таких пламенных юношей, как Вагиф.

* * *

Там, где любви напрасно сердце ждет,
Оно увянет, сгинет, пропадет.
Но и любовь там расцвести не сможет,
Где верности и дружбы не найдет.

Будь преданным, но каждому не верь.
И душу всем не открывай, как дверь,
Товар души не выноси на рынок,
Где нет ему ценителей теперь.

Создатель, одинокого храни,
Трудны его безрадостные дни.
Он окружен заботой и печалью —
Где друга нет, там властвуют они.

Зачем нам к вечным истинам взывать,
В свои дома несчастья призывать?
Зачем от правды люди отвернулись,
Где нет причин о правде забывать?

Ликующий, ко мне направь стопы
И выслушай слова — они скупы.
Ведь даже розе иногда приятно
То место, где отсутствуют шипы.

Любви желают в мире все сердца,
И трепету, и вздохам нет конца.
Сам исцелитель Видади страдает,
Когда не видит милого лица.

* * *

Всевышний, взор не отвращай, пускай бездумен я,
Я узник сердца, от любви теперь безумен я.

Нелепы все мои дела, утратил разум я,
Но я не трус, за честь любви восстану разом я.

От жизни милой жизнь свою не отрываю я.
Я жертва глаз ее и губ, и к ней взываю я.

Хоть не поклонник винных чаш и пылких сборищ я,
Зато властитель той страны, где грусть и горечь, я.

Я славу мимо пропустил, ее не жажду я.
Своей печалью утолить сумею жажду я.

* * *

О друг души моей! Жду не дождусь,
Как рассказать мои мученья? Ах!
Оборвалась душа. Терпенья нет.
Как долгий год — часов течение. Ах!

Беззвучно время тянется, дразня.
Пылает тело, словно сноп огня.
Истлела сердца ржавая броня.
Оно как склеп без назначения. Ах!

Согбенный жаждой, согнутый в дугу,
Я рваных жил своих не берегу,
Ручьями слез по городу бегу,
Изнемогаю от влечения. Ах!

Ни с чем любовь мою сравнить нельзя.
Приводит к смерти сладкая стезя.
О ветер! Были мы с тобой друзья,
Повея же вздохом облегченья! Ах!

Я Видади. Меня грызет недуг.
Я понимаю всех, кто полон мук.
О родина! О милая! О друг!
О жизнь! О тьма! О заточенье! Ах!

* * *

По тебе вздыхал я много-много лет,
Наконец-то ты со мной, любовь моя!
Хочешь, жизнь свою я в жертву принесу
Родинке твоей одной, любовь моя!

Ты меня сумела хитростью привлечь,
С каждым днем твоя звучала слаще речь,
Узы чар твоих не в силах я рассечь,
Стала ты моей мечтой, любовь моя!

Ты прельщать луноподобных рождена,
Красота твоя достоинства полна,
Райский сад могла б затмить собой она.
Не смутишь тебя хвалой, любовь моя!

От любви своей я дням теряю счет,
Кто влюблен в тебя — безмерно счастлив тот,
Чтоб взглянуть, как красота твоя цветет,
Розы спорят меж собой, любовь моя!

Ты судьбою мне подарена в пути,
Недостойному — подобной не найти,
Пусть мишенью станет сердце Видади,
Что сражен твоей стрелой, любовь моя!

* * *

Кипарис, меня лишивший света и покоя — чей?
Ты, кумир, меня пленивший неземной красою — чей?

Где найду я в мире локон лучше локонов твоих?
Тот, кто храбр в любовных битвах — благородный воин — чей?

Ты, чьи очи, ножки, брови, стана стройного изгиб
Всех красавиц ввергли в горе, их затмив собою — чья?

В драгоценности одета, в пурпур с ног до головы...
Ты в серебряном уборе с золотой парчою — чья?

Жребий странный и случайный свел с тобою Видади.
Сокол в воздухе парящий над моей главою — чей?

ВАГИФУ

¹ Зачем ты так весел и счастлив, Вагиф?
А мне говоришь: что ты стонешь и плачешь?
Но сердце для страсти высокой открыв,
И ты удержаться не сможешь — заплачешь.

Любовь наши очи слезами зальет,
Сердца милосердие нам разобьет.
Их корень душа в состраданьи найдет,
И если ты сердце имеешь — заплачешь.

³ Плач признаком веры должны мы считать.
Кто верит, тот может рыдать и стелать.
И если ты истину хочешь познать
До рези в глазах, до мученья — заплачешь.

⁴ Ты мальчик с пресыщенным сердцем. Оно
Желаний и жадных томлений полно
И признаков старости лишено.
Но ты постареешь, поймешь и заплачешь.

- ⁵ Ты юноша с детскою негой в глазах,
Ты в первых еще пребываешь мечтах,
Недавно ты держишь дубинку в руках,
Держи ее крепче, уронишь — заплачешь.
- ⁶ Ты можешь в груди свою тайну держать,
Без помощи сердца ее уважать,
Ты можешь от всех по дорогам бежать,
Но время придет — ты сгоришь и заплачешь.
- ⁷ В достатке живем по твоей доброте,
Лепешки из проса бурчат в животе.
Ты мало что знаешь в своей простоте,
А если узнаешь — вздохнешь и заплачешь.
- ⁸ Ты дал мне воды и хлебов просяных,
Кто съест их, добьется всех целей земных.
Но будет мгновенье — все прелести их
Отравой станут. Тогда ты заплачешь.
- ⁹ Все те, кто уже нацепили очки,
Пусть пыжиться бросят — они старички,
Под старость все чаще нам слышны смешки,
А ты, рассердившись на это — заплачешь.
- ¹⁰ Богатый горами, могучий Кавказ
Рождает огонь вдохновения в нас.
В собраньи ты песню прослушай хоть раз,
И, в сердце пронзенный, ты горько заплачешь.
- ¹¹ Не трогай поэзии и красоты,
Довольно стихов про сады и цветы!
Известно мне все, чем волнуешься ты,
Ты будешь возлюбленной петь — и заплачешь.
- ¹² Тебя навестит Сари Чобан-оглы,
И души сольются, чисты и светлы.
Он пышности хана возносит хвалы,
Услышав его пятистишья, заплачешь.
- ¹³ Никто не излечит страдающих нас.
До Абубекира дойдет ли твой глас?
А птица души улетит, и в тот час
Над телом своим бездыханным заплачешь.

- 14 Возьмет твою душу тогда Азраил.
На мир ты посмотришь — он радостен был.
Никто не прибавит несчастному сил,
Ни дочь, ни невестка. Ты горько заплачешь.
- 15 О мире загробном не думай — к чему?
Идеи твои не подходят к нему.
На страшном суде не воззвав ни к кому,
От неба ответа не слыша — заплачешь.
- 16 О, если б о милости божьей ты знал!
О, если б душой благочестья искал!
О, если б всевышний тебя приласкал!
Чего ты боишься? Зачем же ты плачешь?
- 17 В молитвах склоняюсь я каждую ночь,
Соблазны гоню я безжалостно прочь.
Молящимся должен создатель помочь!
Ты тоже молиться начнешь — и заплачешь.
- 18 Кто будет самым сатаной соблазнен —
Найдет на земле лишь приятное он.
Ты будешь прелестницами окружен,
Потом они бросят тебя — и заплачешь.
- 19 Не бойся слезами залитых очей —
Ведь мы не похожи на диких зверей.
И если своих понимаешь друзей —
И ночью и днем непременно заплачешь.
- 20 У тех, кто не ведали слез никогда,
Нет мыслей в разлуке, печаль им чужда,
Но все-таки вспомнишь друзей иногда
И волей-неволей немного поплачешь.
- 21 Ты кровью себя не пятнай. И в борьбе
На мир не надейся. Жесток он к тебе!
Когда он тебя не подпустит к себе,
Лягнет, как корова теленка — заплачешь.
- 22 Судьба, что заставила бросить дома,
Судьба, что гнала и сводила с ума,
Судьба, что была тебе словно тюрьма,
Она обо всем тебя спросит — заплачешь.

- 23 Окончатся пытки на страшном суде,
Покая от слез не найдешь ты нигде,
И будет тебе наказание везде,
Ты в тысячный раз неутешно заплачешь.
- 24 Я грешник большой, перед богом дрожу,
„О бог милосердный!“ всечасно твержу.
Ты в милость не верил, но я предскажу,
Что скоро раскаешься ты и заплачешь.
- 25 Хоть время тебе расправляет крыла,
Оно же твои разрушает дела.
Узнаешь, что жизнь через грань перешла,
И в муках своих безнадежно заплачешь.
- 26 Гасан твой водитель. Безумья недуг
Измучил его, но заблудшим он друг,
Найти ничего он не может вокруг,
Ты все это после найдешь и заплачешь.

* * *

Мы жить не можем, смерть поправ, — как тяжело умирать!
На жизнь имея столько прав, как тяжело умирать!

Огонь любви в моей крови, тебя желаю я.
Мечтанья о тебе прервав, как тяжело умирать!

Мой взор еще не опустел, ведь он тебя встречал.
Тебя опять не увидав, как тяжело умирать!

Готов смеяться мой язык и голос щебетать.
Высоко голову подняв, как тяжело умирать!

Пусть страдает тот, кто знал, жалеет, кто не знал.
Свою хвалу тебе послав, как тяжело умирать!

Стрелой пронзенный прямо в грудь бесцельно я бегу.
Мой след неровен и кровав... Как тяжело умирать!

Подруги сердца моего со мною нету здесь.
Душевных тайн не рассказав, как тяжело умирать!

Я разучился говорить, и силы нет в руках.
Недолюбив, нестрадав, как тяжко умирать!

Без крова, на чужой земле, вдали от мест родных,
Страданий всех не описав, как тяжко умирать!

Ты, Видади, имел детей, красивых, молодых!
Их всех по свету растеряв, как тяжко умирать!

МУСЕДДЕС (Шестистишия)

Не думай о нашем страданьи, всему наступит конец.
В груди удержи рыданья, слезам наступит конец.
Придет пора увяданья, цветам наступит конец.
В душе не храни ожиданья — душе наступит конец.
Мне чашу подай, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Возлюбленная прекрасна — она истлеет в земле,
Рот ее нежно-красный — и он истлеет в земле,
Локон на шее страстной — тоже истлеет в земле.
И раз ее образ ясный должен истлеть в земле,
Мне чашу подай, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Умрет властелин вселенной, — что выживет он — не верь.
И царство его погибнет. Во власть и закон не верь.
Все в мире непостоянно. Что мудр Соломон — не верь.
Вращению мирозданья, если умен, не верь.
Мне чашу подай, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

И если за годом годы сто веков расцветет,
И если, шумя листвою, сто садов расцветет,
И если сто гиацинтов, сто цветов расцветет,
То разве душа от лживых, от жалких слов расцветет?
Нет! Чашу налей, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Разлука сжигает душу, печалью меня тесня.
Я выпил бокал страданья, он в горе подлил огня.

Никто мне руки не подал, не поддержал меня,
Пока еще есть возможность, радуйся свету дня...
И чашу налей, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Если подумать о жизни — горем она полна.
Ведь одному бриллианту — тысяча душ цена!
Как в зеркале, в каждой грани подлость отражена.
Клянчить себе подачек наша земля должна.
Мне чашу подай, виночерпий, всему наступит конец.
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Цену пустому миру знал Видади больной.
Мир о пощаде просит, словно набат ночной!
Страх и смятение вижу я в суете земной,
Жизнь коротка, не будет жизни еще одной.
Мне чашу налей, виночерпий, всему наступит конец,
Нас сгложут могильные черви — всему наступит конец.

Закир Касум-бек родился в конце XVIII века в городе Шуше в семье Карабахского бека, из рода властителя Карабаха Панах-хана. Закир жил в селении Хынзырыстан, расположенном неподалеку от Шуши и подаренном ему Мехти-Кули-ханом. Закир имел много врагов среди азербайджанской знати. В результате беко-ханских интриг Закир подвергался преследованиям со стороны царских властей. Его сын и племянник были сосланы в Сибирь. Закира же подвергли аресту и выслали в Баку. В истории азербайджанской поэзии среди поэтов первой половины XIX века Закир занимает видное место. В своих сатирических стихах поэт изобличает и критикует тиранов, алчных и продажных царских чиновников, жестоких и двуличных беков, ханов и духовенство. Скончался Закир в 1857 году в городе Шуше.

ЖУРАВЛИ

Задержите на час полет в высоте,
Поглядите на скорбь мою, журавли.
Вы куда и откуда стремите полет,
В облаках величаво трубя, журавли?

Здесь, под вами чернеет разрушенный кров!
Пролетайте над ним, как тень облаков!
Вы летите над гнездами ястребов,
Сберегите в пути себя, журавли!

Я, живя на чужбине, надежду таю;
День и ночь я о родине слезы лью.
Я, как вы, чужестранец в чужом краю.
Вдаль я вас провожаю, скорбя, журавли!

Я люблю ее пастбища, водную гладь,
Хоть бы раз мне лицо ее увидеть!
Может, вы мне хотите о ней рассказать
Шумом крыл и наклоном шей, журавли?

Я Закир! Мне огонь пожирает грудь.
Передайте мне весть иль хоть что-нибудь!
И сердца, вас ведущие в дальний путь,
Пусть не будут грудой камней, журавли!

КАЗИ

Все сильнее год от году землю удивлял Казии,
И необходим народу, словно воздух, стал Казии.

Бог его единым махом без изъяна сотворил,
И, людей наполнив страхом, голову задрал Казии.

Надоедливый и злобный, он везде совал свой нос.
Долго дурью бесподобной ближних забавлял Казии.

Как отточенная сабля, у него перо в руке.
С шейхами седыми храбро словом воевал Казии.

Уложил врага в могилу он дубиною своей.
Как Рустем великой силой, гневом набухал Казии.

И железо потекло бы, растопившись, будто воск,
Если б внутреннюю злобу в сердце не сдержал Казии.

Аликулу с Абдурагимом словно тень за ним идут.
Повалить Эльбрус в долину в гневе угрожал Казии.

И Шушу не разорил бы озверевший град камней,
Если бы над нею милость вечно изливал Казии.

От несчастий им избавлен обездоленный народ.
Щедростью своей прославлен, как Сарданапал, Казии.

Словно росы, в Карабахе падают его дары;
Говорят, свои рубахи голым раздавал Кази.

Не ошибся я! Как видно, заплует меня народ,
Ибо я тебя бесстыдно в песне восхвалял, Кази.

Если злато, утварь, сабли всей Шуши внести в твой дом,
Ты не роздал бы ни капли и не растерял, Кази.

Села от нужды стонали; ты в довольстве утопал.
Про народные печали ты не вспоминал, Кази.

Низость мне твоя известна; ты б меня не обманул,
Если б святостью, чудесно, вдруг ты засиял, Кази.

От тебя укрыться негде разоряемым тобой;
Жаден ты, к какой бы секте ни принадлежал, Кази.

Ночью думал ты о звонком золоте и серебре,
А с утра за жеребенком в горы поскакал, Кази.

В месяц гибели имамов ты гулять ходил в Кайнак,
В день десятый магеррама в Фенку забегал, Кази.

В благочестии бывалом ты обязан пребывать,
А не на коне стоялом рыскать между скал, Кази!

Но, истратив мало денег, ибо холст подешевел,
Все чалмы без сожаленья дуракам раздал, Кази.

Карабахцы! Придержите по дешевке эту бязь!
Как бы каждый третий житель сам муллой не стал, Кази!

Светлым званием святого и отличием муллы
Ты бездельника любого щедро наделял, Кази.

Не был ты настолько низким, и безжалостным, и злым
В дни, когда ты очень близко к хану не стоял, Кази.

Были в старину герои, воспевали их певцы;
А теперь, судьбы игрою, в их число попал Кази.

„Дуракам закон не писан“, ты промолвишь обо мне
И простишь меня за то, что я тебя ругал, Кази.

Мы Амираслану славу позже сложим. А теперь,
Над тобой чиня расправу, мой язык устал, Кази.

ПОСЛАНИЕ К МИРЗА-ФАТАЛИ АХУНДОВУ

(Отрывок)

Стыд шушинцы теряют: гуляют и пьют.
По дороге бесчестья шушинцы идут.
С мысли горькой меня мудрецы не собьют:
Ночь погибельная над землей — гляди!

Вечереет; бокалы с вином тяжелы,
И краснеет вино на губах у муллы.
Ты со смехом во время утренней мглы
На священный покров над муллой гляди!

Вот Ваиз, поучающий нас давно:
„Не касайся того, что запрещено!“
Дома ест он свинину и хлещет вино.
На запреты без страха со мной гляди!

Зазывает к себе торгаш мужика.
Прицепится. Речь, словно мед, сладка;
А на четверть сукна не дорежет вершка.
Как дурачат людей пред тобой — гляди!

Вот башмачник! Обшил воротник галуном
И звенит серебром за игорным столом;
Он с богатым уселся играть корчмарем.
Спесь и грязь у них за душой — гляди!

Правнук беков, простерт он на голых камнях,
Он в таможне таскает тюки на плечах,
В бубен бьет — потешает народ в кабаках.
Был он беком, а стал он слугой — гляди!

Как пройдут по базару с квартальным дарга —
У любого прохожего вспухнет щека.
Пять рублей в карман ему бросит рука,
И на таксу — коль ты не слепой — гляди!

Ханский сын на шампур мужика надел
И последним добром бедняка овладел.
Тот, как щепка, высох и похудел.
Как замучен крестьянин агой — гляди!

После того как бек утвердил
Власть, он должен ослабить железо удил.

Ну, а этот — людей еще туже сдвигал.
Треск вокруг и стенанья, и вой — гляди!

Духовенство от бога теперь далеко;
Жмут и мучат. Народу от них нелегко.
Над чалмами сеидов и мулл высоко
Поднялся крестьянин простой — гляди!

Вот муров! Если с жалобой ты, прервет
И навеки заткнет угрозами рот.
Он защитник злодеев, что грабят народ;
Он добычей живет воровской — гляди!

ДЖАНАМЫЗ

Видь из тела, душа, чтоб избегнуть беды!
Что ни день, то закон пред тобой, о душа.
Начинается месяц, и снова закон
И обычай иной перед тобой, о душа!

Где стена между беком и батраком?
Уж осел хочет быть благородным конем.
Будь довольна бязью и грубым холстом
Ты, стелившая шелк пред собой, о душа.

Так не лучше ль чужбина? Она впереди.
Сжав виски, убеги на чужбину, уйди!
И меня наготовю семьи устыди,
Жен нарядных выдавшая здесь, о душа!

На подруге моей и весной и зимой,
Словно жар, горел наряд дорогой.
Обнажись кипарисом под бурей ночной,
Потерявшая радость и честь, о душа!

Душный локон блуждал по любимым щекам,
По опущенным векам, блестящим бровям.
Опечалься ж теперь: не приблизится к нам
Все в слезах и пыли то лицо, о душа!

Хоть прекрасного света священен закон,
Но к нему я до старости не приучен.
Опечалься — и в память уйди, словно в сон,
Тщетно рвущая бедствий кольцо, о душа!

Голодай и постель за бесценок продай,
И без крова на голой земле засыпай,
Но сдержись, не скажи, словно нищий: „подай!“
Ты, имевшая дождь золотых, о душа!

Чей же камень на голову нашу упал?
Где твой взор постыднее дело видал,
Чтобы тяжести я, как наемник, таскал
И носил бы ярмо, как мужик, о душа!

Пусть все гибнет! Забросим добро, продадим! —
Ложь враждебна делам и словам моим —
И бычачью кошму под себя подстелим
Мы, ложившиеся на пух, о душа!

Мы когда-то конницу в битву вели,
А теперь волочимся в хвосте и пыли!
Но могучие дни Карабаха прошли,
И мечи выпадают из рук, о душа!

Мы по десять тагаров сеяли в день,
Золотую пшеницу, усатый ячмень,
Нынче ж — тока безмолвна угрюмая сень,
Пусты праздные чашки весов, о душа!

Мы на путь этот стали в погибельный час.
Ни назад, ни вперед нет дороги для нас!
Что же ты не повешься, как струнный саз,
Потерявшая мир и кров, о душа!

Нас гоняют чинить размывы дорог,
И позор унижений тяжел и глубок.
Устели же бурьяном и пол и порог
Ты, ходившая по коврам, о душа!

Человек не найдет подобной беды.
„Помогите“ — зовешь, изнывая, ты,
Видя этих неверных, чьи души пусты,
С ложным именем мусульман, о душа!

Ты ушел, повелитель, в дымку зари,
Ты ушел по высоким путям, спеша...
А со знахарем будет ли говорить
Аристотеля видевшая душа?

МИРЗА-ФАТАЛИ АХУНДОВУ

Если спросишь ты, как жизнь у нас идет,
Я отвечу: в Карабахе жизнь — позор!
Если раньше здесь порядок видел ты,
То его не встретишь тут с недавних пор!

Грабежи на весь наш край наводят страх.
Грабят всюду — и в долинах и в горах,
От разбоев слышен стон во всех местах,
Затопляет нас беда лавиной с гор.

Сафикюрдцы преградили все пути,
Не дают нигде коланцы нам пройти,
Никому на них управы не найти.
Нива брошена, пустынен дом и двор...

В Заргаре, в Дирагляре — при свете дня —
Ты легко остаться можешь без коня,
Бойся вора уличить: судьбу кляня,
Сам избит ты будешь словно вор!

Беспощадны араблярцев грабежи:
Что ни встретят, тащат все, как мураши!
До утра идет грабеж в ночной тиши.
Всюду распря, драка, свалка, бранный спор!

Гнев господен этот край да поразит!
Каждый день бедою новой нам грозит;
В Хурда, Назяр, у Аракса что стоит,
Коюджах вступает в тот же дикий хор!

Каждой ночью, под густым покровом мглы,
К нам грабители идут оттуда, злы.
Вновь гремят разбои в Адигезалы,
Над Казахом дикий страх крыло простер!

Если спросишь, как живет Сафи-мулла,
Я скажу тебе: плохи его дела.
Шил он саваны — в то время увела
Трех коней лихая шайка из-за гор.

В Карабахе не осталось жеребят,
Скоро днем с огнем не сыщешь и телят.
Тот, чьи казни Хынзырстан не устрашат,
Не порядок дал ему — один разор!

Справедливости тебе не занимать.
Значит, нет причины краю горевать!
Полюбуйтесь-ка! Ведь целый мир сломать
Могут два молокососа... О позор!

Если с жалобой отправишься ты в суд,
Там тебя на полуслове оборвут.
Для обидчика тебя же оберут —
В стачке с судьями и сыщиками вор.

Не узнать полубородого тебе —
Раздобрел, подлец плешивый, с наших бед,
Целый край в карман засунул он к себе!
Хандамиров нас совсем к стене припер!

С проходимцами лишь держит он совет,
Совещанья созывает он чуть свет,
Станет так, что в довершение наших бед
Он чуму еще пошлет нам или мор!

Он приказы ежедневно издает,
Чтоб верней вести к гибели народ,
Ближе нас он к князю, спину низко гнет,
Лезет в душу, лизоблюд и горлодер!

Кто поймет, что нужно лживому льстецу!
Проститутка! — Кто поможет хитрецу?
Хоть бы смерть пришла скорее к подлецу!
Но он жив и здоров как будто до сих пор!

Только к подлой лжи слова его вели,
Где б он ни был, правду он топтал в пыли.
Острой саблей да сразит его Али,
Да свершится над проклятым приговор!

Всюду зависть рядом с подлостью живет,
Друга друг его ближайший предает,
Не творит ученый, нищих бек гнетет,
Что ни чин у нас — то наглый живодер!

Духовенству надо в вере быть честней,
Возгордились, а должны глядеть скромней!
Крепче вера — нынче у простых людей,
А сеидов не нужен грешный хор!

Знает бог, как нам гаджи везде вредят.
Как несут они в народ змеиный яд.
Матерей они, сестер не пощадят!
Да сгниют они! Да сгинет этот сор!

Что поделаешь! Забудем их слова —
Их профессия дрянная такова.
Самому пришлось мне видеть — что молва! —
Как они мочились стоя... Вот позор!

Мало женщинам теперь своих мужей.
Подавай им сотни новых, да свежей!
Развратило их бесстыдство наших дней —
Без штанов гулять готовы! О позор!

Матерей не лучше дочки — у девиц
Краски спрятаны и кисточки для лиц,
Тем, кто хочет образумить озорниц,
„ “ отвечает бабий хор!

Если кто судьбы улыбку получил,
Он раскаянье и совесть позабыл.
Ты добро родного сына прокутил,
О мерзавец, ненавистный всем!.. Позор!

Я слышал, что и жениться он не прочь:
В прошлом месяце он сватал хана дочь,
Рядом с нею он вертелся день и ночь.
Для него жениться — пустяки и вздор!

Муж у женщины был низок, может быть
Раз он умер, долг велит его почтить.
Не успел еще и труп его остыть,
Уж она с другим. Короткий разговор!

Разве что-нибудь остудит женский пыл?
Мужа прежнего мальчишка заменил,
Быстро по миру он глупую пустил.
Путь ее — на свалку, под забор.

Госпоже я говорил не раз: Джинли!
Ты добро творила — и к тебе пришли.
Если б зла была — валяйся хоть в пыли —
И солома для тебя тогда ковер!

Куришь опиум все ночи напролет,
Берегись! Твоя жена с другим уйдет,
От любовника ребенка понесет —
От больного мужа рвутся на простор.

Злодеяний—море, щедрости—на грош.
Нищий! Хлеба у него ты не найдешь!
Если сжалившись он корку бросит, все ж
Сам же кровь твою и высосет — хитер!

О своем бесчестьи всюду трубит он,
Для него всего дороже денег звон,
Там где он — чумою воздух заражен,
Для других его присутствие — топор!

Старику восьмой десяток лет идет.
„Чтоб ты сдох скорее“, думает народ.
Толще с каждым новым днем его живот.
И немало есть таких у нас обжор!

Не один десяток лет он проживет,
Как паук, он из народа кровь сосет,
Проклинаемый, в могилу он сойдет
И оставит нам в наследие раздор.

Он богат и хищной злобой наделен,
Он злодействует, и глух к нему закон.
Словно коршун,—что зацепит когтем,—он
Вырвет с корнем и к себе несет на двор.

Сундуки полны деньгами у него,
Бессловесны дочь, и сын, и внук его,
Мы ж годами не добьемся ничего.
Все навыворот пошло с недавних пор!

Я без денег... Что с того, что дочь цветет?
Неотесанным зато мой сын растет,
Некрасив моей жены беззубый рот.
Все, чем жил, что накопил — пошло в костер!..

Малоумных беков — сколько хочешь тут,
Воду в ступе днями целыми толкут,
Говорят о чем, и сами не поймут.
Депутата выбирают все... Позор!

Лишь обман один царит у них, взгляни!
Не проникнешь в козни, что таят они,
Лишь проклятья всюду слышатся одни,
Нет друзей — враги, куда ни бросишь взор!

Наш Рагим ушел. Пусть бог его хранит!
Пусть, зажженный им, всегда огонь горит!
Ну, а хан! Тот в стороне от нас стоит,
Лишь на подлости податлив он и скор.

Бей-баба — спросил ты — как живет у нас?
Этот жулик, знаешь, промаху не даст.
Что за грош он купит — дорого продаст.
Но столкнулся с Бейюк-ханом этот вор!

Помнишь, о гаджи тебе я говорил?
Был в Тбилиси он и бед там натворил,
Всех купцов поочередно разорил,
Всех доводит до банкротства кредитор.

Он торгует и пускает деньги в рост,
Кто сказал, что он в делах торговых прост?
Все купцы пред ним поджали в страхе хвост.
Вот, как страшен ростовщик и живодер!

Джамшит-беку от меня большой привет,
Пусть Бейбутову он скажет: много бед,
Князь, обрушилось на нас!.. Не мил нам свет,
Правды нет, в сплошной неправде кругозор!

Знал я юношей поблизости двоих —
До Аракса слава громкая о них,
Не видал никто с разбойниками их,
Почему же их хватают за вихор?

Будет мудрым и великим наш эмир,
Если он протянет руку тем, кто сир,
Справедливость принесет он к нам и мир,
Эта дружба нам дорожа всех опор.

Это лишь мечта далекая одна,
Жизнь в нужде навеки, видно, суждена,
Боже, как теперь страна моя бедна,
Тяжело висит над ней судьбы топор!

Горе тяжко на груди лежит моей,
Я таких гяуру не желаю дней,
Пусть простят меня, чья жизнь идет светлей,
За печальное посланье, за укор!

Горько знать, что не достигли цели мы!
Без тебя, мой друг, все дни мои темны.
Дорогой мой, руку дружбы протяни,
Чтоб со лба клеймо позорное я стер!

Друг мой, здесь событий много, много бед,
Кое-что тебе сказал я. Жду ответ.
Ты мне должен дать молчания обет,
Ибо на ухо ведем мы разговор.

Я кончаю, ты словам моим внимай:
Друг, привет шейх-уль-исламу передай!
О, когда ж, придя в наш обновленный край,
Мы сойдемся и забудем наш позор!

* * *

Вновь обиделась неверная на нас
И давно уж дружбу вздумала прервать.
Не пойму, что за привычка повелась
Важный смысл словам соперниц придавать.

Чем лишиться царской милости ее,
Чем в разлуке проклинать свое жите,
Чем глядеться вдаль и горе длить свое,
Для влюбленных лучше сразу умирать.

Говорят, придет любимая моя.
Изнываю и стыжусь невольню я.
Кроме жизни, ничего нет у меня,
Я сокровищ за нее не стану брать.

Стала счастье познавать ты у чужих,
Отказалась от обетов, клятв своих.
Дай мне больше мук, не пожалей хоть их —
Сладостно моей душе их принимать.

Не скажу тебе я: сделай грусть слабей,
Согласуй свою привязанность с моей,

Сделай так, чтоб стал я гордым поскорей.
Лишь не надо о Закире забывать.

* * *

Передайте ей, меня похороня,
Пусть она не издевается хотя б!
Раз не шла больного навещать меня,
На могилу не является хотя б!

Страшным клятвам не была она верна.
У меня в груди жила печаль одна.
Верным другом не бывала мне она.
Жизнь в огонь пусть не ввергается хотя б!

У нее цветут ланиты ярче роз,
Над очами блещет золото волос.
Раз уж ей лечить меня не довелось,
Обо мне пусть не справляется хотя б!

Повелительница прячет без конца
Под чадрой святыню нежного лица.
За вину меня убьет пусть, как бойца,
Но упреком не бросается хотя б.

Окружен я был почтеньем и хвалой,
А остался неразумный и смешной!
Нерадивым был Закир у ней слугой,
Пусть вину забыть старается хотя б!

* * *

Как не погиб, не знаю сам.
Привык я к боли без тебя.
Я радуюсь моим делам,
И в них я волен без тебя.

День ото дня тоска любви
Все тягостней в моей крови.
Пусть вытекут глаза мои!
Им нету воли без тебя.

Ты юная, чей голос мил,
Увидела б меня без сил.
Я речь мою остановил,
Язык безволен без тебя!

Гляжу по сторонам, и нет
Здесь никого, кто б дал совет,
Как выносить мне столько бед
В несчастной доле без тебя.

И плачу я, Закир, сильней,
Чем в ночь разлуки соловей.
Без цели, в горести своей —
Мне жить доколе без тебя?

* * *

О любимая, с тобой в разлуке я.
Разве у меня теперь терпенье есть?
Ты мечта моя, родная мысль моя.
У меня нет слов — одни мученья есть.

В единении двое мне печаль несут,
Но боюсь, что укорять мне не дадут.
Справедливой будь, иду к тебе на суд.
На твою особу обвиненье есть.

Недостатков нет в характере у ней,
Ни в наружности, ни в сладости речей.
Я оставил душу у ее дверей.
У меня ведь стыд за преступление есть.

Не колебли, ветер, у нее волос.
Не хочу, чтоб ты ей в сердце скорбь занес.
Может быть, моя судьба — избежать слез.
У нее залог — мое стремление есть.

Не сумев перенести страстей разлад,
В степь ушел Меджнун, к горе бежал Фархад.
Я, обиженный Закир, страданиям рад,
У меня сносить печаль умение есть.

Все ль ты ей передал, о Зефир, когда
Ты в садах пролетал? — Что она отвечала?
И когда о глубокой печали моей
Ты в деревьях шептал — что она отвечала?

Припадая к ногам бессердечной моей,
Как я предан скорбям, сообщил ли ты ей?
И когда ты сказал ей, что снега бледней
Лик мой розовый стал — что она отвечала?

Разве ты не заметил у ней на лице
Сострадания ко мне? И когда ты в конце
Своей речи сказал, что в железном кольце
Злой недуг меня сжал — что она отвечала?

Скорбь связала меня по рукам и ногам;
Темнота подступает к угасшим глазам;
Дал ли волю, Зефир, ты словам и слезам?
И когда замолчал — что она отвечала?

Все ли ты о Закире, Зефир, сообщил?
Ей — луне величавой в собраньи светил?
Неужель ты в ней жалости не пробудил?
Все ли ты ей сказал? — Что она отвечала?

Набати Абульгасим (Хан-Чобаны) — выходец из южного Азербайджана, родился в первой половине XIX века на Мугани. Умер в 1873 году в сел. Уштиби, где и находится его могила. Набати писал как лирические, так и религиозно-философские стихи. По форме—его лирика близка народной поэзии.

Ступай, ищи, ты не созрел еще,
Перед тобой вселенная легла.
Ты должен крылья в странствиях найти,
Чтоб стать собратом горного орла.

К горе любви один не подступай
И не пускайся в мир, как глупый зверь.
Нам трудно странствовать, когда судьба
В проводники пророка не дала.

Нет, я солгал, я чепуху сказал.
Для достижения истин стань таким,
Чтобы душа своею чистотой
Сравниться с чистотой цветка могла.

У истины — нежнейший аромат,
Лицом она — всем девам падишах,
Она цветет и жаждет красоты.
Как будто роза, истина бела.

Нежней нарцисса истины лицо,
А подбородок — маленький цветок.
Ланиты целомудренно алы,
Взлетают брови, словно два крыла.

Должна быть истина светлей луны,
Полночной собеседницы огня.
Змеятся кудри черные. Душа
Несметный клад в себе приберегла.

Постигнув истину, ты должен стать
Поближе к ней, подальше от друзей
И от подруг. От всех. Как жизнь Христа,
Чтоб без отца вся жизнь твоя прошла.

Я должен стать отшельником. Узри
Ты тайну, скрытую в чертах судьбы.
Чтоб истину понять, Меджнуном стань,
Она тебя на муки обрекла.

Молчи всегда, не разглагольствуй зря,
Не обнажай пред миром тайн любви.
Над пропастью скорее проходи,
Скрывай от болтунов свои дела.

Отшельника, прошу, не упрекай,
Он в истину нимало не влюблен.
Ты знаешь, и садовнику нужна
Для огорода голова осла.

Друг! Все узнай! И бедняком не будь
В науке истины! Жемчужину найди,
И если ты влюблен, то не жалей,
Что участь отречения тяжела.

Превратно счастье. Утро, ночь и день,
Как локоны возлюбленной, черны.
Хан-Чобаны идет к тебе, Синай,
Чтоб искра дерева его зажгла.

Никто помочь тебе не может. Лишь
Али такие подвиги свершал:
Антара храброго убить он смог —
Такая сила у него была.

Что подати Китая? Пустяки!
Нет драгоценностям моим цены.
Открой глаза! Любуйся! Ни одной
Я не отдам — мне каждая мила.

Я юношу прекрасного ищу,
Чтоб он запомнил мудрые слова,
Пусть сладкоустый спросит: где она?
Пусть будет речь его полна тепла.

Налей мне, кравчий! Пусть любви бокал
Меня пьянит, чтобы сказал народ:
Счастливые молчат, как Набати
Над пиршественной пышностью стола.

* * *

Аллах, посмотри, здесь воруют сердца!
Скажи мне, кого полюбила она.
Похитила разум, сознание мое...
Как в жемчуг себя обратила она?

Кто девушки раньше не видел такой,
Не знает, что значит утратить покой.
Молящим о счастье — своей красотой,
Как бабочкам, крылья спалила она.

Как сладостны ласковых слов ручейки!
Улыбка — причина кровавой тоски.
Ланиты — как розовые лепестки.
В устах своих перлы хранила она.

Как солнце, всегда светлолика она.
Как месяц сурьмяных бровей кривизна.
Я стал одиноким; всей жизни — сполна
Меня, как Меджнуна, лишила она.

Пойду в погребок я. И там заодно
С тобою вдвоем погорюем, вино.
Так пей, Набати, тебе много дано —
В бокал океан уместила она.

* * *

О утро, спроси у любимой скорей,
Лететь соловью на цветок или нет?
Могу ли сейчас, исцеленья ища,
Ступить на заветный порог или нет?

За амбру волос твоих жизнь я отдам,
За щеки, подобные нежным цветам,
За родинки, давшие бледность щекам,
Летит на огонь мотылек или нет?

Томлюсь я по темным и томным очам,
По лунному лику, по сладким речам,
Но снова не смею спросить ее сам,
Избавлюсь я здесь от тревог или нет?

И если б мне шею обвила рука,
И ты б трепетала, гибка и тонка,
И если б я сладость вкусил языка,
Воскреснуть из мертвых я б смог или нет?

Не может дышать без тебя Набати.
И слава ему—как обуза в пути.
Притти мне? Верни мне надежду!—Притти?
Позволишь упасть мне у ног или нет?

* * *

Ты снова влюблен! Не рыдай, соловей.
Весна через день непременно придет.
Собой дорожи, постоянству не верь.
Конец твоей розе мгновенно придет.

Фархаду ты речи мои передай:
„Кирку беспощадную в камень вонзай!
И ласки, и неги, томясь, ожидай.
Влюбленности час несравненный придет“.

Душа исцелится от скорбной мечты.
Появишься в славе и почестях ты,
Наутро увидишь ночные цветы.
К тебе все богатство вселенной придет.

Ты слуг позовешь. Ты покажешься ей
С запястьями из драгоценных камней.
И уток стая, и стая гусей
К фонтану, на пруд белопенный придет.

К прелестной любовь Набати велика.
Слова ее — нежная сладость цветка.
Молчи обо всем, что ты знаешь, пока —
И время для тайн драгоценных придет.

Бакиханов Аббас-Кули-Ага Кудси родился в 1794 году в селении Хилэ (Амираджан) около Баку. Отец его Мирза-Мамед-хан был братом последнего властелина Баку Гусейн-Кули-хана. Детство и юность Аббас-Кули-Ага прошли в городе Кубе, где он в течение десяти лет получал духовное образование на арабском и фарсидском языках. В 1820 году генерал Ермолов вызвал Аббас-Кули-Ага в Тбилиси и назначил на должность переводчика при канцелярии главнокомандующего Кавказской армией. В 1834 году Бакиханов путешествовал по Европейской России. Был в Риге, Варшаве, Петербурге, Одессе и т. д. В 1847 году предпринял путешествие в Мекку. Умер в Аравии в 1847 году. Аббас-Кули-Ага является автором ряда трудов по истории, географии, логике, педагогике и т. д. и принадлежит к числу первых поэтов, внесших в азербайджанскую литературу русское и европейское влияние. Им переведены на азербайджанский язык басни Крылова.

ОБРАЩЕНИЕ К ЖИТЕЛЯМ ТАВРИЗА

О чернь Тавриза, о поток гнетущий городской!
Как злобен город, как жесток! Откуда край такой?

Ни праведников, ни людей, в науках изощренных.
Будь проклят он, прости мне, бог, гниющий край такой!

Не верят идолам, не чтят Христа из Назарета,
И Магомет им не пророк... что за народ такой?

По узким улицам брожу, толкаюсь по базару:
Как человек здесь одинок, как жить в толпе такой?

Три вида черни я встречал: ослы, муллы и ханы.
Узнай их вдоль и поперек—весь городок такой.

Тот носит яркую чалму, другой кичится джуббе,
А третий согнут и убог—осел всегда такой.

Осел—не в счет, плетется он под кладью еле-еле.
Видать, аллах его обрек для участи такой.

И только ханам и муллам весь гнев мой и насмешка!
О дармоеды! Где же срок всеобщей лжи такой?

Прекрасна мысль, и для нее иных прикрас не надо.
Кто наряжается не впрок—мужчина глуп такой!

А тут накрашенными хной кичатся бородами.
Повсюду здесь проход широк для бороды такой.

Так важный бородач—козел—краса и гордость стада.
Козлиной рыжей шерсти клок всегда в цене такой!

* * *

На тех глазах—сурьма, на пальцах хна... бывает!
Но с чистым блеском глаз и рук—одна бывает.

Вот Брови, вот Уста, вот Родинка, вот Ясность!
Так БУРЯ на море едва слышна бывает.

Как мне изобразить твоих волос оттенков?
Как стих изобрести? Так стон со сна бывает.

Как тайну мне спросить у этих губ сладчайших?
Я на ухо скажу, а то война бывает.

Я вижу все в огне лицо твое, немею.
Кудси! Так иногда жизнь сожжена бывает!

* * *

Как жаждет сердце своей избранной! Пришла иль нет?
В кудрях сиянье чела сохранно. Пришла иль нет?

Любая пери своей красою должна гордиться.
Ты к состязанью, сардар мой бранный, пришла иль нет?

Мне надоела гяуров дружба. Хочу, чтоб снова
Ты, исцеленье сердечной раны, пришла! Иль нет?

Но чаша грусти полна до края. Напрасно жажду,
Чтоб расцвела ты, цветок багряный! Пришла иль нет?

Твой юный голос—рожденье жизни, исток веселья.
Ты в Гюлистане, бюль-бюль желанный, была иль нет?

Кудси напрасно тебе слагает свои хваленья—
Пришла когда-то, но слишком рано ушла—и нет!

ПИСЬМО В СТИХАХ

Наслаждениями богатый,
Ты живешь в родном краю.
Я, приятель твой завзятый,
Для грузинских дев пою.

На чужбине отдаленной,
Злой печалью утомленный,
И больной, и не влюбленный,
К жизни охладев, пою.

Но взглядимся в этот праздник:
Столько тут красавиц разных,
Лунноликих, нежных, страстных,
Чей же я припев пою?

И куда ни двинусь только,
Столько дев и женщин столько—
Я, как попугай, без толка
Что-то прохрипев, пою!

И как солнышко сквозь тучи
Озаряет мир могучий,
Взор красавицы летучий
Уловить успев, пою.

Нравы города велят нам
Быть приветливым, приятным,
Но, придя к грузинкам статным,
Я, не осмелев, пою.

Вот, Кудси, мое решенье!
Чтоб не быть молвы мишенью,
Я приму их приглашенье
И, как храбрый лев, спою!

Мирза-Шафи Вазех родился в конце XVIII века в городе Гандже в семье зодчего, служившего у властителя Ганджи Джаад-хана. С ранних лет учился у образованных людей Ганджи и готовился к духовному званию. Рано лишившись отца, был вынужден с молодых лет зарабатывать себе на пропитание. Некоторое время служил в качестве писаря и управителя деревень у Пуста-ханум, дочери Джавад-хана. Уже в начале 30-х годов Мирза-Шафи прославился своими сатирическими стихами, направленными против духовенства и знатных людей города. Вследствие гонений, терпел материальные лишения, зарабатывал на жизнь перепиской рукописей для тавризских литографий. В середине 40-х годов Мирза-Шафи был вынужден покинуть родину и переехать в Тбилиси, где при помощи старого знакомого, известного писателя Мирза-Фатали Ахундова, устроился преподавателем в одном из Тбилисских училищ. Мирза-Шафи в Тбилиси познакомился с немецким поэтом и путешественником Фридрихом Боденштедтом. Последний брал у Мирза-Шафи уроки азербайджанского и фарсидского языков. Часто встречаясь с Мирза-Шафи, Кудси Бакихановым и другими, Боденштедт записывал их стихи и песни. Книга Мирза-Шафи была переведена почти на все европейские языки. Мирза-Шафи умер в 1852 году в Тбилиси.

* * *

Сколько на небе устойчивых звезд и бегущих светил золотых,
Столько в груди моей колотых ран от женских причуд твоих!
Ты не звезда, не одна из тех, что на небе огнем зажжены,
Но глаза мои, пьяные как вино, на тебя лишь устремлены!
О, как жизнь теперь не мила, тяжела и, как вечная ночь, темна
Для того, кто отвергнут любимой своей, кого позабыла она.
Как же кровь в моих жилах не закипит! Пусть промчится она
грозой,
Если плачут очи моей души, как фонтан ледяной слезой.
Эту песню я написал, Вазех; в ней бушуют горе и злость.
Во дворце из пурпурного мака сидит невеселый и черный гость.

* * *

О ты, что живешь вместе с нами, одежду отшельника сбрось,
Если ты крепок, иди к любви, все иное ведет вкось.
У меня, убитого горем, кроме любви, не спрашивай ни о чем.
Если сердце свое потерял поэт, лишь любовь восхваляй при нем.
О, с тех пор как в горячем сердце моем для нее приготовлен
приют,
Ясно вижу лицо ее всюду, куда взоры мои бегут.
Судьба поворачивается не потому, что звездами укреплена:
Я хочу познать ее тайный ход, но в поисках меркнет она.
Ныне всюду цветы, радость всюду, краса, идет молодой апрель.
Ты палатку раскинь на речном берегу, пей вино, подними свирель.
Лишь с порога любимой пахнет ветерок—и Вазех над землей
вознесен.
Лишь дыханье любви воскресит того, кто стрелою любви пронзен.

* * *

Высокая ростом, стройная телом, ты идешь перед взором моим.
Сердце мое и слезы мои — о чем мы с вами скорбим?
Не запрещай мне видеть, о шейх, прелесть ее лица.
Откуда ты знаешь, что может пройти перед вещим взором певца?
О ты, проходящая предо мной, уничтожаешь меня,
Как солнце, встающее над луной в ярых лучах огня.
Если тело твое красоту свою так ревностно бережет,
Когда же короткая моя рука тебя, трепеща, обовьет?
Потому-то и сладок голос Вазеха в песнях его и стихах,
Что язык певца о тебе говорит, о рубиновых, сладких губах.

* * *

Ты, сидя в палатке, откинула косы, красу лица обнажив.
Искра истины засверкала из темноты лжи.
Глаза мои видят лицо любимой; стан я обвил рукой:
С одной стороны—мольба любви, каприз красоты—с другой.
Глупец и невежда вовек не сумеет тайник души отпереть,
Но ты, отрешившийся от всего, продолжай, как свеча, гореть.
В день суда из гробницы султана Махмуда будет услышан стон.
В райских вратах не нуждается тот, кто саблей Аяза сражен.

СУСАНИ

По ниве нежности не раз прошла ты, Сусани,
Султаншею в стране чудес была ты, Сусани.
Я жертва глаз твоих; меня сожгла ты, Сусани.
Своим кивком меня убить могла ты, Сусани.
Узнают все—меня с ума свела ты, Сусани.

При виде стана твоего согнулись тополя,
При виде локонов легли пшеничные поля,
Ты опьянила красный мак, его испепеля.
О сердце пьяное, чего ты ищешь здесь, моля?
Причиной крови уж не раз была ты, Сусани.

Ты ангел, а твое лицо — иль солнце, иль луна.
Я пьян тобой — ведь чарка мне теперь запрещена.
Без покрывала покажись, светла, тонка, стройна.
Как прядь волос на лбу твоём прекрасна и нежна!
Влюбленному большой соблазн дала ты, Сусани.

Осанке, стану твоему подстать один атлас.
Ты можешь мне назначить казнь одним движеньем глаз.
По слову твоему Христос еще воскреснет раз,
А в том, кто на тебя взглянул, свет разума погас.
Все мысли разом у него смела ты, Сусани.

Восходит солнце каждый день, поклон тебе дарит,
Ты по утрам выходишь в сад—и тополь весь дрожит,
Бутон, увидев ротик твой, от зависти горит.
Люблю тебя, гяура дочь, тот прав, кто говорит,
Что от аллаха прочь меня взяла ты, Сусани.

Ахундов Мирза-Фатали родился в 1812 году в городе Нухе. Мирза-Фатали под руководством дяди — ахунда Али-Аскера получает образование на арабском и фарсидском языках и готовится к духовному званию. В 1832 году Мирза-Фатали, находясь в Гандже, сблизился с Мирза-Шафи, под влиянием которого отказался от духовной карьеры и стал изучать русский язык. После поездки в Тбилиси он становится переводчиком восточных языков при канцелярии главноуправляющего Кавказом. Первые творческие шаги М. Ф. Ахундова относятся к 30-м годам. За период 1850—1857 года он написал шесть комедий и одну повесть. После 1860 года Мирза-Фатали борется за идею нового алфавита, пишет свои философские произведения („Письма Кемалудовле“). Мирза-Фатали Ахундов является основоположником азербайджанской драматургии и реалистической прозы. Философ-атеист и материалист, он вел непримиримую борьбу с реакционными силами, фанатизмом, невежеством и косностью.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА

(1837)

Не смыкая глаз, я сидел в ночи,
Говорил душе, чьи не бьют ключи:
Соловей, проснись, как бывало, пой!
Попугай-болтун, не молчи!
На плотину хлынь, водопад стихов,
Скороход, мечта моя, мчи!
Настает весна, и цветы в садах —
Словно девушки, горячи.
В почках огненных каждый юный куст,

Меж фиалок бегут ручьи.
И венчальный хмель сыплют горы нам
Из своей голубой епанчи.
И, как царь Хосров, высоко возрос
Ствол древесный в короне гроз.
В честь того царя пьют цветы росу,
В каждой чашечке капля рос.
Так ярки луга, так горит жасмин,
Что нарцисс опьянел от грез.
В слабых клювиках соловьи несут
Лепестки от влюбленных роз.
Облака полны голубых дождей,
Благовоньем — ветер с утра.
Птахи сладостно на заре поют:
Расцветай же, зелень, пора!
На весенний пир принесли дары
Все искусники-мастера—
Тот—любовный вздох, этот—ловкий стих,
Тут—похмелье, а там—игра.
Наступает час для усад людских.
Беспечальна жизнь и щедро.

Так зачем одно, сердце, в горе ты,
В стороне зачем от мирской суеты?
Позабыло страсть, ликованье, блеск,
Не хранишь заветной мечты.
Из глубин своих жемчуга стихов
Не выносишь на праздник ты.
Не украсишь вновь ожерельем слов
Молодого чела красоты.
Что томит тебя? Не пойму, о ком
Так скорбишь у надгробья ты.

Сердце молвит мне: „Друг единый мой!
Не зови меня, раздружись со мной.
Позабыть бы мне, что пройдет весна,
Что цветы погибнут зимой,
Я вручило бы стихотворцу речь,
Бранный меч для славы земной.
Но известен мне вероломный рок,
И конец неизбежен мой.
Птица малая прямо в сеть летит,
На врага ее путь прямой.
Громким почестям, воскликаньям слав

Мрак один предстоит немой.
Для чего мечтать? Всем мечтателям
Подружиться с такой тюрьмой.

Знал ты Пушкина и слышал, что он—
Всех поэтов земных глава.
О речах его, что всегда остры,
Многokrатно гремела молва.
И бумажный лист жадно часа ждал,
Чтоб вписал он златые слова.
Переливный блеск этих дивных слов—
Как павлиньих крыл синева.

Первый выстроил Ломоносов дом,
Только Пушкин в нем жил один.
Вел Державин бой с государством слов,
Только Пушкин там господин.
И свое вино он из кубка пил,
Что наполнил встарь Карамзин,
Его мощь царит по Европе всей
Дальше, чем Николай-властелин.
И как лунный серп на Востоке люб,
Он любимый у Севера сын,
Сын семи небес, четырех стихий,
Благовонный весенний крин.

Но родившие обошли его—
С удивленьем тому внемли!
Он мишенью стал для злодейских пуль—
Жизнь горячую пресекли.
Черной власти раб, черной тьмы гонец
Подстрелил певца издали.
И задул свечу налетевший вихрь.
В тесной келье кости легли.
Был кривым ножом срезан юный ствол,
И побеги его в пыли.
В дивный череп тот, что сверкал умом,
Волей смерти змеи вползли.
В этом сердце, где соловей гремел,
Иглы-тернии проросли.
О бюль-бюль, соловей, улетевший в ночь,
О тоска, о печаль земли!

Вся Россия днесь мертвецу вопит:
Он злодейской рукой убит.

Не спасло его талисман-кольцо
От колдуньи судьбы, от обид.
Он покинул всех дорогих друзей.
Милосердный аллах! Он спит.
И фонтан его благовоньем брызг
Из Бахчисарая кропит.
Я пою, Мирза,— и седой Кавказ
Горько в песне моей скорбит.

КАСУМ-БЕКУ ЗАКИРУ

Касум-бек, я слышал, ты теперь с Хан-кызы.
Вот опять ты не справился с сердцем своим!
Испытал ты красавиц немало, Закир,
И опять, и опять ты доверился им!

Из покоев ее ты не знаешь пути!
От ее изголовья тебе ль отойти?
Слушать речи ее — и цвести, и цвести!
Муж! Да будешь за эти занятия хвалим!

Рифмы, рифмы Закира понравились ей!
Счастье снова знакомо с душою твоей,
Головы твоей вновь не найти горячей!
Знаешь, я изумлен: как мы часто горим!

Стан твой стал буквой „син“, изогнулся дугой —
Вот что могут красавицы, мой дорогой!
Столько раз проклинать — и остаться слугой?
Чем твои восхваленья теперь объясним?

О красе Хан-кызы люди знают давно!
Нам, глупцам, красоте поклоняться дано,
Но огню сотню лет прослужи — все равно,
Попадая в него, превращаешься в дым!

Все желанья твои да исполнятся, брат!
Помяну тебя злом — да низринусь я в ад!
Из-за друга — Закира страдал я стократ,
Лишь конфуз от нее был уделом моим!

О других неудачах моих позабудь!
Если их перечислить, не выдержит грудь!

Я на праздник, ликуя, отправился в путь—
Посрамленным вернулся домой и больным!

Ты стихами своими меня покорил,
Ты меня от печали совсем исцелил!
Пусть владыка вселенной прибавит ей сил,
К молодой, одинокой да будет благим!

Справедливо ли, чтобы без пищи, без сна
Так в темнице недуга томилась она?
О, да будет ей в жизни удача дана!
Дни и ночи молитвам о ней посвятим!

Допустимо ли, чтобы у пери такой
Блекло тело, снедаемое тоской?
Мой аллах, будь ей другом, утешь, успокой!
Не останься к бессонным молениям глухим!

Касум-бек, хоть виновен пред сладостной я,
Но предстань перед ней, умоляю тебя,
И скажи: „Не сердись, о Кааба моя,
Эти строки взлелеял он сердцем одним!“

НАТАВАН, ХУРШИД-БАНУ

Натаван Хуршид-Бану родилась в 1837 году в городе Шуше. Она была дочерью Мехти-Кули-хана, сына последнего владетеля Карабаха — Ибрагим-хана Джеваншир. Хуршид-бану известна под именем „Хан-кызы“ (дочь хана). В 1872 году она организовала в городе Шуше литературный кружок под названием „Меджлиси-унс“. Члены этого кружка в творчестве своем подражали великим классикам — Низами, Физули и др. Скончалась Натаван на шестидесятом году жизни в городе Шуше. Большинство ее стихотворений написано в форме газеллы. В ее творчестве чувствуется влияние Физули.

СЫНУ МОЕМУ

Мой сын, разлуки злой огонь вздымается во мне.
Душа, как слабый мотылек, горит на том огне.
Как в каждой песне соловья тоска о розе есть,
Так в каждом возгласе души, гремющей в тишине,
Порыв печали и тоски и скорби о тебе
Звучит и в темноте ночей и в лучезарном дне.

Когда-то юноша Меджнун Лейли свою искал,
Так ищет и тебя моя безумная тоска.
Она, мечтая о тебе и о твоём лице,
Бредет по остриям камней, по водам и пескам.
И слава о твоей красе не сходит с уст моих,
Как не смолкает плеск волны у прибрежных скал.

И жил каменотес Фархад, и гору он долбил,
Чтоб за горой увидеть ту, которую любил.
И сотню неутешных лет в страданиях провел.
Ах, для того, чтоб ты, мой сын, опять дышал и жил—
Страдать не месяц и не год, а сотни тяжких лет,
Аббас, у матери твоей достанет верных сил.

О, как туманна жизнь моя, как дни мои длинны!
Не вижу солнечного дня и молодой луны.
Мне помнится цветущий сад, свидание с тобой,
Душа парила, как орел, в просторах вышины.
Но дикий вихорь крылья ей навеки надломил,
Любви моей не пощадив, не видя седины.

О, было б лучше, если б я всю жизнь была слепой,
Не любовалась бы твоей небесной красотой!
Как рано высох светлый ключ и кипарис увял!
И вот, мой мальчик, ты лежишь в земле, в траве густой.
И только камень говорит о том, что это—ты.
А солнце яркое горит над каменной плитой.

Увидеть бы тебя на миг счастливым женихом,
Чтоб ты, потупившись, глядел в смущении кругом.
Отдать бы очи навсегда за взгляд твоих очей.
Не может сердце ни на миг подумать о другом.
Живу я в тесном уголке печали и тоски,
И слезы Натаван текут прозрачным родником.

* * *

Я тайну скрываю в больной груди, близка моя смерть.
Любимый, меня испытать приходи, близка моя смерть.

Разлукой с тобою томима, не знаю покоя и сна,
На бедное сердце мое погляди, близка моя смерть.

Душа моя скорби своей не таит, близка моя смерть.
Она о беде своей всюду кричит, близка моя смерть.

А сердце, облитое кровью, горит как весенний мак.
И скоро оно, как цветок, облетит, близка моя смерть.

* * *

В весне красоты твоей — осень моя, близка моя смерть.
У ног твоих гнездышко сделала я, близка моя смерть.

Но ты, не щадя меня, твердо сказал: „Уходи!“
Ушла от любви я в чужие края, близка моя смерть.

Тебя не увижу, на очи спустился туман, близка моя смерть.
Чудесен твой облик и строен твой стан, близка моя смерть,

Меня, как тростинку, сгибает разлуки томительный гнет.
И в жертву тебе приносит себя Натаван, близка моя смерть.

* * *

Как я мечтаю, чтобы бог не создал землю никогда,
И чтобы нить моих дорог сюда не шла бы никогда,

И чтобы горе нашу кровь не леденило никогда,
И чтоб меня твоя любовь не оживляла никогда,

И чтобы жажда новых встреч меня не жгла бы никогда,
И чтоб разлука слабых плеч моих не гнула никогда,

Чтоб океанов и морей земля не знала никогда,
И чтобы слезы матерей не проливались никогда,

Чтоб неземной твоей красе не распускаться никогда,
И чтобы утренней росе не стыть на розах никогда,

И розам на земле моей не расцветать бы никогда,
Чтоб теплой кровью соловей шипов не красил никогда.

Чтоб о судьбе Юсифа мы и не читали никогда,
Чтоб ни колодца, ни тюрьмы не испытали никогда,

И чтобы сам Юсиф рабом в Египте не был никогда,
Чтоб он к Зюлейке в грешный дом и не стучался никогда,

Чтоб вздохов, горестей и ран не знало сердце никогда,
Чтоб сердце бедной Натаван не разбивалось никогда.

* * *

Печалью, горем и бедой рок окружил меня,
Тоской от милого вдали он наградил меня.

Творец вселенной, сколько раз просила я, чтоб ты
Иль с ним меня соединил, иль умертвил меня.

А ты, ушедший, сколько раз молила я—живи!
Вернись, взгляни, во что уход твой обратил меня.

Доколе плакать и стонать в разлуке горькой мне?
Подумай, сжалясь надо мной, ты не забыл меня?

Терпенья нет, покоя нет, нет сил в разлуке жить.
Достойно ль, чтоб кричала я, чтоб плач душил меня.

Как сил хватило у тебя меня не пожалеть?
Разлуке—адскому огню—ты уступил меня.

Прекрасны были дни с тобой, осталась я одна,
Жестокий, в траурный тюльпан ты обратил меня.

Слаба, беспомощна теперь больная Натаван.
Прекрасноликого я жду, чтоб навестил меня.

ФИАЛКА

Как небеса, ты расцвела, фиалка,
Ты все поля себе взяла, фиалка.
Зачем ты роскошь цветников отвергла,
Зачем поля ты предпочла, фиалка?
Ты шелестишь, как будто боль и старость
Ты в юности перенесла, фиалка.
В тебе весна влюбленность пробудила—
Любовь всегда грустна была, фиалка.
Мне кажется, что локонов любимых
Ты нежный запах донесла, фиалка.

Сеид-Азим Ширвани родился в 1835 году в городе Шемахе, в семье духовного лица. Когда Сеид-Азиму исполнилось семь лет, отец его Сеид-Мамед умер, и он остался на попечении деда своего Молла-Гусейна. Сеид-Азим получил образование на арабском и фарсиоском языках. Для завершения образования он отправляется на Восток, учится в Египте и Багдаде и получает духовное звание ахунда. Вернувшись на родину, поэт отказывается от духовного сана. Увидев все лицемерие, двуличие и ложь духовенства, Сеид-Азим чувствует отвращение к этой касте, вступает в непримиримую борьбу с ней. Сеид-Азим Ширвани вел большую просветительную работу, руководил основанной им в Шемахе школой нового типа. Сеид-Азим Ширвани относится к числу наиболее видных азербайджанских поэтов. В своих гезеллах он следует традициям классической поэзии, но в сатирических стихах Сеид-Азим изобличает и критикует религию, фанатизм и духовенство. На формирование мировоззрения Сеид-Азима оказала заметное влияние издававшаяся в 1875 году в Баку газета „Экинчи“ („Пахарь“), в которой он печатает свои стихи, зовущие к освоению русской и европейской культур. Скончался Сеид Азим в 1868 году в городе Шемахе.

К МУСУЛЬМАНАМ КАВКАЗА

(Гасан-беку Зардаби)

I

О Гасан-бек, ученый муж,
О воскресивший столько душ!
Мой друг, не приютишь ли ты
Сеида мысли и мечты?
Скорее, свет очей моих,
Прими и отпечатай их:
Чтоб век был ясен, чтобы он
Был до конца изображен!

II

Сыны Кавказа и вожди!
Привет вам из моей груди!
Всем, всем, кто доблести не чужд,
Кто не забыл народных нужд,
Всем благородным мой привет!
Когда в мужчине силы нет,
Он слабой женщины слабей!

Народ, молчание разбей!
Тут крик поможет, а не всхлип!
Народ Востока, ты погиб!
Мрачней, забитей с каждым днем—
О чем ты думаешь, о чем?
Печаль и горе — твой ответ!
Но где причина наших бед?
Невежество — вот корень зла!
Наука бы тебя спасла!
Я удивляюсь, о народ:
Когда к кому болезнь придет,
Он посылает за врачом,
А ты-то думаешь о чем?
Другие движутся вперед,
Идут в грядущее, а ты
Никак не скинешь темноты,
Не вырвешься из-под нее!
Где настоящее твое
И где грядущее? Ответь!
Ведь должен ты его иметь!
Но ты одну беду нашел:

Не более десятка сел
В любой провинции твоей,
Но боль звучит в зурне твоей!
Ахундов тысяч пятьдесят
Вслед за муллами в рай спешат!
И смотрят с радостью на них
Полсотни дервишей твоих!
Панегиристы — тот же счет!
Тебе, страдающий народ,
Сулят блаженство! Злая ложь!
Твоих отречьев не сочтешь!
Они сулят, а между тем,
Мы видим нищих тысяч семь!
Шуты, шуты и там и тут
Для гнусной ловли сеть плетут!
А ты, не ведая о том,
В нее со всем своим добром,
Слепец несчастный, угодил!
Суннит—он выбился из сил,
Браня шиита, а шиит
Суннита истребить спешит!
Нас губит, губит этот спор!
Другие вышли на простор,
Идут в грядущее, а ты
Никак не скинешь темноты,
Народ Востока!.. Если ж есть
Пяток толковых—что за честь?
Что делать в этой чаще им?
Вослед за хворостом сухим
Горят и влажные дрова!
Какие им искать слова,
Что делать им, скажи, о друг?
Открыты нам врата наук.
Открыты, но—увы!—не впрок:
Строй жаждущих не столь широк!
Хоть прежде трудно было нам
Увидеть мир сквозь всякий хлам,
Теперь дела пошли на лад:
Мир стал ясней. Уже хотят
Подняться люди в небеса!
Пар заменяет паруса!
Для обитателей земли
Другие времена пришли!
И только ты один, Кавказ,

Открыть не в состоянии глаз:
Вершишь ты старые дела,
Что старина тебе дала!
К примеру, если мудрый муж
Пытается развеять чушь,
Что бог в далекие века
Поставил землю на быка,
Что, если землю затрясло,
То в мухе коренится зло:
Бык отпугнуть ее хотел,
Взмахнул хвостом—и мир задел!
Так вот, когда ученый тот
Вселенной центром назовет
Одно лишь солнце и когда
Докажет людям, что беда
Не в этой мухе, а в парах,
Когда развеет сказку впрах,
Что при затмении луны
Мы будем все погружены
На веки вечные во тьму—
„Неверный“, закричат ему.
„В пророке усомнился он!“
„Шайтану подчинился он!“
Но почему? Невежды мы!
Не жаждем вырваться из тьмы!
Понять „Посланий“ не хотим!
Не верим светочам своим!
И шариат от нас далек!
И вся наука нам не впрок!
Забыли мы свою звезду!
Хотя способны мы к труду,
Сидим мы сотни лет подряд,
Затмивши лень твою, Багдад!
Сидим и, опустив губу,
Клянем, клянем свою судьбу.
Но „Труженик—сказал пророк—
Любимец бога“. Мой Восток!
Открой же, наконец, глаза!
Пойми, что высшая краса
В ученьи! Неуч—это скот!
Нас химия к добру ведет!
Она—могущества огонь!
А мы невежды—лень и сонь,
Печаль и скука нам сродни!

Но к нам пришли иные дни:
В Ширване школа есть у нас—
И радостей не счесть у нас!
Счастливые ученики
Тут изучают языки:
Фарсидский, русский, свой родной!
Мой друг, великою ценой
Дается это счастье нам!
Но верю я: моим трудам
Бесплодно не пропасть во мгле!
Ведь есть же правда на земле!
Быть может, к людям долетит
Мое посланье—и Муфти
С шейх-уль-исламом прекратит
Все споры сразу. Буду рад!—
Они же благородства клад!
Сеид, посланье оборви,
На помощь бога призови:
Муфти и наш шейх-уль-ислам
Помогут в школьном деле нам.

РАССКАЗ СТИХОТВОРЦА

(Отрывок из поэмы)

Лишь я успел на мир взглянуть —
Отец мой в рай направил путь.
Я назван был Сеид-Азим,
Сиротский путь невыносим.
По морю горестей и бед
Прошел четырнадцать я лет.
И вот, хоть был я сир и наг,
Не стал искать я в жизни благ.
Мне был убежищем Багдад,
Который знаньями богат,
Потом пути из Руми шли,
Они в Египет привели.
Я посетил Эсриб и Шам —
И там учился я, и там
Я над грамматикой сидел,
К наукам ключ найти хотел.
Постигнув тайны бытия,
С другими стал делиться я,
Но все шипели мне вослед:

„Смотрите: вот источник бед
Он утверждает, вестник зла,
Что, словно шар, земля кругла!
Что не аллах — подземный пар
Трясет, скопляясь, этот шар!
А центр вселенной и венец
Он видит в солнце, сей мудрец!
И точку высшую нашел
В девятом небе — сей осел!
Невежда, он безумцем стал,
Мятежным вольнодумцем стал!
Вода и воздух, говорит,
Друг друга принимают вид!
Бывают — он твердит потом —
Огонь водой, вода огнем!
Все это чудом из чудес
Он называет, сей балбес!
Что за кощунство, о аллах,
Забыл он о твоих делах!
Эй, ты, предатель мусульман,
Ведь это все внушил шайтан!
Покайся, вспомни шариат!
Тому ль учил тебя Багдад!
Что пользы от науки всей,
От философии твоей?
Да сгинет след ее во мгле!
Как много сказок на земле!
Преданий сладостных не счесть —
Поэту много дела есть!
Перескажи стихами нам
Сказание о Гюландам!
Любовь Бахрама восхвали,
Воспой Керема и Асли!
И пусть Гариб и Шахсенем
Воскреснут в лучшей из поэм!
И да возрадуется тот,
К кому твой дивный стих дойдет!
И скажет:
„Мастер, славен будь!
В столетья проложил ты путь
Святому дару своему!“
А все науки — ни к чему!
Нам ни к чему слова о том,
Как возникают день и гром,

Зачем и как возник народ,
И где начало зло берет!
О тайнах ведает лишь бог!
Пока для песен не оглох,
О славном Кёр-оглы в стихах
Сложи ты сказку, бисмиллах!"

ХАН И ДЕХКАН

Однажды весельчак-дехкан
Шел по дороге; видит — хан.
Бедняга, что же сделал он?
Отвесил грозному поклон!
А что же хан ему в ответ?
„С дороги, пес! Ты слышишь? Нет?
Ну, что уперся, как кабан?"

Счастливейший из всех дехкан
Почувствовал восторг в крови,
Расцвел, как роза в час любви,
Запел, как соловей в раю.
В лачугу бедную свою
Вошел с улыбкою. Жена
Воскликнула, удивлена:
„О ты, чей серп в руке худой
Блестит, как месяц над водой!
О ты, чье семя — жизни ключ,
Чей луч светлей, чем звездный луч —
Не медли, Расскажи скорей
Причину радости своей!"

И тот ответил:

„Нынче хан
Свершал прогулку средь полян,
Отвесил я ему поклон —
И, разума властитель, он
Со мною вдруг заговорил..."
„О ты, светило из светил,
Да может ли такое быть?
О чем же хану говорить
С тобою? Расскажи скорей
Причину гордости своей!
Открой сокровищницу мне!
Увижу ль, что лежит на дне?"

Но, неземным восторгом пьян,
Дехкан заважничал, как хан.
И, только наслаждаясь вполне,
Ответил он своей жене:
„Вот хана славного привет:
„С дороги, пес! Ты слышишь? Нет?
Ну, что уперся, как кабан?“
Да, так ко мне могучий хан
Благоволит. Велик аллах!
Ведь это высшее из благ!
Такая милость и почет
Да перейдут из рода в род!“

О ТАРЕ

Внимай, считающий себя в делах искусства знатоком,
О чем нам тара говорит и флейта нежным языком,
О чем стенанья говорят в обрубке дерева сухом —
Что ты покоя вдруг лишен и вдруг охвачен столбняком?
Какие тайны их томят, владеют каждым их ладком?

Зачем от тары музыкант не может грудь свою отвлечь?
Зачем у горьких бедняков она всю жизнь не сходит с плеч?
Зачем услышавший ее теряет ум, теряет речь?
Когда ты сможешь из ушей комок невежества извлечь,
Ты будешь счастлив, овладев непостижимым тайником.

Давид возрадует тебя высоким пением своим.
Ты сделай лестницей напев, чтоб к небесам взойти самим,
Не будь бездушным, притворясь не то глухим, не то немым,
Будь человеком, обратись к науке, к знаниям живым,
Что музыка, что музыкант — пойми, коль с ними не знаком!

О, наслаждение от певца! Оно — как Иисуса дух!
Воскресни! Музыку пойми, познай на вкус ее, на слух,
К высоким, к низким ли тонам не будь беспечным сердцем глух!
Коль ты умен, то презирай в своей судьбе любой недуг:
Сооруди себе хисар от всех невзгод, идущих в дом!

О музыка! Пусть в твой меджлис лишь сын гармонии войдет,
Чтоб сотни тайных увидать сооружений и красот.
Кто с наслаждением не в ладу, друзья, подобен камню тот!
И песнь Давида в мертвеца, конечно, страсти не вдохнет!
Но чуткий слушает певца, он долго в трепете потом.

Взгляни на лютню, бубен, саз, послушай арфы нежный звон,
Пойми поэзию ты в них, пойми гармонию и тон,
Будь прозорлив, пойми намек — ты, что небесных тайн лишен!
В волненьи флейта говорит: „Кумир!“ — и замирает стон.
В экстазе тара говорит: „Аллах!“ и дышит божеством.

Есть в каждом звуке — знания луч, любезного творцу, аскет!
Что тара инструмент греха — не говори, неправда, нет!
Вот виночерпий, вот вино — ведь это юности расцвет!
Сиянье истины в вине, с лица аллаха бьющий свет!
Ты в заблужденьи! За себя предстань с мольбой перед творцом.

Душа! Своих заветных тайн вовек не доверяй чужим.
Невежды — прочь! Не позволяй к бокалам прикасаться им!
Но мы сейчас не о вине — о милой таре говорим!
Сеид, проси Мехти, чтоб он помог жемчужинам твоим
У Керим-бека прозвенеть, в кругу почтенном, за вином!

СКУПЕЦ

Один шутник скупцу
Сказал, в душе смеясь:
„Я видел странный сон.
Скажи мне: „В добрый час!“

„Ну, что же, в добрый час,
Милейший человек!“
„Так знай: в твоём дому
Я съел во сне чурек!“

От ужаса в поту
Скупец спешит домой,
Вошел и развелся
С испуганной женой.

Узнав о том, Кази
Изрек: „Прогнав жену,
Ты, может быть, и прав,
Но докажи вину!“

„О праведный Кази,
Такой-то, имярек,
Посмел в моем дому
Сожрать во сне чурек!“

Я не могу простить;
Душа моя в огне!
Молюсь я о жене,
Во всем подобной мне,

Чтоб дом мой берегла
Надежней, чем замок,
Чтоб хлеб мой и во сне
Никто найти не мог!

Иначе — улетит,
Как пух, добро мое.
Мотовка! Вот за что
Я наказал ее!"

ВИНО

Муллу не ради райских благ тебя хулит, вино!
Одно лишь слово о тебе его пьянит, вино!

Нет, виночерпий, я готов твоею жертвой быть,
Но дай вина — пускай во мне всегда звенит вино!

О, не сжигай меня в огне желанья моего!
Налей — и молодость мою мне возвратит вино.

Пускай мулла для райских вод отрекся от вина,
Вовек не променяю я на тот кредит вино!

Пускай святоши в рай идут, пускай водицу пьют,
Земля и винный погребок — для тех, кто чтит вино!

Мне говорят: „Не знаешь ты, как милостив господь!“ —
И гонят в ад! Но внемлет им и пьет Сеид вино!

ВЕТЕРОК

Близ дверей моей любимой пролетая, ветерок,
Передай той алой розе, как страдаю, ветерок.

От разлуки пожелтел я, желтой розой стал теперь.
Дни и ночи об одной лишь я мечтаю, ветерок.

Сообщи ей, сладкоустой, как разлуки горек яд.
Передай, что без любимой жизнь пустая, ветерок!

Свет души моей похитив, засияла, как луна,
Та, что светит для другого — золотая, ветерок!

Поседела от печали и поникла голова.
Рад луноподобный идол, дева злая, ветерок.

Дни разлуки, как могила — и темны и холодны.
Дней подобных и гяуру не желаю, ветерок!

Посмотри, пылает сердце, словно мак, в моей груди.
Передай жестокосердной — я сгораю, ветерок!

Навсегда Сеид погублен, без возлюбленной Сеид.
Пусть пророк в своей гробнице это знает, ветерок!

* * *

Дни весны ко мне приходят без тебя — зачем, к чему?
Луг в цветах, ночные трели соловья — и все к чему?

Если б мог я черный локон поднести к своим устам!
Средь цветов ходить — о боже! так скорбя — зачем,
к чему?

Аромат кудрей желанных жадно жажду я вдохнуть,
Ароматов парфюмерных не любя — зачем, к чему?

Я тебя в мечтах лобзаю по ночам, луна моя,
Дев других красу и свежесть не губя — они к чему?

На свои грехи, отшельник, оглянись и прочь поди!
Люди, что грешат, торгуясь и грубя — нам ни к чему!

иночерпий опьянил нас и без красного вина.
Хмурым быть, усы с похмелья теребя, ах, ни к чему!

Часто курица соседа гусем кажется, Сеид.
Целовать чужих девчонок, не любя — мне ни к чему.

* * *

Шипучий бокал поднимая, о четках, душа, позабуди!
С людьми, что всегда лицемерят, намазы верша, ты не будь!

Певцов песнопеньям внимая, укройся в тени кабака.
Мечеть, где орут муэдзины, нас криком глуша, позабуди!

Рассыпаны четки, как зерна, в коварных корана сетях.
Души моей птичка, наивной, на зерна спеша, ты не будь.

Не дай верховодить имаму, в могущество бога не верь!
Не райские кущи — свобода одна хороша, не забудь!

Не будь меж людей раболепной, им под ноги падая ниц.
Цыновкой у входа мечети, прохожих смеша, ты не будь!

Не думай об ужасах ада, напрасно себя не тревожь.
Живущего в пекле страданий они не страшат, не забудь!

Душа! Стал кабак нашим раем и райским напитком — вино.
Елейные речи святоши не стоят гроша — не забудь.

Стихов моих смысл не усвоив, в кабак не спеши, о Сеид!
Беспечным и глупым кутилой, бесцельно греша, ты не забудь!

* * *

Мне бы песней встречать весну, но возлюбленной рядом нет,
Нет бокала в моей руке, и на сердце улады нет.

Нет, не петь мне, как соловью, над любимым цветком своим,
Той, что спорить могла б с весной драгоценным нарядом, нет.

Соловей, твой сентябрь прошел, вновь весна для тебя цветет.
Злая осень в душе моей, в ней конца листопаду нет.

Чуть раскрылся бутон цветка, соловей в нем любовь нашел.
Я, лицо разодрав, горю, я один — мне отрады нет.

Пуст карман, не купить вина, нет одежды, чтоб заложить.
Мне доверья и в кабаке, среди винного чада, нет.

Проповедник, зачем меня увлекаешь ты вечно в рай?
Райский сад мой — любовь моя, и в раю — лучше сада нет.

Стой, Сеид, ты себя в огне вздохов пламенных не сжигай!
Без любимой, чьи брови — лук, ничего мне не надо, нет.

ПРОПОВЕДНИК

Часто нам о свойствах ада распевает проповедник,
Так подробно, будто сам он там бывает, проповедник.

Восемь райских врат искусно в сотне глав он вам опишет,
Но от вашей двери вас же отгоняет проповедник.

Глаз кося на грудь красоти, нараспев коран читает,
Сам религии фундамент разрушает проповедник.

О святоша, опозорил ты мембер в своей мечети!
Ливнем лживых слез позора не смывают, проповедник!

Если в самом деле смел ты, откажись от лицемерья!
А трусливый—тот про честность лишь болтает, проповедник.

Превозносишь, восторгаясь, ты Али, бранишь Омара.
Пусть же он тебя за гробом обругает, проповедник!

Ты — сирот ограбил, нами — выпита вина бутылка.
Кто ж из нас поступок хуже совершает, проповедник?

Проклинай меня в мечети сколько хочешь — от проклятий
Частокол моих бутылок защищает, проповедник!

Чтить богов серебротелых ты не запрещай Сеиду,
Отвечай, тебе кошель мой чем мешает, проповедник?

ОТШЕЛЬНИКУ

Эй, отшельник, у красоти вьется локон, посмотри!
Как глядит она лукаво карим оком, посмотри!

Про себя вино ты славишь, отрицая вслух его,
Далеки дела от мыслей у пророка, посмотри.

В рай отправился покойник или в ад — тебе-то что!
Прикарманивать наследство больше проку, посмотри.

В рай попасть отшельник хочет, но, как женщина, хитрит.
Он, ханжа, туда втереться хочет боком — посмотри.

Чернокудрую красотку больше жизни я люблю.
Деньги платит за любовь он — дань пороку, посмотри!

Осужденным в ад Сеида ты, отшельник, не считай:
Для него врата открыты в рай широко, посмотри!

**АББАС СИХАТ
МЕХТИ-ЗАДЕ**

Аббас Сихат Мехти-заде родился в 1874 году в городе Ше-махе. Начальное образование получил в медресе. В даль-нейшем учился в Иране. Окончив там высшую школу, Аббас Сихат в 1901 году вернулся на родину и занялся педагоги-ческой и литературной деятельностью. Он владел русским, фарсидским, арабским и французским языками. Своими блес-тящими переводами Сихат знакомил азербайджанского читателя с лучшими образцами русской и отчасти евро-пейской поэзии. Впоследствии эти переводы он издал в сборнике под названием „Солнце Запада“ (1912). Оригиналь-ные свои стихи он опубликовал в сборнике „Ризбитый саз“. Примкнувши в 1906 году к буржуазно-националистическо-му журналу „Фиюзат“, он впоследствии отошел от него. Сихат сблизился с поэтом Алекпер Сабиром, способство-вал его росту и издал первое посмертное собрание сочине-ний Сабира. Умер А. Сихат в 1918 году.

ПОЭТ И МУЗА

Сладостен был майский вечер. Закатилось солнце, и несрав-ненный серебряный серп луны просквозил в темной листве дре-весной, озарил ближнюю поляну и речку. Одинокий поэт, дав-нишний созерцатель луны, приподнялся и промолвил так:

Поэт

Дни и годы не умел цели я найти,
Праздно по свету бродил, путался в пути.

Но чего желать, аллах? Ведомо ль тебе,
Как устал я, как скорблю о такой судьбе?
Иль взамен бесед с луной, сказок на лугу
Лишь отчаянье свое улаживать могу?
Но оглянемся кругом! Как прелестна ночь!
Надо скорбь свою понять, чтобы ей помочь.

И только он поднялся, вдруг видит, что молния осветила окрестность, и снова все потухло в глазах поэта. Но с недалекого холма спустилось видение прелестной девицы. Девица несла некий музыкальный инструмент, называемый цитрой, и так молвила поэту:

Муза

Мой возлюбленный, привет! Светел лунный луг.
Над тобою нежный лик. Не печалься, друг.
Цитру звонкую возьми. Близится весна,
Время песен и услад, неги и вина.
Поцелуй мои глаза в сумраке бровей,
Грудь высокую ласкай, тонкий стан обвей.
Пой, как прежде петь умел, встань, одушевься,
Полетим за облака, в голубую высь.

Поэт

Нет, любимая, я стар для любовных нег,
Я другой любви служу, та ушла навек.
Пусть горят глаза твои и уста влажны —
В доме детский плач, тоска и болезнь жены.
Тот раздет и необут, голоден другой.
Кредиторы рвут долги, я в петле тугой.
Ты велишь мне рифмы плесть, петь венчальный гимн?
Нет, любимая, прощай, уходи к другим.
Разлюбил я голос твой, позабыл тебя,
Потерял тетрадь стихов, юность загубя.

Муза

О неблагодарный друг! Где твой ранний дар,
Вдохновенье, блеск ума, вечно юный жар?

Поэт

Ты, вручая мне огонь, омрачила дух.
И любовь моя росла тайно, как недуг.

Потому-то я и стал жалким голышом,
А ведь мог бы торговать в лавке с барышом.
Почитаемый в кругу близких и родни,
Мирно кончил бы свои старческие дни.
Все твердили бы: Гаджи — имярек — хорош!
Мог бы стать еще муллой за народный грош,
Упоенно бы служил, как велит ислам,
Важен, ревностен, учтив, пел бы небесам.
Почитал бы свой коран, помнил каждый стих.
Но с тех пор как облик твой пламенный постиг,
Кто я? Нищий и банкрот, выжатый вполне...
Даже к собственным стихам страсти нет во мне.

Муза

В бренном мире нет судьбы равной по красе!
Человечьи судьбы — тлен. Рассмотрю их все.
Я дарю тебе весь мир, молодость дарю,
Душу песней затоплю и зажгу зарю.
Ты избавлен от обид, чист от мелочей,
Созерцаешь ад и рай, и слуга ничей.
Захоти лишь, я сольюсь навсегда с тобой.
Что ж ты жалуешься так, угнетен судьбой?

Поэт

Помню школьные года, алгебры урок.
Вдруг раздался тихий твой нежный говорок.
И сейчас же поднялись, облик изменя,
Скорпионы цифр и букв, чтоб терзать меня.
Шли недели. Я сходил медленно с ума.
Стал бродягой. Ты меня путала сама.
Я к ученью охладел, балагур и врун,
Все готовый потерять, кроме звонких струн.
Встречу девушку — и вдруг тень твоя встает.
Старый мусульманский мир в памяти поет.
Словно грузчика согнув, навалив мне кладь,
Приказала донести и не растерять.
Бич соседей-мусульман, обличитель зол,
Что я нажил? — ничего! Лишь врагов нашел.
Даже старая жена стала мне врагом.
Без копейки, без друзей и в долгах кругом.
Вижу: следует разбить звонкий мой кумир!

Муза

О любимый, не грусти! Краток бренный мир.
В вечной радости пари, крыльями гребя.
Человечеству служи и забудь себя.
С низким другом не водись, облаков жилец,
Ненавидь удел раба, вольности боец.
Я зову тебя вперед, дальше звездных сфер.
Там щедроты без границ, широта без мер,
Сонмы ангелов летят, крыльями гребя.
Пляшут гурии как встарь, пери ждут тебя.
Так спеши! За мной, со мной, глубоко дыши!

Поэт

О любимица моей конченной души!
Уведи меня отсель, протяни крыла.
Я устал от всех потерь, жизнь моя прошла.
Но оттуда, с облаков, с звездной высоты
Взглянем мы с улыбкой вниз, оба, я и ты...

И тут поэт в беспамятстве падает. Прелестное видение исчезло.
Над распростертым склоняется юноша в городской одежде и,
горько улыбаясь, как бы рассуждает сам с собой:

Горожанин

Ишь, разлегся весельчак, будто на кровать.
Кончил важные труды, бросил пировать.
Как он бледен, как он тощ! Как лицо мертво!
Труп живой иль гроб живой — вот портрет его.

Тут поэт открывает все же глаза и заявляет:

Поэт

Назови меня—Меджнун, впавший в скорбный бред.
О безумьи не забудь, дорисуй портрет.

Горожанин

Что ж, портретик недурен. Объясни мне, в чем
Заключается печаль, чем ты удручен?

Поэт

Стар, устал, убит нуждой.

Горожани

Встань, открой глаза.
Будь мужчиной и бойцом. Унывать нельзя.
Всякий, глядя на тебя, так же загрустит.

Поэт

Убирайся!

Горожанин

Слушай, друг! Это срам и стыд.
Время важное пришло. Будет горячо.
Если ты талантлив, смел, если жив еще,
Если совесть не молчит, не продажна честь,
Если сердце не кремень — встань! Работа есть!
Каждый, глядя на народ, жалостью горит.
Наша помощь — только долг. Этот путь открыт.

Поэт

Совесть, молодость, талант — все во мне мертво.
Не тревожь, прошу тебя, пепла моего.

Горожанин

Брось болтать. Ты жив, здоров, рослый человек,
Непохож на большинство, не в ряду калек.
Соплеменники твои стонут в кандалах.
Пытка мучит их тела, души губит страх.
Эй, гуляка и болтун, чем ты занял ум?
Душу продал кабакам, шлялся наобум,
Карты, нарды, домино, шахматы всю ночь,
Клубный звон, шашлычный дым — отмечаю прочь!
Разве ты не услышал родины своей?
Разве мать не вправе ждать милых сыновей?
Если матери беда, сын не смеет спать!
Подымись! Позор и стыд! Говорю опять.

Поэт

Понял. Ясные слова. Но к чему упрек?
Разве я боец и вождь! Разве я пророк?
Я беспомощный лентяй, бесполезный трус,
За великие дела даже не берусь.

Любит публика мои легкие стихи,
Много в них нарядных слов, пестрой чепухи —
Только дерзости одной, только силы нет.
Я не вождь и не боец, а простой поэт.

Горожанин

Можешь стилия не создать, гением не быть,
Несравненных редких слов нам не раздобыть.
Но поскольку ты поэт, встань, садись, пиши,
Вырви из народных недр, из людской души
Все, чем родина больна, чем горит в жару.
А не то ступай домой и одень чадру.
Муж-девчонка, шах-лакей, пожилой юнец,
Ты разбит параличом, разорен вконец.
В небе молнии рассыпь, бурю подыми —
Будь покоен: прозвучит песня меж людьми!

Поэт

Горожанин, ты мудрец и, наверно, прав,
Но, житейские дела плохо разобрав,
Счел отступником меня и лгуном назвал.
Посмотри: я сам в цепях, а вокруг — обвал.
Вечной истиной клянусь, честью и детьми,
Солнцем, небом и землей, я в цепях, пойми.
Совість шепчет мне слова в яростной красе,
Как на грех, они во рту застревают все.
Убежать? Но крут мой путь. Ноша на плечах.
Поневоле я в пустых песенках зачах.
Разве птицу понесет сбитое крыло?
Разве странно, что в слезах сердце изошло.
Есть последняя мольба даже у раба:
„Дай терпенья мне, творец“, — вот и вся мольба.

БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ

Брат мой, любимый товарищ и друг,
Горе и беды ты видишь вокруг!
Пусть же душа не томится твоя,
Знай — разожмутся тиски бытия.
Не ужасайся и, глядя вперед,
Верь в свою силу и в этот народ.

Пусть обнимает тирана тиран.
Мир изнемог от бесчисленных ран.
Пусть зацветет он рассадником зла,
Пусть попирают святые дела,
Пусть нас приказов железо сечет,
Пусть наша кровь по дорогам течет,
Пусть тирании несправедный гнет
Мудрых поносит, правдивых гнетет,
Знаю, поверь мне, что время придет —
Шедший к свободе свободу найдет.
Земли в один обратятся цветник,
Только любовь будет царствовать в них.
Полною чашей станет страна,
Горе и гнет уничтожит она.
В мире не станет ни зла, ни вражды.
В счастья и в солнце утонут сады.
Высохнет слез многолетний ручей,
Не будет виновных и палачей.
Брат мой, ты сказкой надежд не считай.
В будущем правду о них прочитай.
Взглядом окинь мирозданье. Оно
Тяжких мучений и пыток полно.
Темень со всех наступает сторон.
В черную кровь человек погружен.
В расприх, несчастьях народ изнемог —
В жизни он вытерпел больше, чем мог.
Очи подняв, наш печальный народ
Ищет весну эту, ищет и ждет.

ПРОСВЕЩЕННЫЕ МУСУЛЬМАНЕ

Хоть при случае он — мусульманин,
Он обманщик, и вид его странен.
Вот он шляпу „а ля гранд“ надевает,
„А ля шик“ по бульвару гуляет.
По-французски, по-русски лопочет,
А про турецкий — и слышать не хочет.
В понедельник, четверг и во вторник
Не „Гюнеш“ он читает, а „Морнинг“.
И без дела сидит в „Метрополе“,
В „Сан-Суси“ наедается вволю.
Днем он в час пробуждается еле,
Чай он пьет по-французски, в постели.

В три часа он „динэ“ себе просит.
В шесть часов ему кушать приносят.
Нахватался „месье“ „политесу“
И считает, что он уж профессор.
Фельетон прочитает в газете
И болтает обо всем белом свете.
Разговор он ведет от Гомера
Вплоть до Шиллера и до Бодлера.
В Канте, в Марксе „вкус он находит“,
А Гюго „для него не подходит“.
Зазубрил имена наудачу,
Чтоб наивных людей одурачить.
Все вокруг „дикари и скотины“,
Только он „просвещенный мужчина“.
Врун несчастный! Ничтожный и пьяный,
Он обходит всю ночь рестораны.
В кошельке его пусто бывает —
В том народ он тогда обвиняет.
Он обманет и ждет, без сомненья,
От обманутых дань уваженья!
Он от глупости скоро взорвется,
И дурак — кто с таким поведется.

МУЖЕСТВО АХМЕДА

В Черном городе, который словно трауром одет,
Где заводы, люди, камни и земля черным-черны,
К шуму, к грохоту привыкнув, отучась от тишины,
Жил давно иранец бедный, по прозванию Ахмед.
Он работал на чужбине, чтоб в Иране содержать
Брата, сироту-сестренку, да вдову — старуху-мать.
У Ахмеда вспухли руки, вспухли плечи от невзгод.
Он любил родную веру, родину и свой народ.
Посреди машин огромных изнывал он от труда.
Только мужество Ахмеда не слабело никогда.
Как-то утром услышал он, что газетчики кричат:
„Покупайте, посмотрите, пламенем Иран объят“.
Побелел он, взяв газету, и, волнуясь, стал читать;
Видит — вновь в газете пишут: „Разорен Иран опять“.
Шах вернулся из Одессы, деспот вновь в родном краю.
Показался мир Ахмеду тесным от горчайших бед.
„Так пойду и я, — подумал, выпрямляя стан Ахмед, —
От предателей проклятых защищать страну свою!“

В тот же день на пароходе он отплыл в родной Иран
И на родину приехал в стужу зимнюю, в туман.
Видит на селе, в деревнях только женщин и детей.
Убивают шахсеваны всех мужчин. Повсюду кровь.
Ханы, беки разгулялись, разорен крестьянский кров.
Это сделал волк иранский, шах вернувшийся, злодей.
Все разрушено... молчанье. На равнине — смерти след.
Зарыдал от честной злобы, видя родину, Ахмед.
Жизнь решил отдать Ирану, ту же пояс завязал,
К ополчению добровольцев по дороге зашагал.
Дул холодный снежный ветер, в облаках был небосвод,
Но Ахмед среди равнины доблестно спешил вперед.
Шел он около недели. Наконец, услышал вдруг
Из пустыни песнь Ирана, гром литавров, трубный звук.
Он заметил феодалов, боевой отряд в дыму,
Знамя красное увидел, радостно пошел к нему.
И, приблизясь, поклонился, взял блестящее ружье
И с отрядом через горы пробирался полный сил.
Узнавал он, помнил нивы, по которым проходил,
И однажды, обернувшись, увидал село свое.
У Ахмеда сердце громко застучало от надежд.
Он украдкой вытер слезы полами своих одежд.
Захотел он мать увидеть, был он с ней обняться рад,
Но боялся он, что может задержать его она.
Он шагал. Печаль большая на лице была видна.
Вдруг навстречу показалась шумная гурьба ребят.
Шли они послушать трубы, и Ахмед их увидал,
Он братишку дорогого посреди ребят узнал.
Подойдя к родному брату, грустно он обнялся с ним.
„Матери привет!“ — сказал он и пошел путем своим.
Молодой аскер немного в сердце утолил тоску.
Войско двигалось и скоро добралось до Фирузкю.
Ефрем-хан отряды шаха увидал перед собой.
До утра в огне и громе длился небывалый бой.
Люди падали, как листья, под сухим дождем свинца,
Поблелел Ахмед, и руки вздрогнули у храбреца,
Но слышалась команда, и от этих грозных слов
Он пришел в себя мгновенно, ощутил суровый гнев
И, рванувшись, через трупы зашагал вперед, как лев.
В этот день под перестрелкой он, аскер, был шесть часов.
С градом пуль неслись снежинки. Истомясь от тяжких ран,
Добровольцы отступали, но глава их, Ефрем-хан,
Вышел под огонь орудий неприятельских вперед.
„Я иду, — сказал он громко, — эй, товарищи, за мной!“

И Ахмед сказал: „Не стану никогда к врагу спиной“.
Федаисты в наступленье вновь пошли за свой народ.
Неприятель, бросаясь в бегство, потерпел большой урон.
И Ахмед сражался храбро, ран в бою избегнул он.
Но нашла Ахмеда пуля, прилетев издалека.
Облилась горячей кровью онемевшая рука.
Потеряв сознание, рухнул наземь он в крови густой.
Но окончился победой добровольцев долгий бой...
Вот покрыла поле битвы вновь весенняя трава,
Все ждала аскера-сына безутешная вдова.
У дверей, обняв колени, глядя вдаль, ждала его,
Спрашивала у прохожих про Ахмеда своего,
Вдруг увидела аскера, и глаза в слезах зажглись,
Мать и сын, сестра и братья — все друг с другом обнялись.

СЕБЯЛЮБЦАМ

Ты, быть может, очень умный купец
И в торговле искусный делец,
И никто твоих богатств не сочтет,
Но не видит в этом проку народ.
Если золотом полны сундуки,
А вокруг мусульмане-бедняки —
Я плюю тогда на славу твою,
На поместья, на богатство плюю!

Ты, быть может, знаменит, как Рустем.
Может, храбростью известен ты всем.
Земли ты и города покорил
И прославлен средь народов ты был.
Меч твой ужас всей вселенной несет,
Если ж он не защитит твой народ —
Я плюю тогда на доблесть твою,
На саблю и на храбрость плюю!

Ты, быть может, всюду мудрым слывешь,
Сладкогласно, может, песни поешь,
А в стихах тебе и равного нет —
Ты прекрасный, вдохновенный поэт,
Пусть с небес к тебе талант снизойдет,
Коль не видит в этом проку народ —
Я плюю тогда на мудрость твою,
На стихи, на песнопенья плюю!

Ты, быть может, искусен в ремесле,
В этом равных нет тебе на земле.
Пусть работа неустанно идет,
Но не видит в этом проку народ.
Бесполезен для народа твой труд —
Для тебя твои богатства растут.
Я плюю тогда на ловкость твою,
На искусства, на ремесла плюю!

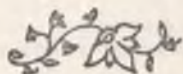
В библиотеках прочел ты много книг,
И премудрость всех наук ты постиг.
О тебе повсюду слава идет,
Но забросил ты, забыл свой народ.
Ждет давно тебя народ, отзовись!
Ты молчишь, тебя связала корысть.
Я плюю на всю науку твою,
И на славу и на знания плюю!

СТИХИ ПРЕКРАСНОЙ СВОБОДЕ

О возлюбленная! Прочь с лица покров!
Опьяни Медждуна, как Лейли!
Сладкоречьем оживится пусть Хосров,
Оживляй легенды, жажду утоли.

О свобода! О единственная цель!
Достоянье человеческой мечты.
Счастье, в мире неизвестное досель,
И красавица любимейшая — ты.

О, зачем ты убегаешь? Будь смелей!
Ты от нас не уходи, не торопись.
Нетерпением зажигаешь ты людей.
Так открой свое лицо и не стыдись!

Великий народный поэт Алекпер Сабир Таир-заде родился в 1862 году в городе Шемахе. Первоначальное образование он получил в шемахинском медресе, куда был отдан отцом. Огромное влияние на воспитание будущего поэта-сатирика имело сближение его с крупным поэтом-просветителем своего времени Сеид-Азимо Ширвани, открывшим в Шемахе школу нового типа. Под влиянием Сеид-Азима Ширвани, Сабир пишет свои первые стихи. Сабир совершил поездку по Ближнему Востоку. После смерти отца вернулся в Шемаху и принялся за мыловаренное дело, чтобы содержать свою семью. В Шемахе он знакомится с европейски образованным поэтом А. Сихатом. Первое стихотворение Сабир напечатано в газете „Шарк Рус“ в 1903 году. Второе значительное произведение напечатано в газете „Хаят“ в 1905 году. В этом стихотворении поэт обрушивается на поджигателей братоубийственной войны и призывает народы к дружбе и братству. С 1906 года Сабир принимает активное участие в сатирическом журнале „Молла-Насреддин“, пишет полные сарказма обличительные стихи против мракобесия, косности и эксплуатации. С этого времени имя поэта приобретает широкую популярность. Резкая критика основ существующего порядка подняла все реакционные силы против поэта-борца. В 1910 году Сабир переезжает в Баку и становится учителем фарсидского и азербайджанского языков в Балаханской школе. Здесь он близко знакомится с рабочим движением, пишет стихи, полные ненависти к эксплуататорам. Умер Сабир в тяжелых материальных условиях 12 июня 1911 года в городе Шемахе.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

(Обращение к нашим согражданам — мусульманам и армянам)

Когда идущий век единством сиян,
Когда благая цель не призрак, не обман
И в мыслях нет вражды, нет неотмщенных ран,
Кто родины сынов толкнет во вражий стан?
Откуда ж этот спор армян и мусульман?
Иль не рассеялся тот вековой туман?
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора поддержку нам друг в друге обрести!

Когда один сосед нуждается в другом
И мощь родной страны в содружестве благом,
Какой же дьявол злой стучится в братский дом,
Всплывет ли косность вновь?— Вот, оглянись кругом:
Резня по городам, убийства и погром...
Довольно! Пощади, аллах! Мы ждем, мы ждем...
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора собратьев нам друг в друге обрести.

А сеть коварных дрязг, возникших вдруг — взгляни!
То дело наших рук иль ваших рук? Взгляни!
Кто ссорит — друг армян иль наш он друг?— Взгляни
Все дело в косности, в одной — вокруг взгляни,
Во всем виновен гнет — вот наш недуг, взгляни!
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора нам спутников друг в друге обрести!

Народу правду дать, унылый стон прогнать!
Невежества закон, тупой закон прогнать!
Все мужество собрать, всю мерзость вон прогнать!
Всех сеющих вражду, всех сплетен звон прогнать!
Сабир! Возьмись и ты тяжелый сон прогнать!
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора нам родину друг в друге обрести!

БАКИНСКИМ РАБОЧИМ

Колесо судьбы побежало вспять—иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать — иди, гляди!

Но нельзя же допустить, чтоб во все совался он!
Чтобы там, где есть богач, пикнуть не боялся он!

Чтобы в силах был дышать и не задыхался он!
Чтобы драку за права затевал и дрался он!

Колесо судьбы побежало вспять — иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать — иди, гляди!

Эй, рабочий, ну за что должно уважать тебя?
Это кто же научил мысли выражать тебя?
Нет, голубчик, богачам нужно в руки взять тебя,
Чтоб ты кланялся за все, чем наделит знать тебя.

Колесо судьбы побежало вспять — иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать — иди, гляди!

Ты, богатый, берегись! Слышишь, не влезай в беду!
Пусть он правду говорит — ты себя имей в виду!
Не давай емудохнуть и единый раз в году!
Слава — славным, а нужда — обреченным на нужду!

Колесо судьбы побежало вспять — иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать — иди, гляди!

Не имеет он ума и не может приобрести:
Он же голоден всегда и безбожно хочет есть!
У тебя за шалью шаль, денег у тебя — не счесть!
У него же лишь чоха да кафтан в заплатах есть!

Колесо судьбы побежало вспять — иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать — иди, гляди!

Если хочешь молодцом ты на этом свете жить,
Беспечальным удалцом ты на этом свете жить,
Не гляди нужде в лицо, чтоб на этом свете жить,
Будь пройдохой, подлецом, чтоб на этом свете жить!

Колесо судьбы побежало вспять — иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать — иди, гляди!

Если горе видишь ты, отвернись ты от него,
Сироты не приласкай — пусть поплачет, ничего!
Начинаний — никаких! Добрых дел — ни одного!
Знай: к народу, к бедноте сердце богача мертво!

Колесо судьбы побежало вспять — иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать — иди, гляди!

ЭКИНЧИ

(Пахарь)

Притворясь угнетенным, не очень-то ной, экинчи!
Не прикидывайся ты лисичкой смешной, экинчи!

Что ни день, с извиненьями ты не торчи под окном,
Не склоняй головы, не шепчи, не кричи под окном,
По башке, по груди кулаком не стучи под окном!
Тон приличный усвой в разговоре со мной, экинчи!
Замолчи ты, холоп! Эй, не очень-то ной, экинчи!

Что тяжелый был год у крестьян — я совсем не при чем,
Что взошел вместо хлеба бурьян — я совсем не при чем,
Что погибли чалтык и баштан — я совсем не при чем!
Виноват же не я, а какой-то там зной, экинчи,
Замолчи же, проклятый! Не очень-то ной, экинчи!

Все твое достоянье попало под град — мне-то что?
Твой баштан унесла саранча, говорят — мне-то что?
Отдавал одеяла ты вместо денег — мне-то что?
Вот продашь ты палас, разживешься казной, экинчи!
Брось болтать, не хамя и не очень-то ной, экинчи!

Что работал ты много, но нечего есть — не тверди!
Если правда, что ты умираешь, то к чорту иди!
Нет пшеницы — из глаз доставай! Мне плевать на дожди!
Добывай мне пшеницу любой ценой, экинчи!
А не то разочтешься своею спиной, экинчи!

Не имеешь — так что же? Тебя я убью, но возьму!
Выву к чорту глаза и печеньку твою, но возьму!
Плетью голое тело твое обовью, но возьму!
Потолкуй о судьбе со своею женой, экинчи!
Замолчи, не болтай и не очень-то ной, экинчи!

Мне пшеницу подай и, как скромник, пшено ты глотай!
Слышишь, лед растопи и как будто вино ты глотай!
Яд — не камень, мой друг, и змею заодно ты глотай.
Не имеешь ты к мясу привычки дурной, экинчи!
Как животное жил и живешь ты, дрянной экинчи!

Человеческий облик лишь мне по достоинству дан.
Я потомственный бек — нет мне дела до всяких крестьян.
За обедом я пьян, и за ужином тоже я пьян!
Таково положенье мое под луной, экинчи!
Я ведь бек, а не пахарь, не червь земляной, экинчи!

ФЭЛЕ

(Рабочий)

Что ты втерся в общество, говори, не мели, фэле!
Что ты стал заносчивым, а сидел на мели, фэле?

Чуть мы смолкли — сразу же ты кричишь, дуралей!
Прямо в залу суешься, не стоишь у дверей!
С беками и ханами ты тягаться не смей!

Разве можно буйствовать при владыках земли, фэле?

Позабыв об усталости, поднимаешь ты шум.
Плюнув на приличия, прешься ты наобум.
И, гордясь отрепьями, ты, что твой толстосум,
К нам в папаху тычешься, весь в грязи и пыли, фэле.

Гляньте: рожа рожею! — и такие слова.
Погляжу на мерзостных — заболит голова!
Их у нас на родине сосчитаешь едва!
Эти толпы нищие к нам откуда пришли, фэле?

Разве был когда-нибудь человеком бедняк?
Поднимался на ноги перед беком бедняк?
Спину гнул, в подобие всем калекам, бедняк!
Был всегда застенчивым, видя бека вдали, фэле!

Время нынче новое — увядает наш рай!
Даже лапти требуют: равноправье давай!
Век настал безрадостный — хоть могилу копай!
Вдруг проснулись спавшие и глаза обрели, фэле!

Эй, фэле! Подсчитай дни и годы свои,
Расскажи ты равному про невзгоды свои,
Лучшей доли хочется — строй заводы свои!
Сумасброд отчаянный, ты поменьше скули, фэле!

Ищешь человечности? Так, но где ж твой сан?
За культурой тянешься — где богатство, смутьян?
Жаждешь ты величия, как какой-нибудь хан,
Где ж ковры персидские? Покажи, расстели, фэле?

Говоришь ты с наглостью — где ж бараны твои?
Где ж твои любовницы — Соны, Анны твои?
Где же собутельники? Где стаканы твои?
Где друзья-картежники? Где ты прячешь рубли, фэле?

Если б вам достоинство дал аллах, как и нам,
Он бы вам и денежек дал, как всем богачам,
Деньги — доля избранных! Ну, подумай ты сам!
Нет, в чохе заплатанной ты не лезь в короли, фэле!

Сколько вы с терзаньями ерунды нанесли, фэле!
К чорту! К бесу! К дьяволу! Убирайся, не зли, фэле!

ПРОДАЮ!

Молдаи! Пусть, как прежде, злословит народ.
Ничего, ничего, эта буря пройдет!
Объявление в журнале ты тисни, что вот
Шах персидский в лабаз покупателей ждет:
За бесценок я вещь не одну продаю,
Эй, барышники, даром страну продаю!

В магазине моем все идет нарасхват:
Вот твой кубок, Джэмшид, вот престол твой, Кубад!
Что вам? Подданных наших? Идемте на склад!
Кто-то нашей торговле, я вижу, не рад,
Наплевать! Не ковры и не хну продаю —
Эй, барышники! Даром страну продаю!

Что за толк мне в несчетных богатствах моих?
Только лишняя тяжесть на сердце от них!
Дед мой так не любил вод соленых морских!
Отступлюсь ли от предков моих дорогих?
Тегеран в ширину и в длину продаю!
Эй, барышники! Даром страну продаю!

Тегеран продаю, продаю Тегеран!
Пусть стоит над моею страной туман,
Пусть не утро, а ночь снизойдет на Иран!
Что мне шахский престол, если пуст мой карман?!

Сабзавар и Меям — не жену продаю,
Эй, барышники! Даром страну продаю!

Дом мой, тайны мои, и дела, и слова,
Честь и слава — от них лишь болит голова;
Это все распродать — вот мои же права!
Государство Каджар продаю я сперва,
А потом... Набивая мощну, продаю,
Эй, барышники! Даром страну продаю!

Конституция ваша сковала мой шаг,
От нее только звон ненавистный в ушах!
Много ль значит невластный над армией шах!
Вас и вашу семью и родимый очаг —
Все, припавши губами к вину, продаю,
Эй, барышники! Даром страну продаю!

ЖАЛОБА ЖЕНЩИНЫ

Ханбаджи, у меня разрывается грудь —
Я от горя и злости не в силах вздохнуть!
Я бы стала скорее прислугой скупца,
Чем супругой такого, как муж мой, глупца.

Я же в щель не заглядывала никогда,
Не текла во все стороны, словно вода.
Не болтала я глупостей в уши подруг
И не знала совсем, что такое супруг.

Было любо в отцовской земляночке мне:
Быть помощницей матери в разной стряпне,
Шаровары, чошу для отца заплатать,
Вшей у бабки встревожить, — одна благодать!

Я доила корову чем свет — и совсем
Не просила я помощи у Хансенем.
По нарядам, ох, нет, я не знала тоски,
Я любила по стенам лепить кизяки.

Мой отец — зеленщик, старый дед мой — столяр,
Брат мой — ткач, а вот дядюшка — тот мыловар,
Тетка наша гадала, а бабка пряла.
Так без грамоты наша семья и жила.

Дом наш полною чашею слыл на селе,
Сливки, сыр, простокваша — всегда на столе.
Этих пакостных книг мы не знали, поверь,
Ах, для них в нашем доме закрыли мы дверь.

Были мы как цветы, просто радость для глаз,
Ни учитель, ни школа не трогали нас!
И такого противного слова „тетрадь“
Мы не знали и вовсе хотели б не знать!

Вот в таком благочестьи я с детства жила
И стройней кипариса росла и росла.
Но случилась беда: обручили меня!
Вам казалось, что в рай вы впустили меня!

Я мечтала, что стану счастливой навек,
Что мой муж — настоящий, с умом человек.
Я не знала, что есть и такие, как он,
Что он зверь, хоть и женщиной бедной рожден.

Это... это не муж, а какое-то зло:
Ведь читать и писать для него — ремесло.
Это... это не муж, а поэт, будь он лих!
Не живет он и мига без писем, без книг.

Как могли перед богом вы так согрешить:
Мне с таким непутевым приходится жить!
Почитает, попишет, начнет бормотать,
Все бы новую книгу ему почитать.

То он пялит глаза, словно чем изумлен,
То как будто бы в обморок падает он!
То всю ночь до утра не ложится, не спит
И, точь-в-точь как сорока, о чем-то трещит.

А бывает и так, что он во-время лег,
Но лежит и мечтает — о чем же, мой бог?
Вдруг сорвется с постели и лампу зажжет —
И сидит голышом всю-то ночь напролет!

Так-то, вместо того чтобы крепко поспать,
Начинает он снова читать и писать.
Разве это огонь? Разве это угар?
Это просто какой-то безумный пожар!

Подала ему кушать — не ест ничего,
Сердцу, веришь ли, больно глядеть на него!
Очинил карандаш, взял бумагу, и вот
Вся бумага черна — полчаса не пройдет!

Хорошо ли ему, или скверно — забыл!
Стыд, усталость и бога он, верно, забыл!
И когда поглядишь в нашем доме на стол,
На постели, на полки, на ниши, на пол —

Всюду в комнатах наших бумага торчит,
И в кастрюлях и в чашах — бумага торчит.

Просто нету спасенья — лишь книги кругом,
Шкаф ли там, или сени — лишь книги кругом!
Говорю ему: слушай, я сохну с тоски,
Что ты там сочиняешь, держась за виски?

Поведенье твое разорило твой дом,
Деньги книгами стали — что будет потом?
Портишь книгами зрение, ты сбился с пути,
Хоть какой-нибудь выход ты должен найти!

Деньги, силы, здоровье ты губишь, мудрец!
Так и жизнь потеряешь свою, наконец!
Ты без места — и денег лишился совсем!
О, когда б ты, мой муж, провалился совсем!

* * *

Усни ты, курица, найдешь во сне зерна немало ты,
Молчи, голодная, орла в просторе не узнала ты,
Сидеть в курятнике не смей и на дворе ты не торчи,
Смотри, зевнешь — не избежишь хозяйского кинжала ты.

Ты не тверди: „Чурек, чурек“, как зангезурец, не шуми,
Но чем торгует хан и бек, должна узнать сначала ты.
Не надо слушать болтунов, что о самих себе кричат,
Как в трудный миг бегут они — на деле испытала ты.

И сладостных речей муллы должна ты тоже избегать:
Змеиною во рту муллы не видишь разве жала ты?
Так не гляди ж ты, нищета, на рожи этих богачей,
Скорее в саван! Ведь еще в могиле не лежала ты!

О них ни слова! Если ж ты захочешь вдруг увидеть их,
Взгляни на карты в их руках и на хрусталь бокала ты!
Дела, проделки, сделки их — один туман для глаз твоих.
Взглянула? Что же? Только спесь пустую увидала ты!

ПЛАЧ МУЛЛЫ

Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!
Наш народ — он невеждою был тогда...

Разобраться в правах не пытался он,
Революции не улыбался он,
Перед книгами не преклонялся он,
С темнотою в глазах и рождался он!
 Нам о косности кто-то бубнил тогда,
 Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Не пыталась пороков искать страна,
Нас увидеть желаньем была полна,
Зло добром научилась считать она,
Нам везде и повсюду росла цена,
 Нас почетом ислам окружил тогда!
 Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Все стонали, но пир не смолкал у нас,
Повелитель опоры искал у нас,
Друг-кутила с попойки икал у нас,
Со стола не скрывался бокал у нас,
 Праздник из дому не выходил тогда,
 Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Лицемерили мы — не видал народ,
Наконец, и делам наступал черед,
Но из нас ведь никто не шагал вперед,
Нас и наше вранье окружал почет.
 Нас народ с упоением чтит тогда,
 Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Только глупый держал на виду порок,
Наш карман бедняков на нужду обрек,
Грязный наш исцелял бедноту порок,
Раздувал над муллою звезду пророк.
 Темный дом наш Каабою слыл тогда,
 Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

За народ мулла вечно ратовал,
Как звезда путеводная, радовал:
Все, что бедный народ зарабатывал,
Клал в карман мулла и проматывал!

Бедняков я проклятьем клеймил тогда,
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Нынче стали мы все нежеланными,
Нынче выглядят люди шайтанами,
На аллаха пошли с ятаганами,
Скрылись прошлые дни за туманами.
Наш народ — он невеждою был тогда,
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

КРАСНАЯ БОРОДА

Ой, мама, с красной бородой старик —
Яхши лабазник, не простой старик.

Его глаза сурьмой подведены,
На голове не сыщешь седины,
Молитвы в лавке целый день слышны,
С умом и с любящей душой старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

В речах — суфист, привычками — мулла,
Как у мюрида, жизнь его светла,
Как у гаджи, у мешади — дела,
Во всех деяниях святой старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

По скромности ему подобных нет,
В походке легок, как во цвете лет,
С лица его как бы струится свет,
Степенный, скромный, золотой старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

Он говорит: „Послушай, мальчик мой,
Когда был жив отец покойный твой,
Вот в этой лавке он сидел со мной,
Какой барыш имел он, твой старик!“
Яхши лабазник, не простой старик.

„Отныне лавка будет вся твоей,
Что хочешь, делай: вдоволь кушай, пей,
Карманы лучшим кишмишом набей,
Всем счастьем делится с тобой старик!“
Яхши лабазник, не простой старик.

Такой мужчина — равных в мире нет!
Он говорит, лишь кончится обед:
„Сыночек, завтра приходи чем свет,
Не дай, чтоб изошел тоской старик!“
Яхши лабазник, не простой старик.

То проведет он по лицу рукой,
То поглядит в мои глаза с тоской,
То прижимается к щеке щекой,
То тихо говорит со мной старик,
Яхши лабазник, не простой старик!

ВАИЗУ

Ваиз! Работников пера клеймил, скажи, зачем?
Как туча темная, ты свет затмил, скажи, зачем?

Когда б народ неверным стал, ты в рот воды б набрал,
Но тех, кто понял твой обман, клеймил, скажи, зачем?

Разя анафемой воров, народ ты грабишь сам,
„Мир — суета“, а ты добро скопил, скажи, зачем?

Приснилось мне, что ты в раю средь гурий ликовал,
О совесть! Этот сон меня томил, скажи, зачем?

Брось лицемерие, Ваиз, пойми: оно — порок!
Об этом столько раз ты мне твердил, скажи, зачем?

Я вовсе лживости твоей не думал испытать,
Ты сам ее моей душе открыл, скажи, зачем?

О, не рассчитывай, что нас ты сможешь обмануть,
Но простодушных в сеть свою ловил, скажи, зачем?

Я НЕ ПОВЕРЮ

Я не поверю, что мораль твоя верна, святой отец!
Коли верна, пускай казнит меня она, святой отец!

Тебе религия нужна, чтоб грабить связанный народ,
Как блеск бандитского ножа, она страшна, святой отец!

Ты светлый мир не очернишь по образцу своей души,
Не перекрашивайся, нет, она черна, святой отец!

О, если б денег никогда ты за молитвы не взимал,
Ты б плюнул на свои труды, на все сполна, святой отец!

Не суй в глаза мне твой намаз, себя в работе покажи,
Забудь о хитростях своих! Им грош цена, святой отец!

* * *

Мой шах, венценосец, прославленный шах,
О, столько народов повергнувший в прах!

Когда ты изволишь спросить обо мне,
То рапорт прими, достоверный вполне.

В тот день, как мой конь повернул от тебя,
Дорогой к Тавризу направился я.

Хотел Саттар-хана я тотчас сразить
И кровью восставших поля оросить!

Желанье в душе клокотало моей —
Прогнать муджахидов с кровавых полей,

Мой конь быstroногий метался и ржал,
Я золотом шитое знамя держал!

И телохранители шли по бокам,
И каждый из них — современный Рустам!

Пехота потоком стремится вперед,
И словно из пропасти конница прет!

У всех на груди патронташи висят,
В руках револьверы и ружья блестят.

С протяжными флейтами трубы сплелись,
Победные крики уносятся ввысь!

Трещат и трещат барабаны в пыли,
На пыльных повозках мы пушки везли.

С такою вот помпой, с величьем таким
Я мчался путем незабвенным своим.

Со мною надежды на счастье неслись —
И вот, наконец, показался Тавриз!

Я трубам и флейтам язык развязал,
Лазутчикам в город войти приказал.

Мне это казалось пустячным из дел,
Но мне подчиниться никто не хотел.

Тогда, разъярясь, повелел я войскам
Палить с трех сторон по проклятым врагам!

Открыли огонь — ужасающий вид!
Казалось: он с неба на землю летит!

Пришлось бунтарям кое-что испытать:
Четыре убитых и раненых — пять!

Взглянул Саттар-хан и, свирепый в бою,
Как молнию, выхватил саблю свою:

„Сюда, муджахиды! Герои, сюда!
Докажем, что в жилах у нас не вода!

О, если последний остался нам час,
Докажем, как мил он и дорог для нас!

Единственный, грозный, он должен решить —
Дано ли нам снова народу служить!“

И вдруг всколыхнулся воинственный стан,
И вот что услышал в ответ Саттар-хан:

„Зачем умирать? Мы пойдем убивать!
А сгинем — и гибель для нас благодать“.

Тогда-то из города вышли враги,
Я с ужасом слушал проклятых шаги!

Шаги муджахидов! Дышал я с трудом —
Их топот казался мне страшным судом!

И вдруг на колени упали они,
И клятву священную дали они!

И смолкли, и встали, в лице изменясь.
О боже! И так налетели на нас,

Что в страхе попятись наши войска!
Не знал я, что наша погибель близка!

Такого позора не ведать бы впредь —
Я издали даже боялся смотреть!

А хан! Что за хан! Этот голос! И взор!
Бунтарь — и такой беспощадный напор!

В испуге возвел я глаза к небесам!
Я плюнул на войско — ведь гибну я сам!

Я думал о жизни бесценной своей,
Решил я на гору взобраться скорей.

О, как я отважно туда поднялся!
О, что я узрел? Описать мне нельзя!

Когда бы стоял ты бок о бок со мной,
И ты б любовался подобной войной!

Как заяц, бежала могучая рать!
Я звал: „Продержитесь! Зачем удирать!“

Я звал, но никто в эти просьбы не вник:
Глаза государства ослепли в тот миг!

Раздавлено войско! О горе и срам!
Все ружья и пушки достались врагам!

Я понял, что плохи дела у меня,
Но все же надежда была у меня:

Я двадцать казаков на помощь призвал
И с ними, душой отдохнув, ускакал!

Вот так с муджахидами кончился бой!
В моем донесении я весь пред тобой!

Мой шах! Что изволишь теперь повелеть?
Ни денег, ни жизни не стану жалеть!

Хоть конь мой устал и хромает сейчас,
Готов я исполнить любой твой приказ!

ПРАВЕДНИК

Еще при жизни цель свою осуществить — его мечта.
К блаженствам рая протянуть хотя бы нить — его мечта.

Едва заснув, уже в раю гылманов обнимает он.
И в час молитвы подремать, во сне побыть — его мечта.

Балбес, он думает, что рай похож на город Бухару,
И с мальчиками поболтать и пошалить — его мечта.

И это стало, наконец, причиной всех его молитв,
Людей и бога обмануть, перехитрить — его мечта.

Аллах, что ищет он во сне, пусть наяву он не найдет:
Все, все, что за год намолил, в минуту сбыть — его мечта.

Готов свернуть он коврик свой, готов он четки отшвырнуть,
Но радости весельчаков сперва вкусить — его мечта.

Увы, мой праведник узнал, что есть в неверьи элексир,
И элексира в свой намаз хоть каплю влить — его мечта.

ПЛАЧ

Зачем должны мы замечать пустой, холодный взгляд, аллах?
Зачем голодным помогать — пускай себе скулят, аллах?

Пускай душа течет из глаз — не нам в глаза заглядывать?
Имеют руки — кто же им мешает зарабатывать?
Он будет есть — а ты изволь деньги свою выкладывать!
Нет, голодая, умирать им лучше во сто крат, аллах!

Мне о таких вещах ни-ни! Скорей воды возьмите в рот!
Ох, нет мне дела до того, что вымирает мой народ!
Творец-кормилец видит их и позаботится, спасет,
Но тошно мне на них взирать, они меня мутят, аллах!

Не от газетчиков ли нам такое наваждение?
Чуть что случится, голоса они до истощения!
Помочь несчастным беднякам — ну, что ж, мое почтение!
Но деньги, деньги рассылать — да это же разврат, аллах!

Ты что ж, проклятый, на всю жизнь связался с этим бедняком,
Ну, что ж, он брат тебе иль друг, иль ты случайно с ним знаком?
Что деньги мне дороже глаз, — ведь знать не знаешь ты о том?
Свое богатство раздавать нельзя же всем подряд, аллах!

Скажи, зачем к моим дверям бедняк прокладывает путь?
Пушай палас, чогу продаст, чтоб я спокойно мог уснуть!
Свою я щедрость покажу в другое время как-нибудь!
Вай, вай! Тому, другому дать — ведь нужен целый склад, аллах.

Ты все с газетою своей к чужому рвешься золоту!
Чем упрекать меня, узнай, к чему привык я смолоду!
Отдам я деньги беднякам — что ж Анна? гибли с голоду!
Но разве Анна — Хансенем, чтоб кланчить с нищим в лад, аллах?

КУРБАН БАЙРАМ

У толстопузого байрам —
ай байрам!
У бревношеего баран —
ай баран!

А миллионщик потерял
счет пирам!
Они едят, Халилуллах,
в честь тебя!
А бедняки глядят, аллах,
в честь тебя!

Соседи вышли, как всегда,
на порог.
У них и нация одна
и пророк.
Но бог на разную судьбу
их обрек:
Один богат, Халилуллах,
в честь тебя,
Другой поестъ бы рад, аллах,
в честь тебя!

Сын одного идет гулять —
разодет!
И может галстук удивить
целый свет!
Отца в неистовство привел
пустоцвет,
Глаза блестят, Халилуллах,
в честь тебя!
А бедный без денег, аллах,
в честь тебя!

Смотри, смотри, Гаджи-Пири
к нам идет,
Он даже кости беднякам
не дает,
Сосед-бедняга с пальца грязь
лишь сосет!
Гаджи пузат, Халилуллах,
в честь тебя!
Распухнет он стократ, аллах,
в честь тебя!

„Гаджи,— сказал я,— хоть одно
соблуди:
Подумай, что скупого ждет
впереди?
Бараньи шкуры в радость школ
обрати:
Согрей ребят (Халилуллах,
в честь тебя!)
Зимой они дрожат, аллах,
в честь тебя!“

„Приметы нет,— Гаджи в ответ
молвил тут:
Отдам, а женщины меня
засмеют.
Во что тогда они квашню
завернут?
Отдать я рад, Халилуллах,
в честь тебя,
Но пусть в дому лежат, аллах,
в честь тебя!“

ТАКАЯ СЛАДОСТНАЯ ЖИЗНЬ

В одном кармане — векселя,
В другом — рубли, рубли, рубли.
Такую сладостную жизнь,
Аллах, продли, продли, продли!
И пусть для родины моей
Часы последние пришли,
Такую сладостную жизнь,
Аллах, продли, продли, продли!

О, если вереница гор
Ко мне с поклоном подойдет
И у голодных из очей
Забьет поток соленых вод,
Я не сморгну — я погляжу,
Растет ли в кассе мой доход,
Такую сладостную жизнь,
Аллах, продли, продли, продли!

Пусть будет родина в крови
Подобной маковым полям,
Тиранов гнет и братьев кровь
Не потревожат сердце нам,
Но предадимся мы вполне
Веселью, радости, пирам,
Такую сладостную жизнь,
Аллах, продли, продли, продли!

Сейчас ни крошки не подам:
Богатству полнота нужна!
Затем, что в мире каждый час
Одним деньгам растет цена.
К чертям! Пусть нации моей
Не будет будущность дана,
Такую сладостную жизнь,
Аллах, продли, продли, продли!

Где нашей нации права?
Где слава? Где ее расцвет?
Как быть? Ни уваженья к ней,
Ни голоса у бедной нет!
Мне стать игрушкой этих слов?
К чертям! — Последний мой ответ!

Такую сладостную жизнь,
Аллах, продли, продли, продли!

Короче, слова „совесть“ нет!
Его за шиворот — и вон!
Меня не тронет никогда
Каких-то там голодных стон!
Душа тогда лишь расцветет,
Когда ты скажешь: „Миллион!“
Такую сладостную жизнь,
Аллах, продли, продли, продли!

НЕВОЗМОЖНОЕ

„Ослепни!“

„Ну, что же! Я это могу“.

„Молчи!“

„Я согласен всю жизнь — ни гу-гу!“

„Не слушай!“

„Прекрасно. Я уши заткну“.

„Не смейся!“

„В слезах я проснусь и усну“.

„Не думай!“

„А это, прости, ерунда!

Об этойкой просьбе забудь навсегда!

Еще б ты сказал: головы не иметь!

Велел бы соломе в огне не гореть!

Оставь же подобные шутки с огнем —

Не злись — и свободней мы оба вздохнем!“

ДЕНЬГИ

Возможно ли нам простаку втолковать что-нибудь?

Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

О деньги! Душа моя сызмала предана вам,

Что дивного в том, что я жив поклоненьем деньгам?

Без вас не бываю ни пирам, ни веселым денькам!

Смогу ли без вас я людей убеждать как-нибудь?

Возможно ли нам простаку втолковать что-нибудь?

Растет моя гордость и отданный в рост капитал!
Растете вы, деньги — и вес мой как будто не мал,
Не раз при молитве от Мекки я взор отвращал,
Но взор мой от вас я смогу ль оторвать как-нибудь?
Возможно ли нам простаку втолковать что-нибудь?

Я грабил народ — и совсем захирел из-за вас,
Сундук не закрыт — ну и сам не смыкаю я глаз!
„Забудь о деньгах! — говорят мне, — наешься хоть раз“.
Но разве безумцу любовь обуздать как-нибудь?
Возможно ли нам простаку втолковать что-нибудь?

Нужда не про нас, нам знакома чеканка монет!
Без денег и славы у самого славного нет,
Ты, сердце, гори, испытай ты хоть тысячу бед,
Но можно ль деньгам на костре побывать как-нибудь?
Возможно ли нам простаку втолковать что-нибудь?

НОВРУЗ

Ты богачам веселый зов, Новруз!
Ты закадычный друг купцов, Новруз!
О праздник нации моей, зачем
Ты стал страданием бедняков, Новруз!

НЕ БУДУ КУКАРЕКАТЬ

Мне показалось, что рассвет заалел —
Как птица утра, я вскричал наугад,
Но острый камень вдруг разбил мне крыло.
Так вот пророческих трудов результат!

Теперь, увидя в небесах ястребов,
К себе во дворик я бегу поскорей.
О камень, больше не лети ты в меня,
Хоть за цыплячий голосок пожалеи!

О ястреба, зачем пугать вам меня?
Парите в облачном своем серебре!
Навек я предоставил вам небеса,
А я гуляю у себя во дворе!

Цыплятки, милые, зачем вы в слезах?
Ну, перестал я всякий шум поднимать,
Не кукарекать я даю вам обет,
Но разве я не буду вас понимать?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Темнота кругом, дитя, ляг, усни ты, не проснись,
Сон неведенья от глаз не гони ты, не проснись.
Бай, бай, малый, бай, бай,
Спи, отсталый, бай, бай!

В пробуждении твоём дней без гроз — не может быть,
Как во сне, счастливых грез, сладких грез — не может быть,
Чтоб неспящий не познал горьких слез — не может быть,
Одеяло выше глаз натяни ты, не проснись!
Бай, бай, малый, бай, бай,
Спи, отсталый, бай, бай!

Ах, открыв глаза, кругом лишь беду увидишь ты,
У народа скорбь одну и нужду увидишь ты,
Горя, зла, страданий, мук череду увидишь ты.
Под подушку — головой! В эти дни ты не проснись!
Бай, бай, малый, бай, бай,
Спи, отсталый, бай, бай!

А проснешься, берегись, это злой обман, засни!
Живо опий разыщи, выкури кальян, засни!
Если правый бок устал, ты на левом, пьян, засни!
Все привычки, до одной, сохрани ты, не проснись!
Бай, бай, малый, бай, бай,
Спи, отсталый, бай, бай!

Сон твой — свет очей твоих, ты держи его у глаз,
Не терпи, чтоб он от глаз улетал хотя б на час.
Ты в беспамятство вступи, чтоб совсем забыть о нас!
И глазком на шумный мир не взгляни ты, не проснись!
Бай, бай, малый, бай, бай,
Спи, отсталый, бай, бай!

* * *

Этой тайны никак я открыть не могу,
Я без разума попросту жить не могу.

Вот теленок — и тот вырастает в быка,
Я же малой надежды свершить не могу.

Говорят: „Замолчи, постыдись говорить!“
Но за правду себя устыдить не могу.

Если видят глаза и работает ум,
Солнца в небе не знать, не любить не могу.

Словно горный поток, слезы бедных текут:
Нет лачуги, и слез осушить не могу!

Говорят: „Надоел. Не мели чепухи!“
Но печали своей я убить не могу.

Говорят: „Непоседа!“ Но я же бедняк:
Не трудясь, и гроша раздобыть не могу.

Говорят: „Бестолковый! Замолкни, умри!“
Это правда, мой друг! Как я в мире ни быюсь,
Но другими путями итти не могу!

ИСТИНА

Если б каждый правдой жил, лживый перестал бы лгать,
И растерянный народ смог бы что-нибудь понять.

Если бы милая была постоянной, от нее
Не пришлось бы жениху, как от бедствия, бежать.

Если б действия словам отвечали до конца,
То народ бы столько слов не пытался проверять.

Если б правду правдой звал праведник и ложью — ложь,
То солгавший, устыдясь, не сказал бы лжи опять.

Если б ради личных дел нам не пели баю-бай,
Сон невежества от глаз мы сумели б отогнать.

Если б смолкли болтуны и не раздували щек,
То горящая свеча продолжала бы пылать.

Если бы проклятий гром на правдивых не летел,
Разве стали бы они мысли верные скрывать?

ДИТЯ

Бредешь ты с сердцем, плачущим навзрыд, мое дитя!
Слезою каждый твой сухарь омыт, мое дитя!
Кто боль твою и честь не оскорбит, мое дитя?
Я не запомнил всех твоих обид, мое дитя!

Когда бы твой народ в тебе грядущее ценил,
Национальную тебе он школу бы открыл.
Об этом благе твой народ, увы, пока забыл!
Кто дарование твое в родной земле зарыл?
Кем юношеский пламень твой убит, мое дитя?
Бредешь ты с сердцем, плачущим навзрыд, мое дитя!

Жемчужина в грязи! Тебя не воскресить пока,
Нет, нас не научил ислам тебя ценить пока!
К попойкам, кутежам, ко сну мы знаем пруть пока,
И каждый пожирней кусок спешит схватить пока!
Жемчужина для них не заблестит, мое дитя!
Бредешь ты с сердцем, плачущим навзрыд, мое дитя!

Нет, тот не прав, кто о твоих грехах всегда твердит,
Пускай за это не тебя, а нацию винит!
Когда бы родиной ты был воспитан, а не бит,
Ребенок, взял бы ты суму? Ты плакал бы навзрыд?
Тебя ничья нога не пощадит, мое дитя!
Бредешь ты с сердцем, плачущим навзрыд, мое дитя!

Надежда родины моей, печален твой удел:
Еще никто твоей душой заняться не хотел!
О чем ты думаешь? В какой шагаешь ты предел?
Я, глядя на тебя, всегда твоей тоской горел!
Твой каждый шаг тебя на дно стремится, мое дитя!
Бредешь ты с сердцем, плачущим навзрыд, мое дитя!

О нация! Позор и стыд — подумай ты сама! —
Беспечной быть, когда кругом стоит такая тьма!

Дитя мое! Пускай храпят! Зачем стучать в дома?
Навек осталось нам одно: мне — скорбь, тебе — сума,
И я, как ты, унижен и забыт, мое дитя!
Бредешь ты с сердцем, плачущим навзрыд, мое дитя!

МОЯ ДУША

О птица величья, душа моя, вдаль,
Как доблесть моя, воспарь, унесись!
Лети, подымайся в бессмертную высь,
А в теле моем обитает печаль.

В обители этой ты будешь пылать,
Ты только для муки останешься в ней:
Не дашь исцеленья печали моей,
Прекрасная, станешь сама горевать!

Покинь это тело! Ведь это не я!
Тебе не под силу разлука со мной?
Родная, но я же возлюбленный твой,
Но я — это ты! Ты навеки моя!

Уйдешь ты — я вслед за тобою уйду!
Но в немоющем теле я пленник, увы!
Враги! Моей смерти не радуйтесь вы:
Я только со всею землей пропаду!

Мы счастья, душа, на земле не нашли!
Но каждый в конце непреложном найдет
Кладбище твое, человеческий род —
И в землю опустится горстью земли.

А если уйду — ты, что пела в крови,
Свобода, разлейся, как пламя зари!
Свобода великая, вечно гори!
Свобода — красавица, вечно живи!

**II
ОТДЕЛ**

**НАРОДНЫЙ
ЭПОС**

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЭПОС

Азербайджан — страна ашугов и богатейшего народного эпоса, «создававшегося на протяжении многих столетий. После „Китаб Дедэ-Коркуд“ основное место в народном эпосе Азербайджана занимает „Кёр-оглы“. Создание дастана „Кёр-оглы“ относится к концу XVI века. Этот эпос имеет широкое распространение в народе и сохранился во многих вариантах. В дастане описано около десяти походов легендарного азербайджанского ашуга — наездника Кёр-оглы.

Дастан переведен на многие языки, в том числе на русский и английский. Русский перевод был сделан в середине XIX века и впервые опубликован в газете „Кавказ“.

„Ашуг Гариб“ также является одним из старинных азербайджанских эпических произведений. М. Ю. Лермонтов во время ссылки на Кавказ, находясь, вероятно, в Шемахе, дал первую запись этого замечательного азербайджанского эпоса, переработав его в известную сказку „Ашик-Кериб“. Текст этого дастана в различных вариантах публиковался несколько раз, в частности, в „Сборниках материалов по описанию и изучению племен и местностей Кавказа“, а также отдельным изданием в Тбилиси и Баку.

„Асли и Керем“ является ярким выражением интернациональных мотивов в азербайджанском народном эпосе. Имеется ряд вариантов дастана „Асли и Керем“.

Кроме этих дастанов, азербайджанский народ создал целый ряд других очень популярных, ярких и красочных эпических произве-

дений. Особенно популярны: „Шах-Исмаил“, „Курбани“, „Пери-ханум“ „Диварганлы Аббас“, „Качах-Нэби“ и другие.

Азербайджанские дастаны имели большое влияние и на другие области искусства (опера „Шахсенем“ композитора Р. М. Глиэра, „Кёр-оглы“ композитора У. Гаджибекова, „Шах-Исмаил“ М. Магомаева и пр.).

В антологии даны только отдельные песни из дастанов, которым предпослано очень сжатое и краткое изложение сюжетов.

Отца Кёр-оглы звали Али. Он пас табуну коней, принадлежавших паше. Однажды видит: выходят из моря два чудесных коня, врываются в табун — и опять ушли в море. От этих морских коней родились у простых кобыл два жеребенка.

Раз приехали к паше из далекой Индии гости. Вызвал паша своего табунщика и приказал привести лучших коней для дорогих гостей. Али был знатоком коней и привел к паше невзрачных с виду и хилых жеребцов, рожденных от морского коня. Увидел это паша, разгневался, приказал палачу выколоть табунщику глаза, привязать ему к рукам этих невзрачных жеребцов и угнать в поле.

Вернулся слепой Али домой, встретил его сын Ровшан. И решил Ровшан отомстить властелину.

Пошла в народе молва о Ровшане, стали его с той поры называть сыном слепого — Кёр-оглы.

А жеребцы, неугодившие паше и индийским гостям, выросли в могучих и быстроногих коней. Не раз спасали они Кёр-оглы от близкой смерти. Назвал их Кёр-оглы Гыр-ат и Дур-ат.

И вот слава Кёр-оглы гремит по всему миру. Певец и воин, Кёр-оглы собирает вокруг себя всех обездоленных и угнетенных.

Встретил как-то Кёр-оглы красавицу Нигяр и всей душой полюбил ее.

Но Нигяр не отвечала на любовь героя. Кёр-оглы — славный богатырь, но ведь отец его бедный, слепой конюх.

Проходила она мимо, не отвечая на привет богатыря. И обратился к ней Кёр-оглы с песней:

На мой „салам“ — ни слова ты,
Он должен наказать тебя!
Ашуг без денег, без добра —
О, как мне в жены взять тебя?

На склонах гор ты мне видна,
Ты всех пьянишь сильнее вина,
Как лист бумаги ты нежна,
Пером не описать тебя!

Казна? А мне на что казна?
Тебя не приведет она!
Но только сила мне дана —
На Ченли-бель забрать тебя!

Какой горы ты снежный дар?
Какого сада нежный дар?
Подруга Кёр-оглы, Нигяр!
Не смеет мир не знать тебя!

Так пел Кёр-оглы. Решил он подвигами завоевать любовь Нигяр. Удалось ему это! Увез он девушку в свою крепость Ченли-бель.

Опять Кёр-оглы идет воевать. Слава его гремит по всему миру. Нападает он на купеческие караваны, а поймать его нельзя. Встретил Кёр-оглы однажды багдадских купцов. Глава купцов дрожит перед ним, а Кёр-оглы смеется и поет:

Подойди, дружок, стой, глава купцов,
Отдавай должок — и счастливый путь!
Крепости разнесу, не пощажу дворцов.
Наложу оброк — и счастливый путь!

Я умею прыгать с высоких скал.
Где понравилось мне стоять, я стал.
Где хотел я, там я тебя застал.
Отдавай мне долг — и счастливый путь!

Плачь, кляни судьбу свою, вой, как волк!
Кёр-оглы не прост — в деле знает толк:
Я копьём обмерю твой холст и шелк,
Завяжу тючок, и счастливый путь!..

Уже дошла слава Кёр-оглы до Эрзерума. В Эрзеруме Теллиханум заглаза влюбилась в Кёр-оглы. Знаменитого эрзерумского певца Джунуна спрашивают, где Кёр-оглы живет, что он за удивительный человек. И певец отвечает:

Гора Ченли-бель — крепость его и дом.
Тысячи храбрых собрал под крылом Кёр-оглы.
Он свергает царей, он гроза купцов.
Их бархат и шелк мерит копьём Кёр-оглы.
Купцы Индостана и греческие купцы
Приносят подарками дань в дом Кёр-оглы.
Пурпур, обшитый бархатом по краям,
Покрывает поднос с подарками для Кёр-оглы.
Крикнет: „Наш!“ — и нет войска врагов.
На седлах висят яблоки мертвых голов.
Полтыщи барашков уходят на званный плов.
Жир и белый лаваш кушает рать Кёр-оглы.
Певец Джунун пусть придет, как домой, сюда.
Побратается, даст обет и живет года.
Пусть он женится здесь, останется навсегда,
А не то — эти горы в пыль разнесет Кёр-оглы.

Случилось так, что в одной из битв отважные молодцы Кёр-оглы попали в плен к Халил-паше в Баязете. Среди них был любимый друг его Эйваз. Узнал о том Кёр-оглы в Ченли-беле. Плачет красавица Нигяр, вспоминая Эйваза, Кёр-оглы успокаивает ее обещанием спасти друга из плена. Вот как поет он, утешая Нигяр:

Мне сердца больше не терзай!
Не плачь, Нигяр моя, не плачь!
Я кровь свою готов отдать,
Не плачь, Нигяр моя, не плачь!

Я все страданья перенес,
Я видел кровь, я в битвах рос,
Но я не в силах видеть слез.
Не плачь, Нигяр моя, не плачь!

Эйваз в плену, я в горе сам,
Но мы подступим к их стенам —

Узнают трусы цену нам!
Не плачь, Нигяр моя, не плачь!

Мои безумцы рвутся в бой,
Дрожи, Халил-паша: любой
Ценой сочтемся мы с тобой!
Не плачь, Нигяр моя, не плачь!

Мой клич воинственный могуч.
Он сыплет молнии из туч.
Падут дома, как камни с круч.
Не плачь, Нигяр моя, не плачь!

Когда мой гордый гнев велик,
Я кровью меч поить привык.
Друзья на мой сойдутся клик,
Не плачь, Нигяр моя, не плачь!

Я Кёр-оглы, подняв страну,
На Баязет поход начну.
Тебе Эйваза я верну,
Не плачь, Нигяр моя, не плачь!

Демирчи-оглы, Бала Ахмед и Эйваз скоро будут казнены. И вот на майдане, где должна произойти казнь, появляется с делибашами Кёр-оглы, одетый простым ашугом. Демирчи-оглы готов уже к смерти, но вспоминает любовь Кёр-оглы к Эйвазу, и вот просит он пашу казнить только двоих, а третьего — Эйваза — не убивать. Вот песня. Эту песню поет Демирчи-оглы:

О, где мой славный Кёр-оглы?
Когда он в битву поспешит,
Взмахнет египетским клинком,
Кольчугу кровью обагрит!

Гыр-ат махнет через скалу,
Да рухнет вражий стан во мглу!
Где появился Кёр-оглы —
Оттуда враг, как пух, летит!

Ты, Демирчи-оглы, внимли,
На шею мне грехи взвали,

Паша, казнить двоих вели,
Эйваз не должен быть убит!

Услыхав призыв Демирчи-оглы, Кёр-оглы с делибаши бросается в бой, спасает друзей.

Кёр-оглы возвращается в Ченли-бель. Поет он песню о победе над врагами, о том, как спас друзей. И тут делибаши подхватывают песню:

Знай, семьдесят и семь друзей
На трудный час у Кёр-оглы —
Демирчи-оглы, Бала Ахмед,
Иса, Эйваз у Кёр-оглы.

Он вероломных гонит вон,
Но верный друг всем храбрым он.
Чтоб дом украсить и балкон,
Богатств запас у Кёр-оглы.

В беде поможет он тебе.
Тебя поддержит он в борьбе,
За стол посадит он к себе...
На дружбу — глаз у Кёр-оглы.

Высок, как тополь на скале,
Он предал всех врагов земле.
Наш Ченли-бель в туманной мгле.
Есть много нас у Кёр-оглы.

Много походов совершал Кёр-оглы. Жестоко мстил ханам и пашам за страдания народа. И вот кличет он зычным голосом, собирает делибашей:

Делибаши мои, на коней, на коней,
Сбросим с трона тирана — айда!
Сосчитаем казну, все добро заберем,
Меч на голову хана — айда!

Налетим на него, поломаем хребет,
Ченли-бель кумачом дорогим расцветет.

Там, где город стоял, разведем огород!
Против шахского стана — айда!

Закричу, и стальная рука задрожит,
Закричу, и воинственный враг побежит,
Уничтожим пашей, не забудем обид!
В ад отправим султана — айда!

Под копыта гейсара! Сардара поймать!
Руки старым и малым покрепче связать!
Перед грудью коня в Ченли-бель их погнать!
Эй, не прячь ятагана — айда!

Кёр-оглы с делибашами весел сейчас.
На пиру нам вино разливает Эйваз.
Бульгарлы мечет синие стрелы из глаз,
Погуляем с желанной — айда!

Как-то однажды молодцы Кёр-оглы отправились в Баязет. Али-паша узнал об этом, послал своих людей, схватил богатырей, заточил их в темницу. Приснилось о том Кёр-оглы в Ченли-беле. Быстро собрался он в путь, помчался в Баязет с семьями семьюдесятью семью делибашами. Вот летит Кёр-оглы на могучем коне Гыр-ате. Он вспоминает Эйваза, вспоминает Нигяр, оставленную в Ченли-беле, поет:

Скорей, Гыр-ат! Скорей вперед!
Тебе вскачу на спину я,
Мечом на головы врагов
И кровь и смерть низрину я.

Достойный муж, достойный конь —
В обоих боевой огонь.
Когда мне копыта мечут в бронь,
Свой щит железный вскину я.

Когда в бою помчусь вперед,
Замедлят птицы свой полет.
Султанов меч мой разобьет.
На башни их нахлыну я.

Люблю Эйваза я в бою:
Он бьет врагов, как я их бью.
За друга грудью постою,
Покуда сам не сгину я.

В тяжелый день нам нужен друг
И мощь его геройских рук.
Нигяр, Эйваз сберутся в круг,
Скликаю всю дружину я.

Наконец, домчались они до Баязета. Баязетом владел жестокий и коварный Али-паша. Кёр-оглы с делибашами вошел в город, вызвал Али-пашу, потребовал освобождения Эйваза и Демирчи-оглы. Вот что пел он Али-паше:

Я буду мстить, Али-паша,
За тот ожог, за тот ожог,
Крестом на грудь ты наложил
Мне тот ожог, мне тот ожог.

Моих героев изловил —
Как будто спину мне сломил.
Ты только смерть себе купил
За тот ожог, за тот ожог!

Эйваза взял ты под замок,
Ты пролил крови, сколько мог!
Предатель! — он на сердце лег
Мне, тот ожог, мне тот ожог!

Голодного ты дразнишь льва,
Я ханов бил не раз, не два,
Умру, но отплачу сперва
За тот ожог, за тот ожог!

Я, Кёр-оглы, иду на бой!
В своей крови себя омой!
Перед Гыр-атом вейся, вой —
За тот ожог, за тот ожог!

Испугался коварный турецкий паша. Вынул меч Кёр-оглы, ринулся в бой с боевым кличем. Дошел грозный голос Кёр-оглы до темного подземелья, где были заточены его друзья. Услыхали они этот голос, почуяли силу в руках, разбили тяжелые цепи, ринулись в бой на помощь Кёр-оглы. И вот опять вернулись герои в Ченли-бель. Вот какую песню о победе и братстве запел Кёр-оглы в неприступной крепости Ченли-бель:

Мне с детства кричали орлы
На горных грядях, на грядях.
Меня воспитали орлы
На горных грядях, на грядях.

Я вырос в жестоком краю.
Я молодость встретил в бою.
Собрал делибашей семью
На горных грядях, на грядях.

Немало изъездил я стран,
И шах меня помнит, и хан:
Гыр-ат мой победами пьян
На горных грядях, на грядях.

Свои караваны ценя,
Купцы проклинаят меня.
Враги не увидели дня
На горных грядях, на грядях!

Я в плен уводил их не раз,
Молва возвеличила нас:
Живет с Кёр-оглы хан Эйваз
На горных грядях, на грядях!

Много пировали в Ченли-беле. Делибаши пели воинственные песни. Кёр-оглы вспоминал битву и кровавый бой, клеймил позором трусливых врагов, и пил полную чашу из рук виночерпия, и славил новые геройства и предстоящие сражения. А, бывало, перед битвой пел он и такую песню:

Сегодня битва. На коней, тревога!
Благослови, аллах, бойцов! За мной!

Гуляй, друзья, вали и бей нещадно,
Бей беспощадно подлецов! За мной!

Бей, как Рустем, кричи от всей души!
Египетские пустим в ход ножи.
А нет ножей — и руки хороши,
Да здравствует горсть храбрецов! За мной!

Кто здесь хвастун? Кто больше всех орет?
Прошу, пускай он выступит вперед
Иль к матери под юбку удерет —
Не надо нам таких птенцов! За мной!

Осушим чаши, милые друзья,
И на врагов! Нам отступить нельзя.
Кривые сабли, змеями скользя,
Проложат путь в конце концов. За мной!

Джигит любовью жаркою кипит.
Тем, кто бежал, навеки срам и стыд.
Клич Кёр-оглы во все края летит.
За мной, ватага молодцов! За мной!

Обошла весь мир слава Кёр-оглы. Много и жестоко мстил он своему давнишнему врагу Гасан-паше, угнетателю народа, тому самому, кто выколол глаза отцу Кёр-оглы — старому табунщику. И задумал Гасан-паша коварную измену и позорный обман.

Плешивый Хамза-бек, прислужник Гасан-паши, хитростью и обманом угнал быстрого коня Кёр-оглы — его любимого Дур-ата. Дур-ат же, так же как Гыр-ат, был конь не простой, а чудесный: выносил хозяина из всех бед.

О несчастный Кёр-оглы, как перенесет он это горе?! Летит он на Гыр-ате, догоняет Хамза-бека. Но Хамза-бек опять перехитрил его, спрятался на мельнице и переоделся. Пока Кёр-оглы искал его в мельнице, Хамза-бек сел на Гыр-ата и ускакал. Пал на землю Кёр-оглы и заплакал. И Дур-ата потерял он и Гыр-ата.

Обоих коней потерял!

Сидит Кёр-оглы у мельницы, берет саз, играет и поет со зла, смеется над собой:

Теперь я мельник, здесь мой „дом“,
Кто за мукой? Сюда — дадим...
Я вороного проворонил,
Остался в дураках с гнедым...

Сгорю от горя дочерна —
Душа любимому верна.
Мелю ячмень, пшеницу, просо,
Прошу в награду горсть зерна.

Я ханов бил, царил в горах,
Внушал войскам смертельный страх,
Весь век хитрил, считался мудрым,
А сам остался в дураках!

Что скажешь молодцам своим?
Как пешему явиться к ним?
Умри ж на мельнице, бедняга,
Стыдом и горестью томим!

Стал Хамза-бек издеваться над Кёр-оглы, ударил бедного Гыр-ата плеткой, отпрянул конь от хозяина. Тогда, отъехав подальше, Хамза снова вздернул коня, захохотал. Больно Кёр-оглы это видеть, умоляет он Хамза-бека:

Глаза души моей, Хамза,
Отдай любимого коня!
Рабом пойду к тебе, Хамза,
Отдай любимого коня!

Мой конь — мой трон, хлеб-соль моя.
Сын! Жизнь уходит от меня...
Будь проклят, не томи коня.
Я без него не вижу дня!

Я — Кёр-оглы, сынок Хамза,
Мне без Гыр-ата жить нельзя.
Мой конь — мой свет, мои глаза,
Я без него не вижу дня!

Запляшут бек, паша, купец,
Все скажут: „Кёр-оглы — конец!“
Сыночек, добрый молодец,
Отдай любимого коня!

Не хочет Хамза возвращать коня, грозитя продать его на базаре, вот не знает, мол, только какую цену назначить... Стоит Кёр-оглы и так говорит о цене своего коня:

Цена вороного коня какова, спрашиваешь меня?
За сорок и сорок тысяч баранов не отдавай коня!
За стадо волов в сорок и сорок тысяч голов,
За столько же звонких царских чеканов не отдавай коня!
За столько же тысяч табунов по столько же тысяч коней,
За сорок и сорок тысяч пудов драгоценных камней,
За сорок и сорок тысяч рядов новых крестьянских сох,
Хотя бы от жадности ты иссох — не отдавай коня!
Свое имущество Кёр-оглы на гладкую степь кладет,
Сядь и вещам доведи счет до восьмидесяти тысяч сот.
Пусть за коня тебя столько невест и столь же вдов ждет,
И столько же верных, здоровых рабов — не отдавай коня!

Вернулся Кёр-оглы к своим, никто ему и „салам“ не сказал. Разбредлись все кто куда, не глядя на атамана. Один только Эйваз подошел к нему и поклонился. Расспросил Эйваз о Хамзе, о Гырате и вдруг так сказал, издеваясь и горюя:

Верно, торговцем ты стать предпочел,
С выгодной сделкой тебя, господин!
Гыр-ата посеял, Дур-ата нашел,
С легким базаром тебя, господин!

Чего ты, скажи мне, на мельнице ждал?
Горю от стыда за тебя, господин!
Зачем ты коня недостойному дал?
С выгодной сделкой тебя, господин!

Я болен от злобы, ты бесишь меня,
Не мог за конем углядеть, господин!
Ты взял, небось, пару грошей за коня?
Так с выгодной сделкой тебя, господин!

И тогда, видя, что соратники оставили его, а женщины смеются над ним, Кёр-оглы помутился умом. Бывали и прежде у Кёр-оглы неудачи, терпел он — хотя и редко — поражения в боях, но никогда еще не оскорбляли так Кёр-оглы его добрые молодцы, не казнили его насмешками. Берет Кёр-оглы свой саз, запевает новую песню, отрекается в этой песне от своей славной жизни, смиряет гордость. Безумная эта песня:

Привет тому, кто мой привет отверг!
Ликуй, душа, что черный час настал...
Ничто не вечно — так устроен свет,
Ликуй душа — твой черный час настал.

Мир — это вечный соломонов храм.
Одежда наша — мишура и хлам,
Богатство — грязь, присохшая к рукам...
Ликуй душа, что черный час настал.

Я — Кёр-оглы. Бойцом я был вчера,
Других смирял — себя смирить пора,
Певцом я стал — проста моя игра...
Ликуй, душа, твой черный час настал!

Но не прав Кёр-оглы. Нет, он еще не умер, нельзя герою так кончить свою жизнь. Живо еще в груди его богатырское сердце. Рвет он ногтями на себе тело свое, как одежду, спускается с гор по ночам и плачет... Плачет он о любимом коне и поет:

Я сошел с Ченли-беля, думая о тебе...
Глаза твои — яблоки, девичьи локоны — грива...
Железо грызу я, думая о тебе.
Глаза, твои — яблоки, девичьи локоны — грива...
Вернись, вороной!

Ты был еще маленьким — я за тобою ходил;
Закажу для тебя золотые подковы на диво.
Трех лучших красавиц попоны я ткать посадил.
Глаза твои — яблоки, девичьи локоны — грива...
Вернись, вороной!

Гыр-ат! Перепрыгни каменные хребты!
Остры твои уши, как тонкий камыш у залива!
Задешеве стоишь туманов три тысячи ты!
Глаза твои — яблоки, девичьи локоны — грива...
Вернись, вороной!

Эй, вор, не обхаживай так моего коня!
Без него мне нельзя показаться в народе — бреду стороной...
Кёр-оглы закликает: О, вор, пожалей меня...
Глаза словно яблоки, в локонах грива... Где вороной?

Если б сейчас был подо мной Гыр-ат,
И будь предо мной войско врагов сейчас —
Силой померяться с ними был бы рад,
Поговорил бы с ними с глазу на глаз!

В ухо коню я бы шепнул: „Начинай!“
Жаркая пляска нам бы с конем удалась!
Я прогулял бы коня по реке Дунай,
Был бы в Дунае мой вороной — водолаз!

Эй, собирайте дань со всех стран.
Следует дань с пашей за семь лет.
Кёр-оглы в руки взял ятаган.
Горы сравняю с долинами. Гор нет!

О, гей! Живо еще в груди его сердце воина! Счастье покину-
ло его, где слава? Вернитесь! Вновь подымается он в горы, бу-
дит войско. Где добрые молодцы? Занялись кто чем, многие спят...
Рвет на себе тело Кёр-оглы и плачет:

Мне нужен юноша, храбрец,
Пусть ловит моего коня.
Дур-ат и ласков и горяч,
Найдите моего коня!

Он ржет, когда несется в бой,
Порою пляшет подо мной.
Пред ним дрожит храбрец любой.
Ищите моего коня!

Когда стрела летит над ним,
Поводит глазом он одним.
Он доблестен, непобедим,
Зовите моего коня!

Я — Кёр-оглы — не в силах ждать,
Готов сердца врагов терзать,
Я скоро сам пойду искать,
Ведите ж моего коня!

И вот Кёр-оглы взял свой саз, отправился в поиски за конем. Весело пирует Гасан-паша, празднует свою удачу. Появляется на пиру неизвестный ашуг, поет песни о виденных им странах. Спрашивает ашуга Гасан-паша не знает ли тот Кёр-оглы. И снова берет саз ашуг, восхваляет отважного героя. Издевается Гасан-паша над ашугом: что Кёр-оглы без Гыр-ата? Ничто! Никуда он не годится... Ашуг удивлен, не верит словам хозяина. Тогда паша приказывает вывести из подземелья Гыр-ата. И тут хитрый и плешивый Хамза-бек сразу узнает в ашуге Кёр-оглы, шепчет о том Гасан-паше.

Окружен врагами Кёр-оглы, но прорывается к коню и вскакивает на него. Гыр-ат стрелой вынес героя из кольца врагов и перескочил через крепостную стену, умчал Кёр-оглы на родину.

Так вернул своего коня Кёр-оглы.

Однажды Эйваз, по поручению друга и атамана, отправился в дальние страны. Долго ждал Кёр-оглы друга, все не возвращался Эйваз. И поет Кёр-оглы печальную песню:

Я посылал посла к чужим берегам —
Не возвратился Эйваз, милый брат...
Руки врагов мучают его там —
Не возвратился Эйваз, милый брат...

В наших горах враг на каждом углу.
Наши дороги день и ночь сторожат,
Рыщут Бала Ахмед, Демирчи-оглы...
Не возвратился Эйваз, милый брат...

Храбрым стал Демирчи, жить устал;
Чарку смерти, пьяница, выпить рад.
Кёр-оглы тоже безумным стал!
Не возвратился Эйваз, милый брат...

Воины, просыпайтесь, спать нельзя,
Плачет в плену Эйваз, милый брат.
Снегом умойте заспанные глаза,
Плачет в плену Эйваз, милый брат!

Вооружайся, народ, где твой стыд?
Помощи ныне ждем — нас истребят!
Плачет, кричит Кёр-оглы, вдаль глядит:
Где ты теперь, Эйваз, милый брат?

Спал я, когда вырвали у меня зуб,
Голову снесут с плеч — буду рад!
Я проиграл игру свою — был глуп —
В лапах у смерти Эйваз, милый брат...

Эй, собирайте дань со всех стран,
Следует дань с купцов за семь лет!
Кёр-оглы в руки взял ятаган,
Горы сравняю с долинами. Гор нет!

И от гнева мужество возвращается в его грудь. Пора в бой...
Напоследок берет Кёр-оглы саз, гремит его песня. Вот как поет
Кёр-оглы перед сражением:

Храбрые в день испытания быть тверды должны,
Разорить очаг беды должны,
Доблестями быть украшены должны!
Собственную кровью быть окрашены должны!

Храбрые в бою, как львы, рычать должны,
Как орлы, с налету дичь хватать должны,
Сабли в воздухе, как дождь, блистать должны,
Плети в воздухе свистать должны!

Храбрые среди друзей гостями быть должны,
Кровь врагов своих горстями пить должны,
Вывать у пашей и беков власть должны,
Труп на труп, как каменщики камни, класть должны.

На конях красуясь, гарцовать должны;
Кровь за кровь, торгуясь, продавать должны.
Только трусы свесить голову на грудь должны,
Трусы в собственном поту тонуть должны.

Храбрые должны лететь, как пух, на бранный зов,
Для детей и жен купить покой должны...
Матери, вскормившие трусливых псов,
Громко выть и слезы лить рекой должны!

Мы должны, как горная река, вскипать,
Ринуться с высоких гор должны —
Горы вниз кидать, поля вскопать!
Трусы же принять позор должны.

Честь тому, чья доблесть высока!
Мы ночлег и дом забыть должны...
Брат, да здоровствует твоя рука —
В битвах славу мы добыть должны!

Услышав такую песню, воины встают, готовые к бою, стряхивают с себя сон; обнимает их Кёр-оглы и ведет на врага. И поет по дороге:

Где я, ты не знаешь? Так слушай меня:
Где город за городом жгут — это я,
Где в битву бесстрашно летят храбрецы,
Где грудью в сражение идут — это я.

Хлестнувши Гыр-ата, кидаюсь я в бой.
Сражаться готов я с самою судьбой,
Я меч обнажил и верчу над собой,
Где трупы на трупы кладут — это я.

Я сам Кёр-оглы, на войне я суров.
Есть много несрубленных ханских голов,
В день битвы считать не привык я врагов.
Где кровь за друзей отдают — это я.

Опять спас храбрый Кёр-оглы своего друга из рук врагов.
Опять в Ченли-беле пируют делибаши. Радуетса Кёр-оглы, Нигяр и Эйваз. Опять грозно стоит крепость Ченли-бель.

Однажды старый враг попал Кёр-оглы в руки. Страшна была месть Кёр-оглы за злодейство. Но хитрый враг, обманув стражу, убежал из Ченли-бея. Кёр-оглы в гневе:

Убежал, убежал аравийский тот раб!
Где он спрячется в горной стране — привести!
Пусть Фархад вам поможет, ущелья дробит!
Взять раба из скалы и ко мне привести!

Обыскать весь Египет! Халеб переречь!
Заградить все мосты и заставы закрыть!
Но рабу аравийскому руки скрутить!
Кто отыщет — награда вдвойне! Привести!

Кёр-оглы выпил крови бессчетных врагов.
Хоть и сладко живет, но и к смерти готов!
Ханам, шахам, визирям, — всем выпустим кровь,
Продадим по дешевой цене! Привести!

...Шли годы. Гремел по странам грозный меч Кёр-оглы. Но вот появился порох, огнестрельное ружье, незнакомое Кёр-оглы. Грустно стало на сердце великого героя. К тому же и годов ему было немало.

Дрожат мои руки и слепнут глаза,
То я постарел или время само?
Весь мир говорит об отваге моей,
То я постарел или время само?

Героев, грустя, поминают пиры,
Мечи заржавели с давнишней поры,
А время настало для тех, кто хитры.
То я постарел или время само?

Нет, время великому не по плечу,
Здесь трус храбреца отдает палачу,
И должен орел поклонится сычу!
То я постарел или время само?

Я рад, что хоть смерть мне на помощь пришла.
Окончились все боевые дела.
Ружье появилось, и храбрость ушла —
То я постарел или время само?

Ведь я, Кёр-оглы, на Гыр-ате скакал,
Злодеям я головы с плеч отрубал,
Великие полчища я побеждал —
То я постарел или время само?

Но не дрогнет рука храброго воина. Крушит он иранских ханов и турецких пашей. Снова дерется Кёр-оглы с врагами своего народа. Неравная борьба. Всего горсть молодых у Кёр-оглы.

Что будет — потом узнаем. Еще радоваться будем. До сих пор, говорят, дерется Кёр-оглы за горами, за морями, в чужих горах, где есть еще ханы и беки, тысячу лет уже дерется... Еще споет о Кёр-оглы ашуг свою бессмертную песню!

Ашуг-ГАРИБ

Жил в Тавризе ашуг. Звали его Гариб. Приснилось ему как-то, что разговаривает с ним красивая девушка. Шахсенем ее звали. Влюбился в нее Гариб, стал искать эту девушку. Случилось ему быть в Тбилиси. Вот бродит он по улицам Тбилиси, играет на сазе, поет грустные песни. Спрашивают его, откуда он родом. И вместо ответа, Гариб поет песню о родном городе:

Шумных улиц, площадей широких ряд...
Фонари, как звезды, вечером горят,
Льют сады твои волшебный аромат —
Им потерян счет, о солнечный Тавриз!

Красота тавризских женщин манит взгляд,
Словно павы хвост, сверкает их наряд...
Медом сладостным тавризский край богат,
И уста их — мед... О солнечный Тавриз!

На балконах, под покровом темноты,
Цвет тавризских женщин можешь видеть ты.
Жжет сердца прохожих пламя красоты,
Но сердца их — лед. О солнечный Тавриз!

Как воспеть тебя? Душа полна любви,
Восхищения полны слова мои,
Очарованный, хвалю красы твои...
Так Гариб поет... О солнечный Тавриз!

Отыскал Гариб в Тбилиси Шахсенем. Полюбили они друг друга. Но Гариб — бедняк, Шахсенем — дочь богача. Отец Шахсенем требует от бедного ашуга сорок кошельков, полных золота. Гариб просит дать ему срок семь лет, чтобы заработать такое богатство. Он обещает Шахсенем вернуться ровно через семь лет. Льет горючие слезы бедная Шахсенем, берет свой саз ашуг Гариб, говорит ей печальные слова:

На тебя я хочу в последний раз взглянуть.
Я уйду, к тебе я больше не вернусь,
Отыщу прекрасней женщину... Как знать,
Я на ней женюсь, быть может, не вернусь.

Наша родина прекрасна — здесь я рос.
На чужбину злобный вихрь меня занес.
Может, тернии найду я вместо роз,
Может быть, к тебе назад я не вернусь.

Будешь письма ты писать ко мне весной,
Что страдаешь и грустишь весь день-денской.
Что верна семь лет, что ждешь меня с тоской,
Может быть, к тебе назад я не вернусь.

Говорит Гариб: „Пусть жребий мой суров,
Пусть я легкий лист в руках ветров,
На чужбине я сойду под смертный кров,
Может быть к тебе назад я не вернусь!“

Но надеется Шахсенем, что вернется ее возлюбленный. Обещает она Гарибу ждать ровно семь лет. Обмениваются они кольцами. Гариб возвращается на родину, прощается с матерью и сестрой, идет в знаменитый город Алеппо.

Грустно жить ашугу на чужбине, нет счастья ему там, где нет его возлюбленной. Тяжко на сердце. И опять поет ашуг Гариб:

О, взмемлите, на чужбине тяжело жить.
Жизнь — страданье для того, кто изгнан был,
Не внимает здесь никто моим словам.
Слышу только смех в ответ. Я изгнан был!

Кто изгнанник, тот один в стране чужой,
Двери наглухо закрыты предо мной.

Я один, моя душа полна тоской.
Не услышит тот привет, кто изгнан был.

Говорит Гариб: „Я счастья не обрел,
На чужбине лишь страданье я нашел,
И сова в родном гнезде своем — орел.
Для того приюта нет — кто изгнан был“.

Семь лет странствовал Гариб. Семь лет ждала его Шахсенем. И вздумал жениться на ней богатый Шахвелед. Посылает Шахвелед слугу Гюль-Оглана на поиски Гариба, приказывает убить его. Но Гюль-Оглан не нашел Гариба. И вот, боясь гнева Шахвеледа, приносит свою рубашку, окропленную кровью, говорит, будто это рубашка убитого Гариба. Увидала Шахсенем кровь, надела траур. О смерти Гариба узнает его мать. Плачут и рыдают Шахсенем и мать Гариба. От горючих слез слепнут глаза бедной старухи.

И вот уже назначена свадьба Шахсенем и Шахвеледа. Насильно выдают ее замуж за нелюбимого человека. Но Шахсенем не верит смерти Гариба и посылает гонца к нему с письмом.

Гариб, узнав о свадьбе Шахсенем, полон горя и страдания. Как пройти ему этот длинный путь от Алеппо до Тбилиси! Пройдут месяцы, не успеет он добраться до Тбилиси. Рухнет все его счастье!

И пал он на землю и горько зарыдал. И явился к нему Хизр-пророк, дал ему крылатого коня и знак свой. Помчался Гариб на крылатом коне в Тбилиси, попал прямо на свадьбу Шахвеледа. Пришел он под видом простого ашуга. Взял свой саз и запел:

Принесли мне весть о милой Шахсенем.
Как стена, стоял я сумрачен и нем.
Поспешаю в Шахсувар — зачем, зачем?
Но собрался и в отчаяньи пошел.

Путь трехмесячный проделал я в три дня,
По пустыне шел, отчаянье гоня,
Вот Тбилиси — город милый для меня.
В старый город поздно вечером вошел.

Ночью в дом родной вошел и задрожал.
Тайну матери и сестрам рассказал.
Ах, в груди моей остра любовь — кинжал!
Рана смертная! Я милой не нашел.

К ней иду, чтоб жизнь к ногам ее сложить,
Чтоб на свадьбе струнным сазом послужить.
Все красавицы пошли плясать, кружить,
Улыбнулась Шахсенем, велела жить,
Видно, во-время на свадьбу я пришел.

Шахвелед, узнав Гариба, бросается на него с мечом. Но Шахсенем защищает возлюбленного, и видит Шахвелед, что не любит его невеста, и он против желания отпускает ее к милому.

Женился Гариб на Шахсенем, сестру свою выдал за Шахвеледа. А знак, данный ему Хизром-пророком, приложил Гариб к глазам матери, и открылись глаза у старухи.

Отпраздновали свадьбу ашуг Гариб и Шахсенем, зажили они счастливо и радостно.

Встретились однажды в саду сын Зият-хана, Махмуд, и дочь армянского священника Гара-Кешиша, Мариам. Полюбили они друг друга. И когда встретились, она ему сказала: „Керем ейле“, что значит — „будь милостив“, а он ей ответил: „Асли надир“ — „из какого рода ты?“ Так они и стали называть друг друга. „Асли“ и „Керем“.

Керем страдал от любви, не открывал тайны родителям, — стал он и чахлым и худым. Спросил отец у сына, чем он болен. Вот Керем открывает тайну сердца отцу:

Мне в саду у священника встретилась та
И рассудка лишила! Что делать? Как быть?
Расчесалась, кудрями обвила лицо —
И навеки пленила! Что делать? Как быть?

Я узнал, что священника дочка она —
Та звезда, что дневною зарей рождена,
Что заполнила душу, легка и стройна,
Ах, во сне это было! Что делать? Как быть?

Знает бедный Керем: час разлуки жесток,
Меч разлуки остер, верный конь быстроног,
Ах, она христианка, великий пророк!
Видишь, сердце изныло! Что делать? Как быть?

Зият-хан вызывает к себе Гара-Кешиша и предлагает выдать его дочь за Керема. Хотя и соглашается как будто Гара-Кешиш на предложение, но не может он представить себе, чтобы христианка вышла за мусульманина. И нимало не медля, вернувшись домой, в ту же ночь со всей своей семьей тайно уезжает он из Ганджи.

Узнал об этом Керем, приходит в опустелый сад Гара-Кешиша, горько плачет под тем кипарисом, где раз только в жизни встретился с милой девушкой, лишившей его рассудка, с Мариам — Асли.

Не в силах пережить он разлуку. Бросает отцовский дом и богатство, отправляется в поиски возлюбленной. За ним пошел и Софи, близкий друг Керема. Долго странствуют юноши из города в город, из селения в селение, все надеется Керем найти дочь Гара-Кешиша. Расспрашивает всех, поет о ней песни, и горе ашуга вызывает у людей сострадание. Много видал он в дороге красивых девушек, но снова и снова странствует, ищет Асли.

И вот он у горы Султан. Послушаем, как обращается Керем к этой горе:

Туман, туман, Султан-гора,
Вершины заслонил твои.
Нагрянет дождь, встает туман —
Кто б зимы мне открыл твои?

Снега с твоих не сходят круч,
Но дождь умолк, не стало туч,
И солнце утреннего луч
Алмазы осветил твои.

Меня любви печаль гнетет,
Я ринулся в огонь везгод,
Но даже опытный народ
Лета мне не открыл твои.

Керема слезы извели,
Страданья тучами пошли.
Я птицу грусти об Асли
Через снега пустил твои.

Долго скитался Керем и вот узнает, что Гара-Кешиш поселился в Ереване. Но священник не хочет, боится встретиться с Керемом, опять уезжает Гара-Кешиш в далекие страны. Измучен

Керем скитаниями, ненавидит он жестокого Гара-Кешиша, и вот поет Керем другу Софи о нужде, разлуке и смерти:

Я знаю в мире три беды:
Нужда, разлука, смерть.
Мне сердце скорбное гнетут
Нужда, разлука, смерть.

У деспота крушили трон,
У бедняка душили стон,
У третьих просто душу вон —
Нужда, разлука, смерть.

У этих крепость разгромят,
У тех — с вином смешают яд,
Тем юность в старость превратят
Нужда, разлука, смерть.

Я в Карадаш прибред — и там,
Догнав скитальца по пятам,
Заставили звать к друзьям
Нужда, разлука, смерть.

Керем познал и говорит:
Отрава смерти нас томит,
На свете горше всех обид
Нужда, разлука, смерть!

Однажды в пути застиг их буран. Потерял Керем спутника и друга Софи, остался совсем один. И все еще не терял он надежды найти возлюбленную.

Умер с горя отец Керема. Безумная мать скиталась по селам, лила горькие слезы о потерянном сыне, об умершем муже. Пелә она такую песню:

Внемлите словам моим! Горе кругом.
Все новых разлук в ожидании я.
Нет места живого на теле моем,
И стала жилищем страдания я.

Он соколом в синее небо взлетал —
Стонала я, голос мой плакал и звал.
Погиб Зият-хан мой, Махмуд мой пропал.
Я — мать! Удержу ли рыдание я?

Мой сын удалился, он стал нам чужой,
Богатства покрылись трухоею и ржой.
Разрушенной, мертвой, несчастной Ганджой
Вступила теперь в обладание я.

Я сердце, как остров, оставлю стоять,
Растет моя горечь, я бедная мать,
Когда о Кереме я вспомню опять,
В отчаяньи, в адском пылании я.

Я спать разучилась от стольких разлук,
С цветка соловья отпустила я вдруг,
Я сокола выпустила из рук,
Я — Гемер-бану, в увядании я.

И вот, наконец, опять нашел Керем свою возлюбленную. Но не улыбалось счастье бедному ашугу. Добился он долгожданной любви Асли, но Гара-Кешиш все-таки пытался мешать их свадьбе, не хотел выдать дочь-христианку за мусульманина. Для вида подчинился он желанию дочери, устроил свадьбу, но в брачную ночь надел отец на Асли заколдованное венчальное платье.

Асли и Керем близки к счастью, к блаженству. Но любовь их невозможна: как только Керем коснулся застежек ее платья, взвилось пламя, и Асли погибла в огне. Не может Керем спасти Асли, гибнет его молодая жена. И вот бедный ашуг берет свой саз и поет последнюю песню:

Я без ума от умных глаз Асли-хан,
Сурьмой ресницы подвела — я погиб!
Глаза всех юношей к себе привлекла,
Лишь, горделивая, прошла — я погиб!

Зачем тогда я на нее поглядел?
И сокол мой из крепких рук улетел,
И нет мне дела до моих старых дел,
Судьба моя скалой легла — я погиб!

Керему ведомо, что честь — не в укор,
Что ждать друзей в часы беды — это вздор,
Ты еще дальше, чем была до сих пор!
Меня пучина увлекла — я погиб!

И собрал он пепел возлюбленной. И сам сгорел в пламени. Так погибли Асли и Керем, о любви которых до сих пор еще поют ашуги.

В те времена, когда Кавказ был под пятой царских генералов и помещиков, в темной азербайджанской деревне вырос народный мститель, вольный наездник, стрелок Качах-Неби. Он громил усадьбы беков и караваны купцов, не раз попадал в тюрьму, не раз ускользал из нее. Была у него жена, по имени Хеджер, верная и смелая помощница. В народе живут преданья об их жизни. Ашуги до сих пор поют о них песни.

Вот одна из этих песен. Она поется от имени самого Качах-Неби.

Вот построились врагов моих войска,
Генералу же смотреть на нас тоска.
Брат прицелился и выбил казака.
Пусть расскажут обо мне: ты смел, Качах,
Но и брата научить сумел, Качах!

Шах Усейн и хан Усейн, вы оба львы,
Но Керим в бою отчаянней, чем вы—
Казаков скосил он больше, чем травы.
Пусть расскажут обо мне: ты смел, Качах,
Но и друга залучить сумел, Качах!

Гнал врага я, веселясь от всей души,
Чтоб он целым не добрался до Шуши,
Губернатор, посмотри и не дыши!
Сам ты скажешь обо мне: ты смел, Качах!
И дружину ты собрать сумел, Качах!

Как у Кёр-оглы — его знаменитые Гыр-ат и Дур-ат, так и у Качах-Неби был добрый конь, верный товарищ горца. Назвал Качах своего коня Боз-атом. Вот какую песню сложили ашуги о любви героя к Боз-ату:

Спал я как-то у Герюса, у горы,
Спал и потом обливался от жары,
Торгашей вязал я много с той поры...
В путь, Боз-ат! Спасай меня! Беда!

Я тебя в ущельи горном затаю,
Бурдюком, чтоб был ты злее, накормлю,
Спину бархатной попоной обовью.
В путь, Боз-ат! Спасай меня! Беда!

И от лица жены Качаха, смелой Хеджер, тоже распевает ашугами горькая песня о том, как она попалась в плен:

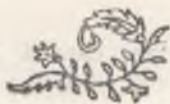
Отступили мы, и нет у нас горы,
Соловьями с ветки снялись до поры.
Преградил мне путь мальчишка, белобрис.
Ты пришел бы в этот страшный час, Неби,
От белесого солдата спас, Неби.
О тебе пусть скажут: о Качах-Неби,
Чья жена храбрее, чем он сам, Неби!

Так душна тюрьма, что спать я не могу,
Высока стена, бежать я не могу,
Дверь железную сорвать я не могу.
Ты пришел бы в этот страшный час, Неби,
От белесого солдата спас, Неби,
О тебе пусть скажут: о Качах-Неби,
Чья жена храбрее, чем он сам, Неби.

На соломе я под войлоком лежу,
Пред начальником в отчаяньи дрожу,
Стала пленницей в Герюсах и тужу:
Ты пришел бы в этот страшный час, Неби,
От белесого солдата спас, Неби.
О тебе пусть скажут: о Качах-Неби,
Чья жена храбрее, чем он сам, Неби!

Про тебя сложила песнь Хеджер-ханум,
И теперь твои глаза все ждут весну.
Сыновья твои в реке пошли ко дну.
Ты пришел бы в этот страшный час, Неби,
От белесого солдата спас, Неби.
О тебе пусть скажут: о Качах-Неби,
Чья жена храбрее, чем он сам, Неби!

Только путем обмана смогли жандармы овладеть героем. Качах-Неби пал от руки изменника. В народе имя его осталось символом борьбы крестьянства против помещиков, беков, ханов и царских палачей.

III
ОТДЕЛ

**СОВРЕМЕННАЯ
ПОЭЗИЯ**

Джафар Джабарлы родился в 1899 году в городе Баку в семье бедного крестьянина-угольщика. Начальное образование получил в бакинской „русско-татарской школе“. Окончил техническое училище и затем учился в Азербайджанском государственном университете. Начал писать Джабарлы с четырнадцати лет. Первые его стихи были напечатаны в журналах „Школа“, „Бабаи-Эмир“ и др. Первая пьеса Джабарлы была запрещена царской цензурой (в 1915 году). Творчество Джабарлы по-настоящему расцвело только после революции. Своими яркими и реалистическими пьесами („Невеста огня“, „Севиль“, „Алмас“, „В 1905 году“ и „Яшар“) Джабарлы обогатил азербайджанскую советскую драматургию. Поэма „Девичья башня“ Джабарлы впервые появилась в журнале „Революция и культура“. „Девичья башня“ вышла на русском языке в переводе поэта Бориса Брика (в Гослитиздате). Творчество и литературная деятельность Джабарлы многогранны и богаты, он крупный драматург, писатель, поэт, фельетонист, переводчик, сценарист, режиссер и т. д. За выдающиеся заслуги в области азербайджанского искусства Джабарлы присвоено звание заслуженного деятеля искусства. Джабарлы умер в расцвете творческих сил в 1934 году.

ДЕВИЧЬЯ БАШНЯ

1

Словно тайны гнездо, над Кузгуном,
Наклонясь у прибрежной косы,
Предается в унынии думам
Молчаливая „Кыз каласы“.

И пресыщена жизнью и скорбью,
Как невеста далеких времен,
Ныне плечи гранитные горбя,
Нашу жизнь озирает сквозь сон.

В брызгах солнца сверкают строенья,
Все блестит в золотистой пыли.
Позади — голоса обновления,
Впереди же скользят корабли.

Над открытыми вновь буровыми
Нефтяной подымается чад.
Сотни тысяч рабочих за ними
День и ночь молотками стучат.

Там, где бухта идет полукругом,
По ночам на толпу набредешь,
Это девушки — дочери юга,
Это жаркая кровь — молодежь.

Смех и шопот в дыхании мая,
И любой устремляется вслед
И, цветок городской обнимая,
Обнимаем бывает в ответ.

Всех живое веселье связало,
Всюду новая песня звенит.
И вздымаются волны Хазара,
Омывая прибрежный гранит.

Но лазурный Хазар — не участник
На торжественном этом пиру.
Современник столетий ненастных,
Он грустит и шумит не к добру.

Вспоминает ли роскошь эльханов,
Иль скорбит о забвеньи волна?
Как узнать? Речь седых великанов
Нашей жизни кипящей темна.

И страданье, и радость проходят,
А минувшее скрыто от нас,
И однако порою в народе
Приходилось мне слышать рассказ,

Что в былом охранял неустанно,
Запирал дочь-красавицу хан,
Что наследник враждебного хана
Был к ней страстью слепой обуян.

А старик, негодуя и споря,
И стремясь заградить к ней пути,
В синих водах Хазарского моря
Эту башню велел возвести.

Окружив неподкупною стражей,
Заточил он невесту туда,
От ашика и жадности вражьей
Дочь прекрасную скрыв навсегда.

Всем известно предание это,
Но однажды согбенный бедняк,
Обладавший искусством поэта,
Эту повесть мне передал так.

2

Майской ночью, в мерцании лунном,
Лет шестьсот или больше назад,
Был ласкаем лазурным Кузгуном
У сераля задумчивый сад.

На высокую кровлю сераля,
Вся в сеяньи, глядела луна,
Желтоватые звезды дрожали,
И сверкала морская волна.

Отражается в скалах у края
Моря блеск и мерцанье луны.

Рядом девушки, в прятки играя,
Безотчетным весельем полны.

Чуть скользят эти легкие перы,
И любовью их взгляд напоен,
И глядят они, взорам не веря,
Словно видят пленительный сон.

Этой тихой и ласковой ночью
У обрыва, где розы сплелись,
Устремив в отдаление очи,
Прислонилась к ореннику кыз.

Смотрит вдаль она с тайным вопросом,
А луна продолжает свой путь
И ласкает развитые косы
И ее серебристую грудь.

Теплый ветер ей волосы гладит,
И стенает волшебный кяман,
И душистые черные пряди
Оплетают ей шею и стан.

Но в тоске, ничему не внимая,
Все глядит она перед собой,
Словно жаждет нездешнего мая
И томится по жизни иной.

И, на ствол опираясь древесный,
То дрожит, то вздыхает она,
То эфир озирает небесный,
Молчалива, грустна и томна.

Веки тонкие полусмежает,
Губы алые дергает дрожь...
То ль с улыбкою слезы мешает,
То ли стонет она? — Не поймешь.

Очи — уголь... Подъемля их снова,
Что вдали она видит тогда,
Молодое светило былого,
Порожденная солнцем звезда?

О аллах! Чем полны ее думы?
Сознает или грезит порой?

Человек даже самый угрюмый
Назовет эту кыз неземной.

Нет, никто эту пери земною
Никогда не сочтет, и любой
Назовет поэтичной мечтою,
Да, нездешней и сонной мечтой!

Облака в небесах занавеской
Вдруг окутали месяца лик,
Дунул ветер холодный и резкий,
И сады омрачились на миг.

Но утихли воздушные струи,
Облака далеко унеслись,
И, чинару обняв молодую,
Безотзывно задумчива кыз.

И все так же стоит без движенья,
И все так же глядит она вдаль,
Но в душе не одно лишь томленье,
И в глазах не одна лишь печаль.

Безотчетно тоскует, быть может,
Иль охвачена страстью она?
Да, любовь ее сердце тревожит...
Но в кого же она влюблена?

Кто счастливцев, в тоске о котором
Вянет этот пунцовый цветок?
Иль она оттолкнет его взором,
Что насмешлив, суров и жесток?

Иль осталась навек без ответа
Этой девушки страсть, наконец?
Кто сумеет ответить на это?
Кто проник в тайну женских сердец?

Встало облако с месяцем рядом,
В дымке моря мелькает каик,
Легкий ветер играет нарядом
И к кудрям ее нежно приник...

Есть величья на нем отпечаток,
 Хоть морщинисты выступы скул,
 И, в бровях исчеза косматых,
 Нежный пламень очей потонул.

Он к фонтану идет из сераля,
 Где мечтает найти свою дочь,
 И вздыхает, сады озирая,
 И стенает, и слушает ночь.

И, склонив свою голову набок,
 Продолжает он путь свой опять,
 Чтоб во взорах горячих и слабых
 Дочь могла о любви прочитать.

Но, увы, не отцовской любовью
 Любит дочь свою хан Кантемир,
 И цветок этот с пламенной кровью
 Старику, как влюбленному, мил.

Он спешит, на себя негодуя,
 Хоть от страсти почти бездыхан...
 Скажут люди, что дочь молодую
 Погубил ради прихоти хан,

И, в потомстве его обесславя,
 Презирать его станет народ
 И, страшась его мщенья въяве,
 Поносить его втайне начнет.

Но хотя шарията страшится
 И аллаха могучего кар,
 Пусть и власти, и чести лишится —
 Лишь бы в сердце угаснул пожар.

И не хочет итти, и страдает,
 Но идет он вперед и вперед...
 Не итти бы — но сердце толкает!
 Не любить бы — желанье влечет!

Нет границы для истинной страсти;
 Только любящий это поймет...

О, любовь... это — чувство, в чьей власти
Делать сладостным бремя невзгод!

Сердце жжет оно чудною силой,
Хоть незряч ее пламенный глаз...
Кто полюбит — об имени милой
Не расспросит, конечно, у вас.

Все кидает он, кроме желанной,
Обрывается разума нить.
Ни народы, ни грозные ханы
Не сумеют любовь умертвить.

Не смогли от души оторвать бы
Даже ангелы алчную страсть;
Безразличны ей тризны и свадьбы,
Перед ней целый мир может пасть.

Не боится она шариата,
Не страшит ее даже аллах,
И, не зная утехи разврата,
Ждет она лишь возвышенных благ.

Сходит в сад Кантемир по ступеням,
Отошли опасения прочь.
Ближе, ближе — и легким виденьем
Возникает пред ним его дочь.

А мерцающий в облачных перьях
Месяц нежит сапфирную гладь
И сиянье кидает на берег,
Чтобы рай на земле воссоздать.

Деву гуриям уподобляя,
Он коснулся агатных кудрей...
Если б пери спустилась из рая,
Побледнела б она перед ней!

И рассудим вполне справедливо
И разумно мы, если найдем,
Что природа, создав это диво,
Гордо спорит с самим божеством.

Этим обликом, нежным и юным,
Кантемир безраздельно пленен...
Не является ль нынче Медждуном,
Не лишился ли разума он?

И следит он безвольно и грустно,
Как лучи исчезают в листьях.
Красота эта жжет его чувство,
И рождаются слезы в глазах.

Веселятся и небо, и волны,
Но печальны и дочь, и отец;
И, желанием пламенным полный,
Он окликнул ее, наконец.

4

Над стволами дворцового парка
Ночь стоит, и тиха, и черна,
И по ветру и хрипло, и жарко
Донеслось на мгновенье:

„Дурна!“

„Снова здесь ты? — Дурна задрожала.
Хан пред нею растерян, угрюм... —
Или было мне тягостей мало?
Или мало мучительных дум?“

Иль забыл, что любовью своею
Истомил ты мне душу вконец?
Что ответить я ей не умею,
Мой несчастный, мой падший отец!“

„Ты права: свой венец опозоря,
Отдал все я безумной любви,
И подобны Хазарскому морю
Ненасытные чувства мои.

Но напрасно, меня упрекая,
Ты любви той не ценишь, Дурна:
Пусть безудержная, пусть слепая,
Эта страсть и права, и верна.

Если чувство вселенной огромней,
Что поделать? — Так хочет любовь.
Кем бы ты ни была — все равно мне,
И тянусь я к возлюбленной вновь.

Ведь божественным предана сферам,
Ты любого пленишь без труда;
Если б был Кантемир пейгамбером,
Полюбил бы тебя и тогда!

Ты — цветок, чей удел, пламенея,
Лечь на эту широкую грудь.
Что же плачешь? Засмейся скорее
И меня улыбнуться принудь!

Слишком много надежд погребенных
В глубине этих черных очей...
Не грусти же, мой бедный ребенок,
Если смерти не хочешь моей!"

И смеется насильственно дева,
Хоть змеєю душа обвита:
„Неужели народного гнева
Не страшишься ты, низкий ата?"

Теплый ветер подул на мгновенье,
И на миг засмеялась весна,
Но опять улеглось дуновение,
И повсюду опять тишина.

Кантемир в исступлении снова,
Как Меджнун, он теперь одержим,
И усы его в пене, и слово
Из души исторгается им.

„О Дурна — говорит он, стена —
Не пойму я боязни твоей.
И откуда стыдливость такая
У прекраснейшей из дочерей?"

Что мне смертный? Что ангел крылатый?
Я ему неподсуден сейчас.
Ни kitab, ни седые адаты,
Ни коран — мне теперь не указ.

Ни аллах, ни слова пейгамбера
Не послужат преградою мне.
Власть и ханство, народ мой и вера —
Все мне видится, словно во сне.

Эти кудри могли лишь присниться,
Эти очи — два черных зерна,
И невинные эти ресницы —
Лишь они мне желанны, Дурна!

Эти полные негою взоры,
Эти губы, что плачут, смеясь,
И святая улыбка, в которой
С божеством ощущается связь.

И глаза, что смеются жестоко
Надо мною, и призрачный вид —
Красота эта даже пророка,
А не только меня соблазнит.

Рассеки эту грудь огневую:
Сердце только тобой занято.
Если губы твои поцелую,
Бог не будет в обиде на то...

5

Край родимый войною устроив,
Много жизней тот хан погасил,
А теперь, сокрушитель героев,
Он — как тень, он — как призрак, без сил.

И властитель роскошного края
Стон сливает со звуком речей:
„Не печалься, Дурна дорогая,
Не люби никого, будь моей!“

Овладела тоска Кантемиром,
В нетерпении ответа он ждет.
Тишина воцарилась над миром,
Даже девичий смолк хоровод.

Неподвижны и розы, и воздух,
И стоит на ущербе луна,
И на бледно мерцающих звездах
Туч суровых видна пелена.

А деревья заслушались сказки —
Той, что лунный им луч рассказал,
И блестит в легком плеске и в пляске
И волною играет Хазар.

Неподвижная, чувствует дева,
Что судьбы ее давит рука,
И внимает, исполнена гнева,
Исступленным речам старика.

Как над бедной голубкою кречет,
Кантемир над прекрасной кружит.
И глаза его молнии мечут,
И земля под ногою дрожит.

Как голодного волка добыча,
Эта прелесть безумца влечет,
И красавицы гордой величье
Хану ближе, чем царский почет.

„Своейравна ты, нежная пери,
Но неужто погубишь отца?
И победы я знал, и потери,
И судьбу испытал до конца.

Я еще никому не сдавался,
Предо мной же склонялся весь мир,
Бился с гибелью, в пламя кидался,
Пил не воду, а кровь Кантемир,

Перед ханом аскеры бежали,
Все удары мой меч отражал,
И зарубку на чуждом кинжале
Не однажды мой делал кинжал.

И не думай, что горькие годы
Кантемира согнули, Дурна!

Я прошел и пустыни, и воды,
И рука Кантемира верна:

Погляди — разве пламенным краем
Не владею, как признанный царь?
Разве мощный народ не караем
Кантемира рукою, как встарь?

Захочу — и заставлю народы
Ради грезы пустой умереть.
И воздвигну из трупов я своды,
Черепу вознесу, как мечеть.

Захочу — человеческой кровью
Будет раб орошать этот сад...
Я сковал племена и сословья,
И покорен мне сам шарият!

Мне, как тюрку, завещан от предка
Острый меч мой — наследство мое,
И всего я добыюсь, если метко
И стремительно это копье.

Лишь тебе, о Дурна дорогая,
и трон свой, и меч свой отдам,
Потому что любовь, убегая,
Не подвластна надменным царям.

Это тело могу растоптать я,
Но на страсть не наложишь запрет,
И дороже мне эти объятья,
Чем мечети родной минарет.

Побори же свое отвращенье,
Все желанья исполню твои,
И не бойся: путем принужденья
Добиваться не стану любви.

Весь мой край с берегами морскими
И покорными хану людьми,
И престол мой, и древнее имя,
Как подарок любовный, прими!

Пожелав стать подругой моею,
Не отвергни могучей руки

И оружия, которое ею
Я могу разломать на куски.

Непомерны и гордость, и слава,
И прекрасны владенья мои,
Но великое знамя ислама
Отдаю я богине любви.

Ты — владычица хану отныне,
Я — слуга, что любовью томим...
Снизойди же, как с неба святыня,
И отдайся желаньям моим!"

И седой Кантемир, разрушавший
Вилайеты надменным мечом,
И к михрабу главы не склонявший,
И печати не трогавший лбом;

Он, кого даже огненных капищ
Не страшили кружение и вой
(Неужели поверить заставишь?),
Он склонился к земле головой.

Увлажнилась слезами впервые
Желтизна его строгих зрачков,
И согнулись колена тугие,
Словно пара сырых чубуков.

Но Кузгун и высокие кряжи
Говорят его сердцу: „Стыдись!
Ты мужчиною должен быть даже
Перед этой прекрасною кыз“.

А Дурны искажается облик,
Словно к ней приближается враг,
И, готовый исторгнуться в воплях,
На лице отражается страх.

6

С небосвода туманного свесясь
И лучом облака разделив,
Словно путник упившийся, месяц
Заплясал, засиял, шаловлив.

Кантемира морщины и проседь
Освещает сиянье луны
И пытается отсветы бросить
На задумчивый облик Дурны.

Этих взоров, печально-тревожных
И луны отражающих свет,
Передать вам не сможет художник,
Описать не сумеет поэт.

То бледнеет она, обессилев,
То пылает досадою вновь,
И, как пара распахнутых крыльев,
С черной бровью сдвигается бровь.

Первых проблесков ждет на востоке
И губу закусила свою,
И, как розы, красавицы щеки —
Воспевать одному соловью!

На лице ее скорбные пятна
Ветерком неосушенных слез,
И мечтает... о чем? — Непонятно,
И решает какой-то вопрос.

Хочет вымолвить, кажется, слово,
Но сдержала мгновенный порыв
И сомкнула уста свои снова,
Тайну сердца навек схоронив.

И лазурность Хазарского понта
Озирая, стремится вперед,
Словно с дальней черты горизонта
Избавителя тайного ждет.

Чем терзаем, томим и колеблем
Этот нежный, весенний цветок?
Отчего он склоняется стеблем,
Не ответил бы даже пророк.

Кто понять бы ее попытался?
Что волнует высокую грудь?
Умолять ли безумного старца,
Или милого ей обмануть?

Что ей делать? С любимым ли скрыться,
Иль навеки его позабыть,
Перед ужасом древним смириться
И несчастного хана любить?

Или новые вспомнить законы,
Старику отказав наотрез?
Иль нарушить обет, принесенный
Пред лицом всемогущих небес?

Если тяжко объятиям чуждым
Отдавать непорочную честь,
То насколько мучительней чувство
Сладострастию в жертву принести!

И недаром в сердечной тревоге
Тот, любовью исполненный, взор,
Ведь чужих поцелуев ожоги
Пламенеют на ней до сих пор!

Ведь любимому не возвратило
Обещания сердце Дурны,
Ведь свидетели эти светила
Тех обетов, что ею даны.

Если б знали ее вы стремленья,
То мгновенно б открылось для вас,
Что минувшего счастья виденья
Дочь владыки ласкает сейчас.

И порой отражается это
На лице истомленном ее:
То полно оно чувства и света,
То впадает она в забытье.

Облаков шаловливые тени
Продолжают с луною играть,
И белеет каик в отдалении,
Прорезая блестящую гладь.

За ладьею, над водами свесясь,
Наблюдает красавица вновь.
И изогнута, как полумесяц,
И нахмурена девичья бровь.

Но, проникнувшись твердым решением,
Распрямилась Дурна, наконец,
Губы сжала и быстрым движеньем
Обернулась:

„Послушай, отец!

Нынче выскажу слово прямое.
Оборвалось меж нами родство.
Я — журавль Хазарского моря,
Ты — стрелок, стерегущий его.

Не томись, надругайся скорее
Надо мною, любви вопреки,
И несчастной Дурне, не жалея,
Оборви, Кантемир, лепестки!

Я противиться страсти не буду;
Пусть узнает весь мир, наконец,
Что предался преступному блуду
С низкой дочерью подлый отец...“

„О дитя, я не прав пред тобою,
Черным призраком встав на пути,
Но прошу: не печалься душою
И меня, если можешь, прости!“

„Поздно, поздно! Что будет, то будет,
И не вырвется жалобы звук,
Пусть рассудят нас вечные судьи,
Мой родитель... о, нет, мой супруг!

И пускай заклеят, презирая,
Святотатственный этот союз,
Но любовь покоряет такая,
И навеки тебе предаюсь!“

И, сознание утратить готова,
Кыз впадает порой в забытье,
И отрывисто каждое слово,
И растеряны чувства ее.

И звучит ее речь над Кузгуном:
Словно гурья, скрипку схватив
И смычком ударяя по струнам,
Исторгает любовный порыв.

Но заветную цель вспоминая,
„Слушай, хан! — продолжает Дурна —
Мною хочешь владеть ты, я знаю,
И тебе я останусь верна.

Буду нежить и в полдень, и в полночь,
Сердце вечным огнем пламеня...
Только — просьба! Ее ты исполнишь,
Если искренно любишь меня.

И богами, и смертными всеми
Произносится имя Яздан,
Но земли не помирится племя
С нашей страстью божественной, хан.

Если хочешь, чтоб стала твоею,
Чтоб исчезли морщины с чела,
Чтоб раба твою гордую шею
Этой тонкой рукой обняла,

Если полон ко мне ты любовью —
Подыми высоко от земли,
Чтоб людская молва и злословье
Обнажить мой позор не могли.

Схорони за могучей оградой
От укоров тупой клеветы...
Если здесь я останусь, отрадой
Не блеснут молодые черты.

Так исполни ж любимой желанье!
Видишь этот залив впереди?
Для возлюбленной гордое зданье
В этих синих волнах возведи.

Пусть высокими будут те своды,
Пусть им Каспий лобзает пяту,
И гаремною стражею воды
Охраняют пускай высоту...

Пусть возносятся стройною пальмой
Прямо к звездам чертоги мои,
Пусть чудесный воздушный сераль мой
Будет вечным приютом любви!

Наконец, мой родитель вчерашний,
Ныне муж — несмотря ни на что,
Пусть таинственной „Девичьей башней“
Именуется здание то!

Уходи же скорей, мне все горше,
Все томительней, сердце в огне...
Возведи мне сераль... До тех пор же
Берегись, не являйся ко мне!“

Кантемир не промолвил ни слова,
Будто юность вернулась к нему.
Повелителен взорами снова,
Он скрывается быстро во тьму...

Ветер стал холоднее и резче,
Омрачается месяца лик,
И к туманной черте побережья
Пристает одинокий каик.

И выходит поспешно на берег
Молодой и стремительный гяндж.
Он бы мог быть героем поверий
И возлюбленным ветреных ханш.

И, приблизившись к трепетной пери,
Он склонился и шепчет:

„Аман!

Задержался в пути я, но верю,
Что прощен будет верный джэван“.

Но ломает красавица руки
И качает в тоске головой:
„Будь готов к бесконечной разлуке:
Все погибло, возлюбленный мой.

Нет спасения мне, кроме гроба...“
„Пощади!“

„Не щадит нас судьба!

Два пути есть, но гибельны оба,
И кончается смертью борьба.

Предстоят нам бессонные ночи,
И унылые дни предстоят,

И не может быть доли жесточе,
И земля превращается в ад.

Нам дано было радостей мало, .
Разделил нас смертельный самум,
И Дурна, не раскрывшись, увяла,
А удел твой отныне угрюм.

Но надеюсь, не будет причиной
Смерти воина эта беда...
Не томись, не страдай, будь мужчиной
И забудь обо мне навсегда!"

И взглянув на прощание (горе
Отразил этот мертвенный взгляд!),
Вся поникла и, шаг свой ускоря,
Покидает красавица сад.

Дни за днями текли, многократно
Полный круг совершила луна.
Башня в море возникла. И статна,
И подобно невесте она.

Да, высокое стройное зданье
На лазурных волнах поднялось.
Головою укрыто в тумане,
Свод небесный пронзает насквозь.

Смотрит вдаль это зданье степенно,
Стан базальтовый ввысь вознесло,
И волной омываются стены,
Небеса же целуют чело.

И невиданно здание это,
И покоится солнце на нем —
И сиянием первым рассвета,
И заката последним лучом.

На черте побережья рядом
Много хилых землянок-старух.
Смотрит башня смеющимся взглядом
И соперниц не видит вокруг.

Одиноко стоит, горделиво
Над лазурным простором морским,
Как красавица, в водах залива
Отраженьем любуюсь своим.

И, в последний круг жизни вступая,
Далека от земли и людей,
Словно пери, стоит, водяная,
Дочь великого хана на ней.

Развеваются мягкие кудри,
И огнем разгорается лик.
Лишь коснешься в сияющем утре
Этой розы — рассыплется вмиг.

Смотрит девушка, словно царица,
Хоть рассеяны взоры ее.
Если в небе звезда загорится,
То утратит сиянье свое.

Словно призрак стоит, пораженный
Этой белой грядой облаков,
И чело украшает короной
Из душистых и пьяных цветов.

Дев таких не видало бывшее,
И грядущее вспомнит ее,
О отдали ей щедрой рукою
Небеса все сиянье свое.

Не ее ли воздушное тело
Создал песней своей соловей?
И не муза ли звонко воспела
Эту пери в поэме своей?

Не ее ль создала по ошибке
Восходящая утром заря?
Не ее ль сотворил из улыбки
Всемогущий, над миром паря?

Нет, не знаю я бога такого,
Что сравнялся бы с ней красотой?
Эта девушка нрава простого,
Но прелестнее всех под луной.

Ей покорны и море, и земли.
И не в ней ли мечты торжество?
Только зову грядущего внемя,
Ты стремишься достигнуть... чего?

Не пора ли давно нам признаться,
Что владеет землей красота?
Да и что нас заставит смеяться,
Если кыз опечалится та?

Эта девушка, миром владея,
Украшает собой бытие.
Все луга озаряются ею,
Все — цветы лишь улыбки ее.

Даже духи, парящие в небе,
Перед нею лишь сонмы теней,
Только сердца влюбленного жребий
Уподобится несколько ей.

„Станет кыз стихотворцев богиней,
Бог пред нею — лишь ложный кумир...“
Так, вздымаемый влагою синей,
Мыслит в лодке о ней Кантемир.

Вот коснулся он здания лодкой,
Ухватился рукой за кольцо,
Соскочил и поспешной походкой
На гранитное всходит крыльцо.

Вот спешит по ступеням спиралью,
Задыхаясь, хватаясь за грудь,
Кинет взглядом в лазурные дали —
И опять продолжает свой путь.

Щиплет ус, содрогаюсь порою,
И струится со лба его пот,
Но во взгляде, лишенном покоя,
И в чертах его радость цветет.

Пронеслось два томительных года,
Он склонился пред волей Дурны,
И коснулась челом небосвода
Высочайшая башня страны.

Повелел он собрать камнетесов,
Он искуснейших зодчих созвал,
И, забавы и отдых забросив,
Подчинил он бушующий вал.

С каждым днем становясь все печальней,
Каждый камень слезой оросил,
Ночи долгие в опочивальне
И тоску терпеливо сносил.

Ждал два года он, страстью терзаем,
Ждал любви, как спасения ждут...
И однажды, сияющим маем,
Был окончен томительный труд.

И Дурна после тягостной ночи
Пасть готова к ногам старика.
И ее помутневшие очи
Плачут, словно весной облака.

Ей могилою кажутся воды,
И печальны сады, как гроба.
Доказали Дурне эти годы,
Что ее совершится судьба.

На высокую кровлю впервые
Поднялась нынче утром Дурна
И глядит на просторы степные
С любопытством невольным она.

На курганы глядит она с башни,
На могилы далеких времен...
„Ну, а эти сады, эти пашни,
Этот дол — не кладбище ли он?

Что же воины? Что же визири?
И мгновенны и скорбны их дни,
Муравьи, повелители мира —
Только видом различны они.

Думы, горе и страсть — только тени,
И оставят ли в мире следы?..
Мысли девы кружатся в смятении
И летят, словно конь без узды.

Вот столетия мчатся пред нею,
Вот кончина вселенной пред ней,
И последний закат, холодея,
Освещает последних людей...

Но очнулась, глядит, все уснуло;
Небеса, и Хазар, и страна,
И не слышно ни шума, ни гула,
И морская не блещет волна.

Ночь, завесу держа наготове,
Давит душу, бредет по земле...
Лишь луна — чаша, полная крови,
Ужасающе рдеет во мгле.

Неизбежность пред ней, как виденье,
И бледны очертанья лица,
И Дурна в утомленье, в забвенье
Ожидает супруга-отца.

Распахнув в нетерпении двери,
Хан на плоскую кровлю взбежал...
Пошатнулась и вздрогнула пери.
Каждый взгляд был как острый кинжал.

Дочь вонзила зрачки в Кантемира,
Словно копья в окованный щит...
Но молчанье его истомило,
И со страхом он ей говорит:

„На лице твоём нежном тревога...
Как измучена ты и слаба!“
Но молчит она грустно и строго,
Хоть свершается в сердце борьба.

„Ты прекрасней, чем мог пожелать я,
Пери женщиной стала с тех пор...
Что за скромный наряд?.. Это платье
Узнает пронизательный взор.

Это — матери платье покойной...“
„Да, отец мой, догадка верна!“
„В нём глядишь ты особенно стройной...
Как на мать ты похожа, Дурна!“

„Ты был юн и прекрасен в то время
И в нее без ума был влюблен.
Но, восстав на враждебное племя,
Был в сраженьи разбит и пленен“.

„Не тревожь, не касайся былого...“
„Угрожала несчастному казнь.
Но к темнице глухой и суровой
Мать пришла, презирая боязнь“.

„Да, воистину, все это было...“
„Но уснул твой свирепый палач,
И темницу она отворила,
И на волю умчались вы вскачь“.

Хоть была она дочерью хана,
Но тебя полюбила она,
И была Кантемиру желанна,
И была Кантемиру верна“.

„Я любил ее больше вселенной,
Как люблю и теперь... О Дурна!
Целый мир ей не будет заменой...
Только ты, только ты ей равна!“

„Помнишь топот погони за вами?
Помнишь воинов грозных мечи?“
И, как тигром, терзаем словами,
Кантемир умоляет:

„Молчи!“

„Ты терзаешься? Право, не надо,
Разве память — преграда для нас?
Ведь священные эти наряды
Раздерешь ты бесстыдно сейчас!“

„Ныне просьбы, дитя, неуместны...
Иль забыла о клятве в саду?
Пусть такие желанья бесчестны,
Но отсюда теперь не уйду!“

Будь верна, как тюрчанка, обету.
Я унизил свой сан пред тобой,
Отдал все на постройку я эту
И смирил непокорный прибой.

Что же вызовет стыд в Кантемире?
Что погасит желанья мои?
Хоть расчислено все в этом мире,
Но закона не дашь для любви.

Пусть, неожиданною скорбью карая,
Мир потопит слезами беда,
И пускай от народа и края
Не останется здесь ни следа,

Пусть вращенье земли прекратится
И весь мир превратится в погост,
Страшный суд пусть повсюду творится,
И не станет ни солнца, ни звезд,

Пусть цветы не смеются в долинах
И повсюду царит тишина,
Пусть планета в пространствах пустынных
Будет адским огнем сожжена,

Пусть огонь разольется по тверди
И вселенная станет мертва,
И, пророка пришествие смерти,
Завывает, повсюду сова —

Родом тюрк я и клятв не нарушу,
Даже чувствуя вечную ночь,
И ничем не принудишь ты душу
Ненасытную страсть превозмочь!

Не отец пред тобой... Эти годы
Ожидал я одной лишь зари.
Выбирай! У тебя два исхода:
Иль отдайся сейчас, иль умри!"

„Обещание единоверцу
Я уже разорвала одно;
Обманула я милого сердцу,
И в душе охладелой темно..."

Если некогда чувство большое
Гордо правило сердцем твоим,
То теперь, сластолюбец душою,
Ты одним вождельем томим.

Я нашла наслажденье в страданиях,
И утонченны чувства мои.
Ты же — низменной похоти данник
И не знаешь высокой любви.

Как поддался ты власти разврата!
Человек ты еще или зверь?
Ты, разумнейшим бывший когда-то,
Стал бессмысленным камнем теперь.

Хоть томил продолжительным пленом,
Ты не слышал признаний Дурны,
Не сдаются порывам мгновенным
Те, кто вечному чувству верны.

И не страшно мне грозное слово!
Разве трудно угаснуть, любя?
Сознаюсь: я любила другого,
И любить не могу я тебя.

Я при жизни еще догорела,
Согласясь быть навеки твоей!..
Подарил ты мне душу и тело...
Так возьми же назад и убей!

Два желанья в тебе шевелятся:
То — любовь и преступная страсть,
Можешь таять, любить, возвышаться,
Иль отдаться порыву и — пасть!“

„Что мечтанья такого бесплодней?
Убаюкивать сказкой меня
Ты умела, дитя... Но сегодня
Моего не потушишь огня!

Нам отрадны и мука, и горе,
И любовная злая тоска,
Если свадьба готовится вскоре,
Если встреча с любимой близка.

Но теперь над собой не позволю
Я насмешек надменных таких,
Не затем изнывал я от боли,
Чтобы вдруг упустить этот миг!“

„О, презренный то миг!“
„Будь моею,
Иль покинешь сейчас этот мир!..“
И, кровавым зрачком пламенея,
Хочет двинуться к ней Кантемир.

И Дурна встrepенулась, как птица,
Оглянулась пугливо кругом...
Так и кажется: в небо умчится,
Как журавль, что испуган силком!

Вот она на краю парашета
И глядит с сокрушением вниз,
Видит сад, где давала обеты,
Видит ночь, животворную кыз.

Смотрит вновь на широкие воды,
На равнины зеленые вдаль,
Вспоминает минувшие годы,
И любовь, и былую печаль.

Видит снова с томлением юным
Небеса в огоньках без числа
И сераль над сапфирным Кузгуном,
Где любимого ночью ждала,

Вспоминает о матери старой,
Детство, школу и сад, наконец,
Где она, обнимая чинару,
Все ждала, что ей скажет отец...

И заботы, и скорби былого —
Все приходит на память опять,
И года одиночества снова
Заставляют ее трепетать.

Не глаза — вся душа ее плачет.
Все решило упрямство отца...
О, пощады, пощады! Так, значит,
Не могло быть иного конца?!

Месяц вновь в облаках неподвижен,
Успокоилось море на миг,
И у дальних, задымленных хижин
Вновь плывет одинокий каик.

И Дурна за блестящей волною
И ладьею в забвеньи следит,
И в лице, озаренном луною,
Бесконечное горе сквозит.

С той поры как в любви отказала
И рассталась с любимым она,
Смерть нашел он в пучине Хазара...
Но и ей эта смерть не страшна!

Он был верным и смелым мужчиной,
Но она обманула его,
Прогнала и явилась причиной
Смерти воина... Ради кого?!

И, не выдержав муки жестокой,
Не желая томиться вдали,
Отдал жизнь за любовь одинокий
И ушел навсегда от земли!

Только шаг не пройден Кантемиром.
„Будь смела! Милый ждет впереди,
И потешит нас свадебным пиром
Мать-Кузгун на широкой груди!

Так прощай же, земля дорогая,
И прощай, башня девичья, ты!“
И, кудрями лицо закрывая,
Кыз бросается вниз с высоты.

Лишь белеет во мраке одежда,
Словно плавает в море мечта.
Как певца молодого надежда,
Погружается девушка та.

И, как падший с небес астероид,
Тонкий стан обнимает Хазар,
И валы безмятежно покоят
И качают божественный дар.

И скала нерушима, и в море
При луне вновь играет волна,
Но на девичью башню — о горе! —
Никогда не вернется Дурна.

И с тех пор облик башни печален,
И руины задумчивы те.
Отступила вода от развалин,
И тоскуют они в забытье.

И с тех пор, озирая пространство,
Лишь виденьям былого верны,
Вспоминают умолкшее ханство
И кончину прелестной Дурны.

В дымке моря угрюмым пророком
Черный остов маячит, как встарь,
И на темени башни высоко
Для пилотов мерцает фонарь.

Ордубады Мамед Саид родился в 1872 году в городе Ордубаде (Нахичеванская ССР), начал писать очень рано, был тесно связан с прогрессивным демократическим журналом „Молла-Насреддин“, издававшимся известным писателем Джаалилом Мамед-Кули-заде. До революции выпустил ряд сборников стихов и несколько прозаических произведений. После Октябрьской революции вступил в ряды ВКП(б), был в Красной Армии, сотрудничал в одной из фронтовых красноармейских газет. Долгое время работал в газете „Коммунист“, редактировал „Ени-Ел“, вел большую литературную работу в партийной печати. В последние годы им написан ряд романов о революционном движении на Востоке: „Тавриз туманный“, „Подпольный Баку“, „Мир меняется“. Весь текст опер „Кёр-оглы“ и „Нэргиз“, которые исполнялись во время декады азербайджанского искусства в Москве, написаны Ордубады. В 1938 году награжден орденом „Знак Почета“. Депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР.

ХАНСКИЙ ДВОРЕЦ

О чем ты плачешь и стонешь, беспамятная сова?
Какую память хоронишь и чьи повторяешь слова?
Ты плачешь зимой и летом, не радуешься весне;
Враждуя с солнечным светом, от всех живешь в стороне.
Какую тоской безотзывной твой мутный взор напоен?
Стенанья твои заунывны, как песни старых времен.
Твой дух безумьем ужален; ты, верно, с ума сошла, —
Поэтому стены развалин жилищем ты избрала.

Ты плачешь, угрюмая птица... О ком же рыдаешь ты?
Не знаешь ты, чья гробница, во тьме, где витаешь ты?
Под щебнем этой руины — могила многих рабов.
Здесь каждый обломок старинный рассказывает без слов
О долгих муках народа, о том, кто здесь казнен
И рушащегося свода осколками погребен.
Принявши бичи и раны, здесь сотни костями легли,
И зарослями бурьяна их руки вверх проросли.

Здесь каждый обломок свода — рассказ о страданиях дев...
Гудят по ночам дымоходы, в их гуле — угроза и гнев.
Здесь, виденным горем наполнясь, камень от скорби нем.
Здесь жили сотни невольниц, для хана взятых в гарем.
Тысячи юных желаний были раздавлены здесь,
Тысячей горьких страданий все обесславлено здесь.
Угрюмая цепь преступлений уводит в сумрак веков,
И муки девушки пленной звучат в стенаниях сов.

Доныне еще не истлели невольничьи кости в цепях,
И чудится, что ночами те цепи гремят впотьмах.
Дворец разрушен годами, но память жива о нем.
Хан выходил отсюда с фирманом, мечом и огнем.
Но не мирился с неволей, — героев рождал народ,
Сила росла в народе, копилась за годом год.
И против зла столетий вырос могучий враг,
Крепло желание мести, зрело во всех сердцах.
Будущее поднималось. И у народа в груди
Горели мечты о восстаньи, сияющем впереди.
И вот эти своды пали под громом грозных годов,
И вот эти своды стали дневным убежищем сов.

Нет ханов. Много народом одержано было побед.
И все вокруг изменилось, и сов на развалинах нет.
Империya пала навеки. Исчезла вражда племен,
И нами к счастливой жизни широкий путь проторен.
Обуздываем природу, противостоим судьбе,
Уныния мы не знаем в трудах, в ученьи, в борьбе,
В грядущее путь широкий сквозь время нами прорыт,
Трудились мы, как герои, смеясь над тем, кто грустит.

Летите отсюда, совы! Пусть больше не будет сов!
Не нужны угрюмые птицы стране молодых бойцов.
И пусть на развалинах встанет дворец, рассвета светлей, —
Над прахом героев павших сияющий мавзолей.

Сулейман Рустам-заде родился в 1906 году в городе Баку в семье кузнеца. Первоначальное образование получил в „русско-татарской школе“. После окончания средней школы он учился в 1-м МГУ. С 1923 года стихи его появляются в печати. Сулейман Рустам принимал активное участие в организации в 1925 году молодых пролетарских писателей и боролся с буржуазно-националистическими поэтами Азербайджана. Первый сборник стихов Сулейман Рустама „От печали к радости“ вышел в 1927 году. Выпустил ряд сборников: „Шаги“, „Голос“, „Звезды“ (1934), „Чапаев“ (1936), „Романтика ночи“ (1938). Сборник его стихов в переводе на русский язык вышел в издании Гослитиздата. Сулейман Рустам депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР. Член ВЛКСМ с 1924 года.

СТАЛИН

Сколько б я о тебе поэм ни сложил,
Не умолкнет мой голос в горле моем.
Не погаснет, века не погаснет мой пыл,
Сколько б я ни шагал твоим ясным путем!

Твоя мудрость по щедрости свету равна,
Нашу землю бескрайнюю ты осветил,
Ты, как бурно возникшая в мире весна,
Эту жизнь в расцветающий сад превратил.
Каждый край, как огромная роза, расцвел.
И народы тебе восклицают: „Саг-ол!“

Прям и славен тобой пролагаемый путь,
И любовью к тебе переполнена грудь.
Мы тебе благодарны за светлую жизнь
И за крылья отчизны, пронзившие высь.

Ты сияние вечного нашего дня!
И правдивее слова нет у меня,
Это слово правдивое в сердце поет:
Ты—это мы! Ты—мой народ!

И глаза мои ярче от счастья горят;
Расцветает тобою посаженный сад!
И звуча, пред тобой, как отряд боевой,
Наших песен встает пламенеющий строй.

Мы деревья в саду, мы плоды и цветы,
Между нами проходишь садовником ты.
Мы сознанием богатства и силы полны;
Никакие ненастья для нас не страшны.

Мы с тобой пролетали в громовых боях,
И под сабельной сталью рассеялся враг.
Мы растем, расцветаем, победой горды;
И в веках не осыплются наши сады.

В миллионы счастливых очей я гляжу,
И в миллионах очей я тебя нахожу.
Навсегда в своей речи сердечной народ
Приготовил и место тебе и почет.

Над великой землей твое слово звучит,
Ты над юностью нашей незыблемый щит.
Мы дремучее дерево жизни трясем,
И из темных ветвей разлетается сон.

Мы идем за тобой через время, вперед,
И нельзя разграничить тебя и народ!
Это—сердце твое неумолчно гудит
В необъятной, могучей народной груди.

В пору мая стада выгоняя на луг,
О тебе свою песню слагает пастух.
Твое имя любимое клятвы сильнее
Для приморских, долинных и горных людей.

Откликается стук миллионов сердец
В твоём сердце великом, о мудрый отец!

Если взор мой остро и глубоко глядит—
Знаю—ты его зоркостью одарил;
Если песня моя полземли облетит—
Знаю—ты её силой своей наделил;

Если песня моя, как заря, заблестит—
Знаю—ты в эту песню с улыбкой вступил!
Говорю: я счастливейший сын твой, страна!
Говорю: в моём сердце и в мыслях—весна!

Мы в пожаре военном, в огне и дыму
Пронеслись за Лениным и за тобой.
Мы в осколки разбили народов тюрьму,
Мы твердыню тиранов сравнивали с землей.

Мы зимой у костров ваших мыслей и слов
Согревались, и вновь за винтовки брались;
Мы добыли в конце этих тяжких боев
Для вчерашних рабов и свободу и жизнь.

Кто сокровище это отнимет у нас?
Мы добычу победы удержим в руках!
Наша воля верна; словно твердый алмаз,
Не сомнется она, не рассыплется в прах.

Свершено то, о чем угнетенный мечтал.
Ты свободы венком времена увенчал.
Ты ворота в грядущее нам отворил,
Ты народам окно в коммунизм прорубил.
И, хоть подвиг был целой земли тяжелей,
Мир ты создал, рассвета свежей и светлей.

Твое мудрое слово мы носим в сердцах,
И оно, как поэма, в народе живет.
Лучшей книгой в твоих и в народных трудах
Новый мир, создаваемый нами, встает.

Жил ли гений в тумане минувших веков,
Чтобы столько повел за собою бойцов,
На победу готовых и рвущихся в бой,
Сколько нас беззаветно идет за тобой?

Рады мы, что под небом одним мы росли,
Рады мы, что с тобою садимся за стол,
Что плоды мы едим от единой земли.
Мы тебе восклицаем за это: „Саг-ол!“

Рады мы, что мы вместе под солнцем одним
Обвеваемы воздухом нашим родным,
Как мы слышим ашугов, так мерный, живой
Миллионов ты слушаешь пульс громовой.

Ты желанья и волю страны познаешь.
Выше горных снегов твоя мысль поднята.
Это ты с нами радуешься и поешь!
Нам улыбка одна озаряет уста.

В честь тебя за товарищеским столом
Возникает заздравная песня, как гром.
Изумляющий мудрой своей простотой!
Мы крепки и сильны и бессмертны с тобой.

Ты рукою могучею пишешь для нас
За страницей страницу прекрасную жизнь.
Как сады, небывалым цветеньем клубясь,
В книге жизни поэмы годов родились.

Ты проходишь, как солнце, повсюду светя,
И тебя называет любое дитя,
Ты из струн наших дружно звучащих сердец
Сделал саз несмолкаемый, о наш отец!

И народы земли пред тобой собрались,
Чтобы слушать тебя, величавый ашуг.
Слово Ленина, слово, дающее жизнь,
Ты несешь на ладонях незыблемых рук.

Ты ему свою жизнь навсегда посвятил,
Из народных глубин ты светилом восстал,
И лежавшую в сумраке даль озарил,
И стране этой душу великую дал.

Дал ей радость и мощь молодую. Салам—
Слышишь?—Наши ашуги настроили саз!
Мы внимаем высоким певцов голосам,
И в сердцах просыпается сила у нас.

Ты наш меч! Ты за это народом любим!
Ты открыл нам дорогу на тысячи лет,
Меж сердцами миллионов и сердцем твоим
Связь живая, прочней притяженья планет.

Ты нас вывел из тьмы на простор золотой;
Силы нет, чтобы нас от тебя оторвать.
И в годину тревоги железной стеной
Мы поднимемся, чтобы тебя защищать.

Инженерами душ ты поэтов назвал;
Но ты сам величайший сердец инженер!
Ты есть разум народа! Ты нас подымал—
Подымаешь до высших сознания сфер!

И стихи мои, как за аскером аскер,
Вырастают, пред взором твоим представ.
Они в битвах готовы подать пример,
В облаках проносясь, к пулеметам припав.
Вот—аскеры мои; я—их командир.
Вместе будем мы биться за лучший мир.

РОМАНТИКА НОЧИ

В эту ночь я хожу среди сонных домов,
Нарушая безмолвие гулом шагов.
Так нередко в прохладу апрельских ночей
Выхожу я из комнаты жаркой моей.
Я иду среди легкой ночной темноты,
И вокруг меня реют и вьются мечты.
И рождается песня в сиянии звезд,
В думе листьев, обвеянных россыпью рос.

Ночь меня задевает крылом на лету.
Не смыкая ресниц, я гляжу в темноту
И рождение стиха напряженно слежу.
Словно факел зажженный, я тихо вхожу
В эту лунную, силой дарящую ночь,
На светящихся крыльях парящую ночь.

Ночь спросила: „Пароль?“

„Ленин!“—я говорю;

С тем паролем вся родина встретит зарю.
Как прибой, в темноте мои думы гремят,
И полоска рассвета красна, как гранат.
Я вдыхаю летящие капли светил.
„Пробуждайтесь, запасы невиданных сил!
Пойте звонче, бодрее, и звучите, шаги!“
... Звезды мчатся, описывая круги.
Тень моя переходит с дома на дом.
Я страну мою в сердце несу молодом
В эту лунную, силой дарящую ночь,
На светящихся крыльях парящую ночь.

То не лампы горят на воротах домов,
А слова замороженных в сердце стихов.

Моя милая с лампой стоит у окна,
В темноту поредевшую смотрит она.
В эту ночь моя милая тоже не спит;
„Что случилось?“—заждавшись она говорит.
Ей не брезжат светила, не светит луна.
Всюду мыслью со мною витает она.

Вот сидит за поэмой, склонясь над столом,
Мой товарищ-поэт за высоким окном.
Говорит он: „О сердце! Найди мне слова,
Одаренные силою дивной слова!“
И за ленинской книгой не спит в эту ночь
Комсомолка, страны черноглазая дочь.
И не спит инженер, беспокойством томим,
Диаграммы и карты лежат перед ним:
Скоро вышки подымутся в бухте, как флот,
И струя нефтяная фонтаном забьет.
Сотни огненных взглядов вонзились во тьму.
В лад поющему сердцу, стиху моему
Ты звучишь, неустанное сердце страны!
О, какие мне яркие дали видны
В эту лунную, силой дарящую ночь,
На светящихся крыльях парящую ночь!
Созерцал опрокинутый купол небес,
Как предание, слушал немолкнувший плеск
И вдыхал налетающий ветер морской,
Ожидая зарю над шумящей волной.

Мрак с волны просветлевшей легко улетал,
И луна потемнела. Я ночи сказал:
„Приближается день, убегай поскорей!
Утро! Дверь отвори! Солнце ждет у дверей!“

ЧАПАЕВ

Чапаев мчится по степи, проходит реки вброд.
Он генералов царских бьет, сдаваться им веля,
Галопом он ошеломил и реки и поля.
Грядущую он видит жизнь, скача, несясь вперед.
Освободите путь ему, уральские леса!
Он мчится, и на стременах стальных он поднялся,
Пускай слышат клич его бойцы в родном краю:
Чапай нигде и никогда не отступал в бою.
Вперед, вперед! Пусть скачет он! Помчим за ним быстрей.
Вперед! Мы—счастье земли, мы—свет грядущих дней.
Огромна степь, как море. Кровь стоит зарей над ней.
Направо степь, налево степь. Скачи, скачи быстрей!
Когда Чапаев бьется здесь в крови с врагом своим,
Мне кажется, что я врага сражаю рядом с ним.
Мне кажется, что грусть его и радости—мои.
Я с болью чувствую его раненья, как свои.
Мне кажется, что я в степи, а рядом кровь течет
И вместе с кровью хребца моя из ран идет.

Над степью дыма и огня несется полоса,
И сотрясает грозный гул и степь и небеса.
Как лев, он прыгнул из огня, пусть рана глубока.
Один лишь путь к спасенью есть, и тот плохой—река,
Река, возьми себе леса, поля—весь здешний край,
Но лишь Чапаева, река, у нас не отнимай.
Заметил враг, и вдруг вода Чапая понесла,
И волны пенятся от пуль, и пулям—нет числа.
Чапаев храбрый, наш Чапай, веселый наш Чапай!
Нам на коленях не стоять перед врагом, Чапай!
Увы, Чапай! Убитый, он теперь лежит в воде.
Ответь, Чапаев, крикни нам, где ты несешься? Где?
Молчит Чапаев, погребен в кровавых тех волнах,
Но те, кто ищут, вновь найдут Чапаева в сердцах.
Не притупилась сабель сталь в моем родном краю.
Мы без Чапая, но опять мы победим в бою.

Историей из храбрецов никто не обойден.
На нашей родине живет Чапаевых миллион.
Никто с чапаевских дорог не повернет меня,
И на войну я поведу любимого коня.
Чапай не умер, нет! В груди он у меня живет
И на своем коне в моей душе летит вперед.
Опять враги хотят напасть на родину мою,
Но помнят пусть, что на моей земле, в моем краю,
В прекрасных полных солнца днях и голубых ночах
Живет Чапаев, сам Чапай, живет—врагам на страх!

СЧАСТЬЕ

Для иных бессмысленна и жизнь
и смерть,
Сколько бы ни прожили, все топчутся на месте.
Нам же, побеждающим с вождем любимым вместе,
Радостно для родины
и жить и умереть.

Славен тот, кто ранен был за родину
в боях.
Радостен с товарищами отдых на привале.
Солнце поднимается над утреннею далью.
Радостно встречать его
и провожать впопыхах.

Жалок тот, кто жизнь свою вслепую проживет.
Счастлив тот, кто с родиной
и в море и в пустыне,
Тот, кто в миг тяжелый,
как челюскинцы на льдине,
Знает,
что страна его поддерживает
и спасет.

Север покорился нам
и глубины вод,
Знамя нашей родины над Арктикой пылает.
Путем непроходимым победители шагают,
Поют,
смеются,
борются
и идут вперед.

Прославляю мужество борцов за наш народ.

Сладостна победа

над заклятыми врагами.

Хорошо со славными железными полками

Под грохот барабана

выступать в поход.

Сладостно вперед стремиться,

если видишь цель,

Ввергнуть в горе недругов успехами своими...

Хорошо задумчиво следить за золотыми

Родинками-звездами у ночи на лице.

Песни битвам будущим сладостно слагать,

Чтоб народы родины их пели на просторе.

Сладостна победа наша.

Сладостно во взоре

Дорогого Сталина—

Ленина узнать.

Для иных бессмысленны и жизнь

и смерть,

Сколько бы ни прожили, все топчутся на месте.

Нам же, побеждающим с вождем любимым вместе,

Радостно для родины

и жить и умереть.

РАЗЛУКА

Что твой взгляд затуманен, любовь моя?

Чем покой твой поранен, любовь моя?

Ты не плачь! За платком не тянись рукой.

Не надолго расстанемся мы с тобой.

Говорила же мне ты сама всегда,

Что душа и в огне быть должна тверда!

У кого же—хотелось бы мне узнать—

Научилась ты плакать и тосковать?

Пусть уймется печаль в твоей груди;

Без меня не скучай, бодрей гляди!

Или хочешь ты мне доказать любовь,

Проливая слезы и хмура бровь?

Ну, не плачь! За платком не тянись рукой.

Не надолго расстанемся мы с тобой.

В тех краях, куда уезжаю я,
Петухом багряным поет заря.
Свои песни я пропою чабану
И домой из-за гор принесу весну.
На горах, расцветающих поутру,
Я слова для песен своих соберу,
И из слов, в высоте встречавших зарю,
Песню новую я тебе подарю.

Так зачем же мы с тобою грустим,
Люди, с мыслью живой и с сердцем живым?
Ну, не плачь! За платком не тянись рукой!
Не надолго расстанемся мы с тобой.

ОТВЕТ ВРАГУ

Рука, державшая молот, держит сейчас перо,
А завтра возьмет оружие—и будет оно остро,
Открыты глаза, как окна, я вижу ими страну,
А слово мое—оружье, готовое на войну.
Хочу, чтоб каждое слово всегда раздражало врага.
Кипи, мое вдохновенье, захлестывая берега!
Пушай меня враг поносит—завидна моя судьба.
Я к жизни рожден борьбою, имя мое — борьба.
Кто на фронтах родился—пусть на фронтах живет,
Пусть держит в руках оружие—народ его призовет.
Враг потушить мечтал бы пламя нашей звезды,
Все цветники разрушить и растоптать сады.
Он бы взрывал заводы и города сносил,
Но коротки руки вражьи, и маловато сил.
Есть у меня бесстрашный, с открытой душой народ,
Голос Интернационала громко зовет вперед.
Грузин и азербайджанец, русский и армянин
Стали чужды печали прожитых злых годин,
Создали новые песни великой своей страны,
Они боевому знамени—Сталину посвящены.
Сладостные напевы тихо играет саз,
Девушки ясноликие, славные есть у нас.
Знаменем мы клянемся, тверд и суров наш взгляд—
Нога врага не посмеет ступить в наш цветущий сад!
Слава всем открывавшим дверь этих светлых лет!
Проклятье с пути свернувшим, бежавшим пощады нет!
Тот, кто стал негодяем, наемником подлеца,
Своею враждою не может он испугать бойца.

Я сын величайшей партии, могучей и боевой.
Я связан с ней всей душою и верен ей всей душой.
Слава великому Сталину, украсившему наш век,
Он самый достойный, мудрый, искренний человек.
Враги моего народа—муссаватист, дашнак—
Пусть гибнут, переступая наш пограничный знак.
Вредителей мы уничтожим—пусть это знает враг,
Наш воздух его задушит—заря разгоняет мрак.
Жизнь лежит перед нами, радостна и светла,
Непобедимы герои, доблестны их дела.
Мы, счастливые люди, в сталинский век живем.
Наш современник Сталин—наши мысли о нем.
Мы, наконец, отыскали дней счастливых ключи,
Играют песню победы радостные трубачи.
Сталинских дней величье по всей вселенной звучит,
Вместе со всем народом сердце мое стучит.
Я и поэт и воин, партии—рядовой,
Меня ничто не заставит бросить пост боевой.
Рука, державшая молот, держит сейчас перо,
А завтра возьмет оружие—и будет оно остро.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

(1918 год в Баку)

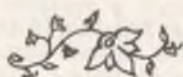
Тиг Джонса грязною рукой убиты двадцать шесть.
Кровь их сердец в сухой песок впитал Туркменистан.
С тех пор и до сих пор не смог я горе перенести,
С тех пор на сердце двадцать шесть навеки жгучих ран.

Свою свинцовую чадру накинул небосклон,
Как зеркало, спокоен он, как сталь, невозмутим.
И месяц, желтый как айва, над городом вонзен.
В глухие думы погружен, Баку лежит под ним.
Задумался Баку, тоской судьба его полна.
Котлы пусты, и ветра нет, и тихо вышки спят.
Вступает с берегом в борьбу каспийская волна,
И минареты в тишине торжественно молчат.
Не слышен чаек хриплый крик над мертвою водой,
Сгорает Нарген. Там тоска, стенанья и позор.
И стонет весь Чемберикенд под топчущей пятой.
Разбиты пушечной пальбой вершины темных гор.
И чем отличен Ясамал от кровавых озер?
Баку устал от битв. Война и горести кругом.

Огнем полна его душа, и гневом полон взор.
Вокруг застыли промысла в молчаньи грозном.

Виной всему кровавый век, кровавое житье.
Не бьет фонтан, и глухо нефть толчется в глубине.
Ее желаний ведь никто не спросит у нее.
Внимает старая земля разрухе и войне.
В Баку и Черный город спит, и Белый город спит.
Не слышно фабрик, холодны, чернеют очаги.
Сады молчат. Не услышать, как дерево шумит.
По городу шагает смерть. На нас идут враги.

Прошу, послушай, нефть, меня, меня послушай, нефть!
Ты заставляешь англичан войной итти на нас.
Ты наше сердце, наша кровь, дороже нет иной!
За нашу радость, за тебя мы все встаем стеной.
Своей суровой кровью ты вскормила наш народ.
Мы не допустим никогда, чтоб враг сосал тебя.
Мы скорбь делили пополам, с тобой вдвоем скорбя,
Как бомбы, гневные слова швырнули мы вперед,
Вдвоем мы строим новый мир, подгнивший мир дробя.

САМЕД ВУРГУН

Самед Вургун родился в 1906 году в селении Салахлы Казахского района. Начальное образование он получил в сельском училище. Окончив в 1924 году учительскую семинарию в городе Казахе, преподавал литературу в районных школах Азербайджана. После этого в течение двух лет он учился во 2-м московском университете. Начал печататься в 1926 году. Первый сборник стихов, под названием „Клятва поэта“, вышел в 1930 году. Впоследствии выпустил ряд сборников—„Фонарь“ (1932), „Книга сердца“ (1933), „Стихи“ (1935). Сборник стихов в переводе на русский язык вышел в издании Загиза в Тбилиси. Самед Вургун занимается также переводами. Он перевел „Евгения Онегина“ Пушкина и участвовал в переводе поэмы Шота Руставели, за что награжден ЦИК Грузии грамотой. В 1936 году Самед Вургун награжден орденом Ленина и в 1939 г. орденом Знак Почета. Самед Вургун является депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР. Член ВЛКСМ с 1920 года.

ПРИВЕТ ВОЖДЮ

От звезд, проплывающих над Баку,
От женщин, не знавших чадры на веку,
От крыл журавлей, что звенят наверху,
И песен, что множат струну на строку,
Где солнце Восточных ворот на-чеку,
Где дни, словно спелые дыни в соку,
Где чувству свободно и языку,

От той, кто со мною — щекой о щеку —
От медленных лет и от быстрых секунд
Привет тебе, лучшему большевику!

Ты — въявь превративший предвестия строк,
Ты — нового мира приблизивший срок;
Слагает историю каждый твой слог,
Но к детям склонен, матерински, не строг,
Ты сердце живую любовью зажег,
В день добрый ты жизни ступил на порог!
И я, часовой твоих войск вдалеке,
Я чую, как, — сосредоточенный здесь —
На этой непоколебимой руке,
Как бьется он, пульс миллионов сердец!
От медленных лет и от быстрых секунд
Привет тебе, лучшему большевику!

В напевах вечерних лепечущих вод,
В счастливых словах материнских забот
Есть нового смысла высокий восход;
И горы теряют угрюмый налет,
И — воском — с полей растопляется лед,
И труд набухает из завязи в плод,
И свечек мечети развеян дурман,
И женщин распрямлен согнувшийся стан,
Им больше не страшен ни джин, ни шайтан,
Ни плеть, ни мулла, ни кулак и ни хан.
От рук загорелых, что нынче в чести,
От памятника двадцати шести,
От медленных лет и от быстрых секунд
Привет тебе, лучшему большевику!

Цветами цветут наши годы и дни;
Ширвану, Мугани и Милю сродни;
В горах и в долинах пунцовая рань:
Пахнет апельсинным цветком Ленкорань,
Нуха расцветила шелками дворы,
Чернеют каймою кубинцев ковры,
Под камнем дорожным сверкает руда,
Роднится с тобою величье труда.
И движутся рядом — щекой о щеку —
С рабочей Москвою рабочий Баку.
Ведь наши и воздух, и жизнь, и земля!
Ворота Востока — в воротах Кремля!

Ведь к солнцу направлен наш караван!
И солнечный луч нам водителем дан.
От тех, кому лица забронзовил свет,
От солнца, от сердца, от силы — привет!
О сталинском имени — всюду молва,
Но это не славы обычной слова,
Оно вызывает великую страсть,
И страсти той имя — народная власть!

АЗЕРБАЙДЖАН

Я ходил по горам, я глядел меж лугов
В журавлиные очи родных родников;
Издаেকে выслушивал шум тростников
И ночного Аракса медлительный ход...
Здесь я дружбу узнал, и любовь, и почет.

Можно ль душу из сердца украсть? — Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

На горах твоих кудри белей молока,
Как чадра, укрывают тебя облака,
Над тобою без счета промчались века,
От невзгод поседела твоя голова...
Как ты много терпела — и снова жива.

И невежды порочили имя твое,
И безумцы пророчили горе твое,
И надежды измучили сердце твое,
Но пришла благородная слава твоя,
Велики твои дочери и сыновья!

Пусть Баку мой неведомый гость навестит:
Миллионами солнц его ночь поразит.
Если северный ветер на вышках гудит,
Откликается эхом песчаный простор,
Полусонные горы ведут разговор...

Можно ль мать у ребенка украсть? —
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

На серебряном Каспии ветры свистят,
Изумрудные темечки уток блестят...
Пусть влюбленные путники нас навестят,
В Шемахе и в Шамхоре пусть выпьют вина!
Ах, как жизнь коротка, как дорога длинна!

Любоваться хотел бы я тысячу лет,
Как играет в ущельях рассеянный свет...
Пробегает олень, олененок вослед,
И зовет, и под камнем находит приют,
А быки на эйлагах молчат и жуют...

Рано утром, поэт-путешественник, встань!
Погляди Астару, погляди Ленкорань.
Из Египта, из Индии в раннюю рань
К нам слетаются птицы, ликуя, крича,
Словно вырвались из кулака палача!

Здесь желтеют лимоны колхозных садов,
Нагибаются ветви под грузом плодов,
И тому, кто работал, здесь отдых готов...
Золотого чайку завари и налей,
О невеста, для матушки старой моей.

В Ленкорани цветы и свежи и стройны,
И прекрасны, как женщины нашей страны.
И амбары колхозные хлебом полны,
Белый хлопок сияет, как снег на горах,
Сок лозы виноградной кипит в погребах.

Выпей утром, когда еще море темно,
Этот сок, еще не превращенный в вино,
Будет силою все твое тело полно!
Сила солнца — наш верный союзник в борьбе,
И в работе она да поможет тебе!

Сядь в Казахе на красного с искрой коня,
Приласкай его, добрую дружбу храня!

Он тебя понесет мимо шумного дня
На вершины Капеза, где холод остер:
Погляди на Гей-Гёль, королеву озер!

О страна моя, родина музыки — ты!
Твои песни как летом плоды налиты!
Ты — серебряная колыбель красоты!
Сгустки музыки — тысячи наших сердец,
В каждом малом селе есть любимый певец.
Не умрет Насими, не умрет Физули —
Дорогие поэты старинной земли
Как туманные звезды мерцают вдали...
Но родятся здесь много таких, как они,
Это — близкие, это — земные огни!

Можно ль песню из горла украсть? — Никогда!
Ты — дыхание мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города...
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

О Баку! Шел по улицам старым твоим
Вождь народов, когда был совсем молодым!..
Здесь он думал. И лоб его ветер ласкал.
Здесь учился. Великим учителем стал.

Можно ль гордость у мира украсть? — Никогда!
Здесь дыхание мое, здесь мой хлеб и вода!
Предо мною распахнуты все города...
Сталин-джан. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

СВОБОДНОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Сталин мой дорогой! Вдохновитель и вождь!
Ты свободы моей и страны моей мощь!

Вижу добрый прищур, вижу ясность лица,
Ранний час, когда день еле-еле сквозит.
Он, вселенную всю распахнув до конца,
Каждый сноп световой прямо в сердце вонзит.

Вдохновенье, лети в поднебесную высь,
Проложи в облаках неисхоженный путь.

Если пущена метко стрела, то промчись.
Издавна повелось, что тебя не вернуть.

Вдохновение мое! Ты опора опор,
Ты охрана охран и порука моя.
Я дышу, я с тобой заодно до сих пор.
Да не буду лишен этой милости я!

Говорил Насими, наш певец дорогой:
„Если праведно жил, то и речь хороша.
Но правдивую речь душат петлей тугой —
В этой петле барыш для мошны торгаша.

Тронь мизинец муллы — завопит этот шут,
Отречется при всех от аллаха мулла.
А с ашуга несчастного кожу сдерут,
Что ему эта боль и людская хула!“

О звезда на заре, мастер наш Насими,
Дальнозоркий стрелок, заглянувший в века!
И осталась в веках и пошла меж людьми,
Не состарилась мысль, и она нам близка.

По сей день Физули безутешно скорбит
У распахнутых в мир озаренных ворот,
По сей день глухота его давних обид
Заставляет рыдать весь восточный народ.

В седилах Физули — та морозная стынь,
Тех пронзительных лет еле видный канун,
Где прошел караван по заносам пустынь,
Где блуждали без крова Лейли и Меджнун!

И приходит еще к нам Вагиф издали,
Чей оборванный саз — как народная грусть.
И курлычут Вагифу во след журавли,
Его песенный плач повторив наизусть.

От фарсидских писем, от арабских прикрас
Он навек излечил нашу тюркскую речь.
И, ширяя крылами, та речь понеслась,
Чтоб народ молодой воспитать и увлечь.

Горемычный певец! Будто в камни стены,
Ударялся твой стон о людские сердца.
Только эхо пошло по ущельям страны,
Откликалось навзрыд между скал без конца.

Ты нам мать и отец, нашей песни родник.
Вольный сокол в плену у ручных лебедей.
И я в песню твою опечаленный вник,
Чтоб вернуться к своей и сказать о своей!

Вдохновенье мое! Ты опора опор,
Ты охрана охран и порука моя!
Я дышу, я с тобой заодно до сих пор.
Да не буду лишен этой милости я!

Над моей головой нет угрозы ничьей.
Стоном лопнувших струн не прославится саз.
Не сковали мне рук, не сломали речей,
Не нужны небеса для живых моих глаз.

Мне сказали саг-ол! — это значит: живи!
Орден Ленина мне прикололи на грудь,
Комсомолец-поэт, всем пожаром в крови,
Всею жизнью живу — вот широкий мой путь.

Вдохновенье мое! С того самого дня
Выше гор, дальше туч мою песнь понесли,
И курлычут опять надо мной, для меня,
Облетевшие мир трубачи — журавли.

Мать, качая дитя, пусть меня назовет
Как приветственный звук, как приятную весть.
Колыбельная снова ко мне доплывет —
Значит, друга нашел... Но и недруги есть!

Зорче молнии будь! Оглянись на тихонь,
Тех, что мух на лету превращают в слонов.
Истребителем будь! Под обстрел, под огонь
Двоедушных друзей, прописных болтунов.

Что за умники, глянь! Оцени их сполна.
Их пустые слова как кимвалы и медь.
Если честного сына любила страна,
Ей за эту любовь не придется краснеть!

Так бичуй, не жалея шулеров-подлипал,
Кто, меняя лицо, не меняет души,
Кто жену продавал, и со всякою спал,
И, вползая ужом, навредил нам в тиши.

Есть еще и такой, что парит в облаках,
Отрешенный от нужд и от нашей среды.
Есть другой, что торчит десять дней в погребках,
Пьет за всех и поет на любые лады.

И другой, что во имя народа свою
Деревяшку без струн преподносит стране,
Заливает вином и детей и семью,
Мысль чужую крадет и утопит в вине.

Прочь их с наших путей! — Я в работе своей
Был подручным весны. Я природу любил.
О любимая! Шею мне крепче обвей.
Я живые слова, как огонь, раздобыл.

Мое сердце! Не хмурь своих тонких бровей,
Ибо кончилась боль и рассеялся мрак.
Мое солнце! Восстань из пучины твоей!
С малых лет я ночам ненавистник и враг.

Я чеканил слова не за хлеба кусок,
У народа их брал, чтоб народу отдать,
Я не Байроном рос, но могу быть высок.
В жарком сердце не всю исписал я тетрадь.

Человек — это все. Он властитель земли.
Без него и заря не горит с вышины.
Цель искусства — душа. Только тронь, и вдали
Откликается мир звону каждой струны.

Что мне злая зима, что мне клетка ее?
Спутник милой души, я, как птица, лечу.
Прочь насмешку и злость. Я веселье свое
Добываю трудом, как могу и хочу.

Не отрекся от мира, не ныл: пощади!
Не назвался нулем на родимой земле.
Чайльд-Гарольдом с ничтожной обидой в груди
Не уплыл за моря на чужом корабле.

Тот обесчещен и лжив перед родиной, кто
Отречется от нашей любимой страны.
О друзья! Наше небо зарей залито.
Вы в нарядные платья одеться должны.

Птичий гомон в листве, испаренья росы,
Упоение пчел над пыльною цветка!
О свободы моей молодые часы!
О ведущие вдаль молодые века!

О скользящая в зыбь стайка уток речных,
Будь спокойна за свой сизокрылый наряд.
О земля матерей, что родят семерых,
Вот охрана твоя — юной поросли ряд.

О весенняя рань, о моя детвора!
Как светлы эти личики ранней весной!
Веселись же в садах, разгорайся, игра!
Каждой матери люб ее птенчик родной.

Громыканье туч и струение вод!
Не мутней, половодье, гори как хрусталь.
Человек на земле свое счастье кует,
А не в смутных мечтах, заплывающих вдаль.

Раскрывайся, цветок! Все твои лепестки
Я целую подряд, благовонный апрель.
Пой, бую-бую, в цветнике. Мы с тобою близки,
Пьет дыханье мое упоенная трель.

Встаньте, девушки, в ряд! Вы — невесты земли.
Не смущайтесь своих заалевших ланит.
Вы на солнечный свет заглядеться пришли.
Этот мощный огонь вас легко опьянит.

О родная земля! Свет очам твоим, мать!
О счастливых знамен ярко-пышущий жар!
Если б не было вас, я бы должен сломать
Эту краткую жизнь, мне врученную в дар.

Пограничник-боец! Свет очам твоим, брат!
Зоркий сокол, прими мой привет издали.
Мы с тобою в строю. Мы не знаем преград.
Наше имя — весна и свобода земли.

ТАЛЫСТАН

(Отрывок из эпопеи „Азербайджан“)

И вот я направляю ввысь коня.
Тропинка высоко ведет меня.
Тебе, мой край, я говорю „Салам!“
Крутые скалы виснут здесь и там.
И ослепляют мой отвыкший взор
Сверкающие шапки снежных гор,
Чем выше мой опасный узкий путь,
Тем тише конь, тем чаще дышит грудь.
С тех пор как замер орудийный гром,
Такая тишина стоит кругом.
Поет о чем-то белая вода,
Да горных коз пугаются стада.
А в сумерки, едва угаснет день,
Луна выходит и кричит олень.

Мой Талыстан, полна восторга грудь,
Тебя полюбишь, стоит лишь взглянуть.
Здесь солнце, оседлав себе коня,
Стремит его к седьмому небу дня,
Здесь так прохладны воздух, воды, лес,
Ущелья глубже голубых небес.
Здесь так хорош дневной лучистый свет,
Что сложит песню даже не поэт.
Вершины гор, как старики, седы,
И гроздьями со скал свисают льды.
О злые камни неприступных скал,
Никто вас не любил и не ласкал.
Вы так глядите сумрачно кругом,
Что птица не коснется вас крылом.
Сказания храните вы в груди.
Я вижу день, который впереди,
Когда ваятель и творец придет,
Бесформенные глыбы разобьет
И высечет, породы не щадя,
Вершин превыше статую вождя,
Чтоб целый мир его увидеть мог.
Да будет будущего в том залог!

Великое безмолвие хранит
Полуразбитый крепости гранит,
Как память о давно минувших днях,

Заплесневели буквы на камнях.
Кто помнит имя славного творца,
Кто вывел стены этого дворца?
Есть в крепости старинной красота.
Так сбережем забытые места.
У древних сумерек, сгоревших в дым,
Своя есть слава. Мы ее храним.
Я сын народа. Жизнь моя — народ.
Мое искусство он ведет вперед,
Дает мне вдохновение и мечты.
В моих поэмах — травы и цветы.
Мне каждый кустик, ветка и листок
Лишь сочетанье музыкальных строк.
Цветущая весна зовет: „Приди!“
Стучат сердца у матерей в груди,
Колосья, ароматы и поля,
Ветра и вьюги, небо и земля,
Орлы на небе, утки на воде,
И птичье пение, и речь людей,
Вода течет по капле из камней —
И это все в удел досталось мне,
И этим всем владею нынче я
И песня ненасытная моя.

Любимые, родимые места!
Гора, которой имя Талыстан,
Где мерзнут от тумана лапки птиц,
Где ярче роз огонь девичьих лиц,
Здесь люди просто, радостно живут,
Гостеприимству нет пределов тут.
От здешних весен, лета и зимы
Блаженно сердце и ясны умы.
Проходят скорби, горе и печаль,
Порывы и мечты стремятся вдаль,
И нет дорогам края и конца.
Усталости не ведают сердца.
Тут, словно кони, носятся ветра
В густом тумане ночи и утра.
Когда по склону движется туман,
То, кажется, идет и Талыстан.
И каждая вершина на горе —
Как девушка в серебряной чадре.

Струится по моим родным местам
Река, которой имя Талыстан.

Здесь незаметно шествие годов,
Как древнее круженье жерновов.
В лучах широких с раннего утра
Фиалки собирает детвора.
Взгляни под ноги, под любой кусток,
И родника увидишь ты исток.
Из этих чистых родниковых вод
Река по дну ущелья потечет.
В весенний день с вершин бегут снега,
Толпой выходят девушки в луга.
У родников, на вешних склонах гор
Заводится девичий разговор.
И, с неба не сводя печальных глаз,
Старик-ашуг настраивает саз.
И раздается сладостный мотив.
В газеллах пробуждается Вагиф.
На свете умирают лишь сердца.
Поэзия сильнее ее творца,
Ей от рожденья без предела жить.
Но тут поэт решает отступить.

Верный сын пришел домой.
Горный край родимый мой,
Вот я вновь перед тобой.
Сердце полное любви
Говорит тебе: „Живи!“

Ты цветок, прекрасней всех,
Никаких не знай помех,
Да звучит твой чистый смех!
Старый край мой, юный край,
Сына верного встречай.

Время ханов позади!
У живой твоей груди
Смертный холод проходил.
Мой краснознаменный край,
Выше знамя подымай!

Пред тобою я в долгу.
Чем платить тебе смогу?
Я почет твой сберегу.
В тех стихах, что стану петь,
Будет жизнь твоя шуметь.

По стране проходит весть,
Что богатств твоих не счесть,
В горных недрах злато есть.
Я еще поведать рад:
Край мой песнями богат.

Ты не знаешь ни цепей,
Ни оград, ни крепостей,
Ни безвинных слез детей,
Словно девичьи уста,
Так душа твоя чиста.

Мы дойдем до недр земных,
Мы вонзим лопаты в них,
Мы отыщем клады в них,
Неразведанных досель,
Покоряйтесь, недра гор,
Неприступных до сих пор.

Познай, поэт, безвестные края,
Когда рождалась родина моя.
В те давние, сокрытые века
Природы материнская рука
Ей столько ласки и любви дала,
Что родина на диво расцвела.
Мне жаль, что край, имевший столько благ,
Проспал столетья, погруженный в мрак.
Красотам зим и прелестям весны,
Мой брат-крестьянин, ты не знал цены.
Ты молча принял скорбный свой удел,
Ты был доволен малым, ты хотел
Лишь большего не ведать в жизни зла,
И в черном горе жизнь твоя текла.
Нес бремя непосильного труда,
Мохнатой шапки не снимал года,
О бане никогда ты не слышал,
Кривою палкой полосу пахал.
Туманная завеса на глазах,
Жесткие мозоли на руках.
Он столько горя в жизни перенес,
Он столько пролил крови, столько слез,
Он в жизни досыта не ел плодов
Своих кровавых тягостных трудов.
Столетней грязью дом его оброс,

И каждый из ребят раздет и бос,
Все греются у жалкого костра,
И боль от язв мучительно остра.
И нет врача, чтоб вылечить, помочь.
О злое время, о сплошная ночь!
Неяркая ущербная луна,
Невежество и вера в колдуна.
Ты, сумраком настигнутый, дрожи!
Здесь по ночам лихие грабежи.
Взвивается в ущельи между гор
Грабителей пылающий костер.
Они, как волки, воют от тоски,
Они, как волки, к людям жестоки
И никому пощады не дают,
Гонимы всеми, одиноко мрут.

В республике свободного труда
Их больше не осталось и следа.
Крестьянин пашет ночью под луной.
Я подхожу поближе, стороной.
„Что нищих здесь не вижу я, сосед?“
Смеется он:
„В колхозе нищих нет“.
Я спрашиваю:
„Где мечеть стоит?“
Колхозник, улыбаясь, говорит:
„В былой мечети нынче склад зерна.
Как видишь, пригодилась и она“.

Колхозной школы вижу я порог.
Вот ребяташки кончили урок.
Вот маленькая школьница сидит,
На ледники далекие глядит.
Сжав карандаш неопытной рукой,
Рисует мир неповторимый свой.
Дитя мое, прелестное дитя,
Я вижу, как глаза твои блестят,
Как нарушает детский твой покой
Искусство беспокойною рукой.
Изогнутые брови, точно лук,
Вокруг нее кружок ее подруг,
И вдруг над ними загудел мотор.
И все на небо устремляют взор.
„Взгляните, самолет ведет Лейла!

О, как она отважна и смела!
Меня коснись ты дружеской рукой,
И я мечтаю вырасти такой".
И, вторя этой радости подруг,
Звонящим смехом отвечает луг,
Смеется флаг над школой молодой
И Талыстан суровый и седой.

По мирному селению бреду,
Веду коня на тонком поводу.
Мне сильный голос говорит: „Твори!“
Подходит ночь, темнеют небеса,
Ночных потоков слышны голоса.
Вершины в тишину погружены,
Над ними низко звезды зажжены.
Собрание на большом дворе у нас.
Я вижу сотни лиц и сотни глаз.
Я говорю: „Я вам привез привет
От Сталина...“ и сразу мне в ответ
Всю тишину, стоящую кругом,
Ладоней звонких разбивает гром.
Ущелья людям рукоплещут в лад,
Ущельям вторит горный водопад.
Я продолжаю: „Он сказать велел,
Что любит тех, кто стоек, бодр и смел.
Не забывают этих ясных слов,
Героями растите вы сынов,
Сорвите груз тулупов и папах...
И земли и права у вас в руках.
Вы здесь всему хозяева одни,
Скорей сломайте дряхлые плетни,
Чтобы одной семьею жил народ.
Песком засыпьте месиво болот,
Среди камней сумейте провести
Широкие и ровные пути.
При свете электрических лучей
Вы дней не отличите от ночей,
Пусть же запылает белый свет!
Сильнее света силы в мире нет!“

Несчастливы те, кому неведом свет.
Мы свету утра говорим: „Привет!“
Гордятся светом солнце и луна,
Волной лучей вселенная полна.

Когда бы не прекрасная заря,
Замерзли бы глубокие моря,
Когда бы свет не полыхал с утра,
Всегда б дышали холодом ветра.
Когда б огонь великий не пылал,
Тепла и неги человек не знал.
Когда бы не сияние лучей,
Померкла б острота людских очей
И вечный мрак бродил бы, как слепой.
Народ живущий, славу свету пой!
Пой радость мира! Все — в твоих руках,
Пой Ленина и свет его в веках!

Горючей нефти — слава и почет!
Пускай она ручьями потечет
По трубам, что проложены в земле,
В края, которые живут во мгле,
Пусть между гор засветятся огни,
Глухие ночи обратятся в дни.
Мой брат рабочий, слушай эту речь!
Ты можешь грани тесные рассечь
И мир продвинуть на века вперед,
Такая мощь в руках твоих живет.
Такая сила, что, вверяясь ей,
Себя народы чувствуют сильнее.
Она людей возносит на крылах,
Она поет в моих простых стихах.
Мой брат рабочий, будь всегда готов
Отбить атаки тысячи врагов.
Да будет век могуча и легка
Твоя неодолимая рука!

Мой Талыстан, вздымает счастье грудь!
Тебя полюбишь, стоит лишь взглянуть.
По склонам стелется могучий лес,
Вершины достигают до небес,
Я вглядываюсь пристально вперед:
Тебя я вижу, мой родной народ,
Я вижу жизнь грядущую твою,
Я слышу: песни девушки поют.
На склонах гор, средь зелени холмов,
Я вижу ряд отстроенных домов,
Распахнутые окна залиты
Потоком света ярким, золотым,

Из-под земли, искрясь, фонтаны бьют,
Среди ветвей для певчих птиц приют.
Здесь отдыхает в тишине лесов
Рабочий раскаленных промыслов.
Он часто в горы направляет путь,
Здоровый воздух освежает грудь.
Его походка быстрая легка,
Он отдыхает возле родника,
Живую воду пригоршнями пьет.
„Создавший соты да вкушает мед!“

Пусть мудрость предков встанет для ребят,
Проходит в красных галстуках отряд,
Не умолкает бойкий барабан,
И эхом отвечает Талыстан.
Внезапно запевают рупора,
И внемлет песням старая гора.
И слышат все знакомые слова
Про Кёр-оглы и про Саят-Нова.
Саз зазвенел, запел седой ашуг,
Но песня старика смолкает вдруг.
„Алло, алло, — ты слышишь нас, Баку?
Мы столько горя знали на веку.
Лишь в этот век, и год, и день, и час
Большое счастье посетило нас.
Ты слышишь нас? Да славится вовек
Эпоху создающий человек!“

И старая вселенная горда,
Услышав песню жизни и труда.
Спрошу у ветра, у густых ночей,
У тихих звезд, у солнечных лучей:
„Неужто же умрет, покинет свет
Такое счастье ведавший поэт?“

СЛОВО О КОЛХОЗНИЦЕ БАСТИ

Вступление

Какая песнь доносится? — Басти!
Кто лучшая колхозница? — Басти!
Как нежно произносится — „Басти“...
Стальная воля, сердце золотое.

В твоих глазах я вижу тонкий луч,
Как будто бы кипит в них горный ключ:
Источник жизни светел и могуч,
Хранишь ты в сердце все пережитое!
Ты, как поэт, всегда глядишь вперед.
И, как поэта, чтит тебя народ,
Тебя любой ребенок назовет,
Толкуют старцы: „Время-то какое!“
Вокруг тебя клубятся облака:
То хлопок твой белее молока!
Его гора, как Эльбрус, высока!
Тобой гордится племя молодое!

1

Мать, плача, назвала тебя Басти,
Что значит: „баста“, „хватит“, „отпусти!“
„Зачем мне дочь? Зачем ей жить, расти?
О, почему аллах не дал мне сына?“
Обычай грустный был в стране ^{твоей} —
Не праздновать рожденья дочерей.
Жена боялась мужа: стыдно ей —
О, почему аллах не дал ей сына?
У женщины, считалось, нет души,
Нет заработка. Проживет в тиши,
Чужие будет проедать гроши,
Служанкой будет у чужого сына!
Зажжет огонь чужого очага,
А молодость-то будет недолга,
И лишь одна мечта ей дорога:
Родить бы, милостью аллаха, сына!
На свадьбах пели: „Девка здорова,
Вся без изъяна! Сладкая халва!
Семь сыновей роди, пока жива,
Ты мне, гляди, роди не дочь, а сына!..“

2

Я вспоминаю
Черный мир былой...
Что за река
О скалы бьет волной?

То слезы матерей.
Ты плачешь, мать?
Века, века пришлось тебе страдать
Бек и купец
Могли тебя купить,
Муж и отец
Могли тебя убить,
Коран тебе приказывал: „молчи“,
И бекские наемники-кочи
Бесстыдно издевались над тобой —
По шариату ты была рабой.
С какой-нибудь попойки,
Зол, уныл,
Бывало, муж
С гостями приходил,
Он бил тебя при людях,
Пьяный в дым —
Ты молча обмывала ноги им...
У женщины, считалось,
нет ума...

Чадра была, как саван, как тюрьма,
То в шелковой, то в ситцевой тюрьме —
В чадре своей — блуждала ты во тьме...
Был горек хлеб. Был безысходен ад...
Был страшен мир. Был крепок шариат.

3

Простые и чистые

Слышим слова от тебя!

Хвала молоку,
Что когда-то вспоило тебя!
Твой должник благодарный,
Приму я урок от тебя,
Ты чиста, как природа!
Как брат, обнимаю тебя,
Как я счастлив, Басти, что, как брат, понимаю тебя!
И ладони и локти,
Как розы, горят у тебя,
И вышневые губы
От солнца горят у тебя.
Это радостный труд
Сделал сильной, красивой тебя!
Я — влюбленный Вургун — удивленно гляжу на тебя!

Это Ленин, учитель, мудрец, герой,
 Был для нас огневой зарей!
 Нашим женщинам Ленин сказал: „Смелей
 Выходите на вольный свет!
 Где свободных и сильных нет матерей,
 Там свободной родины нет...“
 И блистали молнии этих слов,
 И в сердцах расцветал восторг.
 Тьма и тяжесть упали с людских голов,
 Чистый свет озарил Восток.
 Перестала ты, женщина, быть рабой
 Бессловесной, глухой, тупой...
 И сожгла ты коран — стариковский бред.
 Шариата больше нет!
 Был мулла, говорил он „терпи“, „молчи“,
 Не пугнет теперь он.
 Не таскают за косы тебя кочи —
 Охраняет тебя закон.
 Стал свободным и громким голос твой
 На всех языках страны,
 Ты проходишь с поднятой головой,
 Шаги широки, верны!
 Как боец Красной Армии, ты всегда
 На суровых постах труда.
 Ты готова в аулах учить детей,
 Ткать богатый узор ковров,
 Делать шелк и в больницах лечить людей,
 Сеять хлопок, доить коров.
 Трудовым и творящим рукам хвала!
 Все нужны на земле дела.
 Это Ленин сказал нам, что жизнь полна,
 Это он научил понимать,
 Что свободна и счастлива та страна,
 Где свободна и счастлива мать!

Вчера вошел я в детский сад —
 В цветник резвящихся ребят
 Им чужд коран, неведом бог...
 Свободен каждый детский вздох!

Как мать в кругу своей семьи,
Играла девушка с детьми;
Она учила петь ребят...
Я помню этот светлый взгляд,
Как вспышки голубых зарниц,
И стрелы черные ресниц...
И я, склонившись перед ней,
Сказал:

„У родины моей
Нет пасынков!
В стране любви
Нет пасынков!
Тут все — свои!..“

6

Вот целый мир, и каждый дом, и сад
Колхознице Басти принадлежат!
Баку, Москва, Тбилиси, Ленинград
Поют хвалу колхознице Басти,
Желают ей расти, расти, расти!
И слава о Басти, как ураган,
Прошла за рубежи не наших стран —
В Арабистан, в далекий Индостан,
В Алжир и Фец, за толщу древних стен,
В Багдад и в Тегеран, и в Йемен!..
Красавицам Востока страшен труд.
И гнезда их — гаремный их уют —
Лишь запахами тленья отдают...
Те женщины узнают образ твой,
Как выпуклые буквы книг — слепой!
Им даль еще страшна и неясна...
Завидно им, что наша жизнь — весна!
Им сбросить хочется оковы сна!..
Они поймут... Да здравствует навек
Освобожденный, чистый человек!

7

Басти, Басти! Стоишь высоко ты!
И первый цвет весны Востока — ты!
Леса, поля, и степи, и хребты
Теперь твои!

Басти-ханум, ты солнца веселей,
Атласный ветер родины твоей
Колышет кромку хлопковых полей...

Они твои!

Бегут потоки с горных ледников!
Олени пьют из чистых родников,
Цветут эйлаги выше облаков...

Они твои!

И эти небеса, что так чисты,
С алмазной каплей утренней звезды,
И всех долин цветущие кусты

Теперь твои!

И шумный пурпур шелковых знамен,
И разные языки всех племен,
И весь Союз, и Сталинский Закон

Твои, твои!

8

Я встретить тебя, как влюбленный, бежал,
Я руку твою, как товарищ, пожал.
Нам дружба и братство — судьба навсегда;
Коль это забудем — сгорим от стыда!
Другие пусть хвалят на сотнях страниц
Франтих, принимающих тысячи лиц;
Бездельниц, ведущих в бульварный поход
Домашних собачек заморских пород;
Красоток, похожих на скользких ужей;
Трещоток, умеющих мучить мужей! —
Таких, о которых, прикинув на вид,
„На скользкой подошве“ — народ говорит,
Таких, кому страшен и тягостен труд,
Что пудру лица своего продают! —
О сладких и липких „ханум-мармелад“ —
Об этих пускай дураки говорят!..

9

Льстивые слова не для тебя.
Жизнь моя простая для тебя!
Умным вырастая для тебя,
Я тебя товарищем зову!

Прежде лестили женщинам у нас,
Клеветой казнили в тот же час.
Братскому почтению учась,
Я тебя товарищем зову!
Женщин в саван одевали здесь;
За долги их отдавали здесь;
Их, как рыбу, продавали здесь!..
Я тебя товарищем зову.

10

Я буду петь о днях твоих,
Твоей свободе рад!
Крутись же, вдохновенья вихрь,
Как добрый конь Гыр-ат!
Для вольных песен я рожден
В полях, где нет межей,
В краю серебряных ветров и розовых дождей!
Мне в детстве не было светло,
Не ждал такого дня,
Но знамя красное взошло,
Как солнце, для меня!
Как счастлив в наши дни поэт:
На воле он рожден,
Свободе сталинской страны свободно служит он!
Басти! Под утренней звездой,
Живую жизнь любя,
Идешь ты, глядя пред собой,
Надеясь на себя.
Так рано встала ты одна,
Заря с тобой встает.
В груди, как теплая волна,
Душа твоя поет.
Ты видишь гор воздушный строй,
Поля, скалу, цветник,
И словно крашенную хной
Хохлатую „кяклик“!
И башмаки твои в росе,
И чистый пот на лбу..
Вместят ли эти песни все
Одну твою судьбу?
Еще в полях заря и тишь;
Твоя тропа долга.

Ты горы хлопка взгромозишь,
Как русские снега!
На грузовозах и арбах
Лежат дары твои:
Сырье для тысячи рубаш —
Моих, моей семьи...
По-детски помнить я привык,
Что я тобой одет...
Я твой должник! Я твой должник!
Я твой, Басти, поэт!

11

Наш долг один — священен он,
Наш путь один — другого нет.
Поэт вне жизни — не поэт,
Поэт вне жизни — пустозвон.
Поэт был всюду чужаком
Без родины и без гнезда.
Теперь светла его звезда,
Вся жизнь — его законный дом!
Теперь свободен наш язык,
Мы петь научены борьбой.
Басти! И ты была рабой
Без языка, без глаз, без книг!
Басти, хозяйка красоты,
Теперь поэт и соловей
Поют о юности твоей!
Не знаешь унижений ты!
Басти, сестра моей весны,
Хозяйка гор, воды, травы,
Не склонишь гордой головы
И сильной не согнешь спины!

12

Да сгинет враг, поклонник зла и тьмы!
Мы любим свет и любим счастье мы:
У каждого порога сад посажен.
Цветут сердца, таланты и умы!

Пусть тысяча один цветок цветет,
С плантаций роз пусть аромат течет.
Большевики украсили природу,
Им от нее спасибо и почет.

Принадлежит нам каждый добрый день,
Светла дорога, нам идти не лень!
Пусть на дорогу стройные чинары
В полдневный зной отбрасывают тень...

Своей натуре волчьей вопреки,
Враги на вид любезны и мягки...
Коль в сад их пустишь, сразу расползутся
По нашим розам злые червяки!

Глядит фашист, и злоба в нем кипит!
Секреты наши хочет он купить,
Затеял, зная, секретную торговлю...
Пора мерзавцу лавочку закрыть!

На всех фронтах труда, тверды, сильны,
Как кзыл-аскеры, мы стоять должны.
Нельзя нам быть беспечными, товарищ,
Не спи, моряк, нам бури суждены!

Враг не уйдет от нашего суда,
Но стыдно мне, что не был я всегда,
Как должно быть поэту, дальнотзорким!
Басти! не знай ошибок и стыда!

Колхозница моя! Моя звезда,
Как ты тверда, как пламенно чиста!
Да буду я таким же благородным,
И ложь не осквернит мои уста.

Подруга! Помнишь ли ты первой встречи день?
Из городов,
 аулов,
 деревень

Съезжались люди — тружеников цвет,
В столицу славы,

мудрости,

побед.

Четыре дня нас красный поезд вез,

Касался теплый ветер щек, волос —

Он залетал в открытое окно...

И сердце пело: счастье нам дано!

Звенела кровь, кружилась голова...

„Пожалуйте!“ — сказала нам Москва.

Наш первый день — он был зари алей!

Наш первый путь —

В отцовский мавзолей.

Не смерть, а жизнь живет в гробнице той,

И полон силы Ленина покой.

Та тишина — не тишина могил!

Так скажет всякий, кто туда входил.

Там сила входит в честные сердца

От нашего учителя, отца...

Все страны света шлют сюда послов —

Край белых льдов, край огненных песков,

И край дождей, и край дубовых рощ...

И вот стоит на мавзолее вождь —

Великий Сталин, лучший большевик!

Он Ленина мудрейший ученик.

Гремит, сверкает и поет парад.

Идут полки, сердца у нас горят!

Идут народы, славу заслужив,

И видит мир: великий Ленин жив!

14

Басти! Светла,
как небеса,

Земля,
Мы встретились

Под сводами

Кремля.

Волнуясь, мы оглядывали зал.

Волнуясь, я ни слова не сказал:

Я зарыдать боялся в этот час!

В моей груди пел звонкий, звонкий саз!

Как будто превратилась кровь во мне

В звенящий саз, поющий о весне!
Мы ждали Сталина, и он вошел —
И людям городов, аулов, сел
Вдруг стало просто, хорошо, тепло,
Как будто утро ясное пришло.
Он прям и светел — наш народный вождь,
Он доброта, и мужество, и мощь.
Он сел с друзьями. Открывался съезд.
Вдруг, как один, мы разом встали с мест,
Мы — люди разных языков и стран!..
И словно в зал ворвался океан,
И словно бы весенний ветер взмыл
От плеска миллионов птичьих крыл!..
... Басти! В тот миг взглянул я невзначай
На профиль твой, на скромный келай
На черных волосах, на жаркий глаз,
На жизнь твою, на твой счастливый час,
На лоб, на приоткрытые уста —
И вдруг я понял слово
„красота!“

Ты преданно глядела на того,
В ком наша честь и наше торжество,
Кто нас ведет дорогою побед,
Кто женщине открыл широкий свет...
Басти, что прежде было бы с тобой?
Была бы ты восточною рабой...
Состарилась бы в горькой нищете.
Теперь страна не та и мы не те!
И вождь великий на тебя взглянул,
Перед его глазами промелькнул
Твой славный путь. И улыбнулся вождь...
Он доброта, и мужество, и мощь!
Вот вспыхнул орден на твоей груди.
Широкая дорога впереди!
И золотые на руке часы —
Подарены не для пустой красы,
А чтоб всегда ты помнила о том,
Что в золотое время мы живем!
Я был с тобой, и я стихи читал,
Блистал передо мной Кремлевский зал,
И в нем дышал народ страны родной,
Как дышит море в теплый день весной...
Я говорил, и это слышал вождь.
Он доброта, и мужество, и мощь.

Сестра Басти! Одна судьба у нас.
Сестра Басти! Одна тропа у нас.
Одна и та же нам звезда видна,
И родина у нас с тобой одна!
Да здоровствует наш путь, сестра Басти —
Итти вперед,

расти,
расти,
расти!

ПАМЯТЬ

Ты мне говорила, расставаясь:
„Не вернуть в гнездо тебя, мой аист!“
Много лет прошло с тех давних пор,
Много раз тебя искал мой взор.
Если рассказать про все, что было,
На бумаге выцветут чернила.
Да и как сказать, про что начать?
В книге жизни — мелкая печать.

Города меня в объятья взяли,
Но цветут у памяти в начале
Ручейковых струек повторенье,
Вейные акаций и сирени,
Золотого колоса поклон,
Муравую выстеленный склон,
Вешних трав туманное куренье,
Вешних звезд неясное горенье,
Все бежит передо мной гурьбою,
Что могло бы стать моей судьбою.

Да еще глаза мои влекли
Тянущие к югу журавли...

Треск огня и дым родного дома —
Как все это близко и знакомо!
Сырость хаты, дерево тахты,
Бедной жизни мелкие черты.
Нежный перезвон родного саза,
Как тебя узнать я мог бы сразу —
Тихую столетнюю судьбу,

Легшую на материнском лбу?
Эту жизнь я бросил за собою,
Что могла бы стать моей судьбою.

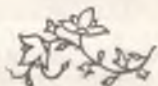
Ты мне говорила, расставаясь:
„Не вернуть в гнездо тебя, мой аист!“
Долго-долго, много лет подряд
Те слова в груди моей горят.
С губ твоих они мне раздаются,
С губ твоих то плачут, то смеются,
С губ твоих, горячих и поблекших,
Прямо в сердце, прямо в душу легши,
Песню, сердце, силу, жизнь бодрят
Много весен, много зим подряд.

Матери остывшее объятие,
Нет, не мог с тобою потерять я
Звона песни, сердца чистоты,
Если в сердце оставалась ты!
Буря, прочь от этого порога!
Вот гляди, как я запомнил много,
Как сквозь боль, и скорбь твою, и тьму
Я стремился к сердцу твоему.
Мой привет летит к тебе с дороги,
Мой привет тебе поклоном в ноги.

Мой привет струится по ночам
По скользящим месяца лучам.
Мой привет тебе, моей любимой,
Мой привет летит к тебе сквозь дымы,
Мой привет тебе, без слов понятный,
Той, кого времен не тронут пятна.
Мой привет веселью этих дней,
Жизни светлой, совести моей!
Ты же, эти видящая дни,
Голос свой с моим соедини.

Подмети наш двор и домик бедный.
Не пропал я, не погиб бесследно.
Пусть соседи к нашим льнут воротам
Поздравлять тебя с моим приходом,
Говорить, что матери примет
Много носит на себе поэт!
Ты моя природа и искусство.

Без тебя бы сердце было пусто;
Будь благословенно молоко,
Брызнувшее песней далеко!
Будь благословенна навсегда
Давшая мне силы для труда.
Сядь со мною, мать моя, поближе:
Пусть нам будет шелестящей крышей
Дерево любимое одно —
Дерево страны моей родной...
Чтоб под этим густолистым скатом
Новый день смеялся над закатом.
Пусть читают все, что напишу,
Все, что в сердце с детства я ношу,
Чтобы встал до самых легких облак
Твой высокий, драгоценный облик,
Чтобы быть последнему мне дню
Тем, в который клятве изменю.

Мамед Рагим Гусейнов родился в 1907 году в городе Баку. Окончил Азербайджанский педагогический институт в 1932 году. Начал писать с 1925 года. Первое стихотворение напечатано в газете „Гяндж Ишчи“ в 1926 году. Выпустил ряд сборников стихов: „Желания“ (1930), „Вторая книга“ (1933) и др. Мамед Рагим перевел на азербайджанский язык ряд стихотворений и поэм Пушкина, Лермонтова, принимал участие в переводе „Витязя в тигровой шкуре“ Шота Руставели. Награжден ЦИК Грузии грамотой за успешный перевод.

БЕССМЕРТНЫЙ ГЕРОЙ

(Киров)

Опять превратились мечты в бушующий океан,
И в пене встают берега; в сверкающей пене седой
Я вижу сквозь шум голосов, сквозь ветер и сквозь туман
Встает предо мной, Сергей, незыблемый образ твой.

Я не был рядом с тобой в часы боевых годин,
Но по твоим путям насквозь я прошел Кавказ,
Но горы, потоки, ветра, селенья, где ты проходил,
Твердят о тебе, Сергей, правдивый большой рассказ.

Я слушал каждую весть, и сладко было душе.
Среди враждовавших племен ты кровопролитие пресек,

Ты встал среди осетин, хевсуров и ингушей.
Кавказ от кровавой резни ты вылечил, вождь, навек.

Сказал ты: „Я вам принес о будущем светлую весть“.
Так ты говорил, горя, и понял народ Кабарды,
Что свист этих пуль в горах — не родовая месть,
Что только богатый — враг, что нет меж голодных вражды.

И понял тебя ингуш, ты тяжесть веков победил.
И горец бросил окоп, к труду повернул назад.
И образ великий твой живет у людей в груди,
И горы, потоки, ветра рассказ о тебе твердят.

Когда белых псов орда обрушила зверский гнев
И в городе Грозном жертв нельзя было перечесть,
Ты сердца не удержал, ты ринулся в пламя, как лев,
И крикнул: „За это зло великая будет месть!“

И голос могучий твой кровавую ночь осветил.
Огнем грядущей весны горело твое лицо,
И словом „Киров“ клялись чеченец и осетин,
Мильоны твоих друзей, соратников и бойцов.

Все вышли бы за тобой и в пекло, и в бурю, в бой,
О, только бы впереди ты знамя красное нес,
Суровые люди гор клялися в том головой.
А клятва горцев крепка, как неприступный утес.

Любовь к тебе так сильна, что, если бы ты пожелал,
Иль если бы на это твой приказ решительный был,
Любой бы чеченец отдал жизнь, и коня, и кинжал —
Легко ли остаться орлу без легких могучих крыл?!

О ты никогда не знал усталости, никогда!
Спешил ты с фронта на фронт, учил как брать города,
Не хмураясь и не дрожа, стоял под свинцовым дождем,
Плечом к плечу свою жизнь прошел ты с нашим вождем,
Со Сталиным!

И, трудясь, подобно рабочей пчеле,
Ты помнил ссылки года. Ты видел будущий свет.

Великая к жизни любовь цвела на твоём челе.
Меж смертью и тобой — навеки общего нет.

Но сказано слово твое, но вдаль открыты пути.
И поняли наши враги, что прошлого не вернуть.

Еще б тебе жить и жить, итти бы тебе и итти,
Такой перед тобой лежал широкий и ясный путь.

Мы думали: враг убит, а он шевелился в пыли.
Ты жало ему отсек, о, партии нашей меч,
Как шумный весенний сад, мечты твои зацвели,
Ты каждую ветку берег, себя лишь не смог сберечь.

Ты столько великих дел свершил на своем веку,
Что имени твоему пылать, клекотать, звенеть;
Высокое солнце взошло, когда ты входил в Баку.
Проснулись сердца людей, проснулась подземная нефть.

И подняла травы земля, торжественно-горяча.
И пламенный город ветров ожил и пышно расцвел.
И первый декрет Москвы и первый привет Ильича
С твоих вдохновенных уст дошел до далеких сел.

И с той поры холодов не знали цветы садов,
И тот, кто счастья не знал, узнал, что такое смех.
Вставай, Мироныч, вставай, послушай рост городов,
Послушай, как песни поет каждый завод и цех.

Не знавший лица твоего, имя твое берег,
С тобой пришла для нас великих деяний пора.
Вставай, Мироныч, тебя приветствует горный поток.
Лепечет имя твое стремительная Кура.

И вот мы пришли к тебе, как дети приходят к отцу,
Зачем ты не видишь нас, зачем ты не слышишь нас?
Вставай, Мироныч, вставай, покой тебе не к лицу,
Вставай и согрей друзей веселою ласкою глаз.

Клянемся, что имя твое и дело твое не умрет.
Твой юный клекочущий дух, твой облик остался живым.
Сплотимся еще тесней и смело пойдем вперед,
В том клятву друг другу даем именем светлым твоим.

ВИНТОВКА ПАРТИЗНА

Старинная рана заныла опять —
Отчаянной схватки залеченный след.
И память, как рана, не может понять,
Что сгладились швы зарубцованных лет.

Туман наползает толпою теней,
Но ненависть горло сжимает тесней,
Из стиснутых скул не проронится стон,
Рука не затратит напрасно патрон.

Ты верной подругой всегда мне была,
Ты пальцев не жгла, не кривила ствола.
Твой голос, как эхо, отдавшись в горах,
Был звуком последним, что выслушал враг.

Ты помнишь, как гибель была к нам близка?
Ты помнишь, как пуля прошла у виска?
Но наша, ответная, была верней,
И враг перевертывался меж камней.

Затем-то и нету мне ближе родни,
Зато и люблю отгремевшие дни,
Что в ямах окопов, в теснине сырой
Во мне пробуждался храбрец и герой.

Что, скованы пороховою судьбой,
Мы стояли армии целой с тобой,
А если волненьем трясло горячо,
Ты ласково мне обжигала плечо.

Как молнии вспышки — заряд на заряд,
И пули, как град, между вражеских гряд,
Объятья влюбленных в саду, у стены,
Так прочно не были переплетены.

Так накрепко не были слиты судьбой,
Как наши, полуночные, с тобой,
Тебя охранял я от пыли и гроз,
Тебя на руках через реки я нес!

Так слушай мою партизанскую речь:
Кто знал тебе цену, тот смог уберечь,
Мы кровью сдружились с тобой навсегда,
Мы наших побед отстояли года.

Но если воскреснет страны моей враг,
Ты спрыгни с гвоздя и в ладони мне ляг,
И навек заросших травкою фронтов
С тобою опять повторять я готов.

Покуда в глазах моих свет не угас,
Покуда весь мир не услышит про нас,
Я с этого фронта, тобою клянусь,
На шаг не попячусь, на шаг не вернусь.

ГРУЗИНКА

Бывало — поздний луч луны на плитах стен блеснет,
Тамара сбрасывала труп в седую пену вод.
И по стремнинам и камням сквозь сумрачный Дарьял
Тела ее безмолвных жертв могучий Терек мчал.

Сверкали бранные мечи.
И по камням горы
Текли кровавые ключи
В кипение Куры.

И северной земли поэт,
Бродя в чужих краях,
Властительницу древних лет
Воспел в своих стихах.

Но и тебя, моя любовь, Тамарою зовут,
И люди песню о тебе на берегах поют.
И много в Грузии твоей других Тамар найдешь,
Но ты — не та „Тамар“, и я на жертву не похож.

Ложишься ты с луной; встаешь,
Как солнце поутру.
Средь рыболовов, невод свой бросающих в Куру,
Как жемчуг розовый, твоя блистает красота.
На смуглой шее у тебя не вижу я креста,
И не сжимаю я в руках молитвенно коран,
И ты, конечно, не Хумар, и я не Шейх-Санан..

Не будет миром повторен
Круговорот имен;
Не возвратится в круг живой
Расставшийся с землей.

Мы с шумной, быстрою волной
Помчимся в челноке,

Чтоб услышала голос твой
Форель в родной реке,

Чтобы чонгури над рекой
Звенел в твоих руках,
Когда туман вечеровой
Падет на берегах.

Нас лодка в пенном серебре
Выносит на простор.
Ягненка я куплю в селе,
Там, у подошвы гор.

Зачем же твой печален лик,
И что за грусть в глазах?
На ужин жарится шашлык
На пламенных углях.

Вели! и все исполню я,
Пусть голос твой звенит!
К одной тебе, любовь моя,
Волна Куры кипит.

Привет горам, цветам лугов
И шуму падунов!
Летим в кипеньи серебра
К седым волнам на пир.
И мы с тобою, и Кура
Ведь это — целый мир.

О, если бы не мы с тобой
Теперь сюда пришли,
А с милою своей Шота
Пришел иль Физули —

Вот так же бы горел костер,
И рог шипел вина,
И так же на скале Каджор
Рыдала бы струна.

Развеяна ветрами скорбь. Во тьме века молчат.
И нам законы древних лет любить не запретят.
Ты невод ароматных кос
На травах расстели!

Чтоб счастье не пронеслось,
Как облачко вдали.

И пусть роса летящих вод
Нам душу обдает,
Пусть светлой радости земной
Шумит поток живой!

Привет горам, цветам лугов
И шуму падунов!
Летим в кипеньи серебра
К седым волнам на пир.
И мы с тобою, и Кура
Ведь это — целый мир.

И если бы не мы с тобой
Теперь сюда пришли,
А с милою своей Шота
Пришел иль Физули —

Вот так же бы горел костер,
И рог шипел вина,
И так же на скале Каджор
Рыдала бы струна.

МЕЧТА ПОЭТА

Я мечтаю сквозь года заглянуть вперед.
О счастливых днях земли слушай, мой народ!
Про мечту, мою мечту, светлую мою,
В чистой песне от души я тебе спою.

Мы природу покорим, дикую досель.
Дивный город заживет возле вод Гей-Гель.
Там хрустальные дворцы встанут в облаках.
Люди о таких дворцах думали века.
Звезды, можно ль спорить вам с россыпью огней,
Что горят во всех домах, среди всех ветвей?
Счастье мощной красотой наделило всех.
Всюду радость, ни на миг не смолкает смех.
Это город—сад. Вокруг, в зелени дворцов—
Изваянья мировых гениев-творцов.
Среди них—старик-поэт. Кажется, еще
Мрамор жив и человек дышит горячо.

В тучи, в синь далеких гор устремил он взгляд
Пионеры перед ним тихо постоят.

Спят ущелья и леса, доли и ручьи.
Слушай, сердце, все они—наши и ничьи.
Дремлет озеро Гей-Гель. Тишина вокруг.
Про него стихи слагал Алескер-ашуг.
С ним стихами говорит шумный водопад,
Отвечает из-за гор дальний отклик в лад.
И на склонах тихо спит и сосна и ель.
Спи спокойно, пери гор, озеро Гей-Гель.
И со всех сторон земли, сделав дальний путь,
Люди прибыли сюда в горы отдохнуть,
Горным воздухом вздохнуть у седых вершин,
Китайка и индус, русский и грузин.
Люди бродят меж дерев, меж полей и нив.
Нынче весь огромный мир волен и красив.
На посевы и поля, каждый гость, гляди!
Сердце крыльями шумит у людей в груди.
Вот—араб! Склонился он над листьями книг.
Вождь земли переведен на его язык.
Итальянец дивно спел о стране своей.
Устыдился и умолк даже соловей.
Крылья счастья над тобой, новый человек:
Как прекрасен, как богат победитель—век!

Небо ясно. Ночь тиха. Поднялась луна;
Набегает на песок тихая волна.
Вот испанец молодой, орден на груди,
С украинкою вдвоем—счастье, погляди!—
По тропинке на Гей-Гель всходят напрямик.
Тени трепетных ветвей шепчутся кругом.
Остановятся они над живой водой.
Раздается в тишине шопот молодой.
И внезапно громкий смех. Вздрыгнула сосна.
Пробудилось и Гей-Гель от ночного сна,
Видит: двое молодых, счастье и покой...
Будто озеро грустит о любви другой
И, с влюбленных не сводя восхищенных глаз,
Начинает им шептать памятный рассказ.
„В те века еще наш мир не был сотворен,
Не был первый человек на земле рожден.
В мире не было войны, не было греха.
Жизнь была проста, смутна, девственно-тиха.

В мире не было людей нищих и седых.
Только жили на земле двое молодых.
И для них земля была благодатный рай.
Звали девушку Гюнеш, ее друга—Ай.
Девушка любила быть там, где даль синей,
Он любил из-за горы приближаться к ней.
Он не слыхивал еще каинова зла.
И, не ведая чадры, девушка росла.
Так и жили без дворцов, жили без палат.
Никаких не знали ссор, только мир и лад.
Ай... не мог он без Гюнеш жить, гореть, сиять.
Не могла бы без него девушка дышать.

На охоту по утрам отправлялся Ай.
И задумчиво Гюнеш озидала край,
Подымалась между круч на вершины гор,
Устремляла на снега золотистый взор.
И, внезапно устыдась, таяли снега,
И потоки снежных вод мчались на луга,
Напоенный влагой, луг пышно расцветал,
И на склонах дикий мак сердце разрывал.
Улыбнется чуть Гюнеш—в мир идет весна,
Пробуждая певчих птиц от ночного сна.
В мире не было владык, не было рабов.
В мире не было скорбей, в нем жила любовь.

Раз купаться в свежесть вод девушка пошла,
Другу яблоко свое побережь дала.

Окунулась, поплыла в холод голубой.
И глядел он на красу девушки нагой.
Все казалось ярким сном для него вокруг...
Золотой румяный плод выскользнул из рук.
Он очнулся, видит, нет яблока в руках,
И впервые в жизни Ай ощущает страх!
Оглянулся, не видать яблока нигде.
Он, как птица к облакам, ринулся к воде,
Ясное увидел дно, нет и нет плода!
Рыба съела его, сгинул без следа...
Сердце Айя стучит, проступает пот.
А Гюнеш из воды на берег идет.
На плечах, на груди искрится вода.
„Дай мне яблоко, Ай, подойди сюда!“
Он молчит, не идет, вкопанный стоит.

Шею стройную гнет незнакомый стыд.
Удивилась Гюнеш, непонятно ей.
И сбежались на лбу черточки бровей.
И, на сына стихий вскинув жгучий взор,
Унеслась дочь небес за вершины гор.
Скоро скрылся из глаз драгоценный след.
Нет обратно пути. Возвращения нет.

Плачет и тоскует Ай, бродит среди туч.
И скользит холодный свет вдоль отвесных круч.
Все тоскует о ней и грустит о ней.
С каждым часом его светлый лик бледней.
А Гюнеш стала злой с тех далеких пор.
Для людей нестерпим ее жгучий взор.
Все боится, чтоб Ай не увидел ее.
Надевает туман на лицо свое.

Если только у двух подлинна любовь,
То расставшись, они все ж сойдутся вновь.
Но столетний счет ведут горькие года,
Ай не видит Гюнеш больше никогда“.

Продолжает Гей-Гель:

„Нынче вокруг меня
Рай и счастье в ночи и при свете дня,
Исполненье надежд, исполнение сна.
Здесь звучат кеманча, тари и зурна,
Всем народам у нас—слава и почет,
И безвинная кровь больше не течет.
Вся земля—город-сад, край счастливых встреч,
Как же нам две звезды в дружный круг привлечь?
Пусть решится Гюнеш Аю руку дать,
И они заживут счастливо опять.
И прольется на мир счастье их лучей
И в безоблачный день и в тени ночей“.
Снова озеро молчит,

и пошла назад
Двух влюбленных чета в ясный город-сад.
Занималась заря, ожила земля.
Первый свет заливал нивы и поля,
И о чем-то камням, старым и седым,
Прошептали уста молодой воды.
И меж стройных деревьев, солнечных дворцов
Величаво стоят статуи творцов.

СОРОК ДЕВУШЕК

(Преданье)

Чья-то тень мелькает мне
В стародавней старине.
Я хочу сложить преданье
О лихом и злобном хане.
Горьким гневом овладев,
Вспоминаю сорок дев.

У хазарского побережья
Племя древнее живет.
Племя то народ проезжий
Словом Сабаэль зовет.
Городок не столь обширный,
Светлый, ласковый и мирный,
Полон всякого добра.
В нем искусно мастера
Шали ткут для украшения,
Женщинам на утешенье.
Правит им кровавый хан,
Хмурый хан, лихой Хаган.
Море! Будь свидетель верный
Ханской низости и скверны.
Иногда луна из туч
На него кидает луч,
Но скользит обратно в тучи,
Всю веселость потеряв,
Так противен ей гнетущий
Хана бешеного нрав.

Сорок пери чернооких,
Сорок девушек высоких
В милом городке живут,
Мастерицами сльвут.
Шали ткут одни на диво,
А другие у залива
Распевают, проходя,
Сладко голос заведя.
Все их знают, все их любят,
И молва повсюду трубит
Об искусстве сорока...
Среди них одна легка

И полна очарованья,
Зернишан ее прозвание.
Как тиха ее походка,
Как она смеется кротко!
Говорят, что ей дано
Свойство странное одно —
Обернуться в что захочет.
Вот она — олень-джейран,
Вот — парящий в небе кочет,
Сизый сокол иль терлан.
Хану вечная издевка!
Вдруг прикинется плутовка
Камнем, мшистым и седым,
Вдруг струится тонкий дым,
И летит, летит без страха
В тучке маленькая птаха,
В ханский сад летит и вот
Птичьим голосом поет:
„Хан проклятый, не гневись,
Мучить нас остерегись!
Твое ханство — не навек:
Смертен всякий человек.
Был в Египте фараон,
Но рассыпался и он;
Стал землею и золой
Египтянин этот злой!“

Ищет хан: откуда звуки?
Озабочен песней той
И в смятении и в скуке
Пялит очи в сад густой.
Медленно влачится время...
Все не весел хан в гареме,
Все не буен на пиру.
Иногда лишь поутру
На охоте хлещет дико
Своего коня владыка
И его загонит в лоск,
Так, чтоб сердце сорвалось.
Иль натянет лук, и стрелы
Мечет всадник озверелый,
Но добычи не берет —
Пусть звенит стрела и свищет,
Все равно, кого убьет.

Птицу ль, женщину ль отыщет!..
Вот покрылись горы тьмой.
И с охоты хан домой
Возвратится, утомленный,
Только пуще иступленный.

Случай был: среди ветвей
Пел бардинский соловей,
Страстно щелкал, заливался,
Красной розе отдавался
Всею маленькой душой.
Был у хана пир большой.
Сотни струн, звеня, дрожали,
Зурны хриплые визжали.
Далеко был слышен треск.
Далеко был виден блеск.
Все вертелось в визге, в лязге,
И скользили в легкой пляске
Жены ханские в саду,
Словно утки на пруду.
А потом на пехлевана
Выходил мальчонка рваный.
Пехлеван валил шутя
Наземь слабое дитя
И вставал потом, всклокочен,
Лишь наградой озабочен.

В стороне от тех забав,
Место за скалой избрав,
Тихо на море купались,
В голубой вде плескались
Сорок пери. Лишь одна
Зернишан была грустна,
Отошла от них, вздохнула,
Руки вскинула, вспорхнула,
Легкой птицей понеслась
В ханский сад и залилась:

„Хан проклятый, не гневись!
Мучить нас остерегись!
Твое ханство не навек.
Смертен всякий человек.
Был в Египте фараон,
Где он нынче?!“ Разъярен,
Смотрит хан на горы, тучи,

Камни, море и песок...
Где он, где он, тот певучий
Тот знакомый голосок?..
Вдруг глядит — на малой ветке
Птичка серая поет,
И стрелой из лука меткой
Хан врага лихого бьет.
Кто бы в это мог поверить?
Лишь крылом взмахнула пери
И вздохнула тяжело —
Прострелил ей хан крыло.
И, крича, в мученьи странном
Обернулась в тот же миг —
Горным странником, джейраном,
Мчится к скалам напрямик.
„Горы, милые, спасите,
Через ущелья пронесите!
Ранил хан меня сейчас,
Вся моя надежда в вас!..“
Гонит хан коня по кручам
День и ночь, и ночь, и день —
Где же обликом летучим
Перед ним мелькнет олень?
Хан глядит, и ничего нет...
Он ярит коня и гонит,
Вдруг мелькнул пред ним джейран.
Птица — пери Зернишан.
Зубья скал, крутые спуски...
Вдруг просвет пред ханом узкий.
И, резнув ему глаза,
Блещет моря бирюза.
Хан глядит из-под отвесных
Скал — но что за диво! стой!
Сорок девушек прелестных
Блещут грозной наготой.
Хан выкатывает око,
Дышит хрипло и глубоко,
Тупо вылезли глаза.
Застилает их слеза.
И от страха бездыханна,
Зернишан глядит на хана...
Как подругам ей помочь,
Знак подать, умчаться прочь?..
Сзади тянется, сверкая,

Гор отвесная гряда,
Впереди — лишь гладь морская,
Вероломная вода.
„Как же быть? Куда податься?
Лучше в жены чабанам,
Лучше камнем тут остаться,
Чем в гареме вянуть нам!“
И едва сказала слово,
Сердце екнуло у злого
Хана в яростной груди,
Что он видит впереди?..
Каменеет постепенно
Нагота смущенных дев.
Сорок скал встают из пены,
Влажным блеском охладев...

Вот и все!.. Промчалось время,
Нет ни узниц, ни гарема.
Хан, его владыка злой,
Стал давно уже золой,
Только сказка об олене,
О поющей птице той
Бродит в каждом поколении
С неискusной простотой.
И на волнах еле-еле
В пене блещущей видны
Скалы — сакли Сабаэля,
Камни древней той страны.
И с камней седых и влажных
Слезы девушек отважных
Вечно льются... И полна
К ним участия волна.

Вы, читатели, поверьте!
В мире нет бесследной смерти,
Не напрасно сказка та
Шла и шла из уст в уста.
Дед иль прадед мой далекий
В ней оставил грустный, легкий,
Временем не стертый след
Тех давно прошедших лет.

Расул Ибрагим-оглы Рза родился в 1910 году в городе Геокчае. Среднее образование получил в районной школе. Окончил Институт кинематографии в Москве. Пишет с 1930 года. Первые стихотворения поэта печатались в газетах и журналах („Гяндж Ишчи“, „Худжум“, „Революция и культура“ и др.). Стихи Расул Рза выпущены отдельными изданиями: „Чапей“ (1932), „Письмо пионера“ (1934), „Крылья“ (1935); сборник стихов вышел в переводе на русский язык в издании Гослитиздата. Расул Рза в 1938 году награжден орденом „Знак Почета“, Депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР. Член ВЛКСМ.

ПЕСНЬ ГОРДОСТИ

Пусть пролетают годы, и наши растут лета,
Пусть волосы побелеют, поблекнут мои уста,
Любовь моя будет вечно пламенна и чиста!
Счастливейших дней начало я вижу, любовь моя,
Цветущая юность жизни нас движет, любовь моя!

Если едкое слово сердце твое пронзит,
Если слеза по нежной щеке твоей заскользит,
Если вдали утешенье, а горечь забот вблизи —
Не обманись! Грустишь ты напрасно, любовь моя:
Прекрасен наш мир, и жизнь в нем прекрасна, любовь моя!

Еще не сложил я песни о дивных кудрях твоих,
О нашей любви с тобою еще не написан стих,
Но я тебе отдал звезды — возьми, дорогая, их!
Нет звезд наших в целом мире краше, любовь моя,
Прозрачней небес не сыщешь, чем наши, любовь моя!

Смотри: самолет, сверкая, крылья свои простер,
Ты слышишь: моторов рокот заполнил простор.
Все то, что вокруг нас в жизни радует слух и взор,
Наше и будет нашим навеки, любовь моя —
Леса, водопады, горы и реки, любовь моя!

Ты видишь, как белый хлопок всюду покрыл поля.
Богатство, что ряд столетий таила в себе земля,
Сады, цветники и травы, яблони, тополя,
Дружба людей, забывших слезы, любовь моя —
Наше! И даже грозы наши, любовь моя!

Баку — это наша гордость. Тобою сердца полны!
Баку — это нефть, что брызжет фонтаном из глубины,
Баку — это орден славы, украсивший грудь страны,
Баку — чей гранит и воздух нам дорог, любовь моя!
Баку — это солнце жизни, наш город, любовь моя!

Верю, что, если грянет призыв трубы боевой,
В битве пойдешь ты рядом, в ногу пойдешь со мной —
Вот почему на сердце сегодня огонь такой.
Наши — любовь, и счастье, и радость, любовь моя
Беречь и любить их крепче надо, любовь моя!

Столетние карты мира теперь изменяем мы.
Пустыни, тайги, чащобы, снега покоряем мы.
По радио о победах весь мир извещаем мы.
За то, что столетия люди боролись, любовь моя,
Все наше — земля, и небо, и полюс, любовь моя!

Бессмертное имя Ленин горит на парче знамен,
Корабль наш великий Сталин ведет через гул времен.
Каждый из нас, как птица, свободой окрылен.
Раскаты победы нашей ты слышишь, любовь моя?
О, как легко и привольно ты дышишь, любовь моя!

СТИХОТВОРЕНИЕ БЕЗ НАЗВАНИЯ

Солнце себя не убьет —
Что ему!
Луна его луч унесет
В ночь, во тьму.
Но коль золото лунных ночей
Приятнее для очей —
Солнца ли то вина?
Иль виновата луна?
Самым острым мечом
Воду нельзя разрубить —
Что ей!

Самый острый кинжал
На дне она будет хранить,
Замытый легким песком.
Но если сердце поранено
Словом, а не клинком —
Сердце ль повинно в том?
Слово ль повинно в том?
Почему не смеяться весне?
Что ей!

Нарциссам у ней на пути,
И фиалкам, и макам цвести.
Но если желтый лист
Со стебля сорвется вниз —
Смерти ли то вина?
Иль виновата весна?
Елей буран не страшит —
Что им!

Вечно зеленый их свод,
Не осыпаясь, шумит.
Но если ветер ночной
Осыплет мак кровяной —
Сильного ль ветра вина?
Слабого ль мака вина?
Вдруг я подумал: мечта!
Что ей!

Нет у нее границ,
Даль, широта, высота,
Сны, чудеса и года
Ей открыты всегда.
Но жизнь громадой сплошной
Выросла передо мной.

Я сказал: не мечта, не луна,
Не ветер и не весна —
Лишь я виновен во всем.
И, мыслями унесен,
Сердце услышал я:
Не упрекай меня!
Я не зеркальная гладь
Поверхности водяной,
Чтоб без ненависти и любви
Каждого отражать,
Кто склонится надо мной.

Осман Саривелли Курбанов родился в 1905 году в селении Шихлы Казахского района в семье крестьянина-бедняка. Окончил 2-й МГУ в 1932 году. Преподавал в бакинских техникумах азербайджанскую литературу и язык. Пишет с 1928 года. Стихи его печатались главным образом в газете „Гяндж Ишчи“, в „Азабиет-газети“ и в журнале „Революция и культура“ (на азербайджанском языке). В 1934 году выпустил сборник под названием „Железные строки“. За последние годы написал ряд поэм: „Парус Гарольда“, „Письмо пастуха“, „Фантазия“ и др. Осман Саривелли член ВКП(б).

БЕЗЫМЕННЫЕ МОГИЛЫ

С неба лился огонь.
Толстогорлый „Максим“
Бушевал,
Кипятился,
Ревел.
Грохот выстрелов,
Ветром назад уносим,
По ущельям Яглыдже гремел.
Озарялись ущелья
Шрапнельным огнем,
И снаряды взрывались, пыля.
Мы сражались всю ночь
И увидели днем,
Что окрасилась кровью земля.
Но живые бойцы
Не оставили пост,

Не смешались;
Свидетелем в том
Пусть мне будет
Разрушенный,
Сломанный мост,
Нынче названный
„Красным мостом“
Мы его укрепили,
Он дряхлый на вид,
Но столетья еще простоит.
Там,
У края дороги,
Чинара шумит,
Да, поныне ветвями шумит.
Мы под этой чинарой
Тогда собрались,
И оратор на камень взошел:
„Завтра,
В это же время,
Внесем мы в Тифлис
Наших флагов
Пылающий шелк!
Нам откроет дорогу
Вот эта гора,
Проведет по ущельям бойцов.
Завтра,
В это же время,
Проглотит Кура
Офицеров-меньшевиков!
Завтра
Входим в Тифлис!
Мы стойки и сильны!
Так запомним же
Дату и год.
Подымайтесь,
Свободы родные сыны!
Молодые герои, вперед!“

Двое суток прошло.
Занималась заря.
И внезапно совсем рассвело.
И вершины стояли,
Снегами горя,
И в тумане скрывалось село.

И не слышались громы
Оркестровых труб,
Ароматов не лили венки.
Их подняли
И труп положили на труп,
И арбу потащили быки.
Ни шумящих знамен,
Ни цветных покрывал.
Тишина неживая плыла,
Да изорванный, выцветший холст покрывал
Безыменных героев тела.
Не шумели, как море,
Товарищи их,
Не твердили имен...
Через мост
Протащилась арба
На колесах кривых
На глухой деревенский погост.

Из деревни,
Стоящей у самой реки,
Голосами звенящей с утра,
Прибежали старухи и старики,
Босоногая детвора,
Почерневшие трупы
Снимали с арбы
И вздыхали, о павших скорбя.
А старухи,
Обычая не забыв,
По коленям били себя.
Был один средь бойцов;
Соколиных глаз,
Умирая, закрыть не успел.
И его отыскала
Старуха Туказ
Посреди окровавленных тел.
И бессильную голову
В руки взяла,
Положила на старую грудь:
„Где же та,
Кто бы волосы в скорби рвала?
Есть ли мать у тебя где-нибудь?
Кто оплачет покойного
Лучше, чем мать?“

Чья обида настолько горька?
Так давайте, старухи,
Над ним причитать,
Хороня, как родного сынка.
Он погиб на чужбине,
В разлуке,
Один,
Не щадя для народа себя.
Мать когда-то держала
Его на груди,
Пеленала, ласкала, любя.
И не знала,
Какой ему будет конец.
Был он смел
И в бою не дрожал..."
Запыхавшийся,
В серой шинели боец,
Растолкавши толпу, подбежал,
Опустился над трупом,
Лежащим в пыли,
И в отчаяньи вымолвил:
„С ним

холод серой зимы
Мы вдвоем провели
И приволье зеленой весны,
Мы вдвоем с ним
На пастбища гнали стада
И работали в поле чужом.
Мы дружили с ним с детства
И были всегда
Неразлучны и всюду вдвоем,
И привез нас обоих гремящий состав
В нефтяные пески промыслов.
Мы учили вдвоем
Комсомольский устав
И без дела не тратили слов,
В большевистскую армию
Вместе пошли,
И окопы копали вдвоем,
И народных врагов
Из родимой земли
Выжигали смертельным огнем.
Я хочу быть слепым и глухим,
Как старик,

Чтоб не видеть,
Что друг не живет..."
Он умолк,
Головой молодою поник,
И молчал потрясенный народ.
Он сказал:
„За свободу и счастье страны
Ты погиб, мой товарищ и брат.
Мы для этой борьбы
На земле рождены.
Я один возвращаюсь в отряд.
Но никто
Разлучить
Не осмелится нас —
Ни смертельная рана,
Ни гибельный газ,
Ты навеки во мне и со мной.
Я не вытру своих затуманенных глаз,
Пусть их высушат ветер и зной".
И ушел,
Поправляя винтовку,
Боец.
Все следили глазами за ним.
А на западе
С неба струился свинец
И сгущался губительный дым.
Их подняли,
И труп положили на труп,
И насыпали холм старики,
Не звучали рыдания
Оркестровых труб,
Ароматов не лили венки.
Мой земляк и товарищ,
Ужель ты забыл?
Подожди забывать, подожди.
Сколько в нашей стране
Безыменных могил
Омывают ночные дожди.
Я иду, как боец, по дорогам земли,
Я собираю мой песенный пыл,
Чтоб стихи эти
Люди, как надпись, прочли
На холмах безыменных могил,

Чтобы путник,
Земляк мой,
Товарищ и брат,
Чтобы всякий, кто мимо ходил,
В тех стихах прочитал,
Что герои лежат
В глубине
Незабвенных могил.

ФИАЛКА
(Отрывок)

В тех краях я жил пятнадцать детских лет,
Яркий солнца свет не баловал меня.
Вы ведь знаете, что мне знакомей нет,
Чем цветов и птиц родные имена,
Что со мной дружили звезды и луна,
Реки горные, ущелья, крутизна,
Быстрина Куры и Храма быстрина,
Вся родимая, любимая страна.

По утрам туманным, в сумраке седом
Был шатер мне войлочный гнездом.
Щеголял я в эти годы со стыдом
В рваной чохе или в рубище худом.
Долго стыд меня преследовал потом!

Все надеялся на что-то, но в тиши
Никому не открывал своей души.
Ведь лохмотья были так нехороши,
Что смеялись надо мной и малыши.
И от девушек насмешки заслужив,
Одинок я был, застенчив, еле жив
И слышал не раз на свадьбах у чужих,
Как певал ашуг о маленькой фиалке:
„Всех цветов моя фиалочка скромней,
Да шиповник издевается над ней“.

Как-то засветло, когда, не помню сам,
Я бродил по луговинам и лесам.
Вдруг меня ты позвала, моя фиалка!
Видно, сжалилась невинная душа,
Что такая верность есть у голыша —
А к лицу ли мне была моя фиалка?

Я тебя, моя любимая, сорвал!
Но шиповник мне лохмотья разорвал,
Расцарапал мне худые руки в кровь...
...Только вспомнишь эту детскую любовь,
Запылает сердце мира вновь и вновь...
Ты насквозь его прожгла, моя фиалка!
О весенний мой, цветочек ранний мой,
С бархатистой, золотистой бахромой,
Скромный, искренний, таинственный, немой,
Ты, как молодость, цвела, моя фиалка!

Это кончилось. Другой тебя сорвал,
Мою первую любовь облюбовал,
О, как плакал я, как сердцем горевал,
Что к богатому ушла моя фиалка!

Там на родине, в ущельях, между гор,
Где стоял тогда мой войлочный шатер,
Может быть, звучит мой голос до сих пор...
Сколько зим прошло и весен, не сочту.
Сколько раз бывала осень, не сочту.
Но увидел я исполненной мечту,
И шиповник отпустил фиалку ту.
Встань, подруга скромной юности моей,
Всей страной, всеми странами владей,
Не забудем только славных тех людей,
Что шиповник выдирали вокруг тебя,
Подарили мне весь мир взамен тряпья!

Ты сумеешь это слово оценить,
Раз протянута меж нами эта нить.

Есть нарядные и яркие цветы,
Но дружна со мной, нужна мне только ты.
Много птиц кричит и шелкает вокруг,
Но скворец — один единственный мой друг.

Ибо ты и он — предвестники весны,
Юный возраст дорогой моей страны.
Не коснутся вас, кто злы и не честны!
Не сорвет тебя мещанка иль пошляк,
Не забава ты для пьяниц иль гуляк,
Не за тем весенний праздник на полях,
Чтобы по рукам пошла моя фиалка!

Пусть ослепнет, кто не верит! Вот уже
В наших пламенных полуденных лучах
От твоей весенней свежести свежей,
Дышит выжженный каспийский солончак!
Ты весной приходишь к нам в Азербайджан,
Чтобы радовать селян и горожан!
Нашей юности краса, фиалка-джан!

О весенний мой, цветочек ранний мой,
С бархатистой, золотистой бахромой,
Скромный, искренний, таинственный, немой,
Ты, как родина, мила, моя фиалка!

**АБДУЛЛА
ФАРУГ**

Эфендиев Абдулла Фаруг Муса-оглы родился 24 апреля 1907 года в семье крестьянина в селении Потти Геокчайского района. Первоначальное образование получил в городской школе в Геокчае. В 1925 году поступил в Азербайджанский высший педагогический институт на общественно-историческое отделение. В 1927 году перешел на педфак, который окончил в 1930 году и там же продолжал аспирантскую работу. Одновременно с учебой занимался преподаванием общественно-исторических дисциплин в бакинских школах на азербайджанском языке. Поэтическая деятельность его началась с 1927—28 года. Азернешром издан ряд сборников его стихов: „На Заре“, „Соревнование“, „Талышские горы“, „Волны“. Сборник стихов на оборонную тему вытущен к двадцатилетию Красной Армии. Кроме того, в издании Отдела детской литературы Азернешра вышли стихи „На путях борьбы“. Сейчас Абдулла Фаруг работает над пьесой из жизни бакинских коммунаров. Фаруг перевел на азербайджанский язык лучшие произведения русских классиков. Пушкина, Некрасова и т. д. Готовит перевод избранных произведений Тараса Шевченко.

СНАЙПЕР

С тех пор как я знаком с тобой, прошло пятнадцать лет,
Верней, чем песня дружбы той, на свете песен нет.
Тройную ненависть—к царю, к султану и к войне—
По-братски, как делили хлеб, спяли мы тройне.
И в сотнях масок, но один нам стал врагом навек—
Английский лорд, узбекский бай, азербайджанский бек.

Помни о времени том,
Снайпер, стрелок неподкупный,
Снайпер в броне неприступной,
Снайпер с железным щитом!

На горизонте белый барс, колеблясь, поднялся —
Как тень поземки снеговой, колеблясь, поднялся...
Целься вдаль и бей меж глаз барса наповал —
Пусть, как глыба снега, рухнет белый генерал.
Целься, чтоб гнусавый зев этих пушек стих,
Чтоб достиг их пробный отзвук выстрелов твоих!

Снайпер! Повсюду борьба.
Целься, стрелок, неустанно.
Всюду, как сердце вулкана,
Глухо гремит барабан...
Землю, и сердце, и дом,
Чтобы добычи добиться,
Все раздробляет убийца
Ядом и острым огнем.

Ты помнишь, снайпер, времена балтийских берегов?
Войну в окопах, дым в лесах, метель среди песков?
Казань, Украина и — на юг — степей кубанских ширь...
Колчак, как клячу, погонял войну в Сибирь, в Сибирь...
Юденич с Врангелем тогда мешали нам идти,
Мечтая нас остановить, сбить, как овец, с пути...

Помнишь — мы шли напролом,
Шли мы сквозь темень и дымы.
Помнишь — в походах росли мы,
Снайпер с железным щитом.

Ты помнишь? Фрунзе прорубил дорогу к морю, в Крым,
Он вел — и в огненном дыму мы стойко шли за ним.
Холодную офицерню, заносчивую мразь,
Прогнали кучки партизан, и, вихрем пронесясь,
Буденный с конницей своей, где каждый конь — орел,
Пробил туманный польский фронт и нас с тобою вел.
Ты помнишь, снайпер? Командир отважный был у нас.
Ты помнишь искры в глубине его любимых глаз,
Когда наш белый враг бежал, — когда мечта сбылась, —
Когда склонил свои хребты пред нами наш Кавказ!
Дашнаки и меньшевики в медалях и чинах
Бежали — кто через Батум, кто через Биченах...

До Туркестана дошли мы,
За Семиречье прошли,
Степью, лучами палимой,
В сумрак таежной земли.

Стой, снайпер!
Нынче тот же фронт,
И снова враг идет.
Ты слышишь?

Белый конь врага
Копытом землю бьет.

По четким линиям границ,
По склонам синих гор,
Где океанских берегов
Серебряный узор,
Там, на Востоке,

Далеко,
За рокотом тайги —
Там,
За Камчаткой снеговой смыкаются враги.
Бей, снайпер! Целься во врага,
Как в тигра, между глаз.
С тобою рядом те, кому принадлежит Донбасс,
Кем выращен Магнитострой, кем выведен Турксиб,
Кто не сгорел в огне пустынь, от жажды не погиб.
С тобою каждый, кто в борьбе со старым закален, —
Водители морских судов и тракторных колонн.
Я был с тобою на фронтах, я на маневрах был,
Винтовку я и пулемет, как песню, заучил,
Сыграй Буденновскую, друг, — и я вскочу в седло:

За мир и за социализм итти на бой — светло.
Мы не хотим чужой земли —

Ни пяди.

Мы не дадим своей земли —

Ни пяди...

Фронт не кончался у нас.

Многое можем припомнить.

Снайпер! Готовься исполнить

Оборонный приказ.

Рафибейли Нигяр родилась в городе Гандже (Кировабад). Училась в советской школе. В 1936 году окончила Московский педагогический институт. Первые свои стихи печатала в журнале „Инкляве Медениет“. Стихи начала писать с 1930 года. В 1934 году вышел сборник ее стихов под названием „Стихи“. В 1936—1938 годах написала книгу для детей. Кроме того, Нигяр печатала свои стихи в периодической печати, в газетах Баку, Тбилиси и Москвы. Нигяр Рафибейли перевела с русского на азербайджанский язык „Коварство и Любовь“—Шиллера, пьеса эта ставится в азербайджанском Драматическом театре), Войнича—„Овод“, Герберта Уэльса „Человек-Невидимка“ и другие. В 1937 году в Москве в издании Гослитиздата вышел сборник ее стихов на русском языке.

ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ

Не видала,
Лишь слышала имя.
Почему же такую родной
Ты встаешь
Пред глазами моими
Материнской своей красотой?

По глухим переулкам Мадрида
Ты идешь, не спеша, Долорес,
И снаряды летят, как болиды,
Из огнем населенных небес.

Улыбнулся знакомый патруль,
Пуля взвизгнула
И пролетела...
Встать за огненной пряжей пуль —
Настоящее
Женское дело!

Над Испанией ночи горят —
Это смерть принимает парад,
Это, грудью встречая свинец,
Навзничь падает юный боец.

„Ибаррури!“ — он шепчет в бреду.
Ты ему отвечаешь: „Иду!“
Передам я последний привет
От тебя —
Но кому?
„Ибаррури!“ — он шепчет в ответ.

Будто солнце узревший впотьмах,
Он набухшие веки сощурил,
Он улыбкой на мертвых губах
Провожает тебя,
Ибаррури!

И вот ты встаешь, Ибаррури,
Идешь огневою тропой.
Товарищу с пулею в сердце
Ты издали машешь рукой.

Не видала тебя никогда,
Но тобой бесконечно горда, —
Ты, как знамя победы, слышна,
Ты идешь по фронтам боевым,
По скуным
Сновиденьям моим!

Расстоянье
Остается расстоянием —
Мы с тобой
Беседовать не станем;
Через бесконечные
Просторы

Мы с тобой
Увидимся нескоро,
Но через пространство
Голубое
Как нам познакомиться
С тобою?

Посмотри —
К тебе издалека
Жаждающая
Тянется рука.
В миллионах
Вытянутых рук,
Может, ты
Мою заметишь вдруг?
С каждым днем
Горжусь я все сильнее
Мужественной
Матерью моей!

COHA

Ты долго небом шла. Твой путь
 лежал далек.
Ты Млечный путь прошла наискосок
И в Кремль вошла. И поднесла венки
Вождю. В нем были сплетены
Бесчисленные радости страны.
Возьми из песен лучшую, Сона!
Пусть прошлое тебя не мучает, Сона!
Лишь улыбнешься ты—страна
 смеется вся!

Твое имущество—и горы и леса,
Твои ковры — поля и небеса!
И о тебе поет, восхищена,
Саза изумленная струна,
Цвети же радостью невиданной, Сона!
Такой, как ты, не выдумать, Сона!
Планетой маленькою орден на груди —
Тебя Союз почетом наградил,
И возраст твой почет опередил!
И славы отблеск на твоей судьбе, —

Так говорят в народе о тебе!
Так думают товарищи, Сона!
Как далеко до старости, Сона!
Пусть девушки, такие же, как ты,
Парят пилотами на крыльях высоты
По параллелям звездной красоты!
Пусть песня завоеванных высот,
Закутанная в облако, плывет!
Легендой песни о тебе звучат, Сона!
О наших девушках так говорят, Сона!

Дильбази Мирвари родилась в 1912 году в городе Казахе. Начальное образование получила там же. В 1927 году окончила Бакинскую учительскую семинарию. Пишет с 1928 года. Стихи ее печатались в журналах, Революция и культура", „Шарк Кадыны" и др. Выпустила ряд сборников стихов: „Стихи" (1934), „Весна" (1936). Дильбази член ВЛКСМ с 1933 года. В 1939 г. награждена орденом Знак Почета.

МОСКВА

О жажда свиданья, ты так велика!
На север наш поезд стремится — к Москве.
Я издали чувствую ласку ее,
На север лечу я, как птица, к Москве.

С горячего юга стремлюсь я к Москве.
Желанная! Все о тебе говорят.
Я радостных много везу новостей,
Ты видишь, глаза мои счастьем горят.

Охвачен волнением каждый из нас,
Пред нами уже Украины простор,
И зимнего солнца восход и заход
Ласкают в пути мой взволнованный взор.

Вот Ясной Поляны сверкнули огни,
В морозной ночи проплывает луна.

Москва, ты вдохнешь в меня силу свою,
К тебе я любви бесконечной полна!

Под снегом могучие сосны стоят.
Ночь меркнет. Рассвет свою песню поет.
О солнце! Скорее вставай и свети —
Ты слышишь, как сердце трепещет мое?!

Души моей тайные звуки в себе
Стремительный поезд пронесит, гремя.
И лучшее утро из прожитых утр —
Московское утро встречает меня.

Москва, как мечта, возникает вдали,
Стальных шатунов мне понятен азарт —
Как руки, они то потянутся к ней,
То, ярко сверкая, отпрянут назад.

Струится в окно мое утренний свет...
Восторг передать мой бессильны слова.
Ах, если б ты знала, как хочется мне,
С тобою всех раньше обняться, Москва!

Колес замедляется бешеный бег,
Часы ожидания — вы позади!
Москва, как маяк, ты горишь предо мной,
И юность и радость бушуют в груди.

Я вместе с друзьями на площадь иду,
Подхвачена бурной людскою волной.
О ленинский облик! Ты рядом, ты здесь,
Ты, как вдохновенье, предстал предо мной.

Я молча к тебе подхожу, мавзолей,
Я розовый мрамор ласкаю рукой.
Здесь Ленин лежит. Здесь прохладный гранит
Хранит тишины величавый покой.

О Сталин великий! Тебе из Баку
От солнечных улиц несу я привет.
Велели бакинцы тебе передать,
Что город твоею заботой согрет.

...И радость страны поднимает меня.
Прекрасна она, как весна, как любовь.
В стране золотые фонтаны кипят,
Клокочет по жилам горячая кровь.

Как степи, что жаждут воды дождевой,
Чтоб, влагу вобрав, зеленеть, зацветать,
Так я, о Москва, всей душою своей
Любовь твою жадно стараюсь впитать!

**IV
ОТДЕЛ**

**ПОЭЗИЯ
АШУГОВ**

Ашуг Аббас, по преданию, жил во времена Шах-Аббаса I. Азербайджанские ашуги создали известный дастан о жизни ашуга Аббаса и его любви к Гюльгез Пери.

Шел, шел, шел и не мог никуда дойти —
От страданий и горя заснуть не могло мое тело.
Как охотник усталый, ничего не мог я найти,
Дичь за снежные горы исчезла; она улетела.

О рабах средь народа всегда хорошо говорят,
Двор любимой моей мои горькие слезы кропят.
Взмыла птица души, в небо бросила взгляд,
Разорвала охотничьи сети, исчезла она, улетела.

Я, Аббас, в моей жизни неправды еще не сказал,
И чужой соловей возле розы моей не певал,
Сокол, вольная птица, в мои руки попал,
Не охотилась птица, исчезла она, улетела.

* *
* *

В путь, душа моя, странствуй в горах, как Меджнун,
Все раскрытые маки полей поцелуй,
Потолкуй с ненаглядной, позволит она,
И во влажные губы нежней поцелуй!

Буква „Син“, полагает писец, хороша.
Кровь врага, что нашел свой конец, хороша.
Грудь любимой, желаний венец, хороша.
И хорош в грудь любимой моей поцелуй.

Все садочки дрожат в ожиданьи плодов.
Песнь весны раздается на сотни ладов.
Диварганлы Аббас, будь к свиданью готов,
Шах-девица войдет, ножки ей поцелуй!

ПОХИТИЛ МОЮ ВОЗЛЮБЛЕННУЮ

Почитаемый, молю, не допускай:
Радость дней моих украл дэли Беджан!
Ту, в чьем пламени я сердце опалил,
Для забав своих украл дэли Беджан!

По приказу Шах-Аббаса (горький час!)
Разлучиться мы должны с тобой сейчас,
Визирь, мрачный как злодей, торопит нас,
Счастье дней моих украл дэли Беджан!

Я, Аббас, ни разу в жизни не солгал;
Разорен мой край родной, народ мой пал,
Для меня теперь навеки мрак настал —
Солнце дней моих украл дэли Беджан!

ЛЮБИМАЯ

Грустный сердцем, я брожу среди пустынь,
Этот жребий злой за что? — не знаю я.
Я влюбленных слышу нежный разговор,
И тебя увидеть вновь желаю я.

Ты хранишь ли в сердце клятву прошлых лет?
У меня к тебе доверья больше нет!
Тем, кто смог бы принести мне твой привет,
Жизнь отдам свою! Страдаю я!

Для тебя я бросил родину и род,
Без меня в саду соловушка поет...
Чем тебя я мог обидеть, кто поймет?
Не сорвав цветка любви, сгораю я.

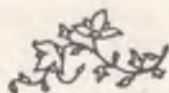
Говорит Аббас: отчизна далека,
Но не встретил я желанного цветка.
Где ты? Смерть неотвратимая близка!
О, приди! В последний раз взываю я...

СВИДАНИЕ С ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

О возлюбленная, где ты?
Сердце ждать тебя устало,
В нем тоска глубокой раны
Истекает кровью алой.

В волнах кос твоих пушистых
Аромат цветов душистых,
Пенье птичек голосистых...
Иль мне это показалось?

О приветливая, где ты?
Для Аббаса краше нету
Родинки, что мной воспета...
Где ты, горлинка, пропала?

Шикеста-Ширин—один из старинных ашугов. По преданию, жил в XVIII столетии и был современником Вагифа.

ТБИЛИСИ

Эй, кто историю читал,
Кто грудью защищал Тбилиси,
Тот знает, сколько ханов знал
И сколько ты страдал, Тбилиси.

Ну, что ж, был прав Иракли-хан—
Враг наступал из разных стран,
Был нужен войска океан,
Чтоб дольше устоял Тбилиси.

Иран атаку начал в ночь.
Трусливый полководец прочь
Бежал. Никто не мог помочь.
И на рассвете пал Тбилиси.

И в город ринулись враги.
Был дан приказ им: „Бей и жги!“
Бежать? Хоть в небеса беги!
Туда лишь отпускал Тбилиси.

Красивых дев забрали в плен,
Ломали камень древних стен,
И скоро превратился в тлен,
Развалин грудой стал Тбилиси.

Ломали лавки до утра
И горы вынесли добра
И золота и серебра.
Совсем ты обнищал, Тбилиси.

Враги решили: не жалей
Дворцов, и хижин, и церквей,
Бросай на камень площадей
То, что века собирал Тбилиси.

Хотелось жить, аллах, прости!
Не в силах мать детей нести,
Бросает, чтоб себя спасти.
И это все видал Тбилиси.

О яростная скорбь веков!
Глухие вопли стариков...
Потоками струилась кровь...
Как страшно ты рыдал, Тбилиси.

Вздымали в небеса персты,
Но все моления пусты.
Создатель, что наделал ты!
Пощады ты не дал Тбилиси.

Хочу я, Шикеста-Ширин,
Чтоб в память грозových годин
Для страшной мести, как один,
Горя отвагой, встал Тбилиси.

ТВОИ ОЧИ

Твои гнутые брови согнули мне стан,
И печальную душу сжигают глаза.
Ты глазами меня убивать перестань,
Пожалей их, пусть кровь не пятнает глаза!

Даже с солнцем тебя не сравню никогда:
Тот, кто видел тебя, одержим навсегда:
Взгляд твой — смерть, смех твой — яд, и улыбка — беда,
И пощады для смертных не знают глаза.

Мир не может вторую такую создать;
Я готов свою жизнь тебе даром отдать.
Тот, кто любит тебя, должен гибели ждать.
Всех влюбленных твои убивают глаза.

УВИДАТЬ БЫ ТЕБЯ

Горы горя с плеча я б на землю стряхнул,
Если б часть красоты я твоей увидал.
Я б разлукою сгорбленный стан разогнул,
Если б тонкие дуги бровей увидал!

¹ Биографических сведений не имеется.

Где разлука с тобой — там могила моя.
Я не знаю, где этому горю края.
К раю гурий приставлен садовником я,
Если б только тебя я скорей увидал!

Я твой раб, ты моих вожделений звезда,
И тебе моя жизнь вручена навсегда.
Как Меджнун я тебе поклонился б, когда
Стан твой, гибче весенних ветвей, увидал.

Спросят: чудо ли ты? — Для влюбленного — да!
Нету средства добиться тебя — ты тверда.
Я бы данью любви обложил города,
Если б очи любимой своей увидал!

ЯХШИ

Я сокола поймал, живьем поймал,
Но только сам пленен тобой, Яхши!
Кто увидал тебя, тот полюбил,
Тот жертвует своей душой, Яхши!

Звенит мой саз: „Спой песенку о ней,
Капризная — она еще милей!“
Прекрасная! Как солнце, мир согрей,
Явись, как месяц золотой, Яхши!

Боюсь, как стрел, бровей, ресниц твоих —
Не излечить вовеки ран от них.
Твоя краса — она живет лишь миг:
Не опьяняйся красотой, Яхши!

Любить тебя мне повелел аллах,
Соперник мой да превратится в прах!
Узнай, куда Сары направил шаг:
Он странствует вслед за тобой, Яхши!

НЕ ПРИШЛА

Ты дала мне обет, ты сказала: „Приду“.
Я надеяться мог — ты ко мне не пришла.
Без тебя мой удел — только слезы, я жду,
Столько бед и тревог! Ты ко мне не пришла.

Сгорблен горем я так, что сравнятся со мной
Твои брови, кривые, как месяц весной.
Я тоской окружен, как тюремной стеной,
Я в слезах изнемог — ты ко мне не пришла.

Так люблю я, что вздох мой, как тяжкий металл,
Колесо мироздания в щепы б разметал,
Где же совесть твоя? Я б рабом твоим стал,
Смирно лег бы у ног — ты ко мне не пришла...

Ашуг Валех — один из старинных ашугов. По преданию, он происходит из селения Абдал-Гюлаб Агдамского района (Авт. Обл. Нагорного Карабаха). Сохранились песни ашугов о жизни ашуга Валеха. В дастане о Валехе говорится о том, что в то время в Дербенте жила красавица Зарнияр, которая вступила в состязание с тридцатью девятью ашугами и победила всех. Она отобрала у них сазы и заточила их в темницу. Весть об этом дошла до Валеха. Ашуг отправился в Дербент на состязание с Зарнияр, победил ее, отнял у нее саз, освободил заключенных ашугов и женился на Зарнияр.

ВЫХОДИ (Зарнияр-хану)

Привет от меня Валеху! Слышишь, ашуг Валех?!
Если ты в самом деле славный ашуг, выходи
Иль откажись от мысли, будто ты лучше всех,
Иль на коне тонконогом смело в круг выходи!

Крепко держу я слово, дала я себе обет —
Тот, кто меня одолеет, узнает сладость побед.
Скоро из мертвых голов я выстрою минарет,
Если себя не щадишь ты, на поприще мук выходи!

В сердце скольких ашугов я поселила пожар.
Путы связали их ноги, таков мой жестокий дар.
Знай, в Дербенте живу я, зовут меня Зарнияр.
Если меня понимаешь, в Дагестан, мой друг, приходи!

КАКОВ ОТВЕТ?

О слуга возлюбленной моей,
Обо мне ты рассказал? Каков ответ?
Ты отвел ее в укромный уголок,
Все подробно передал? Каков ответ?

Вон в саду красавица с цветком.
Я пришел навеки в этот дом.
Ты ответь на все, на все, о чем
Я просил ее, узнал? Каков ответ?

Я лицо любимой полюбил,
Расскажи, я мил ей иль не мил?
Все, о чем Валех тебя просил,
Ты красавице сказал? Каков ответ?

СО СВАДЬБЫ

Со свадьбы в разгаре веселого дня,
Подруги невесты, сюда вы пришли,
Весельем хотите убить вы меня.
Зачем бы иначе тогда вы пришли?

Вас нежными сестрами следует звать...
Рыдания мне начали горло сжимать,
Во рту моем черная горечь опять.
Все трое, смеясь, как всегда, вы пришли.

Останься со мной, не отказывай мне,
В глазах моих счастье, и тело в огне;
Сенем и Валех — мы вдвоем в тишине,
О, если бы люди сюда не пришли!

ЗАРНИЯР И ВАЛЕХ

(Состязание ашугов)

Зарнияр

Привет, ашуг, салам, ашуг Валех!
И если ты — ашуг, тебе хвала!
Начнем скорей, посмотрим, кто — кого!
Посмотрим, кто слабей, чья смерть пришла.

Валех

Вот как отвечу, Зарнир-ханум!
В своем искусстве тверд я, как скала,
Меня и Рим не сдвинет на вершок,
Вся Индия мне под ноги легла.

Зарнир

Но ждет тебя засада впереди!
Вкруг шеи цепь завьется, погоди!
Без черствой корки по свету броди,
И как на дне морском, повсюду мгла.

Валех

Тебя Валех и равной не считал,
Кто голос мой слышал, ночей не спал.
От струн моих чугун бы наземь пал,
Что ж на меня ты пушки навела?

Зарнир

Не дамся! Не добьешься ты любви!
Пинком разрушу башенки твои,
И ляжешь ты во мраке и в крови.
Я всем ашугам шах и мат дала.

Валех

Красавица! Согласен жертвой стать,
Смягчись, зачем так страшно угрожать?
Нужна и хитрость — в схватке устоять!
Где бьются львы, тигрица слишком зла.

Зарнир

Раз вышел ты на состязанье, в круг,
Я обреку тебя на сотню мук.
Я — Зарнир. До завтра, милый друг!
Ты понял все, что я понять дала?

Валех

Ну и смела же ты, как ни взглянуть!
Ты — женщина. Храбрец я, не забудь!
Ашуг Валех, я открываю грудь —
Пускай вонзится первая стрела.

Ашуг АЛЕСКЕР

Ашуг Алескер родился в селении Аг Килиса Басар-Кечарского района. Приобретя популярность в районе Гогчи, он в скором времени становится известным по всему Закавказью. Ашуг Алескер в совершенстве усвоил формы народной поэзии. Ашуг Алескер — поэт, отличающийся изящным языком, глубоким содержанием и мастерством техники стихосложения. По словам ашуггов, Алескер, помимо сложенных им самим стихов, знал до 50—60 сказок и дастанов. Ашуг Алескер обладал большой фантазией, богатейшей сокровищницей слов, он импровизировал на свадьбах и пирах свои стихи. Умер в 1926 году.

Алескер

Плачевна судьба моя. Счастье ушло,
Его по кускам растащили теперь.
Имел я друзей и веселых подруг,
Мне все, как один, изменили теперь.

Шаир Вели

Я должен в себе свое горе носить,
Я в мир не вмещаюсь, мне негде в нем жить.
Мне нечем болезни свои излечить,
Мне душу огнем опалили теперь.

Алескер

Я горькой судьбу свою должен признать,
Привык я в рыданиях свой день начинать,
Привык бесполезно взывать и стонать,
Орла мне сычом подменили теперь.

Шаир Вели

Злой рок с моей милой меня разлучил,
Ее описать не достанет мне сил.
Бывало, как сокол, мой голос парил,
Но вольную тварь приручили теперь.

Алескер

О если б за то, что ее полюбил,
Я сладости чашу из рук получил!
Богатство свое я давно упустил,
В любовь мою яду подлили теперь.

Шаир Вели

Чужбина печали — любовь для Вели.
Мой сад без ухода — цветы отцвели.
И птицы из гнезд разоренных ушли,
Шипами цветник окружили теперь.

Алескер

Несчастный ашуг Алескер — это я,
Известна злосчастная повесть моя.
Несчастья плеснули через края,
Все беды меня навелили теперь!

ТВОРЕЦ ТЕБЯ СОЗДАЛ

Творец тебя создал в прекраснейший день,
Мечты о тебе я на сердце ношу,
От жажды сто ран на груди у меня,
О, вылечи мне хоть одну, я прошу!

В гранат твоих персей влюблен я давно,
Мне днем от рыданий, как в полночь, темно.

Как фениксу, жаждать огня мне дано,
Сычей вместо соколов не выношу.

Так плачь, Алескер, никого не виня.
Я вижу, как феникс встает из огня.
Глаза твои в горе ввергают меня,
Лицо мое блекнет, я горько грущу.

* * *

Я выглянул как-то случайно в окно,
Красавица тонкая мимо прошла;
Подняв свои брови, пустила стрелу,
И в кровь мне ресница любимой вошла.

Увидел глаза голубые твои,
И старые раны открылись мои.
Я душу бы отдал во имя любви,
Но ты, нетерпеньем томима, прошла.

Едва лишь успел на тебя я взглянуть,
И книгою горестей сделалась грудь.
Просил Алескер — обо мне не забудь,
Ты все-таки неумолимо прошла.

* * *

Красавица, даже с дорогой прямой
Способна нас сила твоя разлучить.
Ты можешь опутать сетями любви
И с дымом родного жилья разлучить.

Полна благовоний, нежна, как заря,
Ты властвуешь, многих улыбкой дая,
Ты сети умеешь закинуть в моря
И уток с прохладой ручья разлучить.

Вдвоем с Алескером отправившись в сад,
Любовно пройдешься вперед и назад.
Противься! Шипы тебе всюду грозят —
Но с розой нельзя соловья разлучить.

ГОРЫ

Желтеет колос, и краснеет мак,
Ковром цветов весну встречали горы.
Шах или раб, купец или бедняк —
Их никогда не различали горы.

Есть на вершинах снег для всех больных.
Горят цветы, и мед томится в них.
Все родники слились в живой родник,
Тоску убьют, в ее начале, горы.

Весной в горах вода ключей светла.
Народ пирует. Пляска весела.
Для нас сыры, янтарные масла
И мед цветов предназначали горы.

Весной они — как щедрый, славный хан,
А осенью — как зреющий баштан,
Но первый, зимний приходил туман —
Свои одежды с плеч роняли горы.

Порой дожди, порой туман седой,
И путники дрожат перед бедой.
Порой обвал смешает кровь с водой.
О многом страшном умолчали горы.

Парчу на холст сменивши в эти дни,
Курились молча в вышине, одни,
Пред шахами не гнули шей они,
Природной крепостью стояли горы.

Сойдут кочевники с нагорий вниз.
Завянут розы, и умрет нарцисс.
Ты, Алескер, от грез любви очнись,
Иди, неси свои печали в горы.

ГЮЛАНДАМ

От мира отрекся, увидев тебя,
Красавица, мира венец, Гюландам.
Взглянув на ланиты, на губы твои,
Стою, как последний глупец, Гюландам.

Одевшись, как пава, ты мимо прошла.
Ты синие очи сурьмой подвела.
Немало ты дней золотых провела.
Прощаешься? Значит—конец, Гюландам?

Не знаешь ты, где Алескер, Гюландам,
Зачем же, как роза, тянусь я к шипам?
В груди твоей место нашел я мечтам.
Останься! Так молит певец, Гюландам.

* * *

Да знаешь ли ты, в чем спасенье мое?
Жестокая! Снег у меня на груди.
Сожжен я палящею силой любви,
Ношу я тяжелые раны в груди.

Как ты грациозна, легка и нежна!
Вослед за зимой наступила весна.
Немолчна хвала моя, нежность жадна,
Желание вечно сохранно в груди.

Ашуг Алескер — я, усталый, больной,
Ты плохо, клянусь, поступаешь со мной.
Тому, что я начал стареть — ты виной,
Но честь я беречь не устану в груди.

Ашуг Гусейн происходит из селения Ашагы Бозалганлы Таузского района. Гусейн состязался со многими известными ашугами, в том числе с Алескером. Ашуг Гусейн, один из старейших мастеров ашугской поэзии, принят кандидатом в Союз советских писателей Азербайджана.

Наступил байрам, и одеты все в золототканый шелк.
А у нас даже бязи простой, шали нет, коленкора нет.
Старики говорить не любят, не охотники до бесед,
А у нас молодца влюбленного, даже милого взора нет.

Если б была пшеница — мы могли бы лапшу сварить,
Если б купили рису — в тазу бы начали мыть.
Семь дней жена моя шляется, на семь дней убежала бродить,
У нее из-за этой гулянки для нас разговора нет.

Щепки нету у нас, чтоб очаг затопить, нету зимой дров,
И масла простого давно уже нет, чтобы облить плов.
Что же нам побираться? Обедками жить с чужих веселых столов?
Не подохнуть нам, не пропасть вовек — для нас и уморы нет.

Богохульник мой сын, да и я никогда молитвы не посылал.
Наш бедняцкий харч и весной прямо с неба к нам попадал.
В нашем доме пустом ученый мулла на радостях не плясал.
Наш саз разбит и давно не звучит, да и бубну простора нет.

Нам о клятве твердят и о бо ге твердят, а что нам великий бог?
Что нам долг правоверного и священный налог?!
Что нам рай, что нам ад и огонь, что грешников жег.
Ты, Гусейн, не грусти, на загробном пути для тебя приговора нет.

Ашуг Муса происходит из Басар-Кечарского района Армянской Советской Социалистической Республики. По словам ашугов, он жил в первой половине прошлого столетия. Среди сложенных им песен особенно популярна песня „Струнный саз“. Эта песня пользуется широкой известностью. Имеются несколько вариантов этой песни.

АЗ

Играть он людям рад всегда —
Ну, в чем виновен струнный саз?
Развеет сердца чад всегда —
Ну, в чем виновен струнный саз?

Железо с деревом! Поет,
Не сплетничает и не пьет,
Не лжет и взятку не берет —
Ну, в чем виновен струнный саз?

Людей напрасно не чернит,
Не угнетает мир, не льстит,
Не ростовщик и не бандит —
Ну, в чем виновен струнный саз?

У всех живет он на виду,
Не сеет, как шайтан, вражду,
Не пишет, как мулла, джаду —
Ну, в чем виновен струнный саз?

Муса, я песней славлю саз!
Муллой не стану ни на час,
Не верю ни в какой намаз —
Ну, в чем виновен струнный саз?

Ашуг Асад происходит из Ганджи (Кировабада), в настоящее время проживает в Казахе. Ашуг Асад—один из старейших ашугов—был учеником известного ашуга Алескера. Своей мастерской игрой на сазе он прославился во многих районах Азербайджана. В 1937 году ашуг Асад принят кандидатом в члены Союза советских писателей Азербайджана. Награжден орденом „Знак Почета“.

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

О, постой, не беги! Меня жизни, света лишила ты!
Мир украсив собой, меня и привета лишила ты.
Сна, что я по ночам ищу до рассвета, лишила ты...
Песню пел я, как соловей, песни этой лишила ты!

Сладок голос твой, как мед,
Красота чиста, как лед—
В плен сердца она берет.
Украшая рот,
Родинка цветет,
Ты ума полна,
Пусть тебе дана
Будет жизнь-весна!

Вижу я: красотой своей—ах!—полсвета сразила ты!

Всех, собою очаровав, ты пленила, любовь моя,
Ты, как гурия, все вокруг восхитила, любовь моя,
Болен я от любви, во мне тают силы, любовь моя,
Не Логман, только ты меня исцелила б, любовь моя!

Исцели меня от слез,
Обладательница кос,
Ты, чьи губы ярче роз!
Яд любви всерьез
Мне испить пришлось,
Счастье ж не нашлось.
Я клянусь себя,
Я молю тебя —
Исцели, любя!

Навсегда меня глаз твоих—самоцветов—лишила ты!

Я в смятении пред ней стою, я не знаю, что ей сказать.
Появляясь, способна ты мрак ланитами озарять,
Легче было б мне Дагестан, чем красу твою, описать,
Я дыхание губ твоих бесконечно готов впивать.

Груди у нее — гранат.
Не уйдешь, взглянув, назад.
Все отдаст тебе Асад!
Голос твой и взгляд,
Что людей манят,
Недуг исцелят.
Ты—душистый сад,
Чьи уста хранят
Дивный аромат!

Оторвав от друзей, меня их советов лишила ты.

Из Армении, жизнь моя, ты недавно пришла в Казах,
Алость розы и сладость вин принесла на своих устах,
Кто увидит тебя зимой, вспоминает о летних днях.
О любимая, посмотри, видишь—ты у меня в глазах.

Очарован я тобой,
Ты любовь несешь с собой,
Путь ты озарила мой,
Сладок голос твой,
Будь моей женой!—

Нет мечты иной.
О, приди ко мне!
Сердцем твой вполне,
Я горю в огне!

Да! за мною, как Азраил, на планету спустилась ты!

Одинокий, брожу я, тверд, как Керем, о моя Асли!
Словно бабочку на огонь, крылья страсти меня несли.
Днем и ночью я в нем горю. О жестокая, исцели!
Кто ты? То ли ты призрак злой, то ли нежная дочь земли!

Раны твой наносит взор,
Как кинжал, твой взгляд остер.
Без тебя мне жизнь — позор.

Песнь моя — укор
Той, что до сих пор
Неприступней гор.
Смех Ашхен пьянит,
Ожерелья вид
Красотой пленит.

О Асад, в этом сердце теперь бога нету — лишила ты!

Ашуг Мирза-Ахмед-оглы Байрамов родился в 1892 году в селении Джиловдар Таузского района. В юные годы ашуг Мирза поступил в ученики к известному ашугу Гусейну. У него он в совершенстве выучился ашугскому мастерству. Ашуг Мирза является кандидатом в члены Союза советских писателей Азербайджана.

СТАЛИНУ

Оплот всех трудящихся, родины вождь,
Чья слава превыше всех гор, о Сталин,
Как яркое солнце, ты мир озарил,
Где царствовал мрак до сих пор, о Сталин!

Час близится! В красного знамени цвет
Весь мир торжествующий будет одет!
Исчезнет отродья фашистского след,
Сметет их восстанья напор, о Сталин!

Вождь мира! Тобою планета горда!
Ты, Сталин, ведешь нас везде и всегда.
Как имя твое, твоя воля тверда,
И сталью сверкает твой взор, о Сталин!

Маркс с Энгельсом планы борьбы начертал,
И Ленин со славой их труд продолжал,

И ты их дела для веков завершал,
И вывел нас на простор, о Сталин!

Мирза ненавидит прошедшие дни.
Да здравствуют новой эпохи огни!
Мой стих, о зажиточной жизни звени!
Прими мой привет и восторг, о Сталин!

ПОГРЕБЕНИЕ АРАБСКОГО АЛФАВИТА

Уважаемые, слушайте меня.
Наш цветок, алфавит новый есть у нас,
Знатоками он оценен и введен,
Сладость уст его медовых есть у нас.

Раньше все селенье кланялось мулле,
Обирал он нас, держал в своей петле.
Мы алфавит старый предали земле.
Новое большое слово есть у нас.

Муллы головы умели забивать,
Ничего не мог учащийся понять.
Кто не знал, того любили розгой драть.
Век жестокий, нездоровый был у нас.

В новый год алфавит старый свой
Закопали в землю с головой,
Хорошо засыпали землей.
Для муллы урок суровый есть у нас.

Повстречал муллу я вечером.
Я спросил, горюешь ты о ком?
„Умер близкий — отвечал он — пуст мой дом.
Тяжело мулле без крова жить у нас.

Прямо в пору ремесло свое бросать,
Больше заклинаний не могу писать.
Видит бог, я должен выхода искать.
Для муллы немало злобы есть у вас“.

Продолжал мулла: „Уйди, ашуг,
От меня вчера сбежал последний друг.

Негде денег мне сорвать теперь вокруг,
Вижу—ничего святого нет у вас!”

Дожили мы до счастливых, светлых дней,
Наша вся земля—так крепче стой на ней,
Места нет чадре средь ленинских огней,
И проклятого былого нет у нас.

У себя в Азербайджане я живу,
Всех теперь к науке я зову,
Я ашуг, Мирзой меня зовут,
Песня саза золотого есть у нас.

Ашуг Али происходит из Казахского района. Год его рождения неизвестен. Ему около ста лет. Это—известный старейший ашуг. Он знает много сказок и дастанов.

ЛЕНИН

Руку дал пастуху кузнец, на союз их взгляни, Ленин!
Злых и грозных своих врагов сокрушили они, Ленин.
Дашнаков, муссаватистов сбил в поток с вышины Ленин.
И с улыбкою подошел к угнетенным страны Ленин.
Осветил бедняков дома, засияли они, Ленин.

Пробудился Азербайджан, стал грузин армянину брат,
Кто был раньше жалким рабом, тот вошел теперь в первый ряд.
Изловили мы беков злых и отправили прямо в ад.
Верен наш советский закон так колхозники говорят,
Все народы теперь дружья, коммунизм верны, Ленин!

Поглядите, как жизнь теперь забурлила в моей стране!
Как стремителен днесь поток, сколько радости в каждом дне!
Электрических фонарей яркий свет подобен луне.
Крылья мощные распластав, самолет парит в вышине,
Сокола твои бьют врагов, грозной силой полны, Ленин!

И Баку, и Москва цветут, за заводом растет завод.
Слышу взрывы горных пород, здесь туннель под землей идет.
Так работает наш народ, что врагов наших страх берет.

Углубляются русла вод там, где раньше был мелкий брод.
Удивленные журавли вниз глядят с вышины, Ленин!

Земледельцы пришли в колхоз, белым хлопком цветет страна.
От Аракса по всей степи сеть каналов проведена,
Трактора бороздят поля, поднимается целина,
Агрономы привозят нам первосортные семена,
Огороды, бахчи, сады средь пустыни видны, Ленин!

Наши девушки хороши — черноглазы, стройны, умны,
И на пашнях и на полях песни звонкие их слышны.
Поспевают они везде, на работе любой сильны,
Труд ударных бригад кипит на просторах родной страны,
Звонко косы свистят в руках, все ловки и дружны, Ленин!

В селах много открыто школ, и щебечут ребята в них,
Сердце радуют мне они — кто поет, кто читает стих.
Мальчик, девочка — все хотят заниматься лучше других,
Вьются локоны малышей, словно перья птиц золотых,
Соловьями они поют, в нашу жизнь влюблены, Ленин!

Тьмы, невежества больше нет, нам сияет науки свет,
Мы ушли от нужды и бед, так да здравствует наш Совет!
Все — колхозник, кузнец, поэт — посылают ему привет.
Всякий может пойти на съезд, и для женщин запрета нет,
Просят слова те, кто молчал, те, кто были темны, Ленин!

На успехи наши глядят с лютой ненавистью враги.
Проклиная наш урожай, смерть в колхозы шлют кулаки.
Нам изменник наносит вред, и злословят клеветники.
Враг неслышно ходит кругом, различайте его шаги!
Среди нас еще есть враги, мы сломить их должны, Ленин!

Коммунисты готовы в бой, комсомольцы с ними пойдут.
Если враг нападет на нас, наши танки его сотрут.
Строим в нашей стране дворцы, и до неба дома растут —
Пусть любитесь целый мир, как могуч наш свободный труд.
И аскеры, на страх врагу, все — народа сыны, Ленин!

С нами Сталин, твой ученик — много радости создал он.
Жить со Сталиным — значит жить в самом лучшем из всех времен!
Как чудесен его указ, как прекрасен его закон!
Он мудрейший из всех людей, кто на этой земле рожден.
Сталин — лучший твой ученик — роза нашей весны, Ленин!

*Ашуг Муса, один из молодых ашугов, родился в селении Аг
Килиса (Армянская ССР), племянник знаменитого
ашуга Алескера.*

СТАЛИНУ

От холодных, вечно бурных горных рек,
В песнях много раз воспетых у меня,
От покрывшихся цветами наших гор
Другу Сталину приветы у меня.

Черным я пишу по белому, друзья.
Вспоминая горечь прожитого, я
Говорю: чудесней всех эпох — моя,
Жизнь сверкает ярким светом у меня!

Нет для нас теперь, любимая, преград,
Нас из тьмы садовник вывел в дивный сад,
В нем ашуг срывает сладостный гранат...
Горьких мыслей больше нету у меня.

Для сердец фашистских стрелы есть у нас,
Так поет Муса — певец свободных масс!
Зазвени „Интернационалом“, саз,
Им навек душа согрета у меня.

Ашуг Мамед происходит из селения Карадонлу (Армянская ССР). Ему семьдесят лет. Он создал несколько газелл и много песен, посвященных вождям и строительству социализма.

САЛАМ ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ!

Перестаньте шуметь, друзья, и внимайте, что я скажу!
Про царя, что терзал долго наши края, скажу,
Как губили нас палачи, в царских тюрьмах гноя, скажу,
И как предал нас муссават, ничего не тая, скажу.
Как свободно теперь живем, как счастливо, друзья, скажу.

Как нас мучили бек и хан под защитой царских штыков,
И струилась кровь наших ран на железо наших оков,
Как помещики и муллы жадно грабили батраков,
Как широкий и светлый мир стал нам тесен в конце концов,
Как под гнетом нужды для нас тьмой покрылась земля, скажу.

Год шестнадцатый — страшный год — был тяжел для нас,
Йолдашлар.
Как убийца, вражда племен за кинжал взялась, йолдашлар!
Как весною потоки с гор, наша кровь лилась, йолдашлар.
Нас разбойники стерегли, между скал таясь, йолдашлар,
Как остались мы в этот год без земли и жилья, скажу.
Мы готовились умереть, но семнадцатый грянул год,
И советская власть тогда нас избавила от невзгод.

Вместе с Лениным мы, друзья, к новой жизни пошли вперед.
Как декреты он разослал и свободным сделал народ,
Как домчался до наших сел грозный гул Октября, скажу.

Ты, кто дал нам Советов власть, мудрый Ленин, тебе привет.
Да не меркнет пусть никогда, вождь, зажженный тобою свет.
Сталин, Ленина верный друг, ты да здравствуешь много лет!*
И в труде и в бою с врагом нашей силе предела нет!
Как ликуем мы, как цветут города и поля, скажу.

Пятилетка по всей стране зданья новые возвела.
Заблужденьям пришел конец, отоцал, обеднел мулла.
Бедняка и середняка дружба вместе в колхоз ввела.
Для трудящихся жизнь теперь и привольна и весела...
Так рождается песня моя — в ней о Сталине я скажу.

СТАЛИН

Только стоит имя Сталина назвать,
Как сердца, услышав имя, расцветут.
Как бутоны, под лучами глаз его
Души красками своими расцветут.

Он свободным и почетным сделал труд,
Конституцию его народы чтут,
К коммунизму нас дела его ведут,
Наши братские республики цветут.

Русский, армянин, грузин, узбек, таджик —
Каждый смысл законов сталинских постиг.
•Мы у змей троцкистских вырвем их язык,
Травы сорные над ними пусть растут!

Сталин мудрый, от твоих правдивых слов
Проникает смерти страх в сердца врагов.
Шлют привет тебе стахановцы лугов.
Их поля необозримые цветут.

Ты, ашуг Мамед, бери скорей свой саз,
Звонкой песней славь вождя народных масс,
За него на смерть пойдет любой из нас!
Пусть, любимый Сталин, дни твои цветут!

*Ашуг Иман родился в селении Аг Килиса Басар-Кечарского района Армянской ССР. С юных лет ашуг Иман начал сла-
гать песни. Он создал ряд песен о старой и о новой жизни.*

ЛЕНИН

Ленин в мир, как боец, пришел, чудо-доблесть его вела.
К тем, кто в рабстве страдая жил, всюду доблесть его вела.
Он за дело народа встал, силы отдал ему свои.
К угнетенному нищетой люду доблесть его вела.

От огня тирании нас защищал беззаветно он.
Билось сердце его сильней, угнетаемых слыша стон.
Старший брат его Александр был царем-палачом казнен,
За рабочих он отдал жизнь. Знайте—доблесть его вела!

Из Парижской Коммуны он много мудрых идей извлек,
Запад в нем увидал вождя, и услышал его Восток.
Много пало его друзей — за свободу был бой жесток.
На врагов наших Ленин шел грудью — доблесть его вела.

Он к аскерам царя тайком за письмом посылал письмо,
Он трудящихся призывал сбросить тягостное ярмо,
На разбойников-богачей наложил он свое клеймо,
Он к восстанию звал народ, в битву доблесть его вела!

Знамя красное в руки взяв, он вознес его над собой.
Свергнув деспота навсегда, он окончил победно бой.
Власть советская — как цветник, мы довольны своей судьбой.
Говорит вам ашуг Иман: „Люди, доблесть его вела“.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СТАЛИН!

Будь прославлен день победный Октября!
Днем, создавшим власть труда, был этот день.
В этот день низвергнут с трона деспот был,
Нам свободу навсегда дал этот день.

Маркс и Ленин побеждать учили нас,
Сталин, вождь великий, нас ведет сейчас.
Днем, когда Калинин вникнул в нужды масс,
Чтоб навек ушла нужда, — был этот день.

Мы живем под сенью сталинских знамен,
Пятилеткою союз наш укреплен,
Он скалою неприступной возведен.
Днем, украсившим года, стал этот день.

Наш колхоз и город в братстве поклялись,
Строят радостно они социализм.
Не дает врагам покоя наша жизнь,
Не забыть им никогда про этот день!

Говорит Бехмен: „Да сгинут навсегда
Злые псы — муссаватисты, без следа,
Все дашнаки, все троцкисты — вся орда!
Днем, что им нанес удар, стал этот день!“

*Из селения Бозанганлы Таузского района.
Скончался в 1934 году.*

ЛЕНИН

Ленин всех своих соратников созвал
И решил с простым народом быть всегда,
Вместе с ним сражаться против богачей,
Дать трудящимся свободу навсегда.

Мудрый Маркс обрек на гибель капитал,
Продолжать его работу Ленин стал,
Он в подпольи люд рабочий собирал,
Он с трудящимся народом был всегда.

Слыша Ленина великие слова,
Осознал рабочий люд свои права,
Стала красной от жестоких битв трава,
Мы запомним эти годы навсегда!

С каждым днем гремел сильней свободы зов,
Царь расстрелян был рукой большевиков.
И поднялся миллионный лес штыков,
Скинул ханскую породу навсегда.

Мы недаром проливали кровь свою.
Слава тем, кто смертью храбрых пал в бою!

Свет увидели и радостно поют
Те, кто был темницам отдан навсегда.

В жизни отдыха не зная, Ленин жил —
Так любимому народу он служил!
Он начало новой жизни положил,
Будет он в сердцах народа навсегда!

Много доблестных унес кровавый бой,
Но, не дрогнув, Ленин, шли мы за тобой.
Наш Союз возвел ты твердою рукой,
Из гранита вывел своды навсегда!

Справедливость пышным цветом расцвела.
Не найдешь ты безземельного села...
Да живут вожди! Прославим их дела!
Покорилась нам природа навсегда.

Школы новые открылись там и тут.
Малыши у нас счастливыми растут,
Словно птенчики щебечут и поют.
Им наук открыты входы навсегда.

Раньше жалким был рабом Шаир Вели,
Нынче годы светлой радости пришли.
Красный праздник мы в весельи провели,
Я пою: „Союз наш создан навсегда!“

*Шаир Кязим родился в селении Агбулаг (Армянская ССР).
Умер в 1935 году*

МОЩЬ ЛЕНИНА

Ленин доблестным был бойцом, он был храбрым, как лев, друзья!
Для обманщиков-богачей страшен был его гнев, друзья,
Был он тем, кто нам счастье дал, мир в сиянье одев, друзья,
Он жестокий окончил бой, всех врагов одолев, друзья.
Мы вошли за ним в новый мир, гимн свободы запев, друзья!

Ленин дал боевой сигнал — загремел в Петрограде бой.
Он аскеров и моряков на царя повел за собой.
Губернаторы и купцы в страхе подняли визг и вой,
Я же крикнул им: „Ленин прав, для трудящихся он герой!“
Так вдогонку я крикнул им, их злодейств не стерпев, друзья.

Ленин в руки берет перо, верный он издает декрет,
В нем написано: „Ханам злым, хищным бекам пощады нет!“
Так сказал он, и всех врагов мы на тот отправили свет.
Где приспешники их теперь? Нет проклятых, простыл и след!
И вздохнули свободно мы, одолеть их сумев, друзья.

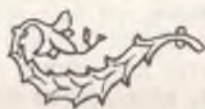
Ленин хитрых попов и мулл отстранил от народных дел,
В прах повергнул буржуев он, власти их положил предел.
Натиск красных аскеров был, словно молния, прям и смел,

Врангель ими разгромлен был, в море Черное полетел.
В небо взмыл наш победный флаг, как заря заалев, друзья!

Не забыли муссаватистов, был отпор им хороший дан;
Убежали они от нас — кто в Италию, кто — в Иран,
Кто в Японию ускользнул, кто забился во Франгистан,
А иным удирать пришлось без оглядки за океан.
Так они убегали прочь, как туман побледнев, друзья!

И в бою и в работе нас правда ленинская вела,
Сбросив в пропасть меньшевиков, розой Грузия расцвела,
Озарился Азербайджан, из Армении тьма ушла,
Точно братья, народы все сели вокруг одного стола.
Мы не зря проливали кровь — созревает посев, друзья!

Говорит Кязим: „Ленинизм, сотни сотен веков живи!
Ты достойна, Советская власть, самой пылкой моей любви.
Справедливая, ты ничьей — без вины — не прольешь крови!
Ленин, если нас тронет враг, мы готовы — лишь позови!
Так живем мы, из мрачной тьмы прямо к солнцу взлетев, друзья!

Ашуг НАДЖАФ

Ашуг Наджаф родился в селении Алимерданлы Таузского района. В 1937 году ашуг Наджаф принят в члены Союза советских писателей Азербайджана.

СТАЛИН

Тот, кто солнцем над странюю засиял,
Озаряя мир лучами — это ты.
Несгибаема стальная мощь твоя,
Тот, кто в бой пошел с царями — это ты.

Обездоленных ты спас от палачей,
Жизнь для женщин сделал светлой, как ручей.
Тот, кто, крепко сжав древко в руке своей,
Держит ленинское знамя — это ты.

Яркий свет эпохи новой запылал.
Кто трудящимся свободу в дар прислал?
Кто в колхозах жизнь зажиточную дал
Тем, кто были батраками? — Это ты!

Каждый хочет славно жизнь свою прожить,
Путь к стахановским рекордам проложить,
Орден Ленина геройством заслужить,
Кто зажег геройства пламя? — Это ты!

Я, ашуг Наджаф, желаю много лет
Жить тебе, наш вождь, идя путем побед!
Дней свободных и прекрасных яркий свет,
Загоревшийся над нами — это ты!

Ашуг Годжа родился в 1900 году в бедняцкой семье селения Юхары Бозанганлы Таузского района. С детства поступил в ученики к известному мастеру ашугу Гусейну и научился у него игре на сазе.

СТАЛИН

Дум твоих высоких вижу свет,
Все народы им согреты, Сталин!
Ты исполнил Ленина завет,
О светильник всей планеты, Сталин!

Славен ты везде, где люди есть!
Как богатств колхозных не учесть,
Так в тетради не вместить, не счесть
Песен, о тебе пропетых, Сталин!

Разобщенные, под гнетом тьмы,
Были хмуры и печальны мы,
Но, могилу вырыв для зимы,
Дружных нас привел к весне ты, Сталин!

Как сады, республики цветут,
Раздаются песни там и тут.
Дети или соловьи поют? —
То к тебе летят приветы, Сталин!

Я, Годжа, не сплю, но вижу сон:
Песнь моя гремит среди племен —
Слава той, которой ты рожден,
О светильник всей планеты, Сталин!

У
ОТДЕЛ

**НАРОДНАЯ
ПОЭЗИЯ**

Азербайджанская народная поэзия весьма богата. Особое место занимают в ней „кошма“ (стихотворная форма с парными рифмами), которые распеваются на самые различные мотивы. Очень часто стихотворения, созданные в форме „кошма“, являются диалогами—дишме (например, „Юноша и девушка“, „Горы и равнины“ и т. д.).

Особенно популярны баяти. Три строки баяти рифмуются (1—2 и 4), и одна (третья) остается незарифмованной. В этой же форме имеется много колыбельных напевов и „агу“ (песни плача, траурные песни, распеваемые на похоронах и поминках). Баяти поются на различные мотивы (главным образом на мотив—шикесте). Обычно смысловой эффект баяти падает на две последние строки.

БАЯТИ

БАЯТИ

*(Со слов ашуга Аббаса Шамхорского
района)*

*

Если не было бы роз,
Их не трогал бы мороз.
Если б смерти и разлуки
Пережить нам не пришлось!

*

Напиши мне о любви
И любимой назови,
Если не найдешь бумаги,
С дерева листок сорви.

*

К твоему лицу идет
Черных локонов полет.
Счастья мне не даст любимый,
Только душу украдет.

*

Горе, горе, пощади,
Нету сил в моей груди,
Как от горя ни бегу я,
Все маячит впереди.

*

Всю любовь я прокляла,
На поля зима легла.
Сто врачей мне не помогут,
Коль судьба не помогла.

*

Что мне делать, милый брат?
Сердце и душа болят.
Голову уткну в колени,
Пусть душа умрет, мой брат.

*

У ашуга есть беда —
Разлучен он навсегда.
Дня разлуки не терпел он,
Разлучили на года.

*

Делать что тебе, ашуг?
Сердце полюбило вдруг.
Изменю — умру, что ж делать,
Если ты изменишь, друг?

*

Если б ты моей была,
Если б сердце отдала,
За тебя я душу б отдал,
Пусть хоть чортом назвала б.

*

Бровь красива, весела,
И ресница—как стрела.
От любви я умираю,
Пожалеть ты не могла.

*

Потеку я родником,
Горы обниму кругом,
Только бы тебя мне дали,
Нищенкой пойду потом.

*

В вазе спит букет гвоздик,
Томно глаз цветка глядит.
Не горюй, душа больная,
Нас всевышний наградит.

*

Я пришла с горы крутой
С диадемой золотой,
Не певица, не невеста —
Со сгоревшею душой.

*

В сердце каждая из бед
Оставляет черный след.
Вскрой мне грудь, взгляни на сердце,
В нем живого места нет.

*

Над глазами, словно лук,
Черных бровок полукруг.
Ты всегда вдвоем гуляла,
Где ж теперь твой милый друг?

*

Я одна теперь брожу,
Горе в тайне я держу.
Горю ты виной, кому же
Свою жалобу скажу?

*

Жестока судьба и зла,
Горе мне в удел дала
И, печаль мне наливая,
Через край перелила.

БАЯТИ

Записано в Таузском районе

*

В чудный плод ашуг влюблен,
Дивной пищей восхищен,
Хоть дурнушка, да честна ты —
Лучше злых красивых жен.

*

Я влюблен. Меня с ума
Сводит глаз твоих сурьма.
Покорив глаза глазами,
В плен меня возьмешь сама.

*

Я влюбился. Плачь весной,
Плачь зимой и плачь весной.
Я спою тебе про горе,
Запиши и плачь со мной.

*

Я влюблен — мои глаза
Смотрят в темные глаза.
В ожидании любимой
Стали темными глаза.

*

Дуй в огонь во весь свой дух,
Чтобы ярок был и сух,
Так зажги меня любовью,
Чтоб до смерти не потух!

*

Я влюблен в отчизну роз,
В ней ты лучшая из роз.
Я тебя увидел, роза,
И теперь влюблен всерьез.

*

О влюбленный, не рыдай,
Все уйдет в далекий край.
Знаю я большую тайну,
От меня ее узнай.

*

В горный я влюблен родник,
Даш-Булак для нас одних.
Приходи, друзьями будем.
Слезы упадут в родник.

*

Я влюблен. Ты так мила,
Родинка твоя смугла.
Потерял тебя, ищу я
Легкий след, где ты прошла.

*

Я влюблен. Грусти и плачь,
Как осенний дождик, плачь,
Расскажи влюбленным повесть
Горестей и неудач.

*

В ту, что слева, я влюблен,
Красотой ее сражен.
Лишь с одной бедою справлюсь,
Как другою окружен.

*

Две стрелы из-под бровей...
Не могу расстаться с ней.
Жить на свете без любимой —
Нету жребия страшной.

*

Дом высок, красив собой,
Светит пламень голубой.
Все равно, что видеть Мекку,
Нам глаза скрестить с тобой.

*

Я влюблен. Пленит меня
Солнце на исходе дня.
Лгать не стану — солнце меркнет
В свете твоего огня.

*

Я влюблен, да так влюблен,
Так пожар любви силен,
Что я вместе с бедным сердцем,
Словно в клетку, заключен.

*

Я влюблен. Обшарь Багдад...
Причесалась, вышла в сад.
По следам своей любимой
Рим обшарю и Багдад.

*

Я влюблен в весну твою,
Не боясь грозы, стою.
Грамотей один мне нужен,
Записать любовь мою.

*

Я влюблен в большой гранат.
Месяц озарил гранат.
Верю тем, что помогают,
А не тем, что говорят.

В горы я влюблен давно.
От грозы в горах темно,
Стал Меджнуну я подобен,
В них брожу. Мне все равно.

*

Я пленен одной весной
И красавицей одной.
В многих женщин не влюбляйся,
Назови одну женой.

*

Я влюбился в небеса,
Светит мне твоя краса.
И отныне не хочу я
На луну поднять глаза.

*

Мне любовь к огню дана.
Тонкая взошла луна,
Я бы с каждым поделился —
Так душа огнем полна.

*

Я влюблен в прекрасный мир,
И стрелу метнул я в мир.
Осторожней будь с любимой —
Только раз живет кумир.

*

Я влюблен. Багдад ищи¹.
Причешись и в сад спеши.
Там казненный из-за розы
Соловей висит в глуши.

*

Я в охотника влюблен,
Сети мне расставил он.
Все забуду я на свете,
Крепкой сетью оплетен.

¹ „Багдад ищи“ — обычная присказка ашуга; к содержанию песни не имеет отношения.

Я влюбился в лань в лесах.
Ты придешь ли в Марала?
Слышишь, я вздыхаю тяжко
Так, что лань дрожит в горах.

*

Я влюблен в терновый куст.
Сад с ним рядом нищ и пуст.
Соловей страдал — а розой
Завладел терновый куст.

*

В Мемегане мне близки
Все дороги и пески.
А казнишь меня секирой,
Обагрю твои соски.

*

Я влюблен в глаза одни.
Косы ты узлом стяни.
Что с глазами сделать, если
Взглянут на других они?

*

Мою милую красу
Совы сглазили в лесу,
Я заплакал и сегодня
Рану на сердце несу.

*

Я влюблен, влюблен в Хал-Хал.
Шейку в родинках узнал
И любви я отдал душу,
Чтоб чужой не отобрал.

*

В город я влюблен — в Салмас,
В Хой влюблен я и в Салмас,
Плачьте тайно, мои очи,
Чтоб никто не видел вас.

*

Месяц ходит до утра,
Как возлюбленный. Пора
Расставаться двум влюбленным.
Дорог миг, а жизнь — игра.

Я влюблен. Страна была,
Где сова любовь нашла.
Плачьте, плачьте, мои очи,
Ведь любимая ушла.

*

Я влюблен. Мой черен взгляд,
Вкусен черный виноград.
Я б хотел пойти к любимой,
Черен я и небогат.

*

Лишь в одну влюблен ашуг.
Стан мой выгнулся, как лук.
Солнцеликую увижу,
Может, будет меньше мук.

*

Я влюблен. Ты из груди
Сердце вынула. Приди
И верни! О ангел смерти,
Жизнь одна ведь. Пощади!

БАЯТИ

*Записано со слов ашуга Аббаса
в Шамхорском районе.*

*

Я влюблен. Вода стоит,
Гиацинт в воде горит.
Я любовь полил водой —
Как огонь, вода горит.

*

Я влюблен. Ищи наград.
Озарен луной гранат.
Тех, кто стал дружить со мной,
Делом испытать я рад.

*

Я влюблен. Душа больна.
Появилась луна,
Если ты душой погас,
У меня возьми огня!

*

Я влюблен в тончайший стан,
От моей любви я пьян.
Пусть сломается кувшин,
Тяготящий тонкий стан.

*

Мимо всадник проскакал.
Верный конь под ним плясал,
Он, как солнце, заблестал,
Как луна, вдали пропал.

*

Я влюблен. На солнце я.
Ты в тени — на солнце я.
Жертвы день — один в году.
Вечно жертва — жизнь моя.

*

Я влюблен. В твой взор влюблен.
Опрокинут сердца трон.
На тебе оставил след
Глаз чужой. Так чей же он?

*

Прочно лишь подножье скал,
Розы цвет весною ал.
Не зову тебя цветком —
Век цветов бывает мал.

*

Я влюблен в бутон сейчас.
Лепестки его — атлас.
Вынес муки соловей,
Розу для шмеля припас.

*

Я влюблен во мрак очей,
Стан мой гнется все сильнее,
Если встречу дивный лик,
Горе может стать слабей.

*

Я влюблен. Она пришла,
Рану в сердце нанесла.
Жизнь оставь мне, Азраил,
Жизнь мою она взяла.

Я влюблен. О, защити,
Сердце вылечи в груди.
Я из горя сделал дом —
Грустью дом огороди.

*

Розой сделал я тебя,
Розой роз назвал, любя.
Ты шиповника не трогай,
Вдруг уколет он тебя.

*

Я влюблен. Один впотьмах
Громко я стенаю: ах!
Ночь в обиде на меня —
Без тебя я плачу: ах!

*

Роза красная чиста,
Чем довольна, чем сыта?
Видно, кровью соловьиной
Забавлялась роза та.

*

Не люби людей дурных,
Помощи не жди от них.
Видишь, плачет и подушка,
Что мокра от слез моих.

*

Я влюблен в цветы аллеи.
Не боюсь я всех царей,
Стать бы мне букетом роз,
Вянуть на груди твоей.

*

Я влюблен. Смеется люд,
Щеки розовым цветут.
Будь в тебе огромен ум,
Коль ты беден — засмеют.

*

Я влюблен, и тверд мой взгляд.
Совы в темноте глядят.
Не мигают те глаза,
Что на милую глядят.

*

Я влюблен в палящий день,
Здесь и солнце, здесь и тень.
Те, кто любят, праздник чтут,
Празднуют свиданья день.

*

Я влюблен. Красу аллея
Ободряет соловей.
Сколько горя на земле,
Сколько плачущих на ней.

*

Я влюблен. Мороз таков,
Что врывается под кров,
Горе друга припиши
Проискам его врагов.

*

Я влюблен. Глубок Аракс.
Волен и широк Аракс.
В путь любимая ушла.
К ней не будь жесток, Аракс!

*

Я хотел бы хоть чуть-чуть
В очи синие взглянуть.
Отдаю тебе все сердце,
Только рядышком побудь!

*

Я влюблен. Приди скорей!
Утки льнут к воде своей.
Тень твоих густых ресниц
Делит лик на сто частей.

*

Я влюблен. Лицо горит.
Утка к берегу спешит.
Если хочешь, так вздохну,
Что лицо от слез сгорит.

*

Я влюблен, в тоске поник.
В темных тучах лунный лик.
Не смеется сирота,
Омрачив свой лунный лик.

Я влюблен, и от любви
Сердце у меня в крови.
Горе душу мне сожгло.
У меня вся грудь в крови.

*

Я влюблен, подай совет.
Розы покрывают ветвь,
Злое горе гнет меня,
Как цветы сгибают ветвь.

*

Стало солнце заходить,
На землю сиянье лить.
Сердце у меня — фарфор,
Разобьешь — не починить.

*

Утечет вода вперед,
Сокрушив скалу, уйдет.
Этот мир земной — окно:
Каждый взглянет и пройдет.

*

Подковать коня — к чему?
Родинка тебе — к чему?
Если кто возьмет тебя,
Деньги не нужны ему.

Сад любви передо мной,
Ад и рай передо мной.
Как любимая палит,
Не палит огонь большой.

БАЯТИ

*

Пусть дружат шипы с цветком,
Стебель оградив кругом.
Никому не дам на розу
Глянуть и одним глазком.

*

Так страдая, так любя,
Что мне сделать для тебя?

Я страшусь твоей измены,
Не боюсь я за себя.

*

Розу любит соловей,
Розе предан он своей.
Горьких слов не говори мне ---
Сладких жажду я речей.

БАЯТИ СОВЕТСКИЕ

*Записано со слов ашуга Али Рагима в селении
Коч-Аскер (Казахский район)*

*

Власть советская пришла —
Радость по сердцам прошла,
Мир сияньем озарился —
Наша власть теперь пришла.

*

Вижу горы впереди,
Вижу море впереди,
Власть советская пришла к нам —
Наше горе позади.

*

Луг, лаская взгляд, цветет,
Чайных роз наряд цветет.
Мы Советы основали,
Весь советский сад цветет.

*

Месяц над землей взошел,
Быстро мрак ночной ушел,
С той поры не знаю горя,
Как советский строй пришел.

*

Загремел Советов гром,
Спящих поднял этот гром,
Сирых, нищих и убогих,
Грянув, вывел к свету гром.

*

Солнце в светлый час взошло,
Тотчас горе масс ушло,

Мы тиранов сокрушили,
Счастье в мир для нас пришло.

*

Землю получили мы,
Раны залечили мы,
Все, что говорил нам Ленин,
Крепко выучили мы.

*

Дни весны для нас пришли,
Прямо на Кавказ пришли,
Бедняки в страну родную
Словно в первый раз пришли.

Стерт помещик нами в прах,
Унесен ветрами прах,
Нанесли удар Советы —
Все, кто был с врагами — прах!

*

Строим город новый мы,
План кладем в основу мы,
За родную власть Советов
Жизнь отдать готовы мы.

*

Жил кулак. Хвалился он,
Силою кичился он,
Как ударили Советы —
Вдребезги разбился он.

*

Спекулянты были здесь,
Многих погубили здесь.
Бедняков, в селе ограбив,
Словно бритвой брили здесь.

*

Дервиш, грабил бедных ты,
Их лишал обеда ты,
Сеял смуты и доил нас,
Как коров. Зловредный, ты!

*

С чортом дружбу гнет мулла,
Мутит весь народ мулла,

Говорит нам небылицы,
Как богач, живет мулла.

*

Знаю птицу цветом — кровь.
Нас стегали плетью в кровь,
Кровью нас при муссавате
Рвало. Помним эту кровь.

*

Нам грозил могилы мрак,
Нас терзали, били так:
Плетью яростно стегали
По сердцам нас. Было так!

*

Въехал на коне в село
Хищный бек — в огне село.
Нет домов, остался пепел,
Плачет при луне село.

*

Смерть врагам! Они теперь
В пропасть сметены теперь,
И хозяевами жизни
Стали мы одни теперь.

*

Реки, горы есть у нас,
И садов не счесть у нас,
Веселимся мы и пляшем —
Тучным нивам цвести у нас.

*

Сеем дружно вместе мы,
Говорим по чести мы:
Да прославятся Советы,
Им слагаем песни мы!

*

Мрак для нас прошел теперь,
Свет для нас расцвел теперь —
Мы на фабриках свободных
Сукна ткem и шелк теперь.

*

Горы нам салам несут,
Урожаи нам несут.
Реки, пастбища, посевы
Радость нашим дням несут.

*

Крупен скот, товар хорош,
Красный наш базар хорош.
Раньше были беднотой мы...
Новой жизни дар хорош!

*

Стадо бережет пастух,
Зорко стережет пастух,
Власть советская за это,
Все тебе дает, пастух!

ГОРА И РАВНИНА

Гора

Ты черна, равнина, ты черна!
Люди и селенья—все мое;
Твои козы, овцы и быки,
Легконогие о тени—все мое!

Равнина

Эй, не хвастай, не кичись, гора!
Все, что в отдаленьи, все мое!
В скалах обломает ноги скот—
Где же исцеленье? Все мое!

Гора

А придет весна, водой бурля,
Лихорадка ляжет на поля,
Истомится бурая земля.
Где ущелья с тенью? Все мое!

Равнина

Я полна цветов, садов, бахчей,
Соловьи мои поют звончей.
Чья трава, чье солнце, воздух чей,
Овощи, растенья? Все мое!

Г о р а

Я гора. Я тучами горда.
Твой крестьянин плачет: где вода!
Где ключи родятся изо льда?
Где воды кипенье? Все мое!

Р а в н и н а

Я светла. Я солнцем горяча.
Я полна парчи и кумача.
Бубен, и зурна, и кеманча,
Пляска, пир и пенье — все мое!

Г о р а

Горных пастбищ сладкая трава,
Между скал густая синева,
Эхо, разносящее слова,
Рек возникновение — все мое!

Р а в н и н а

Что ни шаг, то пропасть под тобой.
Кто взойдет, рискует головой.
Скирды хлеба, жатва с молотью,
Труд, отдохновение — все мое!

ЧТО СТАНЕШЬ ДЕЛАТЬ?

(Вопросы и ответы)

Д е в у ш к а

Когда я просом стану вдруг,
На землю вытеку из рук,
Что станешь делать, милый друг?
Что станешь делать, милый друг?

Ю н о ш а

Когда ты просом станешь вдруг,
На землю вытечешь из рук,
Тогда наседкой стану я,

С цыплятами склюю тебя.
Что станешь делать ты тогда?
Что станешь делать ты тогда?

Девушка

Когда наседкой станешь ты,
То проса не застанешь ты.
Вмиг куропаткой стану я
И в небо скроюсь от тебя.
Что станешь делать, милый друг?
Что станешь делать, милый друг?

Юноша

Хоть куропаткой станешь ты,
Но не меня обманешь ты,
Ведь соколом сумею я
За облаком догнать тебя.
Что станешь делать ты тогда?
Что станешь делать ты тогда?

Девушка

Догонишь, сокол, ты меня,
Газелью быстрой стану я
И вдруг на землю опущусь,
И в горы, в горы я умчусь.
Что станешь делать, милый друг?
Что станешь делать, милый друг?

Юноша

Когда газелью станешь ты,
Мне взор не затуманишь ты:
Стрелком отважным стану я,
В горах настигну я тебя.
Что станешь делать ты тогда?
Что станешь делать ты тогда?

Девушка

Стрелком? Ну, что же, становись!
За мною в горы, в горы мчись!

Ах, стану яблочком я вдруг
И спрячусь в кованный сундук.
Что станешь делать, милый друг?
Что станешь делать, милый друг?

Юноша

Ты станешь яблочком, дружок,
И заберешься в сундучок?
Ключом я ржавым стану вдруг,
И отопру я тот сундук,
Что станешь делать ты тогда?
Что станешь делать ты тогда?

Девушка

Когда ключом ты станешь вдруг,
И отопрешь ты тот сундук,
Мой друг, ты не найдешь меня—
Красой-невестой стану я!
Что станешь делать, милый друг?
Что станешь делать, милый друг?

Юноша

Когда невестой станешь ты,
Со мною рядом станешь ты,
Я стану смуглым молодцом,
Твоим я стану женихом.
Что станешь делать ты тогда?
Что станешь делать ты тогда?

КОЛОДЕЦ В ЕРЕВАНЕ

В Ереване есть водица,
Вместо сахара годится.
Та скромна, а та гордится.
Что за родинки, девица,
На лице твоём сидят?

Я пройду по Еревану,
Серебра к ножнам достану,
Целовать тебя я стану.

Что за родинки, девица,
На лице твоём сидят?

В Ереване рынок Чарсы,
Там невеста бродит часто —
Гонит горе, дарит счастье.
Что за родинки, девица,
На лице твоём сидят?

В Ереване с неба месяц
На тебя глядит уж месяц,
Будешь жить со мною вместе.
Что за родинки, девица,
На лице твоём сидят?

В Ереване нету ханов,
В Шеки больше нет султанов,
Больше я терпеть не стану.
Что за родинки, девица,
На лице твоём сидят?

ПРОДАЛИ МЕНЯ

Мне яд всю душу отравил.
Мой черный рок меня сгубил,
Никто мне слез не осушил.
Мне старый дьявол дан в мужья,
За волка замуж вышла я.

Никто меня не защитил,
Стал тесен мир мне и не мил.
Народ ругал меня, срамил.
Мне старый дьявол дан в мужья,
За волка замуж вышла я.

Спор с матерью недолог был,
Любимый брат меня забыл,
Отец за сто туманов сбыл.
Мне старый дьявол дан в мужья,
За волка замуж вышла я.

Сын дяди золото любил,
А тетку пестрый шелк прельстил,

И волк седой меня добыл.
Мне старый дьявол дан в мужья,
За волка замуж вышла я.

Никто согласия не спросил,
Муллу обряд свой совершил.
Чтоб траур этот миг покрыл!
Мне старый дьявол дан в мужья,
За волка замуж вышла я.

Сосед на лошадь посадил,
Ни слова не проговорил,
Он разом жизнь мою сгубил.
Мне старый дьявол дан в мужья,
За волка замуж вышла я.

Недуг мне щеки пожелтил,
Гнев старых жен со свету сжил,
Мне руки черный труд спалил.
Мне старый дьявол дан в мужья,
За волка замуж вышла я.

Муж чортова коня пустил,
Меня топтал, пинал и бил,
Мне страх дыханье захватил.
Мне старый дьявол дан в мужья,
За волка замуж вышла я.

Никто Асмар не навестил,
Никто со мной не погрустил,
Никто печаль не облегчил...
Мне старый дьявол дан в мужья,
За волка замуж вышла я.

ТЫ КРАСАВИЦА

Красавица, люблю тебя,
Умру по слову твоему.
Горюешь ты — иди ко мне,
Горе на душу возьму.

Буду жертвою твоей,
Всюду жертвою твоей,
Жертвой глаз твоих.

Буду жервою твоей,
Всюду жервою твоей,
Жертвой глаз твоих.

Черны глаза, и брови — смоль.
Умру по слову твоему.
Скажи, что сделал я тебе?
Горе на душу возьму.

Буду жервою твоей,
Всюду жервою твоей,
Жертвой глаз твоих.

Буду жервою твоей,
Всюду жервою твоей,
Жертвой глаз твоих.

Оленья поступь у тебя,
Глаза джейрана у тебя.
Эй, погоди, не уходи!
А не то умру любя.

Буду жервою твоей,
Всюду жервою твоей,
Жертвой глаз твоих.

Буду жервою твоей,
Всюду жервою твоей,
Жертвой глаз твоих.

УХОДЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Здесь останься, я молю,
А уйдешь — остановлю,
Досыта глядеть хочу я —
Я глаза твои люблю.

Твой приход — беда,
Твой уход — беда. Жертва я твоя,
Жертва я твоя.

Брови полночи черней,
Родинка между бровей.
Так сурово не гляди ты —
Стану жервою твоей.

Твой приход — беда,
Твой уход — беда. Жертва я твоя,
Жертва я твоя.

Будь со мною, любовь моя,
Без тебя мне нет житья,
Ты пришла — я погибаю,
Ты уйдешь — погибну я.

Твой приход — беда,
Твой уход — беда. Жертва я твоя,
Жертва я твоя.

ЕДУ ИЗ ГАНДЖИ

Из Ганджи я много дней уже подряд
„Эскери“ везу — прозрачный виноград.
Дочке дядиной, чей нежен робкий взгляд...
Не отдам ее, я сам женюсь на ней,
Излечу ее от горя и скорбей!

Сливы я везу — садов ганджинских дань,
Дочка дядина, на них скорее глянь!
Я люблю ее, она стройней, чем лань.
Никому не дам ее, я сам женюсь на ней,
Излечу ее от горя и скорбей!

Много фиников везу тебе в тюках,
Из Ганджи к тебе дорога далека...
Дочка дядина, как птичка, ты легка!
Никому не дам ее, я сам женюсь на ней,
Излечу ее от горя и скорбей!

Сквозь кустарники, леса, по склонам гор,
Из Ганджи в подарок ей везу фарфор.
Дочка дядина, к тебе мой путь нескор.
Никому не дам ее, я сам женюсь на ней,
Излечу ее от горя и скорбей!

Ароматных дынь мне ноша тяжела,
По крутым горам дорога пролегла...
Но и грудь твоя, как горный снег, бела!
Дочка дядина! Я сам женюсь на ней,
Излечу ее от горя и скорбей.

Ей одной везу ганджинский абрикос,
По дорогам страшным ехать мне пришлось,
К дочке дядиной, чей ротик ярче роз.
Никому не дам ее. Я сам женюсь на ней,
Излечу ее от горя и скорбей!

Эй, СМОТРИ, СМОТРИ СЮДА!

На окне решетка. Тут
Розы золотом цветут.
Сладкие девичьи речи
Юношу с пути сведут.

Эй, смотри, смотри сюда!
Обернись, смотри сюда!

Из окна — каменьев град.
Слезы капаят подряд.
За меня ты замуж выйдешь —
Всякий будет свадьбе рад.

Эй, смотри, смотри сюда!
Обернись, смотри сюда!

Речи девичьи смелы,
Коль им милые милы —
Шемахинские девицы
Выйдут замуж без муллы.

Эй, смотри, смотри сюда!
Обернись, смотри сюда!

СЛОВНИК К АНТОЛОГИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

А б у б е к р — тесть Магомета, первый мусульманский халиф (632—634).

А б у - Н е в а с (умер в 810 г.) — один из крупнейших арабских поэтов. Европейские исследователи нередко называют его „арабским Анакреоном“.

А д а т — обычай.

А з р а и л — дух, вестник смерти по верованиям мусульман.

А й в а — плод, плодовое дерево, распространено в Азербайджане, на Кавказе и Иране.

А л и — зять Магомета, четвертый арабский халиф (VII в.) Был убит своими противниками. Его сторонники впоследствии стали называться шиитами.

А л ь - Р а ш и д, **Гарун-аль-Рашид** (763—809) — багдадский халиф, с именем которого связан блестящий период царствования первых Аббасидов. Герой знаменитых арабских сказок „Тысяча и одна ночь“.

А р а с (Аракс) — правый приток реки Куры, протекает по Азербайджану и Армении.

А с л и х а н, **Асли** — имя возлюбленной Керема (в азербайджанском народном эпосе „Асли и Керем“). В дастане говорится, что при первом свидании ашуга с возлюбленной она ему сказала: „Керем ей-лс!“ (то есть будь милостив!) А он ей ответил: „Асли надир?“ (то есть из какого рода ты?) Поэтому имя ашуга осталось „Керем“ а девушки „Асли“.

А т а — отец.

А х у н (ахунд) — духовное лицо.

А ш у г — 1) влюбленный, 2) народный певец-поэт.

Б а г р ы г а р а — название птицы.

Б а х р а м — герой поэмы „Хэфт пейкар“ Низами.

Б а я т и — стихотворная форма, распространенная в азербайджанской народной поэзии (четверо-

стишие). (См. вступление к отделу народной поэзии.)

Б а й р а м — праздник.

Б а р д а — один из древнейших городов Азербайджана, бывший долгое время столицей. Сейчас район в АССР.

Б а т м а н — мера веса (около 8 ми килогр.).

Б и с м и л л а х (арабское) — во имя аллаха.

В а и з — проповедник.

В а л л а х (арабское) — клятва: клянусь именем аллаха.

В и л а й е т — район, уезд.

В о д а „З е м - з е м“ — священный родник в Мекке. Паломники верят в целебную силу этого источника.

Г а д ж и — паломник, побывавший в Мекке.

Г а з е л л а — стихотворная форма, проникающая из арабской поэзии в литературу многих восточных народов. Газелла состоит из двустихий с постоянным повтором (редифом) в конце 1-ой, 2-ой и всех остальных четных строк. Перед редифом внутристроочная рифма. Нечетные строки не рифмуются.

Г а р и б (Ашуг Гариб) — имя легендарного азербайджанского ашуга. (См. вступление к эпосу „Ашуг Гариб“.)

Г е г — небо, синий цвет.

Г е й с — герой поэмы „Лейли и Меджнун“. Настоящее имя Меджнуна.

Г е й с а р — князь, правитель, царь (аналогично — кесарь, цезарь).
Г у м р и — горлинка.

Г ю д ж а к — село в Карабахе.

Г ю л а н д а м — героиня народной эпической поэмы „Гиссен-

Гюландам“, буквально — розоподобная.

Г ю л и с т а н — 1) страна роз (цветник), 2) произведение иранского поэта Саади.

Г ю л ь з а р — сад роз, цветник.

Г ы л м а н — херувим.

Г ы р - а т — любимый конь Кёр-оглы, не раз спасавший его от опасности. Целая глава поэмы „Кёр-Оглы“ посвящена похищению этого коня.

Г я н д ж — молодой, юноша.

Д а р г а — смотритель базара.

Д е в л е т — государство, держава.

Д е д ж л а — Тигр, река в Ираке.

Д е р в и ш — странствующий мусульманский монах. Существовало много сект дервишей. Иногда так называли странствующих фокусников, заклинателей змей, рассказчиков, просто бродяг.

Д ж а д у — колдовство.

Д ж е м ш и д — легендарный царь Ирана, воспетый Фирдовси в поэме „Шах-намэ“.

Д ж у б б е — верхнее богатое платье.

Д и в — сказочное чудовище, злой дух, мифическое существо.

Д и в а н — 1) совет из высших придворных сановников, 2) сборник стихов.

Д и р а г и е р — село в Карабахе.

Д у р - а т — второй любимый конь Кёр-оглы.

З а р г а р — азербайджанское село в Карабахе.

З е к я т — налог, собираемый мусульманским духовенством (десятая доля доходов).

З у л е й х а — жена Азиза-Мис-

фра. По библейской легенде, вошедшей в коран, она добивалась любви Юсифа (Иосифа Прекрасного).

Зурна — музыкальный духовой инструмент на Кавказе.

И е м е н — область, ныне отдельное государство в Аравии.

И м а м — духовный сан.

И н ш а л л а х (арабское) — «С помощью аллаха!»

И р а к л и - х а н — Ираклий II, царь Восточной Грузии (Кахетии и Карталинии), 1744—1798.

И с к а н д е р — Александр Македонский.

К а а б а — мусульманский храм в Мекке (Аравия), в стену которого вделан черный камень (метеорит), — одна из главных святынь мусульман. Побывавший в Мекке называется гаджи.

К а д ж а р ы — иранская шахская династия (XVIII—XX в.).

К а з а х — город, районный центр Казахского района Азербайджанской ССР.

К а з и (кади) — духовный судья у мусульман.

К е к л и к — куропатка.

К е м а н ч а — народный смычковый инструмент на Кавказе. Род скрипки.

К е р б а л а — город в Ираке, где похоронен сын Али — Имам Гусейн. Кербала стала, по верованию шиитов, священным местом.

К е с а б е — шелковое покрывало азербайджанских женщин, разукрашенное серебром или золотом.

К е с р а — титул иранских шахов (аналогично — цезарь, кесарь).

К и б л а. Мусульмане во время молитвы обращаются лицом к Каабе. Воображаемая линия этого направления называется — кибла.

К о р а н — священная книга ислама; содержит изложение веры, правила нравственности, а также бытовые и юридические нормы, легшие в основу писаного мусульманского права — шариата.

К у б а д (Кей-Кубад) — один из иранских царей, сассанидской династии.

К о р е й ш и т ы — арабское племя, из которого происходил Магомет.

К у ф а — город близ Басры в Ираке.

К ы р а х б а с а н — селение на берегу реки Куры в Азербайджане.

К ь я н (Кьяниды) — легендарная династия иранских царей.

К я ф и р — неверующий, общее название у мусульман всех иноверцев.

Л а в а ш — тонкий, плоский хлеб из пресного теста.

М а г е р р а м (Мухаррем) — первый месяц арабского (лунного) календаря. Ввиду того, что смерть имама Гусейна была, по преданию, в месяце Мухарреме, шииты соблюдают в этом месяце траур.

М е д а и н — древний город в Иране, находящийся вблизи Керманшаха. От него сохранились только развалины (см. комментарии).

М е д ж н у н — буквально означает одержимый, безумный; романтический герой поэм Низами,

Физули и Навои — „Лейли и Меджнун“. Благодаря популярности этой романтической темы на Востоке, Меджнун стал синонимом одержимого любовью.

М е д и н а — 1) город в Аравии, одна из главных святынь мусульман. Место, где похоронен Магомет, 2) женское имя. Так, например, называли жену поэта Вагифа.

М е д ж л и с — собрание, общество.

М е м б е р — кафедра для проповедей в мечети.

М и р а б — управляющий оросительной сетью.

М и х р а б — ниша в мечети, к которой обращаются молящиеся.

М и ш к (мускус) — ароматное вещество.

М у ф т и (муфтий) — глава суннитского духовенства.

М у р о в — чиновник с административно-полицейскими функциями.

М у х а м м е с — название стихотворной формы, „пятистишия“.

М ю р и д — у мистиков (суфиев) послушник, последователь религиозного руководителя. Термином мюридизм обозначалось религиозно-политическое движение в Дагестане и Сев. Азербайджане в XIX в. На Кавказе движение мюридизма широко распространилось при Шамиле и сыграло положительную роль в борьбе горцев против царизма.

М ю л ь к а д а р — помещик, землевладелец.

М ю р е б е — название стихотворной формы, „четверостишия“.

Н а в о и Алишир (1440—1501) — великий узбекский поэт, мысли-

тель и политический деятель. Был близок ко двору династии Тимуридов, где воспитывался вместе со своим другом — султаном Гусейном Байкара, известным поэтом. Автор многочисленных поэтических и научных произведений. Известна его „Пятерица“ (Хамсе), которая состоит из пяти поэм: „Удивление благочестивых“, „Фархад и Ширин“, „Лейли и Меджнун“ и др.

Н а м а з — молитва магометан, совершаемая пять раз в день.

Н и г а б — вуаль, закрывающая сверх чадры все лицо женщины.

Н у к е р — слуга.

Н у ш а б е — героиня поэмы Низами „Искандер-намэ“. Легендарная царица, правившая городом Бардой в Азербайджане.

Н у ш и р е в а н (531 — 579) — один из сассанидских царей Ирана.

О м а р — второй халиф ислама.

О р м у з д — 1) царь из династии сассанидов, 2) бог добра у древних иранцев — в противоположность Ариману — богу зла (религия Зороастра).

П а ш а — титул высших военных и гражданских сановников в старой султанской Турции.

П е р в и з (590—628) — сассанидский царь.

П е р в и н — по древней астрономии, одно из двенадцати знаков Зодиака.

П е р и — добрые феи в иранской мифологии, воздушные существа, охраняющие людей от злых духов.

П е х л е в а н — борец, силач.

Р а х ш — любимый конь Рустама (см. ниже).

Р у м. В древние времена так называли европейские страны (в частности, Византию).

Р у с т а м (Рустам Зал) — герой „Шах-намэ“ Фирдовси. На Востоке это имя — олицетворение всего героического.

С а з — струнный музыкальный инструмент.

С а в з е в а р — город в Иране.

С а г - о л — приветствие: будь здоров, спасибо!

С а л а м — привет.

С а л ь я н ы — город в Азербайджане, расположен у устья реки Куры.

С а р д а р — иранский военачальник, переносно — наместник.

С а с с а н и д ы — царская династия в Иране (с III в. до VII в. н. э.).

С а ф и М о л л а — современник Закира, известный своим остроумием.

С е и д (арабское) — потомок Магомета, буквально — господин.

С и н а (Тури-Сина) — название горы Синай.

С у н н и т ы — мусульмане, признающие наравне с кораном сунну, то есть ряд преданий о Магомете, дополнений к корану и толкований его (в противовес шиитам).

С у р ь м а — черная краска для ресниц.

С у ф и — последователи суфизма (см. предисловие).

С у ф р а — скатерть.

Т а г а р — мера сыпучих тел в Иране, в старом Азербайджане, величина которой в разных мест-

ностях неодинакова (от 240 до 600 килограмм). Как мерой поверхности тагаром называли участок земли, на котором можно было засеять один тагар пшеницы.

Т у р а ч — птица из семейства куриных, водится в Азербайджане.

Ф а р х а д — каменотес, герой поэмы Низами „Хосров и Ширин“ и Навои „Фархад и Ширин“, влюбленный в красавицу Ширин. Имя его стало синонимом преданности и любви.

Ф е н к а — место гуляний, кутежей в Карабахе.

Х а л е б — город Алеппо (Сирия).

Х а л и ф — титул духовного главы мусульман, преемника Магомета. Халифы совмещали светскую и религиозную власть в первых мусульманских государствах. Турецкий халифат, существовавший с XV века, был ликвидирован в 1924 году.

Х а т е м — мифическое лицо в восточных сказках. Олицетворение щедрости.

Х а ш и м и т ы — род племени корейшитов. К этому роду принадлежал Магомет.

Х и з р — легендарное имя святого, который, по восточному преданию, был двоюродным братом Александра Македонского. Согласно преданию, Александр удалился с Хизром во тьму (искать живительную воду). Александр ее не нашел, а Хизр дошел до источника и напился из него. Поэтому его считают бессмертным.

Хна — краска для волос и ногтей, желто-красного цвета.

Хорасан — провинция и город в Иране. Священное место у шиитов.

Хосров — сасанидский царь, один из героев поэмы Низами — „Хосров и Ширин“.

Хынзырыстан — селение в Карабахе.

Чалтык — неочищенный рис.

Чанг — арфа.

Чанги — танцовщицы, плясуньи.

Ченли-бель — гора, где находился стан Кёр-оглы (буквально — „туманный хребет“).

Шайтан — дьявол, злой дух, чорт.

Шам (Дамаск) — город в Сирии.

Шариат — свод законов, основанных на коране.

Шах-Аббас — Аббас I, шах Ирана (1587—1628).

Шахсенем — героиня известного азербайджанского эпоса „Ашуг Гариб“.

Шеб-чирак — лампа, светильник.

Шеки — название города Нухи, одного из древних городов Азербайджана.

Шейх — в первоначальном значении — вождь арабского племени, в переносном — почтенный человек, старейшина.

Шейх-уль-ислам — верховный глава мусульманского духовенства у шиитов.

Шииты — последователи одного из двух направлений ислама, признающего только коран и отвергающего устные предания — сунну. Не признают первых трех халифов (Абубекр, Омар, Осман)

Ширван — древнейшая провинция Азербайджана, район, расположенный в северо-восточной части Азербайджана с центром в городе Шемахе. Часто Шемаху также называют Ширваном.

Эджем — арабское название чужестранцев; в Турции так называли жителей Ирана.

Эсриб — древнее название города Медины (в Аравии).

Яздан — главное божество огнепоклонников.

Яхши — буквально: хорошо.

КОММЕНТАРИИ

К стр. 5 Первым ученым, основательно изучившим этот памятник азербайджанской литературы, является академик В. В. Бартольд. Бартольд дал прозаический перевод двенадцати дастанов на русский язык. Поэтическая обработка второго сказания о Салор-Казане по тексту В. Бартольда сделана П. Антокольским.

Приведенный здесь отрывок из „Китаб Дедэ-Коркуд“ повествует об ограблении дома Салор-Казана — одного из героев эпоса.

Птица Тулу — по Бартольду, тотем племени огузов.

„У прохода в Грузию“ — очевидно, в районе Ганджи (ныне Кировабад).

К стр. 6 Азнаур (грузинское) — дворянин, подчиненный князю или церкви.

К стр. 7 Битва пастуха с гяурами перекликается с библейским рассказом о битве Давида с Голиафом и с распространенным у всех народов образом молодца, справляющегося без оружия с множеством врагов.

К стр. 8 Хусейн и Хасан — имамы; шииты почитают их святыми.

К стр. 13 Зульфикар — легендарный меч Али, первого имама.

Дульдуй — конь Али.

К стр. 14 Во всем эпизоде спора Салор-Казана относительно старухи матери можно отгадать отголосок давно уже пережитой ко времени сказания старины, когда не мужчина, а женщина, мать, считалась главой племени (матриархат).

„Единоутробный брат, выросший должником“ — в том смысле, что он будет должником крови по отношению к Салор-Казану; обоим предстоит сразиться за поруганную честь матери.

К стр. 15 Байбурд — ныне город в Турции.

„Железные ворота в Дербентском ущельи“ — знаменитая Дербентская стена, развалины которой существуют и сейчас.

К стр. 18 „Развалины города Медани“. Из книги „Подарок двум Иракам“, написанной Хагани во время его путешествия на Ближний Восток и в Мекку.

Медани — арабское название города Ктесифона — столицы сасанидов. В эпоху Хагани он уже представлял из себя развалины.

К стр. 19 Нуширеван (531 — 579), Ормузд (579 — 590), Первиз (590 — 628) — цари из династии сасанидов.

К стр. 20 Рубаи взяты из „Куллият“ (собрание сочинений) Хагани.

К стр. 22 Низами. Вступление к „Лейли и Меджнун“.

Низами жил около Ганджи, вел отшельнический образ жизни. Он был близок ко двору Ширван-шахов, в частности, шаха Ахситана, которому и посвящена поэма „Лейли и Меджнун“.

По свидетельству ряда историко-литературных источников, 20 000 стихотворных строк Низами пропали. Есть основания предполагать, что среди них были произведения на азербайджанском языке. О том же, что Низами писал также на азербайджанском языке и считал этот язык родным для себя и народным, свидетельствует текст данного вступления и ряд других намеков, рассыпанных в „Хамсе“ („Пятерица“).

„Хосров и Ширин“ — поэма была написана на иранском языке до „Лейли и Меджнун“.

К стр. 25 Поэма „Семь портретов красавиц“ („Хэфт пейкяр“) — одно из основных произведений Низами, входящее в его знаменитую „Хамсе“ („Пятерица“, то есть пять поэм) — написана в Гандже, после „Хосров и Ширин“ и „Лейли и Меджнун“.

Помещенный в антологии отрывок из поэмы является одной из семи новелл, которые рассказывают главному герою повествования, иранскому царю Бахрам-Гуру, его жены, привезенные им из разных стран. Среди них есть девушки из Хорезма, из Индии, турчанка, славянка, гречанка, аравитянка, китайка. Каждая из новелл посвящена родине рассказчицы и перекликается с ее собственным прошлым. В поэме играет большую роль символика цветов: каждой из жен Бахрам-Гур посвятил особый цвет и построил соответственно особый чертог.

В переведенном отрывке приводится рассказ славянской царевны. „Далеко в славянской стороне“...

К стр. 28 „Мир Хеса-ханум ее зовет“ — то есть благородной госпожой.

К стр. 38 „Наконец, явился шах-заде“ — то есть отпрыск шаха, принц, царевич.

К стр. 39 „Шах собрал великий свой меджлис“ — в данном случае государственный совет.

К стр. 44 Искандер-намэ (книга Александра) была написана в 1193—1197 гг. В поэме говорится о завоеваниях Александра Македонского. В этом отрывке описывается двор царицы Нушабе — владельницы

города Барды (столицы древнего Азербайджана) и прибытие Алекса ндра на Кавказ.

В образе Нушабе Низами, очевидно, отразил предания об амазонках, которые, по свидетельству римских и греческих писателей, жили по соседству с албанцами — древним населением Азербайджана.

К стр. 50 „Ты ду шу вы пи ла мою“... Эта газелла является единственным дошедшим до нас стихотворением из „Дивана“, написанного Иззэددином на азербайджанском языке. Написанные им на иранском и азербайджанском языке диваны (согласно „Тезкире“ Девлет-шаха Самарканди) пользовались в XV веке широкой известностью.

К стр. 51 В „Ба х а р и я“, как и в последующих стихотворениях, Насими излагает в поэтической форме идеи хуруфизма — религиозно-оппозиционного течения, распространившегося в XIV веке.

К стр. 53 „Ш е с т ь с т о р о н з е м л и“... — север, юг, запад, восток, надир и зенит (арабск.).

К стр. 56 „М и р н е с т о и т“. По корану, Магомет совершил чудо: указал пальцем на луну, и тотчас же луна разбилась пополам.

„С к а ж и, Ш и р и н“... Намек на строфы поэмы Низами „Хосров и Ширин“, в которых красавице Ширин сообщают о смерти ее возлюбленного Фархада.

К стр. 62 „Ба х а р и я“ (Песня весны). Стихи эти являются вступлением к поэме „Дех-намэ“ — Шах-Исмаила Хатаи.

В этом произведении Хатаи в романтической форме описывает переживания двух влюбленных. Поэма изобилует целым рядом лирических отступлений; в ней чувствуется большое влияние народного любовно-романтического эпоса.

К стр. 63 „П е р в и н“ — один из знаков Зодиака (телец).

К стр. 64 „С в о й п о с л е д в п о л я х о с т а в л я е т л а н ь,

Ч т о б ы м у с к у с о м п а х л а в е с е н н я я р а н ь“ —
в с т а р и н у и з п о с л е д о в л а н и в ы р а б а т ы в а л с я м у с к у с.

К стр. 72 „Л е й л и и М е д ж н у н“ — отрывки из знаменитой поэмы Физули.

В антологии приведены: отрывок из вступления к поэме, описание зарождения любви Лейли к Меджнуну в их школьные годы и отрывок из описания встречи Меджнуна и Лейли в поле, после взятия ее из школы.

К стр. 79 „К т о г о в о р и т, п о д р о с т е м у с л о в о“.

Ковси приводит цитату из Физули.

К стр. 82 „А м и р - а л ь - м о м и н и н, к е м б ы л у б и т д р а к о н. Ш а х ш а х о в, м о й и м а м!“ то есть Али, — первый имам, четвертый халиф, наместник Магомета.

К стр. 83 „С у р ь м а о ч е й м о г л а б в с ю И с ф а г а н ь у в л е ч ь“... Исфагань (город в Иране) славился роскошью.

К стр. 87 „Б а й р а м“ написан Вагифом в первый период его творчества, в годы нужды и скитаний.

К стр. 90 „Фиалка“ написана под влиянием известного народного поэта ашуга Курбани.

К стр. 91 „Ты Кааба, Кербала“... Стихи эти Вагиф посвятил своей жене, Медине. Здесь игра слов: Медина — священный город в Аравии и имя любимой женщины.

К стр. 92 „На берегах Куры“ — по преданию, написано Вагифом во время пребывания с Ибрагим-ханом на берегах Куры.

К стр. 94 „Когда Меджнун услышал“. Стихотворение это написано на фарсидском языке в форме „месневи“.

К стр. 95 „Как судьба поступила со мной“. Завоевав Шушу, Ага-Мамед-шах приказал арестовать и казнить Вагифа. Ночью во время сна Ага-Мамед-шах был обезглавлен своими слугами. Наутро Вагифа освободили. Событие это и послужило темой данного стихотворения.

„Из болтов сделал гвозди“. Имеется в виду легенда о шахе, не влюбившем одного кузнеца и искавшем предлога покончить с ним. Однажды, по совету визиря, шах приказал кузнецу изготовить за ночь тысячу болтов для ворот, обещая в противном случае отрубить ему голову.

Жена успокоила кузнеца тем, что „аллах милостив“. Утром явился гонец с приказом изготовить всего четыре гвоздя, необходимых для катафалка: ночью шах умер.

К стр. 95 „Пятистишия“ написаны Вагифом к концу жизни, когда Мамед-бек Джеваншир, воспользовавшись убийством в Шуше Ага-Мамед-шаха, взял в свои руки Карабахское ханство; новый властитель старался избавиться от сторонников своего дяди Ибрагим-хана, в том числе и от Вагифа.

Вагиф, видевший падение феодальных дворцов, предчувствовал свою близкую смерть и написал эти замечательные стихи под впечатлением кровавых событий в Карабахе.

К стр. 102 „Вагифу“. Это произведение Видади представляет собой выборку четверостиший из его поэтической полемики с Вагифом. У обоих поэтов вместе 98 строф. Здесь из 49 строф Видади приведены 26. Вагиф выступает с проповедью оптимизма. Четверостишия Видади передают печальную мудрость старого поэта, много претерпевшего в жизни.

К стр. 103 Сари Чобан-оглы — один из современников Вагифа.

К стр. 105 Гасан-Кашан — суфист.

К стр. 108 „Журавли“. Предполагается, что стихотворение написано Закиром в Баку в период высылки.

К стр. 109 „Казан“. В этом произведении Закир разоблачает казино города Шуши — Абулькасума.

Аликули Абдурагим — распространители шейхитского направления, шейхитской секты в Карабахе.

К стр. 110 Амираслан — один из Карабахских беков, получивший от царского правительства за крупную взятку должность наиба. Чиновник этот сильно притеснял население, поэтому многие поэты писали на него памфлеты и сатиры.

К стр. 111 Письмо это является одним из четырех стихотворных писем Закира к М.-Ф. Ахундову. В этих замечательных сатирических посланиях Закир едко и мастерски высмеивает шушинских купцов, беков, чиновников, мулл, мелких промышленников.

К стр. 112 „О душа“ („Джана мыз“). В стихотворении нашло отражение недовольство Закира современной ему действительностью, постепенным разорением и обнищанием дворянских родов и ростом торговой буржуазии.

Закир как дворянин, мюлькадар жалеет о прошлых днях феодального Карабаха. Стихотворение ценно для нас как исторический документ, яркий по своей классовой обнаженности.

К стр. 114 Письмо к М.-Ф. Ахундову. Ахундов работал переводчиком в канцелярии наместника Кавказа в Тбилиси. Закир обращается к своему другу за помощью в связи с арестом своего сына и племянника. Письмо дает широкую картину жизни Карабаха 50-х годов XIX века (беззакония царских чиновников, взяточничество, разбой и т. д.).

Заргар, Дирагляр, Сафикюрд, Колани, Хурда, Назяр и др., встречающиеся в стихотворении, названия — местности и селения в Карабахе.

В „Письме“ упоминается ряд чиновников, помещиков, заправил тогдашнего Карабаха; например, Хандамиров — подпоручик, заседатель от Карабахской провинции и другие.

К стр. 115 „Два молоко соса“ — намек на арестованных сына и племянника.

„Полубороды“ — намек на Амирадисанова — полицейского чиновника в Шуше.

К стр. 117 „Депутатов выбирают... речь“, очевидно, идет о депутатах в дворянскую (бекскую) комиссию по определению прав и положения беков.

К стр. 123 „Ты не созрел еще“ — очень популярное стихотворение Набати. Многие строфы и выражения из него вошли как афоризмы в народную речь.

К стр. 124 Хан-Чобаны — прозвище Набати, который происходил из селения Хан-Чобаны.

Синай (арабское Тури-Сина) — гора, на которой, по библейскому преданию, Моисей говорил с богом. „Искра дерева“ — бог явился Моисею в образе горящего куста — („неопалимая купина“).

Али — зять Магомета, четвертый арабский халиф, согласно легенде, убил Антара, арабского рыцаря, отказавшегося принять мусульманство.

К стр. 126 „О утро!“ — стихотворение, до сих пор распеваемое ашугами.

К стр. 128 „Обращение к жителям Тавриза“. Вместе с Грибоедовым Бакиханов был в Иране при заключении Туркменчайского договора в 1829 году. Это стихотворение написано в одну из поездок Бакиханова в Иран по дипломатическим делам. Резкость сатиры Б., может быть, объясняется его давними дружескими связями с Грибоедовым, позже с Пушкиным и Бестужевым.

К стр. 129

„Вот Брови, вот Уста, вот Родинка, вот Ясность!
Так БУРЯ на море едва слышна бывает“ —

в подлиннике слова, начинающиеся на К, Т, Л, — то есть КАТЛ (убийство).

Собрание газелл Бакиханова „Диван“ начал переводить познакомившийся с Бакихановым в Тбилиси немецкий поэт Ф. Боденштедт. В своей книге „1001 день на Востоке“ Боденштедт рассказывает о встречах с поэтом. Боденштедт перевел из „Дивана“ на немецкий язык 9 газелл.

К стр. 130 „Письмо“. Бакиханов долгое время жил в Тбилиси в качестве переводчика при дипломатической канцелярии правителя Кавказа — Ермолова и позже при командующем армией Паскевиче.

К стр. 134 „Ты, сидя в палатке“. В конце стихотворения речь идет о султана Махмуде Газневи.

Аяз — любимец султана Махмуда... „Саблей Аяза сражен“ — сражен любовью.

Посвящено армянской девушке Сусани (Сусанне).

К стр. 135 „На смерть Пушкина“. Произведение это написано М.-Ф. Ахундовым на фарсидском языке. В 1837 году оно было переведено поэтом-декабристом А. А. Бестужевым-Марлинским на русский язык во время похода, за три дня до его смерти. Подлинник поэмы был найден в архиве М.-Ф. Ахундова и переведен на азербайджанский язык.

К стр. 136 „Хан-кызы“ в букв. переводе „Дочь хана“. Так называют поэтессу Хуршид-бану Натаван, дочь последнего карбахского хана.

К стр. 140 Натаван посвятила эти стихи памяти своего сына Мир-Аббаса, умершего в юношеском возрасте.

К стр. 142 Юсиф — библейский Иосиф Прекрасный.

К стр. 145 Письмо Гасан-беку Зардаби — произведение это Сеид-Азим посвятил редактору азербайджанской газеты „Экинчи“ („Пахарь“) — Гасан-беку Меликову.

Сеид-Азим указывает на значение открытой им в городе Шемахе школы, где обучение родному языку шло по-новому (звуковому) методу. Эта школа противопоставляется старому духовному училищу — медресе.

Сеид-Азим критикует фанатизм и невежество, иронизирует над шейхуль-исламом и муфтием (см. словник). „Послания“. Имеется в виду

т. н. „фетва“ — религиозные установления, издаваемые высшими духовными лицами ислама.

К стр. 148 „Рассказ стихотворца“ — отрывок из незаконченной поэмы Сеид-Азима Ширвани. В переводе нами пропущено 26 строк начала, где говорится об исторических событиях, происходивших в то время, когда Ширвани был ребенком, главным образом о землетрясении в его родном городе Шемахе.

К стр. 151 Стихотворение направлено против традиционных гонений мусульманского духовенства на музыку и музыкальные инструменты.

Х и с а р — название мелодии (буквально — „ограда“).

К стр. 152 М е х т и — знаменитый ширванский тарист.

К е р и м - б е к — известный богач.

К стр. 156 „Проповедник“. Али, Омар — см. словарь.

К стр. 157 „Поэт и муза“. Написано под влиянием Некрасова („Поэт и гражданин“).

К стр. 163 „Просвещенные мусульмане“. Стихотворение направлено против грубого внешнего европеизма и псевдоучености в среде бакинской буржуазной интеллигенции.

„Гюнеш“ — название бакинской газеты, выходившей на азербайджанском языке.

„Метрополь“ — ресторан в Баку.

К стр. 164 „Мужество Ахмеда“ — написано под влиянием Иранской революции 1908 года.

„Шах вернулся из Одессы“ — Мамед-Али-шах, бежавший в Россию и вновь возвратившийся в Иран.

К стр. 165 Шахсеваны — в данном случае, карательные военные части при дворе Иранского шаха (буквально — „любимцы шаха“).

Ф е д а и с т ы (буквально — „жертвующие собою“) — партизаны в иранском народно-революционном движении.

Е ф р е м - х а н — один из руководителей революции 1908 года в Иране, армянин по происхождению.

Ф и р у з к ю — местность в окрестностях Тавриза.

К стр. 166 „Себялюбцам“. В азербайджанском подлиннике упомянуты слова — „ислам“ и „мусульмане“, в идеологии автора отождествлявшиеся с народом, с родиной.

К стр. 167 „Стихи прекрасной свободе“. Впервые напечатаны в журнале „Рахбар“ в 1907 году.

К стр. 173 „Продаю!“ Это стихотворение Сабира — шутовской монолог Мамед-Али-шаха.

„М о л д а и“ — псевдоним известного азербайджанского писателя Джа-лиля Мамед-кули-заде, редактора сатирического журнала „Молла-Насреддин“. „Продаю!“ — как бы пародийное письмо в редакцию от шаха. Сабир высмеивает шаха, распродававшего Иран империалистам.

«Дед мой так не любил вод соленых морских». Речь идет о Фатали-шахе, который уступил царской России все права на Каспийское море и при этом, по преданию, сказал: «Соленая вода, юму она нужна!»

Сабзавар и Меям — города в Иране.

К стр. 174 Ханбаджи — женское имя. Так же в Азербайджане называют женщин почтенного возраста.

Хансеном — женское имя.

К стр. 176 «Усни ты, курица...» Зангезур — область, где в 1910 году был голод.

К стр. 177 «Плач муллы». Суеверие приписывало порогу дома муллы исцеляющую силу.

К стр. 180 Сатирический рапорт иранского полководца Мамед-Али шаху. Речь идет о восстании, возглавлявшемся иранским революционером Саттар-ханом в 1908 году.

Муджахиды (буквально — «борющиеся») — в данном случае название иранских революционеров.

К стр. 183 «Плач». Алина — намек на любовниц, которых содержали бакинские богачи.

К стр. 184 «Курбан байрам» — религиозный праздник. По арабскому календарю в десятый день месяца Зильхиджи.

В этот день зажиточные мусульмане режут баранов, а паломники, отправившиеся на поклонение Каабе, приносят жертву.

Халил уллах — Авраам, приносивший своего сына Исаака в жертву богу.

К стр. 185 Галжи-Пир — собственное имя.

«Бараньи шкуры». В 1909—1910 году шкуры зарезанных в день Курбан байрама баранов собирались в пользу школ.

К стр. 188 Новруз — новый день. Первый день весны. В Иране и Азербайджане, по древнеиранской традиции, этот день праздновался. Впоследствии праздник получил религиозное значение.

К стр. 192 «Моя душа». Это стихотворение одно из последних произведений Сабира. Поэт написал его, будучи смертельно больным.

К стр. 197 «Кёр-оглы». «Дым» — дом, участок.

К стр. 201 Делибаш (буквально) — отважная голова, сорви-голова. (В данном случае название храброго наездника, кличка дружинников Кёр-оглы.)

К стр. 220 Карадаш (буквально: черный камень) — селение около Еревана.

Зият-хан — отец Керема.

Махмуд — имя Керема.

К стр. 221 Гемер-бану — мать ашуга Керема.

К стр. 228 «Девичья башня».

Кузгун — Каспийское море, Хазарское море.

Кы з к а л а с ы — Девичья башня. Кыз — девушка. Кала — башня.

К стр. 234 Д у р н а — имя дочери хана. По-азербайджански — журавль.

К стр. 235 К и т а б — книга; здесь в смысле: „Писание“ — коран.

К стр. 239 П е ч а т ь, в данном случае — плоский кусок отверделой глины, с вырезанными на нем именами святых, который кладут перед собой во время молитвы, чтобы не касаться лбом земли; напоминает печать.

К стр. 268 „Двадцать шесть“.

Т и г Д ж о н с — британский майор, непосредственный организатор расстрела 26-ти бакинских комиссаров.

Н а р г е н — остров против города Баку.

Я с а м а л — гора недалеко от Баку.

К стр. 269 Б е л ы й г о р о д, Ч е р н ы й г о р о д — районы города Баку.

К стр. 270 „Привет вождю“.

К стр. 271 М у г а н ь, Миль-муганская и мильская степи — хлопковые районы в Азербайджане.

К стр. 273 А с т а р а, К а з а х — районы Азербайджана.

К стр. 274 К а п е з — гора в Азербайджане, около озера Гей-Гель,

К стр. 279 Т а л ы с т а н — село в Исмаилинском районе.

К стр. 304 „Г р у з и н к а“.

Х у м а р — возлюбленная шейха Санана, легендарного шейха, по преданию, погибшего около Тбилиси.

К стр. 340 Б у к в а „с и н“ — „с“ в арабском алфавите.

Возлюбленную ашуга Аббаса звали Гюльгез-пери. По преданию дэли Беджан, евнух шаха Аббаса I, силой забрал Гюльгез-пери в гарем шаха, но она бежала впоследствии к своему возлюбленному. Об этом существует в народе сказание — дастан.

К стр. 342 „Т б и л и с и“. Шикеста Ширин — повествует о взятии и разграблении Тбилиси Ага-Мамед-шахом Каджаром в 1796 году.

К стр. 345 Я х ш и — имя возлюбленной Сары-ашуга.

К стр. 347 По преданию, ашуг Валех, услышав, что в Дербенте славится женщина — ашуг Зарнияр, победившая на состязаниях тридцать девять ашугов, отправился к ней, победил на состязании, получил ее саз — как трофей и потом женился на ней. В народе был сложен об этом дастан, как и об ашуге Аббасе.

К стр. 348 С е н е м — первая возлюбленная ашуга Валеха.

К стр. 350 Ш а и р В е л и — современник ашуга Алескера, происходивший из селения Бозанганлы Таузского района. Этот поэтический поединок двух ашугов (деишме) сохранился в народе, передаваясь из уст в уста.

К стр. 353 Г ю л а н д а м — имя девушки, которой посвятил свою песню ашуг Алескер.

К стр. 355 „Наступил байрам“ — подражание Вагифу.

К стр. 356 Песня сложена ашугом Муса как ответ муллам, поднимавшим гонение на музыку и музыкальные инструменты.

К стр. 380 Вероятно, очень старинные баяти.

К стр. 383 Да ш-Булак—Карабахское селение около города Шуши.

К стр. 386 Марала, Мемеган, Хал-Хал, Салмас, Хой—города и местности в иранском Азербайджане.

Большинство баяти исполняются ашугами и певцами на распространенный народный мотив „шикесте“. Есть различные виды „шикесте“ (карабахское, кесме-шикесте, орта-шикесте и друг.).

К стр. 397 „Что станешь делать?“ Типичная народная песня „деншме“. Обыкновенно исполняется двумя ашугами.

К стр. 399 „Колодец в Ереване“—очень старинная песня.

К стр. 400 Ч а р с ы (Чарши)—крытый базар.

Ш е к и — город Нуха.

„Продали меня“—по преданию, эту песню сложила красавица Асмер, которую насильно выдали замуж. Неслучайно песня так популярна в народе—она передает тяжелое, рабское положение азербайджанской женщины в период феодальных ханств.

К стр. 402 „Уходящая красавица“—песня, распространенная в Ленкоранском районе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	V
Поэзия азербайджанского народа	VII

ОТДЕЛ I

КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

<i>Китаб Дедэ-Коркуд</i> . Рассказ о разграблении дома Салор-Казана. (Пер. П. Антокольского по В. Бартольд)	5
<i>Хагани</i> . Развалины города Медаин. (Пер. П. Антокольского) . .	18
Рубаи. (Пер. К. Симонова)	20
<i>Низами Ганджеви</i> . Вступление к поэме „Лейли и Меджнун“ (Пер. П. Антокольского)	22
„Семь портретов красавиц“. Как Бахрам во вторник посетил красный шатер.} (Пер. Б. Лебедева, Я. Кейхауза и К. Си- монова)	25
Искандер-намэ. (Пер. Е. Долматовского и К. Симонова). . .	44
<i>Гасан-оглы</i> . Ты душу выпила мою... (Пер. П. Антокольского) . .	50
<i>Насими</i> . Бахария. (Пер. К. Симонова)	51
В меня вместятся оба мира... (Пер. К. Симонова)	52
Шербет разлуки... (Пер. К. Симонова)	53
Что за прекрасный образ... (Пер. К. Симонова)	54
Взглянули розы... (Пер. К. Симонова)	55
Все ярким солнцем... (Пер. К. Симонова)	—
Мир не стоит... (Пер. К. Симонова)	56
Свечою лика твоего... (Пер. К. Симонова)	—
Где ты?... (Пер. К. Симонова)	57
<i>Хабиби</i> . Богиня!.. (Пер. П. Антокольского)	59
Утренний зефир... (Пер. К. Симонова)	—
Муседдес. (Пер. Б. Лебедева и Л. Кацнельсона)	60
<i>Хатаи</i> . Бахария. (Пер. В. Державина)	62
До сотворения мира... (Пер. Б. Лебедева и Л. Кацнельсона) .	65
<i>Физули</i> . Падишах золотой земли... (Пер. В. Луговского) . . .	66
Печалью сердце сожжено... (Пер. П. Антокольского)	67
Я жизнью жертвовал не раз... (Пер. П. Антокольского) . . .	—
Хламиду безумия... (Пер. В. Луговского)	68
Бессилен друг... (Пер. П. Антокольского)	—
Я скован, я пленен... (Пер. Е. Долматовского)	69
Я горем сам горел... (Пер. Е. Долматовского)	70
Велишь мне ненавидеть жизнь... (Пер. П. Антокольского) . .	—

Муседдес. (Пер. Е. Долматовского)	71
Лейли и Меджнун. (Пер. П. Антокольского)	72
Вступление	—
О том, каков был Меджнун...	74
Они вошли...	77
<i>Ковси.</i> Где друг... (Пер. П. Антокольского)	78
Влюблен я... (Пер. П. Антокольского)	79
Моя мучительница... (Пер. П. Антокольского)	—
<i>Нишат Ширвани.</i> Мюреббе. (Пер. П. Антокольского)	81
Отшельник. (Пер. П. Антокольского)	82
<i>Ага-Масих Ширвани.</i> Мухаммес. (Пер. П. Антокольского)	83
Мухаммес. (Пер. П. Антокольского)	84
<i>Вагиф.</i> Журавли. (Пер. В. Луговского)	86
Байрам олду. (Пер. П. Панченко)	87
Амбра кудрей... (Пер. В. Луговского)	—
Двух красавиц... (Пер. В. Луговского)	88
О, было б место... (Пер. В. Державина)	—
Кареглазая... (Пер. Б. Лебедева)	89
За красавицу... (Пер. Б. Лебедева)	90
Бенефша. (Пер. В. Державина)	—
Ты Кааба... (Пер. В. Луговского)	91
На берегах Куры. (Пер. Б. Лебедева и Л. Кацнельсона)	92
Словно уточек. (Пер. П. Панченко)	93
Мы с возлюбленной... (Пер. Л. Кацнельсона)	—
Когда Меджнун услышал... (Пер. П. Антокольского)	94
Видади!.. (Пер. П. Панченко)	95
Мухаммес. (Я правду искал...) (Пер. К. Симонова)	—
<i>Видади Молла.</i> Журавли. (Пер. В. Луговского)	98
Вагифу. (Пер. К. Симонова)	99
Там, где любви... (Пер. К. Симонова)	—
Всевышний... (Пер. К. Симонова)	100
О, друг души моей... (Пер. П. Антокольского)	—
По тебе вздыхал я... (Пер. Б. Лебедева)	101
Кипарис... (Пер. Л. Кацнельсона)	102
Вагифу. (Пер. К. Симонова)	—
Мы жить не можем... (Пер. К. Симонова)	105
Муседдес. (Всему наступит конец...) (Пер. К. Симонова)	106
<i>Закир.</i> Журавли. (Пер. В. Державина)	108
Кази. (Пер. В. Державина)	109
Послание к Мирза-Фатали Ахундову. (Пер. В. Державина)	111
Джанамыз. (Пер. В. Державина)	112
Мирза-Фатали Ахундову. (Пер. Л. Кацнельсона и Т. Сальманович)	114
Вновь обиделась... (Пер. Я. Кейхауза)	119
Передайте ей... (Пер. Я. Кейхауза)	120
Как не погиб... (Пер. Я. Кейхауза)	—
О любимая... (Пер. Я. Кейхауза)	121
Все ль ты ей передал... (Пер. В. Державина)	122
<i>Набати.</i> Ступай, ищи... (Пер. Е. Долматовского)	123
Аллах, посмотри... (Пер. Е. Долматовского)	125
О утро... (Пер. Е. Долматовского)	126
Ты снова влюблен!.. (Пер. Е. Долматовского)	—
<i>Бакиханов.</i> Обращение к жителям Тавриза. (Пер. П. Антокольского)	128
На тех глазах... (Пер. П. Антокольского)	129
Как жаждет сердце... (Пер. П. Антокольского)	130

Письмо в стихах. (Пер. П. Антокольского)	130
<i>Мирза-Шафи Вазех</i> . Сколько на небе... (Пер. В. Луговского)	132
О ты, что живешь... (Пер. В. Луговского)	133
Высокая ростом... (Пер. В. Луговского)	—
Ты, сидя в палатке... (Пер. В. Луговского)	134
Сусани. (Пер. Е. Долматовского)	—
<i>Ахундов Мирза-Фатали</i> . На смерть Пушкина. (Пер. П. Антокольского)	135
Касум-беку Закиру. (Пер. П. Панченко)	138
<i>Натаван</i> . Сыну моему. (Пер. М. Алигер)	140
Я тайну скрываю... (Пер. М. Алигер)	141
Как я мечтаю... (Пер. М. Алигер)	142
Печалью, горем и бедой... (Пер. Е. Долматовского)	143
Фиалка. (Пер. Е. Долматовского)	—
<i>Сеид-Азим Ширвани</i> . К мусульманам Кавказа. (Пер. П. Панченко)	145
Рассказ стихотворца. (Пер. П. Панченко)	148
Хан и дехкан. (Пер. П. Панченко)	150
О таре. (Пер. П. Панченко)	151
Скупец. (Пер. П. Панченко)	152
Вино. (Пер. П. Панченко)	153
Ветерок. (Пер. Л. Кацнельсона)	—
Дни весны... (Пер. Л. Кацнельсона)	154
Шипучий бокал поднимаемая... (Пер. Л. Кацнельсона)	—
Мне бы песней встречать весну. (Пер. Б. Лебедева)	155
Проповедник. (Пер. Б. Лебедева и Л. Кацнельсона)	156
Отшельнику. (Пер. Б. Лебедева)	—
<i>Аббас Сихат</i> . Поэт и муза. (Пер. П. Антокольского)	157
Будущее принадлежит нам. (Пер. Е. Долматовского)	162
Просвещенные мусульмане. (Пер. Л. Кацнельсона)	163
Мужество Ахмеда. (Пер. Я. Кейхауза)	164
Себялюбцам. (Пер. Л. Кацнельсона)	166
Стихи прекрасной свободе. (Пер. Я. Кейхауза)	167
<i>Сабир</i> . Интернационал. (Пер. П. Антокольского)	169
Бакинским рабочим. (Пер. П. Панченко)	—
Экинчи. (Пер. П. Панченко)	171
Фэле (Рабочий). (Пер. П. Панченко)	172
Продаю! (Пер. П. Панченко)	173
Жалоба женщины. (Пер. П. Панченко)	174
Усни ты, курица... (Пер. П. Панченко)	176
Плач муллы. (Пер. П. Панченко)	177
Красная борода. (Пер. П. Панченко)	178
Ваизу. (Пер. П. Панченко)	179
Я не поверю. (Пер. П. Панченко)	—
Мой шах, венценосец... (Пер. П. Панченко)	180
Праведник. (Пер. П. Панченко)	183
Плач. (Пер. П. Панченко)	—
Курбан байрам. (Пер. П. Панченко)	184
Такая сладостная жизнь. (Пер. П. Панченко)	186
Невозможное. (Пер. П. Панченко)	187
Деньги. (Пер. П. Панченко)	—
Новруз. (Пер. П. Панченко)	188
Не буду кукарекать. (Пер. П. Панченко)	—
Колыбельная. (Пер. П. Панченко)	189
Этой тайны... (Пер. П. Панченко)	190
Истина. (Пер. П. Панченко)	—

Дитя. (Пер. П. Панченко)	191
Моя душа. (Пер. П. Панченко)	192

ОТДЕЛ II

НАРОДНЫЙ ЭПОС

Азербайджанский эпос	195
Кёр-оглы. Прозаический текст М. Рафили и Оарифа с использо-	
ванием текстов А. Адалис	197
На мой „салам“... (Пер. П. Панченко)	198
Подойди, дружок... (Пер. А. Адалис)	—
Гора Ченли-бель... (Пер. А. Адалис)	199
Мне сердце больше не терзай!.. (Пер. К. Симонова)	—
О, где мой славный Кёр-оглы?.. (Пер. П. Панченко)	200
Знай, семьдесят и семь друзей. (Пер. К. Симонова)	201
Делибаши мои... (Пер. П. Панченко)	—
Скорей, Гыр-ат... (Пер. Е. Долматовского)	202
Я буду мстить, Али-паша... (Пер. П. Панченко)	203
Мне с детства кричали орлы... (Пер. П. Панченко)	204
Сегодня битва... (Пер. П. Антокольского)	—
Теперь я мельник... (Пер. А. Адалис)	206
Глаза души моей, Хамза... (Пер. А. Адалис)	—
Цена вороного коня... (Пер. А. Адалис)	207
Верно, торговцем ты стать предпочел. (Пер. А. Адалис)	—
Привет... (Пер. А. Адалис)	208
Я сошел! (Пер. А. Адалис)	—
Если б сейчас... (Пер. А. Адалис)	209
Мне нужен юноша, храбрец... (Пер. Е. Долматовского)	—
Я посылал посла... (Пер. А. Адалис)	210
Храбрые в день испытания... (Пер. А. Адалис)	211
Где я... (Пер. К. Симонова)	212
Убежал, убежал... (Пер. П. Панченко)	—
Дрожат мои руки... (Пер. Е. Долматовского)	213
Ашуг Гариб. Прозаич. тексты М. Рафили и Оарифа. (Пер. Т. Саль-	
мановича)	214
Асли и Керем. Прозаич. тексты М. Рафили и Оарифа.	218
Мне в саду у священника... (Пер. П. Панченко)	—
Туман, туман, Султан-гора... (Пер. П. Панченко)	219
Я знаю в мире... (Пер. П. Панченко)	220
Внемлите словам моим... (Пер. К. Симонова)	—
Я без ума... (Пер. П. Панченко)	221
Качах-Неби. (Пер. П. Антокольского и Я. Кейхауза)	222

ОТДЕЛ III

СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ

Джафар Джабарлы. Девичья башня. (Пер. Б. Брика)	228
Ордубады Мамед Саид. Ханский дворец. (Пер. В. Державина)	256
Сулейман Рустам. Сталин. (Пер. В. Державина)	258
Романтика ночи. (Пер. В. Державина)	262
Чапаев. (Пер. Я. Кейхауза)	264
Счастье. (Пер. Л. Кацнельсона)	265
Разлука. (Пер. В. Державина)	266

Ответ врагу. (Пер. Е. Долматовского)	267
Двадцать шесть. (Пер. Е. Долматовского)	268
<i>Самед Вургун</i> . Привет вождю. (Пер. Н. Асеева)	270
Азербайджан. (Пер. А. Адалис)	272
Свободное вдохновение. (Пер. П. Антокольского)	274
Талыстан. (Пер. М. Алигер)	279
Слово о колхознице Басти. (Пер. А. Адалис)	286
Память. (Пер. Н. Асеева)	297
<i>Мамед Рагим</i> . Бессмертный герой (Киров). (Пер. М. Алигер и П. Антокольского)	300
Винтовка партизана. (Пер. Н. Асеева)	302
Грузинка. (Пер. В. Державина)	304
Мечта поэта. (Пер. М. Алигер)	306
Сорок девушек (Пер. П. Антокольского)	310
<i>Расул Рза</i> . Песнь гордости. (Пер. Л. Кацнельсона)	315
Стихотворение без названия. (Пер. В. Державина)	317
<i>Осман Саривелли</i> . Безыменные могилы. (Пер. М. Алигер)	319
Фиалка. (Пер. П. Антокольского)	324
<i>Абдулла Фаруг</i> . Снайпер. (Пер. А. Адалис)	327
<i>Рафигейли Нигяр</i> . Долорес Ибаррури. (Пер. М. Светлова)	330
Сона. (Пер. М. Светлова)	332
<i>Дильбази Мирвари</i> . Москва. (Пер. Б. Лебедева)	334

ОТДЕЛ IV

ПОЭЗИЯ АШУГОВ

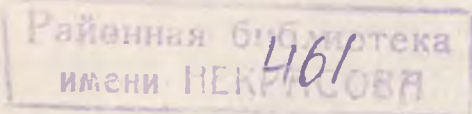
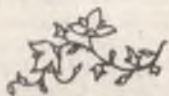
<i>Ашуг Диварганлы Аббас</i> . Шел, шел... (Пер. В. Луговского)	339
В путь, душа моя... (Пер. В. Луговского)	—
Похитил мою возлюбленную. (Пер. Б. Лебедева)	340
Любимая. (Пер. Л. Кацнельсона)	—
Свидание с возлюбленной. (Пер. Т. Сальманович)	341
<i>Шикеста Ширин</i> . Тбилиси. (Пер. М. Алигер)	342
<i>Сары-ашуг</i> . Твои очи. (Пер. К. Симонова)	344
Увидать бы тебя. (Пер. К. Симонова)	—
Яхши. (Пер. П. Панченко)	345
Не пришла. (Пер. К. Симонова)	—
<i>Ашуг Ралех</i> . Выходи. (Пер. Е. Долматовского)	347
Каков ответ? (Пер. Е. Долматовского)	348
Со свадьбы. (Пер. Е. Долматовского)	—
Зарниар и Валех. (Пер. П. Антокольского)	—
<i>Ашуг Алескер</i> . Алескер и Шаир-Вели. (Пер. К. Симонова)	350
Творец тебя создал. (Пер. К. Симонова)	351
Я выглянул... (Пер. К. Симонова)	352
Красавица... (Пер. К. Симонова)	—
Горы. (Пер. К. Симонова)	353
Гюландам. (Пер. К. Симонова)	—
Да знаешь ли ты... (Пер. К. Симонова)	354
<i>Ашуг Гусейн</i> . Наступил байрам... (Пер. В. Луговского)	355
<i>Ашуг Муса</i> . Саз. (Пер. П. Панченко)	356
<i>Ашуг Асад</i> . Возлюбленной. (Пер. Б. Лебедева)	358
<i>Ашуг Мирза</i> . Сталину. (П.-р. Б. Лебедева и Л. Кацнельсона)	361
Погребение арабского алфавита. (Пер. Е. Долматовского)	362
<i>Ашуг Али</i> . Ленин. (Пер. Л. Кацнельсона)	364

<i>Ашуг Мамед Муса</i> . Сталину. (Пер. Б. Лебедева и Л. Кацнельсона)	366
<i>Ашуг Мамед</i> . Салам товарищу Ленину! (Пер. Б. Лебедева и Л. Кацнельсона)	367
Сталин. (Пер. Б. Лебедева и Л. Кацнельсона)	368
<i>Ашуг Иман</i> . Ленин. (Пер. Б. Лебедева и Л. Кацнельсона)	369
<i>Ашуг Бехмен</i> . Да здравствует Сталин! (Пер. Б. Лебедева и Л. Кацнельсона)	370
<i>Шаир Вели</i> . Ленин. (Пер. Б. Лебедева и Л. Кацнельсона)	371
<i>Шаир Кязим</i> . Мощь Ленина. (Пер. Б. Лебедева и Л. Кацнельсона)	373
<i>Ашуг Наджаф</i> . Сталин. (Пер. Б. Лебедева и Л. Кацнельсона)	375
<i>Ашуг Годжа</i> . Сталин. (Пер. П. Панченко)	376

ОТДЕЛ V

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

Азербайджанская народная поэзия	379
Баяти. (Пер. К. Симонова)	380
Баяти (Таузского района). (Пер. Е. Долматовского)	382
Баяти (со слов ашуга Аббаса Шамхорского района). (Пер. Я. Кей-хауза)	387
Баяти. (Пер. К. Симонова)	391
Баяти советские (со слов ашуга Али Рагима Казахского района). (Пер. Б. Лебедева и Л. Кацнельсона)	392
Народные песни. Гора и равнина. (Пер. П. Антокольского)	396
Что станешь делать? (Пер. П. Панченко)	397
Колодец в Ереване. (Пер. К. Симонова)	399
Продали меня. (Пер. Е. Долматовского)	400
Ты красавица. (Пер. К. Симонова)	401
Уходящая красавица. (Пер. К. Симонова)	402
Еду из Ганджи. (Пер. Т. Сальманович)	403
Эй, смотри, смотри сюда! (Пер. К. Симонова)	404
Словник	405
Комментарии	411

ЧИТАТЕЛЬ.

*Сообщите Ваш отзыв об этой
книге, указав Ваш возраст,
профессию и адрес,*

*Государственному издатель-
ству «Художественная лите-
ратура», Массовый сектор*

*Москва, Центр, улица 25 Ок-
тября, д. 10/2.*

104

Редактор *С. Хатарова*
Художник *П. Масляненко*
Техн. редактор *С. Симонов*
Корректоры *Ю. Стружестрах* и
О. Кронгауз

Сдано в набор 9/V—38 г. Подпи-
сано к печати 7/V 39 г. Уполни-
тельный Главлита № А—16. Зак.
изд. 158. Инд. Х-60. Алл. Тираж
15 тыс. Формат бумаги 60×92¹/₂
30¹/₂ печ. листов. 28,57 авт. листов.
Отпечатано на бумаге Краснови-
шерского бумкомбината им. Мен-
жинского.

Цена в переплете 15 руб.

Набрано в 1-й тип. Трансжелдориздата
Москва, Б. Переяславская, д. 46.

Отпечатано в 11-й тип. и шк. ФЭУ,
МОМП. Москва, 2-я Рыбинская, 3.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
VI	2 сверху	П. Симонов	К. Симонов
XXVI	6 "	поэзия	поэзии
XLIII	12 "	из	из
6	3 "	лаве	главе
6	4 снизу	ворот	ворота
62	5 сверху	сефевид в,	сефевидов
229	5 снизу	сеяньи	сияньи
238	20 сверху	и трон свой,	Я и трон свой,
260	17 "	тя ких	тяжких
288	5 снизу	вышневые	вишневые

Антология Азербайджанской поэзии

